

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Дмитрий
МОРОЗОВ

Дмитрий МОРОЗОВ

ШТРАФБАТ МАГИЧЕСКОГО МИРА

Его считают покойником, забыв, что у смерти
многое можно научиться!

ШТРАФБАТ
МАГИЧЕСКОГО
МИРА

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Дмитрий МОРОЗОВ

ШТРАФБАТ
МАГИЧЕСКОГО
МИРА

Ленинград
издательский дом

2013

ББК 84.445
М 80

Серия основана в 2012 году
Выпуск 14

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Морозов Д.

М 80 Штрафбат магического мира. — СПб.: Издательский дом «Ленинград», 2013. — 400 с.

ISBN 978-5-516-00035-5

Жизнь в штрафбате коротка. Но если вся твоя жизнь это тоскливое существование, полное пустоты и мрака, то и постоянный риск — лишь приятное разнообразие. Ты постоянно на острие атаки, ты смотришь смерти в лицо... И пусть тебя давно списали со счёта — и у смерти можно многому научиться. Даже научиться любить!!!

ББК 84.445

ISBN 978-5-516-00035-5

© Морозов Д., 2013

© Издательский дом «Ленинград», 2013

Я видел смерть — она была прекрасна,
Как ночь темна и словно день чиста,
Она была красива и опасна,
Я видел смерть — я жизнь прожил не зря.
Смерть — это бездна, у которой есть имя,
Смерть — это лабиринт, у которого

множество выходов,
Но каждый выход ведёт в новый лабиринт.
Смерть — это улыбка бессмертных богов,
Однако и смертный может улыбнуться

в ответ...

Гладкие плиты внезапно дрогнули и поехали на встречу друг другу. Спешить им было некуда: каменный мешок, куда провалился неудачливый пришелец, имел ровные, аккуратные стенки, по которым невозможно выбраться наружу. Вдобавок они могли сдвигаться, что и делали чуть медленнее, чем нужно, дабы сполна насладиться предсмертным ужасом и агонией жертвы. Во всяком случае, так казалось молодому парню, попавшему в древнюю, давным-давно заброшенную за ненадобностью ловушку. Раз за разом он бросался на стены, выискивая малейшие, самые крошечные неровности, которые помогли бы ему дотянуться до края каменной ямы.

Жить! Любой ценой, пусть даже прислужником богатенького мага, копя и отдавая ему крохи своей маны, хотя худшей участи трудно себе представить. Но гладкая поверхность ловушки равнодушно взирала на его попытки. Тонкий клинок, его единственное оружие и инструмент, легко хрустнул и сломался — дешевое железо, плохая ковка, что ещё может себе позволить вчерашний крестьянин? Как он жалел, что не дано ему, подобно королевским архимагам, левитировать часами над землёй, нежась в лучах заходящего солнца,

не испытывая при этом никаких неудобств и практически не тратя магических резервов: они восполнялись быстрее, чем расходовались. Его же скучных силёнок хватало на то, чтобы легко вертеть ножом, ложкой, отмычкой или ценой невероятных усилий поднять кружку с элем, что не раз помогало ему получить выпивку на дармовщинку, но уж никак не его самого... Стены сдвигались. Сейчас между ними было уже меньше метра — казалось, налюбовавшись страхом и отчаянием своей случайной жертвы, они решили двинуться быстрее, чтобы насладиться десертом — кровью и плотью, хрустом сминаемых костей и последними хрипами в раздавленных лёгких.

— Если бы поставить хоть что-нибудь между плитами, появится шанс протянуть на несколько мгновений подольше.... Хотя бы кость.

Но то ли в ловушку никто не попадался, то ли рачительные хозяева всегда убирали останки жертв. Судя по тёмным пятнам на стенах, верно второе. Единственные кости, которые есть в этом каменном мешке — его собственные. Криво усмехнувшись, незадачливый вор встал, прижавшись лопатками к стене, и вытянул вперёд локти, стараясь следить, чтобы они были параллельны полу.

«Запоминай, Ладар: если усилие прилагается строго вертикально, то меньше шансов, что орудие сломается». Когда-то это говорил ему отец. Когда? О чём? Он отстранился, пытаясь припомнить, перебирая в голове оцепеневшие от страха воспоминания, и одновременно гнал все свои небольшие магические силы в руки, пытаясь их укрепить, готовясь к боли... И боль пришла. Вначале ощутимо дрогнули стены, стремясь друг к другу, каменная тяжесть впилась в плечи, сминая, дробя податливую плоть и наткнулась на стальное остриё кости. Древний механизм загудел, протестующе взвыл,

тяжесть навалилась, остатки магических сил, все, которые смог найти, вливались в собственные, истекающие кровью руки. И прежде чем тёмное покрывало небытия накрыло парня с головой, он успел подумать: «Интересно, какая она, смерть?»

Барон Д'Кнур скучал. Не предвиделось ни балов, ни турниров; столетняя война, повод мечтаний и страхов сопливых юнцов, тянулась ни шатко ни валко уже более семидесяти лет и развлечь никак не могла. Единственная дочь, несмотря на ухищрения столичных магов, красотой не блистала и вполне могла оставаться старой девой. Охота — любимая отдушина в череде будней — закончилась вчера. Д'Кнур с пониманием относился к заверениям собственного управляющего о том, что если крестьянам не давать время от времени возиться на полях, то они просто перемрут с голоду, а без загонщиков — какая охота? Но боже мой, как же скучно!

Изнывающий от безделья аристократ всерьёз подумывал о возможности вломиться к соседу, чтобы вызвать его на дуэль, однако, во-первых, виконт был один из немногих претендентов на руку его дочери, стремясь расширить свои владения за счёт приданого невесты, а во-вторых, тот предложил ему ещё одно развлеченье... Однако и оно тянулось так же долго и нудно, как и этот нескончаемый день. Вельможа совсем было собрался идти спать, знаком отослав прочь зевающего слугу с колодой засаленных карт, как вдруг...

Старый, знакомый скрежет, скрежет древнего механизма, который он напрочь отказался заложить, несмотря на уверения столичных магов в абсолютной нерушимости их собственных систем. Скрежет, означающий, что кто-то пытался пробраться к его архивам! Или... к нему самому, думая, что старый барон спит!

После разговора с виконтом приходилось учитьвать и такой вариант. Д'Кнур торопливо побежал к подвалам, хотя отлично понимал: если стены ловушки начали скрежетать, значит, они сошлись и ничего, кроме мешанины из костей и мяса, он не увидит. Зато ему не будет скучно!

Темнота... мягкая и, кажется, бархатная на ощупь. Хочется провести по ней рукой, но тело не чувствуется — только остатки сознания, внутреннее я, разложенное на бархатной пустоте. Небытие. Нет ни входа, ни выхода, лишь безмолвие бесконечности, отстранённость огромных пространств перед крохотной песчинкой. То, что эта песчинка — чей-то разум, ничего не меняет. И пустота может быть лабиринтом. Лабиринтом, для выхода из которого нужен проводник.

Ведро воды, выплеснутое на голову, вырвало неудачливого вора из забытья, подарив сознание. И огненную боль в горячих руках. Он застонал.

— Ну, парень, в тебе мешок сюрпризов! Мало того что умудрился уцелеть, так тебя ещё и пытать не надо! Как и руки рубить, если ты, конечно, метил в мою сокровищницу. Сам всё сделал. Так моим ребятам и королевскому правосудию работы не останется!

Барон, довольный, откинул голову и захохотал. Отделанный золотом бархатный халат плохо сочетался с голой, поросшей седеющими волосами грудью, а красные сапоги из дорогой кожи — с прелой соломой темницы. Одно было ясно — он чем-то доволен, и этим стоило воспользоваться. Усилием воли погасив наиболее мощные очаги боли, узник вытянулся, насколько позволяли оковы, и сосредоточился на предстоящем разговоре.

— Что со мной? Где я? — Мягкий, испуганный голос. Палач, верь мне! Я совсем безобидный.

Барон с упоением смеялся, утирая слёзы удовольствия.

— Там же, куда и стремился! В моём замке! До тех пор, пока я не выясню точно, куда ты шёл, полежишь тут. А то можно вернуть в давилку, её уже приводят в порядок. Ты как, не против? — И, заметив крупную непроизвольную дрожь у своего пленника, вельможа вновь захочотал. Впрочем, сейчас его веселье длилось недолго: внезапно взгляд стал колючим, глаза, как два стальных шила, впились в лицо узника.

— Кто? Как зовут? Куда лез? Отвечай правдиво и останешься жив. Сегодня ты меня развлёк, я доволен, однако не испытывай удачу: моего расположения легко лишиться!

— Я ни в чём не виноват! То есть виноват, конечно, но, господин барон, я не хотел ничего плохого! Я... — Пауза. Никто не спешит сознаваться в собственных грехах, стоит замешкаться и засмущаться.

— Говори! Или боль в сломанных плечах покажется прайм! Мои мастера топора знают тысячи более серьёзных пыток!

— Я... Я лез не к вам. Я хотел увидеть вашу дочь! Я люблю её!

Барон откинулся и опять заухал, с упоением хлопая себя по бокам.

— Ну насмешил... ладно, отыхай. Завтра продолжим. Если правда — не обижу, даже вылечу, слово даю! А я уж думал, моя коза ни на что не пригодна.

Стальная дверь гулко хлопнула, заскрежетали, закрываясь, замки.

Боль, злорадно подхихикивая, вернулась, наполняя собой то месиво, в которое превратились локти и плечи. Попытка пошевелить пальцами рук едва вновь не ввергла в беспамятство, и оставалось лишь терпеть, не

пытаясь уснуть и забыться — злая насмешница, наполняющая его тело огнём, не позволила ему даже этого. Спрятаться можно было лишь в память.

* * *

Война, которую вельможи сразу нескольких королевств окрестили «столетней», длилась действительно очень долго. Настолько долго, что в хуторах, наполовину обезлюдевших, уже никто и не помнил её начала. Крестьяне рождались, жили и умирали, слушая сообщения о битвах и потерях, об отважных генералах и вероломных противниках. Впрочем, жизнь во время войны — впроголодь, когда забирают для снабжения армии припасы и всех мужчин, способных держать оружие в руках — такая жизнь была очень короткой. Хутора были тихими и печальными, словно ни во что хорошее никто уже не верил.

Когда в одной из таких деревень появился чужак, это не вызвало ни волнения, ни интереса. Даже красные пятна на его лице — признак возможной заразы, — не вывели людей из апатии. Все равнодушно запирали перед ним дверь, не попытавшись ни прогнать, ни помочь. Человек, с трудом переставляя ноги, шёл от одного дома к другому, стучал тихонько: на серьёзный, требовательный стук давно не осталось сил — и, постояв, шёл дальше.

Почему ему открыл Ладар, сирота, одиноко живущий на отшибе? То ли потому, что отец его сгинул на войне господ, или потому, что, похоронив мать и младшую сестрёнку, он перестал бояться смерти и, возможно, ждал её с нетерпением? Но это решение изменило всю его жизнь.

Бродяга не был заразен. Он вообще не был болен, хотя и медленно умирал. В нём неспешно развивалось

отложенное заклинание — особо изощренный способ казни, которым маги любили заряжать свои ловушки. Обычно, попав под действие «медленной смерти», человек умирал около недели — мучительно и страшно, съедаемый изнутри. Путник протянул полгода. Он был магом, хотя и слабым, и до последнего момента мог блокировать действие чар — блокировать, но не остановить. А ещё он был вором. Ладар на эти полгода стал его нянькой, сиделкой, кормильцем, а заодно и учеником.

— Тебе крупно повезло! — не раз говорил ему случайный учитель, назвавшийся Дирилом Риксом, приходя в себя после очередного приступа. — Повезло дважды: во-первых, что у крестьянского парня вообще обнаружился магический дар, а во-вторых, что он недостаточно велик, чтобы привлечь внимание чародеев-поисковиков. Иначе тебе, с твоим происхождением, век сидеть на посылках у какого-нибудь заштатного чиновника, и это в лучшем случае! Могут сделать и рабом маны! А так у тебя есть шанс стать вполне самостоятельной фигурой. Хочешь быть рисковым и богатым, малыш?

Ладар не хотел воровать. Но влечь жалкое существование в медленно умирающей деревне он тоже не хотел. Потерявший смысл жизни, юный крестьянин был свободен — и одинок. Предложенный путь был таким же.

Половицы чуть слышно скрипнули, и парень замер. В домах богатеев никогда не знаешь, чем обернётся даже малейшая оплошность — иногда вот такой невинный скрип половицы лунной ночью способен вызвать стражу-демона, или тёмную нечисть, или ещё что-нибудь магически опасное, о чём на промысле лучше не поминать. Несколько долгих ударов сердца он стоял, весь обратившись в слух, приглушив остальные

чувства, кроме самого важного — того, которое должно позволять ему обчищать дома финансовых магнатов, несмотря на их обращения к магии.

Закрыв глаза, мысленно потянувшись, вызывая внутреннее облако энергии. Сформировать из него щуп или создать лёгкий туман — это всё, что он пока мог. Но щуп был незаменим при активном поиске, а туман способен обнаруживать чужую магию. Внимательно изучив его завитки, шагнул вперёд — и чужое заклинание больно щёлкнуло его по носу.

— И это мой ученик! Ты не в состоянии украсть горбушку со стола у умирающего! Попасться на самый примитивный сигнальный капкан! — Дирил был, как всегда, недоволен. Да, энергия этой ловушки была спрятана в стороне, тут была только сигнальная нить. Но твоих способностей должно было хватить, чтобы её заметить!

— Я устал! Перед этим я уже заметил и обезвредил три твоих головоломки! Это мой рекорд!

— Устал он... Не нужно было обезвреживать, вот и не устал бы! Всё равно реальную ловушку, поставленную полным сил магом, тебе не одолеть! Обойти нужно было, и все дела! В настоящем деле вместо щелчка по лбу ты получил бы феербол, или ледяную стрелу, или ещё какую-нибудь пакость вроде той, что сидит во мне! Никогда не расслабляйся!

— Дирил... Можно задать тебе вопрос?

Ещё в первый день знакомства, когда робеющий паренёк, увидев дорогую одежду незнакомца, попытался обратиться к нему как к господину, тот пресёк это в самых энергичных выражениях, требуя, чтобы к нему обращались как к равному. С тех пор Ладар так и делал, хотя при обсуждении важных вопросов немного и смущался.

— С каких пор для этого тебе нужно моё разрешение? Каждый раз, как я прихожу в сознание, я только и слышу, что твои вопросы.

— Может быть... Но сейчас я хочу спросить — почему ты не боишься смерти? Да вроде как и посмеиваешься — над ней и над собой?

— Посмеиваюсь? Нет, скорее подшучиваю. Смерть слишком прекрасна, чтобы над ней смеяться.

— Прекрасна? Ты ведь умираешь!

— Да. И ты — тоже. И наш король. И верховный архимаг. Даже боги, говорят, не в силах избежать свидания с вечной странницей. Ну а раз все идут к ней, разве может она быть уродиной? Сам подумай!

— Жрецы говорят — смерть страшна!

— Потому что боятся. Им жаль лишаться сладкой жизни, вот и выдумывают всякие ужасы. Смерть — она тоже женщина, этим всё сказано! Если ты поторопишься и придёшь раньше времени, когда она будет ещё не готова — возможно, и скорчит гримасу. Однако если начнёшь избегать свидания — решит, что хочешь её обмануть... и вот тогда станет действительно фурией! На свидание нужно приходить вовремя и с цветами! И тогда, возможно, она и помедлит — женщины любят кокетничать.

Ладар поневоле улыбнулся.

— Ты говоришь о смерти, как об обычной девчонке.

Дирил рывком приподнялся на кровати и отвесил ученику пощёчину.

— Она никакая не обычная, и никогда не говори так. К смерти с уважением и опаской относятся даже боги, не тебе ей дерзить! Я частенько вижу во снах одну очаровательную смуглую смуглюнку с раскосыми глазами — возможно, это она? Если так, то я буду ждать нашего свидания с нетерпением!

Ладар, потирая щёку, с опаской отодвинулся по дальше. Иногда, в запале или просто от усталости,

старый вор переставал следить за собой и говорил, как настоящий лорд. Если к этому добавить множество знаний о жизни богатых и знатных людей, манеры и тонкости игры словами — он явно был не так-то прост.

— Ну а где же ты возьмёшь цветы, когда придёт время?

Дирил невесело улыбнулся.

— А как по-твоему? Их нужно вырастить в собственной душе. Возможно, я потому до сих пор и жив — в той клоаке, которую некоторые зовут душой, могут расти только ядовитые сорняки. Возможность сделать что-то хорошее — мой шанс, а ты — подходящий материал... Вернее, можешь им стать, если начнёшь на конец учиться! Давай-ка, раз уж мы увлеклись беседой, сделаем это на разных наречиях. Энрио ко ми?

Ладар застонал. Одним из излюбленных занятий старика было обучение его языкам. Откуда он их знал, да ещё в таком количестве, проведя жизнь в стране, где все говорили на одном, оставалось загадкой. Это было двойное, если не тройное упражнение — изучая магически состояние, настроение, по возможности мысли собеседника нужно было понять, что он говорит — и что ещё только хочет сказать. И перевести чужие слова на родную речь. Парень и не замечал, что так он не только обучается гораздо быстрее, но и начинает понемногу разбираться в людях.

— Ты ещё очень молод и неизбежно будешь делать ошибки. Чтобы не умереть от первой же из них, страхуйся! Если работаешь с магией — ставь защиту, если с людьми — готовь легенду. Если забираешься в здание — найди оптимальный вход и минимум три выхода. Причём выбирай наиболее удобные и приемлемые именно для тебя, и плевать, пролегают они через спальню великосветской леди или сточную яму! И помни: люди несовершены, у каждого свои слабости. Их нуж-

но знать и уметь использовать. Например, какая слабина есть у меня?

Ладар задумался.

— То, что ты умираешь?

Старый вор невесело расхохотался.

— Не путай слабости и недостатки. Человек, который смирился со смертью и готов к её приходу — самый опасный противник. Он действует иначе, живёт иначе, ему плевать на людские законы, на власть и на деньги. Ему нет дела до чужого мнения и чужой жизни. В бою он безжалостен, в разговоре — беспощаден. Такого не сдерживают никакие запреты, никакие правила и условности.

— Тогда получается, у тебя нет слабых мест!

— Опять неверно. Слабые места есть везде. Кстати, в твоей крыше тоже. После обеда заберись и добавь соломы, а то протекает.

Наставник скорчился, прижав руки к животу — заклинание вновь принялось за своё. Ладар сочувственно посмотрел, кивнул и полез на крышу. Слабым местом старика был он сам — желание научить, передать опыт жило в нём, и наставник боялся показать боль, чтобы не испугать ученика страшными последствиями собственных ошибок. Он не знал только, что сирота, склонивший всю семью, тонкими, неокрепшими руками копающий под проливным дождём могилы для своей матери и младшей сестрёнки, широко распахнувший двери прокажённому старику, давно уже не боялся смерти. И она пришла.

— Вставай! — Крепкая рука сбросила задремавшего парня с кровати. Торопливо ползая по полу в поисках страх, разбитых полусапог, оставшихся ещё от отца, он не сразу понял, что на одежде остался отпечаток кровавой ладони.

— Что случилось?

— Время! Оно вышло. Остались считанные минуты. Не думал я, что его так мало. Помоги!

Старый вор торопливо освобождал центр комнаты, небрежно раскидывая мебель по сторонам. Осознание близкого конца не подточило его, а наоборот, придало сил. Кровь из руки, по которой он небрежно полоснул ножом, лилась аккуратно и ровно... создавая рисунок странного, большого глаза с двумя зрачками. Поставив Ладара в один из них, Рикс встал в другой и из него уже закончил рисунок — так, чтобы люди оказались друг напротив друга.

— Стой, не двигайся, если не хочешь стать моим попутчиком! Мне всё равно умирать, но и из собственной смерти можно извлечь пользу, если не бояться шага за порог. — В руке у вора оказался потёртый кожаный ремешок, на котором болталась невзрачная ракушка. Безделушка, однако за полгода, проведённые под одной крышей, Ладар ни разу не видел её у учителя. А силы того стремительно убывали. Он творил волошбу — последнюю, используя всё, что у него оставалось: кровь, жизнь — и смерть. Странные силы стягивались в маленьком домике. Кровь, уже остывшая на досках пола, внезапно вскипела, проедая в дереве дыры, вор на глазах старел, становясь белым как лунь, но упрямо продолжал держать в руках ракушку, производя одному ему известный ритуал. Внезапно вены его лопнули, влага жизни хлынула ручьём, однако на пол не упало ни капли, всё растворялось в воздухе. Теперь затрясло Ладара — на коже выступил пот, испаряясь и вновь выступая, словно его медленно поджаривали в перекаленной бане, из-под ногтей, носа и рта тоже потекла кровь, однако и она растворялась в воздухе, не опускаясь на землю. Было больно и страшно. Однако каким-то внутренним чутьём он чувствовал: если сейчас сорваться, порвать странный ритуал — погибнут не только они,

но и вся деревня... А возможно, и несколько соседних. Между тем учитель продолжал меняться.

Ещё несколько мгновений, и перед потрясённым парнем стоял скелет, обтянутый высохшей кожей. Не способный даже двигаться, он тем не менее проговорил:

— Готово. Кровью и плотью, смертью и жизнью я соединил несоединимое. Возьми. Придёт время, и ты узнаешь силу этой безделушки. — Кости рук вытянулись вперёд, разжались, и к ногам парня упала ракушка на чёрном шнурке. Однако теперь в ней поблескивала крохотная белая капля, похожая на жемчужину.

Кости рассыпались в прах, сгрудившись бесформенной кучей на том месте, где ещё несколько минут назад стоял учитель. Но его голос продолжал звучать:

— Я ухожу. Последнее, что я могу сделать для тебя. — Капля крови, возникнув из воздуха, мазанула парня по носу — смешной, дружеский привет с того света. — Ты больше не ученик. Отныне твой титул — сипал, посвящённый тропы теней. Прощай.

Голос замолк, кровь рисунка вспыхнула дымным пламенем, взвиваясь вверх, а парня скрутил приступ внезапной боли. Старая хижина уже вовсю горела, а он не мог подняться. И лишь когда языки пламени начали облизывать лицо, сжигая волосы, Ладар заставил себя встать. Шаг. Одежда вспыхивает, но новая боль не умаляет предыдущей. Ещё шаг. Кости сделаны словно из раскалённых штырей, засунутых прямо под кожу. Шаг. В глазах мутится от жара — наверное, глазные яблочки просто сварились в этом аду. Шаг. За спиной с грохотом складывается в глубь себя его бывшее жильё, а Ладар недоверчиво ощупывает руки, ноги, волосы, не пострадавшие в пожаре. Справился. Сумел. Теперь он не просто крестьянин — он сипал, сделавший шаг по теневой дороге.

Позже, в городе, он спросит у пожилого библиотекаря, не знает ли тот, что означает слово «сипал». Стариk вздрогнет и, сделав знак отрицания тёмных сил, ответит: «Неофит, приобщённый к начальным тайнам одной очень нехорошей стороны магии. Надеюсь, вы будете держаться от подобных личностей подальше», — после чего торопливо отойдёт в сторону. Ладар удивлённо покачает головой — никаких тайн он так и не узнал, да и внешне остался прежним, почему же учитель присвоил ему это звание? Может, просто по ошибке?

Замки лязгнули, впуская людей, свет факелов и немного свежего воздуха. Узник перестал баюкать ноющие плечи и посмотрел на своих стражей — время воспоминаний кончилось.

Впереди шёл барон, одетый в простые, но крепкие кожаные одежды — то ли собрался потом обезжать деревни, то ли на охоту. Следом за ним... Едва глянув на просторное, расписанное золотом одеяние, Ладар торопливо распустил все свои лечебные заклинания, которые только-только начали заживлять раздавленные мышцы плеч. Трудно уловить крохи магических сил, рассеянных вокруг человека, но легко — узлы силовых полей, действующих на определённые точки. Впрочем, чародей был молод и полон важности — едва глянув на него, незадачливый грабитель с трудом сдержал вздох облегчения: тот явно старался выглядеть покруче, прилагая все свои силы к этому действу, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями.

«Недавний выпускник одной из столичных магических школ. Привык шкодничать и пускать пыль в глаза, опыта практически никакого. Да, талант и магические силы налицо, но сойдись мы сейчас в поединке, ещё неизвестно, кто оказался бы победителем. Слишком много показухи и мало реальных действий. Вой-

дя, не просканировал помещение и до сих пор даже не посмотрел на грабителя, вскрывшего магические замки. Ну ещё бы, высокомерие мешает — установлены они были давно, явно не тобой, и ты просто решил, что установлены плохо? Как всё удачно складывается».

Скорчив самую несчастную физиономию и тихонько поскуливая в знак того, что всё жутко болит, Ладар внутренне отрешился и принялся составлять одно несложное заклинание. Практически внушение, самая толика магических сил плюс психология, и человека легко подтолкнуть к решению, наиболее соответствующему его представлениям и взглядам. «Презираешь людей? Презирай и дальше! Я — ничтожество, ни на что не способный крестьянин, так и скажи барону».

Фактически столичный выпускник магической школы проиграл свой первый реальный поединок, даже не заметив этого. А пока — он работал на публику. Долго ходил по камере, производя пассы руками, морщась от запаха прелой соломы, водил ими же над лежащим пленником. Наконец вынес вердикт:

— Говорят, дуракам везёт. Этому точно повезло. Магические оковы вашего кабинета просто устарели, поэтому он и жив. Вам нужно было обратиться ко мне, установили бы новейшую, безотказную систему против взлома.

— Но маг, который мне всё устанавливал, уверял, что его заклинания самозаряжаются и взломать их невозможно!

— Всё ветшает со временем. Вам следовало бы проверять их... Хотя бы раз в год. Тогда не случилось бы подобного казуса. А сейчас извините — дела! — И, торопливо прижав к губам надушенный платок, маг устремился к выходу.

Барон задумчиво проводил его взглядом и, кивнув подручным, также направился к дверям. Несколько

дюжих стражников споро освободили узника от цепей и поволокли следом — впрочем, довольно аккуратно, стараясь не потревожить раздавленные плечи.

Во дворе стоял армейский обоз — увидев его, Ладарахнул и мысленно застонал: похоже, сегодня фортуна повернулась к нему не лицом, а совершенно иным местом.

— Значит, так. — Барон снисходительно смотрел на пленника. — Не знаю, что ты там задумал с моей дочуркой, и знать не хочу. Тебе повезло, что ничего не натворили и она всё ещё девственница, а то бы так легко не отдался. Хотел дать тебе плетей и отпустить, но, пожалуй, если у тебя хватило дурости залезть сюда один раз, залезешь и второй. Поэтому — ступай, послужи родине. Тебе это на пользу пойдёт, дурь вышибут, и мне меньше своих крестьян отдавать. И так народу не осталось, поля пахать некому. Да, слово я своё держу, за лечение твоё я заплатил, тебя подлатают. Прощай и учти: вернёшься — запорю!

Барон торопливо взгромоздился на приведённого к нему коня и ускакал куда-то из усадьбы. Впрочем, это уже совершенно не интересовало парня — он с тоской глядел на магические кандалы, в которых все новобранцы дожидались присяги. Побег в них был совершенно невозможен.

— Шевелись, нюрдорское мясо! Давай двигай ручками-ножками, и у тебя появится шанс прожить на день больше! Хотя вряд ли! — Дружный гогот солдат-ветеранов, уже не годных для боёв, но вполне подходящих для обучения на скорую руку крестьян основам военного дела, спугнул стайку птиц и заставил молодых парней, мокрых от пота, дружно остановиться и с облегчением перевести дух. Сержанты уселись в тенёчке, а значит, сейчас хотя бы не придётся бегать или

ходить, высоко задирая ноги, изображая поступь парадных частей. Психологическая прокачка — самое спокойное и безобидное из тех ненужных и бессмысленных занятий, которыми их нагрузили по прибытии в лагерь. Ладар недоумевал: как можно надеяться выиграть в войне, если учить новобранцев каким-то совершенно ненужным в военном деле вещам, а не тому, что реально может пригодиться. Те редкие занятия, вроде азов рукопашного боя или приёмов маскировки на местности, сержанты явно проводили самостоятельно, просто ради развлечения, без всякого плана. Основной же упор в учебном лагере был на физические нагрузки и строевую подготовку, необходимую для элитных офицерских частей, но совершенно бесполезную на поле боя. Учитывая краткосрочность учебных курсов и плохое питание новобранцев, сколь-нибудь существенно изменить физическое состояние призывников было невозможно. Вчерашие крестьяне, которых согнали в лагерь буквально из полей, не видели в обучении ничего странного, но ученик Дирила отчётливо сознавал, что к выпуску новобранцы будут представлять собой совершенно небоеспособную толпу крайне измученных молодых людей, способных ходить, задирая ноги и выкрикивая патриотичные лозунги — и ни на что больше.

— Рядовой Ладар Рикс! Вы что же, не слушаете изречений вашего короля? — Татуировка на плече ощутимо потеплела, он торопливо вскочил, вытягиваясь в струнку и делая самое простодушное лицо.

— Так точно, господин сержант! То есть — никак нет! Да здравствует король!

Дружный смех, зазвучавший при его первых словах, тут же стих. Смеяться, когда славят его величество? Самоубийц в солдаты не брали, во всяком случае, в обычные части.

Сержант Хагир, вместе со всеми улыбнувшись и теперь раздражённо растиравший своё предплечье, только буркнул:

— Внимательней нужно быть! Садитесь и слушайте!

Ладар сел, скрывая улыбку, и неожиданно вспомнил первый день службы. Присягу у него принимал тот же самый старший сержант Хагир.

— Следующий оболтус! Так, имя, место жительства.

Сержант стоял на возвышении, прямо перед ним, на кафедре, лежали символы королевской власти, а также множество магических артефактов, среди которых наверняка был один, отличающий правду от лжи, поэтому лгать Ладар не собирался. Ну нисколечко. Он собирался говорить свою правду — исправленную и укороченную версию той, что хотели услышать его начальники.

— Рядовой Ладар Рикс, господин сержант! Из деревни Луговая.

Стоящий рядом с кафедрой маг удивлённо покосился на разложенные на ней приборы.

— А ведь не врёт... откуда у тебя второе имя, деревенщина?

— В память о человеке, который меня учил жизни!

Дружный гогот разрядил обстановку. Тут под этими словами понимали побои и унижения, но это ведь была не вина Ладара, верно?

— А что за деревня Луговая? Дурацкое название!

— Не могу знать, господин сержант! У нас её так называют! — Преданность в глазах, грудь колесом... — А то, что почти каждую деревню называют либо Лесной, либо Луговой, сержант либо не знал, либо забыл. Конечно, ничего страшного бы не случилось, узнай он настоящее название деревни, но Ладар не собирался задерживаться в солдатах слишком долго и заранее заметал следы.

— Шустрый какой... Почему барон Д'Кнур отправил тебя в солдаты?

Это был вопрос, которого незадачливый грабитель ждал и боялся. Сорвать нельзя. А скажи он правду — виселица, если повезёт — каторга. Королевское правосудие воров не жаловало.

— Пытался украсть его самое главное сокровище! Был пойман рядом со спальней его дочери! — Очередной взрыв смеха взвился над плацем, и Ладар с облегчением понял — пронесло. Он перевёл дух — и встретился с понимающим взглядом старшего сержанта.

— Хорошо. Любовь — это не преступление, но учи — в армии свои законы, и караются они на месте и сразу же! Первый и основной — быть преданным его величеству до самой смерти, выполнять его волю, передаваемую через командиров! Клянёшься ли ты в этом?

— Клянусь... — Дикая боль впилась в предплечье. Казалось, огромный паук уселся на коже и вовсю пытается забраться внутрь. Новобранец дёрнулся, но сержанты, предусмотрительно ставшие с двух сторон, схватили за руки, не давая помешать процессу установления магической эмблемы, исключающей саму идею измены или дезертирства.

— Имей в виду, юнец. Наложенная на тебя и всех остальных новобранцев печать очень проста, но специально разработана советом архимагов таким образом, что снять её, не убив носителя, невозможно. Если тебе повезёт и ты поднимешься в звании, клятва усложнится. А пока для мяса достаточно и этого. Так что о всех своих мыслях — забудь! Ты теперь в армии, понял?

Ладар обречённо кивнул...

На вторую неделю бессмысленной муштры он не выдержал. Когда один из сержантов, злорадно ухмыляясь, велел взводу «сесть на корточки и прыгать от

плаца до ближайшей сопки», вор-новобранец категорически отказался, ядовито поинтересовавшись, каким это образом вывих ног поможет молодым солдатам в бою и знает ли король о тех вещах, которые творятся от его имени.

— Невыполнение приказа! Это прямое нарушение присяги!

Жуткая боль скрутила парня. Ему показалось, что в плечо воткнули раскалённый стержень и старательно проворачивают, стараясь пропихнуть поглубже. Закусив губу, он терпел действие магической эмблемы до тех пор, пока не смог подойти к остоянневшему от удивления сержанту и врезать ему так, что тот слетел с катушек. Лишь после этого позволил боли утащить себя в омут беспамятства...

— По-моему, это уже было. — Сырые стены, решётки и прелая солома на полу. Жаль, у инструктора нет хорошенькой дочки, на которую можно списать все грехи. Мысль была забавной, и он засмеялся — хрипло, с натугой, кашляя от рези в лёгких. Тут же заскрипели засовы, мелькнула голова часового и послышался крик:

— Господин сержант, новобранец очнулся!

Старший сержант Хагир сегодня был собран и сдержан. Внимательно осмотрев плечо юноши, он несколько раз недоумённо хмыкнул и обронил:

— По идее, сейчас оно должно почернеть и начать гнить. А у тебя — чисто. Странно.

— Так, чем удивляться, проще добить, чтобы не мучился.

Хагир посмотрел на него вначале удивлённо, потом оценивающе.

— Что, и правда так думаешь? Жить не хочется?

— Да разве это жизнь?

— Интересно. Наверное, потому и клятва, собранная из служения и смерти, подействовала слабее обычного. Не знаю, обрадую или разочарую, однако жить тебе придётся, во всяком случае, пока. Я остановил действие вшитой в твоё тело эмблемы королевских войск, но учти: тот, кто играет со смертью, рано или поздно обязательно встретится с ней лицом к лицу. Причём, скорее всего, рано.

— И как вы смогли блокировать действие заклинания? Вы — маг?

Сержант рассмеялся.

— Ишь, подобрался весь... Не хочется служить, верно? Никому поначалу не хочется. Нет, я не маг, просто заставил Лукрица, который обвинил тебя в измене, сообщить о ложном обвинении. И теперь мне придется отправить тебя в другой отряд, иначе он найдёт способ отомстить. Многому, конечно, там тебя не научат, хотя бы азы — и то для начала неплохо. Ты ведь сам кричал о необходимости обучения военному делу? Ну и не жалуйся теперь. Или жалуйся, но про себя, потому что второй раз поблажек не будет.

Пойдёшь завтра в пятый взвод, ты прикомандирован в отделение маготехники. Там гоняют гораздо круче, зато почти всегда по делу. Я сам там преподаю. А пока отдыхай. И, кстати, когда включаешь дурака, прищуривайся: тебя выдаёт злая ирония в глазах, внимательный наблюдатель сможет тебя раскусить.

— Полк бросателей огня, где вы будете служить, является одной из элитных частей королевских войск, хотя и не принадлежит гвардии. Да, мы не гарцуем на парадах и не мчимся в атаку под развёрнутым знаменем королевского льва, но от нас напрямую зависит победа. От нас — и вот этого изобретения мага Корвиса,

не раз спасавшего войска нашего королевства от пре-
восходящих сил противника.

Хагир, шагнув в сторону, махнул рукой в сторону старой и почерневшей от копоти металлической трубы, держащейся на стальных штырях, вкопанных прямо в землю.

— Это — ваше новое оружие, предмет неустанных забот и тревог. Но прежде чем показать его в действии, вначале объясню суть. Большинству из вас известно, что защитные чары потребляют гораздо меньше магической энергии, чем атакующие. Те, кто не знает, пусть запоминают — это так. Поэтому маги, как правило, держат щиты и прочие штучки, не пытаясь нападать — слишком легко увлечься, быстро выдохнуться, и собственная армия окажется без магической поддержки. Так было с начала времён — на поле боя всегда всё решала честная сталь. Ну почти всегда. Иногда, при значительном перевесе, маги могли и рискнуть, но только когда исход боя был определён. Тридцать же лет назад Корвис, бывший тогда обычным алхимиком в одном из наших княжеств, изобрёл устройство, способное в десятки раз увеличивать мощь заклинаний огня, создавая гигантский выброс пламени. Он предполагал использовать это в кузнях, однако, как мы видим, его изобретение усовершенствовали, добавив кристаллы маны, позволяющие заряжать метатели задолго до боя, и превратили мощный, но короткий сноп пламени в огненные пульсары, летящие далеко и точно. Конечно, для запуска магического снаряда всё равно нужен маг, однако тут достаточно и студентов-первокурсников магических факультетов, или дворянских сынов, имеющих хоть какие-то зачатки магии и не желающих умирать на передовой... Любой подойдёт. Главное — правильно установить и навести. И тогда залпы огня, летящие во вражеские ряды, равны по

силе сотне магов уровня мастера, а это, согласитесь, здорово меняет картину боя.

— И именно этим вы и займётесь! В ваших руках оружие победы! Да здравствует король!

Вялый хор голосов был ответом на длинную речь сержанта — многие во время её успели закемарить. Хагир нахмурился, и новобранцы заорали громче, потирая предплечья.

— Я сделаю из вас солдат! Разбиться на тройки, взять каждый по метателью и очистить его до блеска! Чтобы я мог бриться, глядя на своё отражение в металле! Последние закончившие идут в наряд на всю следующую неделю!

В тройку к Ладару попал простоватый крестьянин, с крепкими, привычными к труду руками и тонкий, гибкий юнец с замашками мелкого городского воришки. Едва им вручили закопченный инструмент и выделили стол, на котором лежала ветошь и несколько емкостей с песком, он тут же выступил:

— Ну что, земели? Служить, значит, будем? Да, всучили нам тяжеленную дуру. — Непочтительно пнув обугленный кусок трубы, хмыкнул и продолжил: — Нужно распределить обязанности. Эй, деревня, как зовут?

— Иан. — Крестьянин нагнулся, с усилием приподнял метатель, пошатнулся... Ладар подскочил, ухватил за другой конец. Вдвоём, пыхтя и отдуваясь, они подтащили своё оружие к столу, взгромоздили на него и принялись угрюмо тереть песком.

— Ну вот и славно! Иан... и Ладар, кажется? Видел, как ты обошёлся с тем сержантом, а по виду и не скажешь! Ну коль вы такие крепкие, вам и самая простая работа — таскать, устанавливать, а наводить уж я буду. Это часть самая ответственная, если пальцы дрожать начнут, фиг наведешь, и тогда всем мало не покажется!

А мои руки — ловчей не найдёте, можете поверить Лису. Меня в городских трущобах все знают! — Он демонстративно показал дешевенький амулетик, при виде которого крестьянин ахнул и схватился за шею. — Ну как ловкость?

— Неплохо. — Ладар протёр руки, подошел к краю трубы и глянул в сложную систему стёкол наведения. — А ты уже знаешь, как наводить?

— Разберусь! — Лис буквально излучал уверенность. — Дай глянуть. — Он отстранил парня, направившегося обратно на своё место, и прильнул к зеркалам. А Ладар, пожав плечами, отдал крестьянину его амулет и положил на стол перед собой небольшой, туто набитый мешочек.

— Значит, самый ловкий, говоришь? Ловчее не бывает?

Воришко ойкнул и схватился вначале за пояс, потом за нож.

— Это моё! Отдай!

— Правда? Не много ли тебе нужно отдать? И мечтёчко потеплее, и кошелёк с деньгами... Столько всего просишь — расплачиваться чем будешь?

Лис взвизгнул и кинулся к столу, но тут крестьянин небрежно бросил свою ладонь, широкую, как лопата, на кошелёк, и воришко сразу остановился, принявшийся канючить:

— Тут все мои сбережения, ну что вам стоит, ну отдайте...

Иан насмешливо прищурился, однако Ладар успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Нам воевать вместе. Так что никто не будет брать чужого. А вот проставиться с полученных назад денег не помешает.

— Угу. И песочком поработать всем вместе тоже. — Голос у крестьянина был басовитый и внушительный. —

А то, как мне показалось, ты тут не один такой ловкий. Будешь отлынивать, не получится из тебя наводчика...

— Прислуга метателя должна уметь не только ухаживать за своим магическим артефактом, но и его защищать в случае нужды. Поскольку для дальних дистанций у вас есть огонь, то соответственно программу обучения вам урезали до минимума, оставив лишь короткое оружие, требующее ловкости, ловкости и ещё раз ловкости.

Сержант-инструктор насмешливо посмотрел на переминающегося крестьянина, явно не подходящего для подобных боёв, и добавил:

— Ну некоторым из вас подберём что-нибудь индивидуально. Дубину или топор... А всем остальным мастер клинов поможет в выборе коротких мечей или длинных ножей, с которыми легко ходить, легко двигаться и легко умирать. Ещё вы получите кожаную одежду, с небольшими защитными чарами. По идеи, они должны превратить кожу в нечто более прочное, но я бы сильно на это не рассчитывал: всё это зачаровалось ещё до начала войны, так что надейтесь больше на ловкость. А сейчас берите по учебному спинонгрызу, поглядим, как вы двигаетесь.

Деревянное лезвие мелькало перед глазами, больно тыкаясь под рёбра. Пот заливал глаза, ужасно хотелось всё бросить и в первую очередь — неудобную, полную заноз деревяшку, имитирующую боевой клинок. Злорадно ухмыляющаяся физиономия Лиса мелькала перед глазами, его опыт улиц пригодился сейчас как нельзя лучше. Дирил не мог научить своего ученика приёмам боя на сколь-нибудь серьёзном уровне, о чём временами вслух жалел, сетя на свои болячки, и не раз говорил: «Двигайся, мальчик,

двигайся. Любой, даже самый крохотный волосок между тобой и лезвием твоего противника может спасти тебе жизнь. Будь там, где не ждут, и всегда иди в противоположную от ножа сторону. Ударят влево — сдвинься вправо, ударят вниз — прыгай вверх, но не очень высоко. Все движения в ножевом бою должны быть короткими, иначе они слишком предсказуемы. И, ради бога, не пытайся ставить блоки! Блок ножом — это искусство, которым овладевают на втором-третьем году обучения, и то при условии прилежности ученика». Лис ставил блоки превосходно. Кусок деревяшки, которым пытался размахивать Ладар, чистенько с сухим треском отлетал в сторону, столкнувшись с оружием противника.

— Хватит! Всё ясно. Лис, большего тебе в лагере не дадут, возьми себе клинок подлиннее, поосваивай новую технику. Рикс — к новичкам. Нужно начинать с азов. Иан, бери дубину, поглядим, сможешь ли ты с ней управиться.

Бывший крестьянин освоил это нехитрое оружие превосходно. Древко, окованное железом, басовито гудело, разрезая воздух обстоятельно и сильно. Сразу было видно, что попавший под такой удар долго не встанет, если встанет вообще: хитрые стальные накладки могли превращаться в выдвижные лезвия — пусть короткие, но бритвенно острые, способные легко резать и кожу, и плоть.

В результате Иан остался с Лисом — осваивать дополнительные виды вооружения, а Ладар уныло поплелся в дальний конец учебной части, где тренировались новички.

Мастер-инструктор, сухощавый, подвижный как ртуть ветеран, с полностью седой головой и явным отсутствием шрамов, несмотря на обилие боевых наград, говорил, как и двигался, сухо и отрывисто — и смысл

его слов был подобен движению клинка — разил мгновенно и наповал.

— Чему можно научить за три недели? Ничему! Я не буду и пытаться. В реальном бою всех вас изрубит в фарш один опытный мечник и даже не вспотеет при этом. Три недели! С тем же успехом вас можно было бросить в бой прямо сейчас, разницы никакой. Я бы и не подумал связываться с вами, не зная, что прислуга метателя редко оказывается в реальном бою. Новобранцы! Я не могу научить вас многому, но если вы будете внимательны и вдумчивы на моих уроках, у вас появится возможность продолжать осваивать технику коротких клинков самостоятельно — всё время, каждый день, начиная с сегодняшнего и до того, когда вы встретитесь с врагом лицом к лицу. А в том, что этот день настанет, можете не сомневаться. Почему, как вы думаете, вы здесь? Потому что предыдущую обслугу метателей вырезали ползуны королевства Ронхар. Хорошо ещё, те успели продержаться достаточно для подхода гвардии. Их это, конечно, не спасло, но метатели уцелели. А они — тот козырь, который помогает нашему королевству вести войну на два фронта уже очень много лет. И враги это прекрасно понимают, так что — за дело!

Под присмотром вездесущего сержанта на каждую кисть новобранца прикрепили подобие стального браслета со множеством цепочек и отполированных брусков — таким образом, чтобы между пальцами всегда находился круглый кусок металла.

— Вы должны иметь сильные, ловкие руки, способные работать с железом. И мощные кисти, которые могут помочь пальцам. Эти браслетики, созданные по моему проекту специально для таких неумёх, как вы, помогут и тому, и другому. Их не получится снять до конца обучения.

Поглядев на испуганные лица новобранцев, наставник ножевого боя ухмыльнулся и добавил:

— Не переживайте, к этому вспомогательному упражнению вы привыкнете гораздо скорее, чем ко всем остальным. А сейчас — начинаем занятие. Вот эти прекрасные стальные заготовки помогут вам ощутить вес и упругость ножа и не дадут пораниться. Взяли в руки — по одному в каждую. Да не так! Упор на три пальца, пропускаем рукоять между средним и безымянным. И теперь начинаем прокручивать стержень в кисти, заставляя его то ложиться вдоль предплечья, то выскакивать меж ладоней...

— А как это может помочь в реальном бою, сержант? К тому же — эти ваши железные прутья втрое тяжелее любого из известных мне ножей!

Все тут же постарались втянуть головы в плечи: выкрикнувший это явно не понимал ещё характера здешних инструкторов, отвечающих за обучение. Впрочем, на этот раз обошлось без взрыва.

— Ну если ты научишься толком крутить свой прутик, то нож у тебя будет вообще порхать как пёрышко. Как ему, собственно, и положено. А что касается смены хватов и положений... Против вас будут драться не учебные манекены, а люди. Наверняка в лучших доспехах, хорошо вооруженные и более опытные. Первый ваш удар они просчитают наверняка и успеют закрыться, отбить, заставляя перейти в оборону, где у ножа практически нет шансов. Поэтому, изменяя положение клинка, ломая его траекторию от ожидаемой до неожиданной, вы можете на первом же взмахе нанести совершенно не тот удар, к которому был готов противник, и закончить бой.

Сержант провёл несколько связок ударов — медленно и аккуратно. Показывая, как неуловимо меняется изначально стандартная траектория движения —

при колющим ударе, при режущем, при прямом хвате, при обратном. И каждый раз манекен в латах, стоящий на краю площадки, получал новый удар — в иное слабое место доспехов.

— А вы думали, скорость ножа — это невероятная реакция? Уверяю вас, вы ничем не отличаетесь от всех остальных людей и не можете двигаться в два-три раза скорее, чем они. Чуть быстрее за счёт того, что на вас нет тяжёлого доспеха — да. Ещё немного за счёт хорошей пластики и постоянных тренировок — в меру сил я это вам обеспечу. А всё остальное — только грамотно направленный удар. Причём один: если вы не заканчиваете бой сразу же, его заканчивает ваш противник. А теперь взяли в руки ваши ножи и начали взмах с поворотом лезвия от себя наружу, с сокращением дистанции вдвое, показываю...

— Для obsługi метателя нужно три человека во все не потому, что так легче его таскать. В конце концов, с этим вполне справляются лошади. Для каждого орудия выделяется тягловая скотина. Трое — это оптимальное число бойцов, способных максимально быстро развернуться на позиции и начать стрельбу. В каждой тройке есть три типа людей, назовём их сильный, ловкий и аккуратный. Для чего нужен сильный?

— Снять метатель с лошади?

— Снять, направить по оптимальной траектории в сторону противника и держать, пока не будет закреплен основной кожух. Для чего нужен ловкий?

— Чтобы наводить! Я в нашей тройке самый быстрый! — Лис, довольный от представившейся возможности вставить словцо, так и сиял от собственной важности.

— Нет, малый! Твои ловкие пальцы понадобятся, чтобы быстро и точно закрепить метатель и легко менять его направление малыми фиксаторами, следуя

указаниям аккуратного. Вот он и наводит. От его точности зависит, насколько успешен будет ваш выстрел. — Сержант ухмыльнулся, глядя на поникшего воришка, а Ладар поднял руку.

— Но ведь стреляет маг! Почему не наводит он?

Инструктор помрачнел, оглядывая ряды солдат.

— Значит, так. Я не должен был этого говорить, просто процитировать свод правил стрельбы, где ясно сказано: «Маг должен быть в постоянной боевой готовности к отражению нападения неприятеля, отвлекаясь от своей основной задачи лишь в исключительных случаях». Однако я служу давно и вижу то, что бросается в глаза. Настоящие маги к метателям и близко не подходят. Думаю, несложно было бы доработать их так, чтобы любой солдат мог ими пользоваться. Ведь теоретически в каждом человеке есть крохи магии. Но тогда куда девать всех этих вельможных сыновков, богатых недоучек, не желающих служить на передовой? Так что наводите вы, а производят выстрел придающийся на время боя залповый маг. И если кто-то захочет передать мои слова начальству, окажется в штрафбате быстрее, чем успеет вспомнить свою мамочку. Ясно?

— Штрафбат? — Эти слова вырвались у Иана неизвестно. Остальные лишь испуганно втянули голову в плечи, желая, чтобы неприятная тема побыстрее кончилась.

— Что, деревня, не в курсе? Думаете, что магическая печать, поставленная вам на плечо, просто убивает совершивших служебный проступок? Это был бы неоправданный расход людских ресурсов, к тому же слишком простой выход для провинившихся! Конечно, она убивает, но не сразу и лишь тех, кто попытается скрыть свой проступок или сбежать. А вот для всех остальных есть отсроченная мера пресечения. Полковой маг ставит вам временную защиту от уничтожаю-

щего действия печати, и вас отправляют в особое подразделение, где у вас есть шанс прожить подольше... Ненамного. За всю историю известны лишь три случая того, чтобы воин Чёрного отряда полностью искупил вину и вернулся к мирной жизни! Вдумайтесь: за всю историю нашего государства — всего три! Так что не стоит слишком сильно искушать удачу и нервировать начальство. Всё ясно? А теперь разбиваемся на тройки, берём каждый свой метатель и приступаем к тренировкам...

Вечером, когда все без сил упали на койки, вымоченные сумасшедшим днём, Ладар встал, с трудом натянул штаны распухшими, непослушными пальцами — стальные стержни здорово мешали, но он как-то приспособился, удерживал их, не давая скользить, и этим сберёг руки. У половины новичков ладони были стёрты до крови, и их живо определили в пехоту...

— Куда собрался? — Дневальный из ветеранов, вместо стражи у входа вольготно расположившийся на мягком мешке, предусмотрительно набитом сухой травой, оказался бдительным — или просто не успевшим уснуть.

— До кустиков. Не привык к этим армейским сортирам. Мне на природе удобнее!

— Эх, деревня! Что с тебя взять, сплошная антисанитария! Значит, так, и не вздумай отметиться у нашей казармы! Вон, видишь, на краю палатка? Завтра туда должны маги приехать, для ознакомления. Вот пусть и познакомятся с армейскими традициями! Давай вали, но не вздумай отойти дальше, а то королевская эмблема проснется.

Учебный лагерь был небольшим. Палатка начальства в центре, плац, склад для хранения метателей, палатка охраны, несколько палаток новобранцев —

вот, собственно, и всё. Небольшую палатку для магов, притулившуюся на самом краю огороженного участка, в зарослях дикого терновника, легко можно было и не заметить — её раскраска, зелёная с полосками чёрного, отлично маскировала место пребывания важных персон. Ладар, вспомнив былое, неслышной тенью скользил по лагерю, радуясь слухаю: не узнай он о том, что тут будут жить чародеи, никогда бы не рискнул делать то, что собирался сейчас: использовать крохи своих магических сил. И пусть опытный маг лишь рассмеялся бы, узнай о его возможностях, но Ладар твёрдо знал: чтобы сломать столетний дуб или стальной замок, во-все не обязательно быть исполином, достаточно взять пилу или отмычку.

Тёрн был колючим. Острые иглы норовили зацепить, прибрать к рукам хотя бы частичку дерзкого, рискувшего подобраться к охраняемому ими жилищу. Это было обычной манерой выпускников магических школ — они всегда выбирали простые решения, однако их простота была не ленью, а умением решать сложные проблемы наименее затратными способами. Капля крови или пота, оставленная на зачарованном кустарнике, могла указать на злоумышленника, если он был поблизости, или просто предупредить о неожиданном визите. Одна из игл на соседней ветке ощущимо дёрнулась, норовя проколоть кожу, но Ладар Рикс, взявший второе имя в память о передавшем ему часть своих умений Дириле, лишь усмехнулся. Скользящий кокон — очень лёгкое и простое заклинание, достаточно несколько капель энергии — и твой пот, выступив сквозь поры, тонкой плёнкой покроет тело, создавая защиту против подобных нападений. Да и не столь слабых — всё-таки защитная магия, особенно построенная на изменении собственного тела, самая малозатратная. Конечно, удар меча или стрелу, пущенную в упор, она

не выдержит, но сейчас это позволило скользить меж колючими стражами, не беспокоясь о их присутствии.

Возле палатки Ладар остановился. Входить туда без предварительной подготовки и разведки он не сбирался, наверняка там прятался более грозный охранник. А вот позволить себе изучить королевскую эмблему, пульсирующую у него на плече, сипал мог только тут — выбросы магии в ином месте неминуемо выдали бы его намерения. Здесь же природная структура мира была не раз искажена и изменена, да и случись тут вполне ощутимый взрыв, охрана и ухом не поведёт — соваться к жилищу чародеев себе дороже.

Магическое клеймо на плече чуть заметно пульсировало. Словно жило своей жизнью, равнодушная к жалким потугам человека казаться самостоятельным. Ведь достаточно немного сжать щупальца... Ладар вспомнил недавнюю боль и вздрогнул. Может, не стоит? Но жажда свободы победила. Осторожно улёгшись прямо на тёплую листву возле палатки, Рикс — грабитель чародеев принялся вспоминать уроки учителя. Отрешиться от мира, перестать чувствовать своё тело. Это привычно, уже давно пройдено. Дыхание — медленное, тело расслаблено, оно уже практически спит. Вдох... еле заметный, тягучий, небольшая струйка воздуха — чтобы не разбудить впавший в оцепенение разум. Теперь небольшой ментальный толчок, и он уже парит над собственным телом, разглядывая мир вокруг.

Спокойное течение обычных энергий — ровное и упорядоченное, создающее вселенскую гармонию, особую радугу сил природы, здесь было нарушено самым причудливым образом.

— Сил много, старания мало, а знаний вообще кот наплакал! И это маги! — Рикс изучал окружающую местность, вспоминания наставления Дирила о идеальном приложении сил. «Да... в бою на таких полагаться

не стоит. Эффекту много, толку — чуть, хорошо, если по своим не попадут. Ладно, о них потом, глянем на себя...»

Через час Рикс, весь мокрый от пота, вернулся в казарму, задержавшись в умывальнике, чтобы смыть остатки заклинания и собственных усилий. Мрачно плюхнувшись в койку, он принялся анализировать то, что увидел. По всему выходило — клеймо нельзя снять. Никак.

Сполох разноцветных лент, сидящий на плече, не был обособленным — он растянулся по всем основным артериям человеческого организма, повторяя линии разума, жизни, крови... Практически это был над-организм, ставший неотъемлемой частью его собственной плоти. Наверняка для элитного состава, у которого были функции частичного управления странным пришельцем, это давало массу преимуществ, но возможности избавиться от такой штуки не было и у маршалов. Слишком всё завязано на узлах жизни... «С тем же успехом можно попробовать прожить без сердца!» Теоретически, остановив токи жизни и создав искусственную смерть на несколько секунд, можно было разрушить над-организм, однако вот эта линия показывает, что магический пришелец будет пить все соки из умирающего тела, стараясь продлить собственное существование, насколько это возможно.

Скомкав мысленную картинку, парень в отчаянии уставился в тёмный потолок. Что же, всё зря? Смерть родителей, безнадёжность, обучение отчаянному ремеслу, чтобы сложить голову на непонятной войне, которую богачи ведут уже невесть сколько лет ради только их устраивающих целей?

— Рядовой Рикс! Хватить метаться, пойдём, покурим. — Сержант Хагир стоял рядом, сочувственно глядя на юношу.

Ночь уже полностью вступила в свои права. Звёзды мерцали в ночном небе, как блестящие светлые огоньки. Один, что поближе, горел золотистым светом и пах дешевым табаком. Ладар в раздражении поморщился и тихонько отодвинулся.

— Знаешь, кто не любит запах табака? Ночные добытчики. Дешевые ароматы въедаются намертво и легко могут вызвать тревогу: их и собаки чуют, и магия. Да ты расслабься, мне всё равно, кем ты был на гражданке. Прими то, что всё изменилось. Как бы ты ни старался, просто вернуться к прежней жизни у тебя не получится. Ты стал другим и, пока этого не примешь, дальше не пойдёшь.

— Дальше? Куда, сержант? На поле боя, под мечи противника? Ради чего?

— Понимаю... Ты ничего хорошего не видел от властей, и помереть за них — для тебя верх глупости. Родные, родственники есть?

— Нет. Я сирота.

— Значит, и защищать тебе некого. Нет корней, нет прошлого, нет будущего. Есть только возможность пожить побогаче, неважно какой ценой. Ты хочешь жить только сегодняшним днём?

— А всё остальное у меня отняли. Прошлое исковеркано, будущее — туманно. В этих бесконечных воинах может погибнуть не только королевство — весь мир!

— Может. А может быть, война — это лучшее, что можно сделать для этого мира?

Ладар аж привстал.

— Как это? Война — и хорошее?

— Давай представим ситуацию. Кругом мир, все живут столько, сколько смогут, плодят детей, женятся, разводятся, торгуют и процветают. Можешь себе такое представить?

— Хотелось бы. Это была бы сказка!

— Замечательно! А ты хотел бы быть главой большой семьи, иметь много детей... быть королём? В мирное время?

— Почему нет? Это же здорово!

— Кто бы тебя ни учил, много ты не знаешь. Отец нынешнего короля, Родерик Четвертый, умер на поле боя. Его отец — тоже. И дед. Зато царская семья живёт дружно. Никто никого не режет, не душит... Пожалуй, интриги плетутся и сейчас, но это совсем не то, что происходило раньше. Когда нет войны и правитель не должен вести войска в бой, к власти рвутся самые подлые, самые сволочные представители правящих династий. Пожалуй, у них одних достаёт низости проложить себе дорогу к трону — по трупам сородичей и ближайших родственников. И теперь представь, какие в результате подобного отбора получаются дети! В лучшем случае инфантильные полуидиоты, способные только быть куклой, пока кто-то управляет страной за их спиной. А в худшем... тебе лучше не знать. В мирное время власть — лакомый кусочек, за который кровь льется рекой!

— Да мне плевать на них! Ты посмотри, как живут простые люди!

— Согласен, плохо. Но дай им пару веков сытости и здоровья... Они расплодятся так, что нечем будет кормить своих же детей!

— Ну и что! Можно распахать новые поля...

— Можно. Одно-два... Что дальше? Я скажу что. Ты родился в селе, наверняка знаешь, что будет, если посыпать поле пеплом дурман-травы?

— Будет двойной урожай, но пшеница будет порченой, от неё люди болеть будут. Кто пойдёт на такое?

— Тот, у кого будут голодать дети. Он будет утешать себя тем, что *его* дети хлеб из такой пшеницы есть не будут, и будет выращивать его для продажи, растя для себя нормальный. Но когда *его* сын возмужает и возь-

мёт в жёны девушку из соседнего городка, то, глядя на слабых, больных внуков, крестьянин пожалеет о том, что сделал, однако будет поздно. И обречена будет не одна семья — все люди!

— Обречена на что?

— В лучшем случае — на деградацию, потерю нормального облика. Появятся новые болезни, которые будут косить ослабленных людей, они будут усиливаться и усиливаться, пока очередная волна не уничтожит всех...

— И что, других вариантов нет?

— Есть. Но они требуют вдумчивого, совместного подхода к собственной жизни одновременно у всех людей и народов. Ты можешь себе такое представить? Я — нет! А пока это невозможно — лучше воевать. Дешевле обходится.

— Это пока очередной маг не придумает гигантский метатель, который не уничтожит всё живое!

— Знаешь, даже это лучше медленной деградации. Смерть должна быть прекрасной и неожиданной, как первая влюблённость. А не мучительным, обрекающим человечество на страдания процессом.

— Откуда такие мысли у простого сержанта? — Саркастический тон вышел плохо, но Хагир только вздохнул.

— Все мы в прошлой жизни — там, до армии, были кем-то ещё. Это всё неважно. Важно — суметь понять, что здесь и сейчас ты нужен если не для себя, то для продолжения всего человечества, прости за высокопарность. А там, глядишь, и свой собственный, потаённый смысл найдётся.

— Это в смысле захотеть генералом стать?

Сержант засмеялся:

— А почему не королём? Всё в твоих руках! Дерзайте, юноша! С поля боя открывается много дорог.

Ладар саркастически хмыкнул.

— Только почему-то большинство из них ведёт к смерти!

Растревоженный непонятным разговором, он, недовольный, вернулся в казарму, однако уснул почему-то легко и спокойно...

— Нож должен появляться неожиданно. Учитесь носить его всегда при себе, но так, чтобы никто не видел вашего лезвия. Вам выдадут несколько клинков с ременной сбруей — спинных, поясных, для голеней и предплечий. Носите их постоянно, привыкая к тяжести оружия, выбирайте такое положение, при котором вы можете выхватить свои клинки наиболее эффективно. Ставьте это на рефлекс — в бою у вас может не быть секунды на раздумье, до какого ножа вашей ладони ближе. И учитесь их метать — сразу же, одним движением посылая все точно в цель.

Сержант, стоящий в старенькой, заштопанной лёгкой форме без всяких намёков на оружие, внезапно на мгновение стал вихрем, совершив какое-то плавное и быстрое движение — и пять тяжёлых ножей глубоко вошли в тренировочный маникен.

— Ножи боевые, не метательные. Это значит, что на коротких дистанциях их убойная сила выше, но вдали вам их кидать практически бесполезно. Разбираем ножи, деревня, и тренируемся. Первый, чьи клинки войдут в колоду на два пальца за десять секунд, будет освобождён от нарядов на неделю... за счёт того, у кого это вообще не получится.

Торопливый стук металла о дерево был ему ответом.

Вечером, когда Ладар уже собирался идти спать, к нему подошёл Радуз. В руке он держал два муляжа ножей, обычно используемых для занятий.

— Я сгупил, не нужно было показывать своё умение. Но уж больно боялся попасть в пехоту — там долго не живут. Я не знаю приёмов сержанта, со стороны трудно разобрать, что и как он делает. Сможешь повторить? Взамен обещаю научить паре самых убойных приёмов из моего арсенала!

— Идёт. Но только не паре приёмчиков! Я хочу знать их все! — Рукоять ножа скользнула в руку, привычно наткнувшись на стальные прутья тренажёра. — Показывай, что умеешь!

В кристалл всевидения, отполированный и вставленный в корпус метателя, отдалённая местность казалась близкой, но какой-то размытой; приходилось делать усилие, чтобы удержать в поле зрения крошечную метку — указатель и направить на неё громоздкий метатель, орудуя неудобными рычажками наведения. Сержант, словно издеваясь, давал всё более сложные задания: расчёт Ладара уже использовал в качестве мишени осколок кокарды с формы противника. Те же расчёты, кто не мог навести своё оружие хотя бы на кирасу, давно были расформированы и пополнили собой ряды пехоты.

— Внимание! Сегодня у вас боевые стрельбы! Один из наших полковых магов любезно согласился выделить время и дать вам почувствовать силу тех железок, с которыми вы так небрежно обращаетесь!

Пожилой маг, одетый в обычный кожаный костюм, прочный и удобный как в повседневной жизни, так и на войне, без всяких знаков различия, указывающих на его должность, вышел вперёд, небрежно кивнув строю замерших новобранцев.

— Разбились на тройки, приготовили метатели. Примерная цель — вон те предгорья. Конкретно буду

указывать каждому расчёту отдельно. Время с момента указания цели до выстрела — не более минуты. Для условий боя — шикарно! Затем отходим на два шага от метателя, взгляд в сторону гор — изучаем результат своих усилий. Если цель не будет поражена — здесь вам делать нечего. Всё ясно? Впрочем, ответ не важен, начинаем с первой тройки, остальным отойти на сто шагов назад. Бегом!

Расчёт Ладара стрелял третьим. Когда они, запыхавшись, прибежали на площадку, где маг, скучая, сшибал легкими завихрениями воздуха верхушки травы, тот, ухмыльнувшись, указал на отстоящую от них шагов на пятьсот скалу.

— Один из лучших расчётов? Ну поглядим. Дальность предельная. Цель — скала в форме кольца, попасть нужно именно в кольцо, не задев камень. Приступайте, время пошло.

Иан, беззвучно ругаясь одними губами, одним гигантским усилием приподнял тяжёлый метатель, расположив его в нужном направлении, а Ладар с Радузом торопливо принялись устанавливать основные опоры, проверяя местоположение. Когда Рикс торопливо выдохнул: «Всё!», его напарники обессиленно откинулись на землю, пытаясь расправить сведённые судорогой руки. Но он этого не видел. Прильнув к кристаллу, Ладар пытался разогнать туманную дымку, застилавшую взор. Всё плыло, предметы двоились, и требовалась предельная сосредоточенность, чтобы увидеть что-то в нагромождении голубоватых теней. Горы... кругляш скалы... чёрная щель каменных кружев. Готово.

Он торопливо отскочил, разглядев презрительную улыбку мага.

— Быстро... Щас проверим... — Заглянув в кристалл, тот недоумённо потер глаза, вполголоса ругнув списанную технику, и поднёс руки к корпусу метателя.

— Смотреть в сторону мишени!

Ладар торопливо закрыл глаза. Этому трюку его научил Дирил. «Неважно, куда ты смотришь, магию ты обязан чувствовать. Не полагайся на зрение, мальчик, в нашем деле оно подводит чаще, чем помогает. Ты должен чувствовать ловушки. В идеале — в момент, когда они активны. Это наиболее просто. Например, когда маг их устанавливает на ночь. Сосредоточься, закрой глаза, и тебе не будут помехой ни темнота, ни стены».

Метатель был, как всегда, окружён тремя слоями защиты. Причём довольно плотной, полностью блокирующей воздействие, и не только магической. Их можно было брать в руки, бросать на камни, можно было даже бить по ним кувалдой, но нельзя было узнать их секрета. Каждый слой был сплетён из жуткой мешанины чар, сплавленных в единое целое, соединённых с двумя другими слоями и самим метателем. И можно не сомневаться: любая попытка постороннего доступа наверняка приводит к огненному взрыву. Однако при этом его мог активировать даже неуч с задатками чародейского таланта! Ладар полностью отрешился от внешнего мира, изучая схемы технической магии.

В руке мага вспыхнул огонёк магической искры. Защитные слои вздыбились, ощетинившись сложными завихрениями энергий, готовясь к отражению чужой атаки. Но твёрдая ладонь небрежно прошла сквозь первый слой, только блеснул на запястье невзрачный камушек.

— Хм, талисман-активатор! Ну стащить такой возможно. Если, конечно, он не настроен на определённого владельца...

— Ты что там бормочешь?

— Волнуюсь просто. Помолчи, Иан, не до тебя!

Пальцы мага наткнулись на второе защитное поле. Провели по нему, словно выискивая неровности,

и выбили чечётку, постукивая по едва заметным энергетическим узлам. И нырнули глубже.

— Похоже, знак собаки... Нет, с первого раза не разобраться...

Третий слой был самым сложным. Толстый, с перекрученным рисунком чар, он представлял непреодолимую преграду даже для профессионального взломщика. Ладонь мага же легко прошла сквозь него, лёгкая искра разряда попала в приёмник метателя. Ладар торопливо открыл глаза, желая воочию увидеть результат.

Огромный, ярко-оранжевый сгусток огня стремительно уменьшался в размерах, удаляясь от расчёта. Он взмыл в небо, зависнув яркой звёздочкой крохотного солнца — и ринулся к земле. Ладар торопливо кинулся к кристаллу наведения.

В голубом тумане было ясно видно, как уже уменьшившийся в размерах, но всё ещё грозный сгусток «солнца» влетел прямо в каменный круг скал и оттуда выплеснулось море огня, заставляя землю вокруг гореть, плавиться под действием нестерпимого жара, уничтожая всё живое.

— Хорошо. Особенно если учесть, что в старый, потрескавшийся кристалл практически ничего не видно, его давно уже пора менять. У вашего новобранца великолепно развиты инстинкты. Сержант, увеличьте нагрузку для этой троицы, у них действительно есть шанс попасть в ряды метателей...

Экзамен был коротким. Как обычно это бывает, всё уже было известно заранее — сержанты подготовили списки наиболее слаженных и чётких обслуг, и начальство хотело просто взглянуть на них лично. Несколько упражнений, лёгких и тщательно отрежиссированных — сержанты сами заранее наводили каждый метатель, желая произвести наиболее благоприятное

впечатление на начальство. Офицеры, прибывшие для проверки, благодушно улыбались и попивали дорогое вино на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на полигон в целом, но не было видно деталей, могущих испортить отрепетированное действие. Лишь один из них — пожилой, грузный ветеран с нашивками старшего офицера подозвал Хагира и о чём-то шептался с ним, задумчиво поглядывая на списки. Результат был закономерным — именно он получил лучшие расчёты... В которые, неожиданно для Ладара, попала и его троица.

* * *

Большая война тянулась ни шатко ни валко вот уже больше семидесяти лет. Ещё при жизни короля Истрана, только и мечтающего о собственных удовольствиях, коварные соседи — королевство Ронхар, чьи владения удалось столь славно пощипать в предыдущих войнах, коварством и хитростью узнало схему магических укреплений южных провинций. Стремительной подлой атакой успело оно захватить три из них прежде, чем опомнившиеся королевские войска остановили захватчика. Одну, после долгих боёв, удалось вернуть, но оставшиеся две — жемчужины в короне любого правителя, богатые и процветающие Шарто и Клосто — два лучших района, богатых золотом, железом, чьи леса были полны дичью и нивы давали по два урожая в год, их подлые захватчики успели так хорошо укрепить, что уже более трёх десятков лет вернуть их в законное владение не получалось. Поговаривали, что третью провинцию подлые ронхарцы и не пытались удержать — просто использовали её как плацдарм боевых действий, в котором завязли королевские войска, пока захватчики укрепляли новые границы. Создав

сложную сеть обороны, ронхарцы просто отступили за реку Уг, отрезающую етоль важные районы. Это знали все. Маги знали ещё кое-что: на горных склонах небольшого хребта в провинции Клосто рос мох «Льех», из которого можно было приготовить особый экстракт, значительно продляющий жизнь любому, активно занимающемуся магическими практиками. Поскольку на остальных он не действовал, маги старались держать всё в секрете, но за века пользования тайна всё одно выплыла. Тайной оставался секрет приготовления экстракта — тайной важной и передаваемой от поколения к поколению, строго в старинных магических родах. И каждая семья имела собственные, магически сохраняемые запасы этого экстракта в самых надёжных подземельях собственных цитаделей. Вот только за тридцать лет эти запасы уже подошли к концу...

Марго это просто бесило. Она, потомок древнейшего рода, ведущего начало от Ирия Всемогущего, сможет прожить всего лишь каких-то шестьдесят-семьдесят лет. Потом её красота увянет, она превратится в беззубую старуху, вынужденную постоянно носить морок, чтобы не пугать своим видом окружающих, в то время как в родовом замке жила её тётка Прозина и её возраст был более трёхсот лет! И при этом она выглядела молодой и цветущей. Правда, в связи с нехваткой элексира она больше ходила под вуалью, используя свои силы, чтобы хоть как-то поддержать стремительно стареющее тело. Насколько знала Марго, по всему королевству уже прокатилась волна смертей магов старшего поколения. В принципе её это устраивало: сил эликсир не добавлял, а опыт, которым так любили хвастаться все её старшие родственники, она могла заиметь и свой. К тому же испуганные резким сокращением количества дееспособных магов, влиятельные семейства начали срочно «пополнять ряды». О том, чтобы погу-

лять лет до пятидесяти, как бывало раньше, теперь не могло быть и речи. Её с самого детства хотели выдать замуж, подыскали ей подходящую партию. Пришлось срочно сбежать в магический университет, что откладывало свадьбу на достаточно долгий срок. Вот только там учились одни придурки, не желающие понимать, клад какой силы и ума соизволил учиться в этих стенах. После очередного скандала её с треском выперли, и только армейский контракт сроком на три года спас её от немедленного замужества. Отец был страшно зол, он нажал на все рычаги, требуя вернуть беглянку под родной кров, однако магическая эмблема королевства, сияющая на её плече, хоть и временно, но надёжно оградила её от посягательств родни. Впрочем, отец не отказался от строптивой дочурки, снабдив её кучей дополнительных амулетов, с использованием которых её жизнь и на войне была достаточно легка и приятна. Один из них — индивидуальный портал, переносящий мага по его желанию в любое точно указанное место в радиусе дня пути, даже спас ей жизнь, когда коварные ронхарцы предприняли ночную вылазку.

Пока тупые крестьяне бестолково размахивали своими зубочистками, маги, наскоро собравшись, дали дружный, но бесполезный залп феерболами по врагу. Те, защищённые амулетами, этого даже не почувствовали — лишь несколько крестьян из обслуги воспламенились и принялись бегать, крича что-то надрывными голосами. Убедившись в бесперспективности дальнейшего сопротивления, маги спокойно и аккуратно покинули лагерь, переместившись в центральное расположение войск и вызвав подмогу. Драгуны успели вовремя — только порядком потрёпанные обслугой ронхарцы закончили грузить метатели на телеги, чтобы увезти их к себе и попытаться понять устройство, как конная лава влетела в разорёnnый лагерь, уничтожая

на своём пути всё живое... Так что благодаря хладнокровию магов всех потерь только разорванное шёлковое покрывало её палатки да необходимость подобрать себе новую обслугу для метателя. Кстати, сегодня как раз должны привести ещё партию. Может, среди нынешних не будет таких страшных рож. Их что, специально по уродству подбирают? Марго зевнула, потянувшись как кошка, оправила на себе сшитый на заказ костюм, отдалённо напоминающий форму, и не спеша направилась в сторону казарм, откуда уже слышался гул голосов...

— Попали вы, мужики. Точно вам говорю. Из магов, кто поприличней, уже все свои метатели укомплектовали и разъехались по частям. Остался графский сынок, у которого магических силёнок кот наплакал, рожа поперёк себя шире, только на артефактах и держится, зато без кнута никуда не ходит. А начальство требует, чтобы мы за ним ещё и следили, а то он выпить любит. Попробуй скажи что-нибудь такому! Весь в рубцах будешь... Второй — тихоня, худенький и бледный. Пальцем никого не трогает, но уж лучше бы с кнутом ходил. Любит делать пакости исподтишка и потом посмеивается. Юмор у него такой. Фрол вон неделю под себя, как дитя малое, ходил, пока кто-то из магов вонь не почувствовал и заклинание не снял. Но хуже всего — вон та стерва рыжая. Мы для неё — ничто, пыль под ногами, хуже скота. Самая талантливая из всех и потому самая опасная...

Местный ветеран, просвещавший новое пополнение тонкостями общения с магами, говорил ещё что-то, но Ладар уже не слушал. С холма, на котором развевались флаги двух десятков родов магов и стояли роскошные, вычурные палатки не спеша сходило... рыжее чудо. Тонкая, стройная в талии, с немногим нескладной, маль-

чишеской фигурой, с развевающейся причёской, в которой чередовались красные как розы пряди с огненно-рыжими волнами. Это было прекрасное видение, непохожее ни на одну из виденных им ранее женщин.

— Перестань плятиться, деревня! Заметит — мало не покажется. С ней даже начальство не спорит, у неё дядя — один из маршалов! В землю смотри, в землю и молись, чтобы пронесло!

Парень рассеянно кивнул, но на подходящую фигурку смотреть не перестал.

— Рядовой Рикс, ко мне! — Ладар с трудом отвернулся от подходящего чуда и торопливо помчался к сержанту. Хагир, как оказалось, был из этой части — откомандированный на полгода для сбора и подготовки пополнения, он лично занимался с каждым из новобранцев. Именно его ученики и смогли сдержать атаку элитных войск Ронхара на время, достаточное для подхода подкреплений. Сдержали, но полегли практически все.

— Ты чтотворишь? Баронской дочки тебе было мало, захотелось магичку пощупать? Марш ко мне в палатку, и не возвращайся, пока не найдёшь моих мятательных ножей!

— А разве у вас есть второй комплект?

— Марш, я кому сказал! Или обвиню в невыполнении приказа!

Ладару ничего не оставалось, как уныло последовать в командирскую палатку. Там он прильнул к щели в ткани и принял любование красавицей, шествующей уже среди солдат. Она была первой виденной им женщиной, украшающей себя с помощью магии. Это было нечто.

Ладар застыл, изумляясь искусно наложенной красотой, и даже не обращал внимания на поведение высокомерной красавицы. А та вела себя в лагере, как

в загоне рабов: беззастенчиво изучала, заставляла на- прячь мышцы... разве что в рот не заглядывала.

— Сержант Хагир! Если это всё, что вы смогли найти в семнадцати провинциях нашего королевства, то, боюсь, война нами проиграна, потому что воевать уже некому! Неужели не нашлось более впечатляющих образчиков из всего крестьянского стада?

— Со всем уважением, фриледи, но красавцев отбирают в гвардию. В остальных родах войск на красоту не смотрят. Вам следовало проситься туда.

Рыжеволосая закусила губу. А по рядам солдат проносится смешок: в гвардию брали только магов, закончивших полный курс обучения.

— Метатели также считаются элитными войсками, вам следовало это учесть при подборе новобранцев. Я вами недовольна, имейте это в виду. В следующий раз привезите что-нибудь, более соответствующее нашему роду войск.

Она повернулась, собираясь уходить, и тут её взгляд упал на колышущуюся ткань командирской палатки:

— А там у вас кто?

— Там... Крестьянин. Послал его за ножами, а он всё копается; наверное, найти никак не может.

— Ну так поторопите его! Мне тут что, вечно стоять?! — Магичка демонстративно зажала нос, всем своим видом показывая, что находится среди такого огромного количества солдат для неё сущая пытка.

Хагир вздохнул.

— Рядовой Рикс! Отставить поиски, ко мне!

Ладар торопливо выбрался из палатки. Он не слышал предыдущего разговора, но страстно мечтал увидеть прекрасную незнакомку поближе.

— Рядовой Рикс по вашему приказанию прибыл!

Марго, презрительно разглядывающая обтрёпанную форму и всклокоченные волосы подбежавшего

крестьянина, подняла глаза на лицо и поневоле улыбнулась. Глаза парня горели ярким, неподдельным восхищением.

— Пожалуй, этого в расчёт я возьму. По крайней мере, он относится к магам с должным почтением. Рядовой, где остальная обслуга?

— Рядовой Иан!

— Рядовой Лис!

Новый взгляд, полный снисходительности и чуть прикрытого равнодушия.

— Ладно. В конце концов, мы на войне и должны стойко переносить все тяготы и лишения, ей сопутствующие. Берите свои вещи, если у вас есть, и следуйте за мной.

Ладар одним духом заскочил в палатку, подхватив тощий мешок с выданным ему казенным набором самых необходимых вещей, и торопливо припустил за рыжим чудом...

— Блин, Рикс, ну как так можно! Все люди как люди, один ты ничего видеть не желаешь! Нашёл, в кого влюблаться! — Лис исходил праведным гневом при молчаливой поддержке укоризненно сопящего Иана.

Ладар густо покраснел.

— Да не влюблался я! Правда! Просто девушка красивая. Я только лишь полюбовался.

— Тем более глупо! Любовью можно всё объяснить, она сама по себе уважительная причина. А без неё — так нелепо попасть... Над нами вся батарея смеется!

— Ладар... А когда ты понял, что не влюблён? — Иан задумчиво смотрел на смущившегося парня.

— Я никогда в жизни ни в кого не влюблался! Да, когда её увидел, такую красивую, дух захватило, подумал —

любовь. Но стоило мне пару часов постоять навытяжку, слушая правила нашей новой жизни, всё прошло.

— Что, и никогда-никогда не влюблялся? Так, чтобы крышу снесло, чтобы перед глазами всё поплыло, чтобы захотелось глупостей наделать? — Лис насмешливо смотрел, готовясь обвинить во лжи.

— Отстаньте! Нет, никогда!

— Брёшь! Нынче мужиков в деревнях почти и нет, пацаны с малых лет к бабам по ночам бегают. Или, скажешь, не бегал никогда?

Ладар вздохнул.

— Ну ходил... А при чём тут любовь? Женщине плохо, ей хочется немного ласки, она тебя зовёт, ты стараешься ей угодить. Получается когда как, однако свою толику счастья они получают. А для меня это как хлебом поделиться с голодным. Любовь — это другое.

— Подожди, ты хочешь сказать, что совсем ничего не испытывал?

— Испытывал. Немного. Но в душе — пустота, словно повинность исполнял.

— Не верю! Так не бывает!

— Подожди. — Тяжёлая рука Иана легла на плечо городскому воришке, заставляя того смолкнуть. — Бывает. Только редко. С теми, кто любит только раз и только кого-то единственного. Понимаешь?

Лис осёкся на полуслове и закивал. Продолжать спорить ему явно больше не хотелось.

— Зато я не понял! — Ладар начал злиться. — Объясните, кому я предназначен? Этой рыжей магичке?

— Этой вряд ли! — Иан хохотнул. — Разве что она вдруг стала бы белой и пушистой...

— Ну тогда она не была бы стервой! — Лис вновь ухмыльнулся. — Или была бы не такой уж жутью. Это всё понятно. Меня другое занимает... Как служить дальше будем, под таким-то началом?

Солнце ещё копошилось за стволами деревьев, собираясь нырнуть глубже, в толщу земли, сохраняя своё тепло для следующего дня. Звёзды, впрочем, не обращая внимания на приглушившую свои лучи копушу, уже высыпали на небосвод, окружая своих истинных повелительниц — две небольших, но ярких луны вовсю старались, раскрашивая мир своим бриллиантовым блеском. Холодным и чётким, словно вышедшим из подземных кузниц. В их свете тени деревьев дрожали, перекрещиваясь и создавая сложные узоры. Словно вражеские клинки, которые нужно рассечь прежде, чем они доберутся до твоего горла. Спрятавшийся в наступающей тьме ручей журчал, словно создавая далёкие звуки битвы, и клинки Ладара вторили его песне, неспешно, но твёрдо рассекая увёртливые тени.

— Что за занятия в неуставное время, рядовой? — Марго, внезапно появившаяся со стороны ручья с мокрыми волосами, в тонком, наброшенном прямо на мокрое тело халате, хищно улыбнулась, заметив смущение парня, торопливо скомкавшего свои выпады. — Вам дня мало? Или желаете посмотреть, как я купаюсь? Разочарую — во время купания я пользуюсь сферой отражения, любители подглядывать различают лишь туманное марево.

— Я... Я не подглядывал. Только хотел немного поупражняться. Вдруг завтра враг, а я ещё толком и не освоил ничего.

— Это точно. Но на таких скоростях тебя обгонит даже улитка. Почему ты двигаешь кистями так медленно? — Магичка забрала у растерянного парня старший из ножей, провела несколько взмахов, хищно и плавно полоснув ночной воздух, взгляделась в сталь, чуть улыбнулась...

— Где стащил этот клинок?

— Наставник ножевого боя выдал... ещё там, в учебном лагере.

— Это железо лучше обычного, врученного новобранцам. Конечно, не металл подгорных кузниц и даже не сталь гвардейского оружия... Но в состоянии выдержать кое-какие удары из тех, где требуется сила и острота клинка. Что-то твой наставник в тебе увидел. Продолжай заниматься, как будет время, я тебя проэкзаменую.

Нож ожил в руках Марго — чтобы, сверкнув сталью, оказаться прижатым остриём к шее не ожидавшего этого парня.

— Давай, тренируйся! — Юркая фигурка, блеснув в лунном свете влажными плечами, исчезла в направлении лагеря, а Ладар, задумчиво поглядывая на свой клинок, вновь начал неспешные движения.

«Никогда бездумно не запоминай чужих приёмов, даже очень красивых. Понравилось что-то — изучай, анализируй, приспособливай именно под себя. И самый простой выпад каждый человек делает по-своему, что уж говорить о сложных связках, о необычных приёмах, о кропотливой последовательности действий, ведущих к победе. Да, бездумно затвердив, выучив механически несколько сложных ударов, ты будешь побеждать... до тех пор, пока не встретишь кого-то, кто выучил на один приём больше тебя. А этот момент неизбежно настает, потому что тупое заучивание начисто уничтожает самое главное — понимание сути боя, смысла того или иного действия. А без этого дальнейший рост невозможен. Какой бы быстрый или умелый ты ни был — твоё поражение неизбежно. Только постоянное улучшение собственных навыков может подарить уверенность в будущем. И то призрачную: не ты один стараешься стать лучше — вдруг кто-то занимается усердней тебя?»

Мастер боя, вручая новобранцу клинки, достойные ветерана, явно имел какой-то тайный умысел, иначе к чему подобные лекции? Неужели увидел в нём воина?

Во вчерашнем крестьянине, в мелком воришке, попавшемся на горячем, или нашивках солдата, просто спасающем свою шкуру?

«Один клинок параллельно земле, вести по дуге, словно пытаясь срезать невидимую траву, твёрдую и колючую, способную причинить немало бед; рука окаменела, мышцы напряглись в невидимом усилии, и клинок медленно шёл сквозь воздух, очерчивая идеально правильный полукруг. В конце его ладонь ныряет под рукоять, меняя хват, и вот уже блок превращается в выпад, а второй нож пошел в обратный замах, продолжая отражать атаку...»

— Подъём! — Три огненных шара влетели в палатку, устремляясь к лежащим людям. Поднялась сумятица, опорный шест палатки, не выдержав, упал, брезентовое полотно придавило людей, превращаясь в подобие кокона. Ладар торопливо выхватил клинок, который старался постоянно носить с собой, приспособив ножны за спиной. Несколько взмахов, и расчёт метателя торопливо вылетел из плена ткани, вооружаясь чем в поисках противника. Но врага не было. Была донельзя довольная Марго, вставшая за полчаса до побудки, а может, и раньше. Когда она уже успела навести полный марафет? И три световых мячика, вылетевших из-под брезента и приземлившихся у неё на руке.

— Отвратительно. Через неделю на передовую, а мой расчёт ещё совершенно не готов к боевым условиям. Пять кругов вокруг лагеря, пока все отдыхают... затем отработка навыков ножевого боя до обеда, после — ко мне, покажу вам боевой метатель, не чета тем болванкам, на которых вас учили. И не вздумайте отлынивать, я на вас маячки повесила!

Величественно развернувшись, девушка направилась к своей палатке, а Ладар торопливо настроился

на тот особый режим, в котором так удобно изучать магические ловушки. Маячки присутствовали, устроившись над головами всей троицы — небольшие сгустки магии, способные запомнить и передать любую информацию в радиусе пары метров вокруг себя. Парень расстроенно вздохнул и совсем уже было хотел вернуться в нормальный мир, как его взгляд упал на уходящую Марго... искушение оказалось слишком велико. Морок был несложный, лёгкое натяжение узловой нити — и он сполз, обнажив лёгкую ночнушку, всю в кружевных розочках, обнажённые ноги, покрытые гусиной кожей, и полную каких-то непонятных палок причёску. Видно было, что девушка встала лишь ненадолго — поиграть в суровую начальницу и вновь вернуться в койку.

Первым не выдержал Лис. Тихонько взвизгнув, он сложился пополам, завывая от восторга уже во весь голос, за ним заухал Иан... Дольше всех продержался Ладар, но и он, не выдержав, присоединился к общему веселью. Раздражённая дама повернулась, хмуря брови, выискивая причину для смеха. Розочки подпрыгнули повыше, и хохот стал просто гомерическим.

— Вы бы прошли в палатку. У вас морок сполз, не ровен час, проснётся ещё кто-нибудь. Мы-то ладно, вроде как свои...

Взвизгнув, Марго исчезла, лишь торопливо удаляющееся пятно сферы отрицания указывало её путь.

— Десять кругов! — донеслось издалека.

— Да уж... — вытирая слёзы восторга, выдохнул Лис. — Пожалуй, беру свои слова о невозможности служить под началом магини. Даже ожидающая нас взбучка после увиденного кажется чем-то весёлым! Не так я себе войну представлял.

— Погоди ещё! Все увидишь. — Иан аккуратно развернул мешанину брезента и принялся доставать форму. — А бежать всяко придётся.

— Да побегаем, не вопрос. — Ладар пожал плечами. Не такой уж и большой этот лагерь, десять кругов покажутся пыткой только изнеженному, слабому созданию...

— В красных розочках! — подхватил Лис, и громкий смех вновь встревожил тишину спящего лагеря...

Передовая оказалась именно такой, как представлял её себе вчерашний крестьянин. Земляной вал, перекрывающий подходы со стороны реки, служащей рубежом — всего в паре десятков шагов от кромки воды, и то явно отодвинут только затем, чтобы исключить воздействие водной магии. И выжженные пятна следов вражеских ударов со следами копоти, плесени, непонятной гнили... Полковые маги, ставящие защиту войскам, поскупились, оградив лишь минимальное пространство, необходимое для защиты войск — вся местность впереди и позади редута была исковеркана боевой магией.

— Основной принцип ведения войны на столь большом по протяжённости участке фронта — мощная защитная линия, удерживаемая обычными солдатами, и атакующие порталные перемещения гвардии, направляемые полковыми магами. Примерно на день пути вдоль защитной полосы постоянно дежурит один маг уровня магистра нашего университета. Он поддерживает защитные амулеты, следит за их исправностью и показаниями... В случае серьёзного прорыва сообщает в штаб и координирует высадку десанта гвардии. Ваш участок относительно спокойный. Атаки противника редки, однако расслабляться не стоит: ронхарцы постоянно пробуют что-нибудь новое, и последняя атака на холм метателей тому подтверждение.

— Сержант, но как можно было миновать защитные укрепления наших войск, ничего не потревожив? Насколько я слышал, ронхарцы напали на наши отряды,

когда те не ожидали этого, и никто ничего не замечал до последнего момента!

Хагир повернулся с передка телеги, на которой ехали новобранцы, и внимательно посмотрел на Ладара.

— Хороший вопрос. Защита против применения магии была, и довольно серьёзная. И против обычного пересечения редутов — то же. Но, находясь вблизи реки, никто не озабочился проверять возможность элементарного подкопа. Все были уверены, что создать подобное без помощи магии невозможно.

— Это и правду невозможно! Или?

Сержант усмехнулся.

— Бочки. Они соединили сотню бочек в гигантскую трубу и протащили под водой. Скорее всего, на первом этапе и была использована какая-то магия, однако текущая вода скрыла все следы. Ну а находясь на нашем берегу, вернее, под ним, они обходились лопатами. Совершенно неромантично, но действенно.

Иан присвистнул.

— Это прорва работы...

— Да. Судя по ней, секрет метателей сейчас необходим ронхарцам как воздух. Скорее всего, они готовятся перейти в наступление, и им нужно средство нейтрализации наших трубок. Зато нам, похоже, повезло — второй раз на ту же батарею метателей они вряд ли сунутся... разве что у них тут есть свой человек среди местных. — Ладар задумался, не обращая внимания на задумчиво поглядывающего на него сержанта. Тот хотел что-то спросить, но не успел — телеги с новобранцами въехали на холм, где находилось их место службы.

— Добро пожаловать в одну из элитных частей действующей Юго-западной армии нашего королевства. Вам выпала редкая честь неустанным воинским трудом

изменить положение дел на этом участке фронта и вернуть земли, когда-то завоёванные нашими предками.

Маги, давным-давно добравшиеся сюда с помощью портала, под предлогом научных занятий закрылись в самой большой палатке лагеря, предназначеннной для совещаний. Туда же практически сразу отправились и все старшие офицеры. Чуть усилив обоняние, Ладар смог различить запах неплохого вина, разливающегося в эту минуту по бокалам. Но остальным приходилось стоять на жаре по стойке смирно, вытянувшись по струнке и выкатив грудь колесом — в иной позе торжественные речи, в которых то и дело упоминалось имя короля, слушать не полагалось. Младший лейтенант, явно старательный, хотя столь же явно и недалёкий, усердно вещал уже третий час подряд. Наверняка хорошенъко выспавшийся и плотно пообедавший, он искренне считал, что для уставших солдат сейчас самое главное — пламенная, патриотическая речь. Получалось у него так себе — многие морщились и дергали плечами, стремясь избавиться от простой, но крамольной мысли:

— Почему король допускает подобных недоумков на командные должности? Неужели всё так плохо?

Мысли на грани измены беспокоили уже многих, и когда лейтенант выговорился и распустил строй, больше половины тут же принялись тереть свои предплечья, стремясь избавиться от предупреждающего покалывания.

— Боже, храни короля! — Седоусый ветеран явно не в первый раз пользовался простым, но эффективным средством снять утомительный зуд. Его клич тут же подхватили остальные и вскоре все хором скандировали здравницу Родерику Пятому.

Полотнище офицерской палатки распахнулось, и начальство вышло на крик. К лейтенанту подошёл пожилой капитан и, улыбаясь в усы, сказал:

— Серж, вы, как всегда, неподражаемы. После ваших речей всегда слышны самые громкие и прочувствованные лозунги!

Лейтенант, не заметив сарказма, надулся от гордости, а остальные отвернулись, пряча улыбки.

— Рядовой Рикс? Можно вас на пару слов... — Ладар обернулся — перед ним стоял седовласый человек в накинутом на форму плаще, так чтобы нашивки были не видны. В голове всплыла картинка: сержант Хагир шептался с ним при выборе рекрутов. Неужели о нём?

— Весь в вашем распоряжении, господин капитан!

— Даже так? Рикс, откуда вы знаете моё звание?

— Видел вас как-то раньше... Без плаща, льер!

— Да, похоже, сержант прав, вы можете стать ценным кадром. Если выживете, конечно. Может, вы ещё определите, к каким родам войск я отношу?

— Ну тут просто. Такое внимание к новобранцам может быть либо у чистильщиков, либо у разведки. И, судя по тому, как вы сморшились при упоминании особого отдела, проверяющего чистоту помыслов, верно второе.

— Возможно, возможно... а в чём ты видишь суть разведки в войне магов?

Ладар растерялся. Об этом он как-то не думал.

— Наверное, сбор информации. Ну где кто находится, кто чем вооружён.

— Да, так далеко ты не копал. Да нет, кто и где находится, какие силы готов привести в действие, можно определить и по возмущениям защитных полей. У нас этим целая служба магов занимается. Давай послужи в метателях, поднаберись опыта — и думай, думай!

Резко повернувшись, капитан пошёл прочь, оставив Ладара в недоумении: что именно от него нужно полковой разведке?

Метатель был розовым. Весь, от кристаллов маны до закопченного жерла. И под копотью, как позже выяснилось, тоже. Как Марго удалось добиться такого эффекта, наложив чары на защищённое от магических воздействий оружие, неизвестно. Однако, когда дважды в день расчёт Ладара расчехлял своё орудие, половина лагеря хихикала в кулак, а другая смеялась открыто.

— Блин, я ведь чувствовал! Ещё тогда, когда увидел её розочки, понял: хлебнём мы с ней! — Лис, как всегда, кипел эмоциями. Иан с Ладаром отмалчивались, угрюмо выполняя распоряжения магички. А та не ленилась стрелять дважды в день, заряжая кристаллы из собственных, довольно внушительных, запасов. В этом она была одинока: остальные для подобных упражнений ждали распоряжения начальства.

— Стреляем в искорёженное дерево на другом берегу — видите, стоит изогнувшись? На две ладони выше дупла. Огонь!

Марго лишь досадливо вздохнула, увидев загоревшийся ствол. Ладно, давайте в скалу, вкопанную в ронхарский защитный вал, видите там небольшую выемку?

Где-то после пятого выстрела, когда магичка, в сердцах бросив на землю небольшую подзорную трубу и круто развернувшись на каблуках, пошла в палатку, бросив через плечо: «Чтобы через час мой метатель был весь свеженький!» Ладар осторожно поднял чужой инструмент и аккуратно навел на указанные мишени. Дерево, уже догорающее, осталось деревом, камень — камнем. Чем они так не понравились Марго? Аккуратно вошёл в лёгкий транс и взглянул на магические построения другой стороны. Первое, что он увидел — мельтешение многоцветных слоёв, сложные многослойные защиты, чужие аккуратные конструкции, накачанные силой. Какой смысл испытывать их на прочность? Внимательно изучая сплетение чужих

линий, Ладар заметил в местах, указанных девушкой, узлы сосредоточения каркасов защит. Взломай их, и у магов на той стороне прибавится головной боли и работы, а вот сила на какое-то время иссякнет: слишком много её придется потратить на восстановление прежних структур. Нет, сильна девочка! И талантлива! Только почему у неё ничего не выходит?

— Ты что там увидел? Небось, как ронхарки купаются? Дай посмотреть! — Радуз уже был рядом, с восхищением изучая золотые обкладки зрительной трубы.

— Держи, но все красавицы уже ушли, остались только старухи. — Ладар, ухмыляясь, протянул прибор воришке и отправился за песком: метатель к вечеру вновь должен стать розовым.

— Рикс, идёмте со мной. — Марго, повернувшись, направилась вниз, с холма — в расположение пехотной части, расположившейся недалеко от них. Ладар, недоумённо пожав плечами, двинулся следом, отставая ровно на один шаг: маги не любили, когда кто-то шёл рядом, как не любили и тех, кто нерасторопно выполнял их повеления.

— Фриледи...

— Домин. Можешь называть меня фриледи Домин. Это наше родовое имя. Ты хотел узнать, куда мы идём?

Ладар пожал плечами.

— Наверное, вы хотите, чтобы меня потренировали ножевому бою. Только пока у меня всё равно ничего не получается. А спросить я хотел, почему шары огня с метателя летят по такой странной траектории? Вначале высоко вверх, потом вниз, а попадают туда, куда я смотрю по прямой?

— Интересные вопросы ты задаешь... Внутри каждого снаряда меняется сама структура вещества. Там

всё превращается в необычайно горячий огонь, приносящий значительные разрушения. Однако из-за этого эти шары приобретают вес. Что будет с камнем, брошенным прямо? Он упадёт на землю, не пролетев и двух десятков шагов! А нам нужно обстреливать противоположную сторону реки!

— Значит, все те мишени, что вы нам называли, мы обстреливали сверху? Как дождь?

— Блин! — Марго остановилась и принялась что-то лихорадочно обдумывать. — А ведь ты прав... Устами младенца, как говорится. Ладно, завтра попробуем обстреливать немного по-другому. А сейчас...

Они вышли на небольшую, хорошо утоптанную площадку, на которой два десятка крепких, сильных мужчин, сняв форму, разминались — кто с оружием, кто без, в паре и поодиночке.

— О, фриледи Домин! Давно вас не видели. Желаете посмотреть или поучаствовать?

К ним спешил раздетый до пояса мужчина, с сединой, но всё ещё крепкий и поджарый... словно матёрый волк.

Лодар удивлённо поднял брови. Неужели эта девчонка занималась боем наравне с тренированными воинами?

— Не сейчас. Я вам привела своего наводчика. Не хотите обратить внимание?

— А что с ним такое? — Вежливый вопрос можно было принять за издёвку, если бы не взгляд, цепкий, оценивающий. Он моментально переключился на Ладара, внимательно осмотрев того с головы до пят. Впрочем, осмотром дело не ограничилось: его заставили подпрыгнуть, присесть, перекатиться в падении.

— Совершенно нормальный молодой человек. Не понимаю вашей озабоченности. — Вот сейчас голос воина был полон сарказма.

— Льер Аги, я понимаю, что это — деревня деревней. Однако взгляните на его нож. — Клинок Ладара молниеносно был выдернут из ножен и представлен на суд собравшихся.

Нож был внимательно изучен, и несколько пар глаз уставились на парня, словно спрашивая «и откуда у тебя это?»

— Где взял клинок? Выменял, небось? На что?

Марго, похоже, обиделась теперь уже за своего наставника. Столь же молниеносно выхватив нож из рук солдат, она всунула его в руки Ладару и приказала:

— Повтори те упражнения, на которых я тебя поймала! Так же!

Те же... Что он тогда отрабатывал? Парень задумался, вспоминая. Закрыл глаза, и его руки, налившиеся силой сжатых до предела мышц, плавно и аккуратно повели лезвие по дуге — обратным хватом, от себя, очерчивая защитный круг, отгоняя возможного противника. Затем — резкий перехват и движение вперёд, уже атакующее, но продолжающее первое. Удар! Визжит расколотая палка, в руке боль. Рикс в недоумении распахивает глаза, заканчивая выпад — и видит удивлённый взгляд льера Аги, изучающего собственную треснувшую трость.

— И рука не дрогнула! — Восхищённый шепот прошёл по рядам солдат и затих, стоило наставнику вскинуть руку.

— С кем занимался в учебном лагере? Хотя откуда тебе знать... Значит, так: ты умеешь думать и создавать собственные связки. Это ценное качество. Ещё одно — ты не спешишь, не гонишься за результатом сегодня и сейчас — и тем мощнее он может быть завтра. Вечером, как солнце коснётся деревьев, приходи сюда — я расскажу тебе то, что не успел рассказать твой учитель. Однако тренироваться ты должен сам.

В перекрестье подрагивала скала. На её фоне слабо мерцала сетка энергетических полей, закручиваясь в сложнейшую спираль. Узел — не в центре, как можно было предположить, а чуть сбоку, укрытый слоем защитных заклинаний, был практически неразличим: он сливался с поверхностью, становясь неярким, бесцветным — ещё одна форма защиты.

— Целься в центр скалы — в центр и чуть выше! Заснул, что ли?

«Э, нет, девочка. Ты, конечно, талантлива, но некоторые вещи ты просто не в состоянии ощутить, как человек, играющий на барабанах, не в состоянии услышать и оценить тихую мелодию флейты. Ты целишься туда, где бы сама расположила центральный узел. Забывая о том, что противостоят тебе маги гораздо более опытные, чем ты сама... и, кажется, более умные».

Аккуратно перевести прицел метателя в сторону и ниже, поймать в перекрестье серый комок спутанных концов заклинания и кивнуть напряжённой магичке.

Сполох огня мелькнул улетающей кометой, взмыл вверх — чтобы камнем упасть вниз, расплёскивая энергетические сетки защиты.

— Давай ещё разок! — Ладар прильнул к окуляру, не замечая удивлённого взгляда магички. Та хотела всплыть, однако, чуть усмехнувшись, вновь коснулась метателя. Новый сноп пламени полетел на противоположную сторону реки, — и с тихим шелестом изрядный кусок защиты пропал, оставив незащищенными кусок берега, часть вала и казармы ронхарцев.

— Тревога! Всем метателям — срочно огонь по противоположному берегу! — Глава батареи метателей, уже пожилой майор, до того с иронией наблюдающий за потугами молодой магички, сориентировался мгновенно.

— Залп! — Шары, полные раскаленного пламени, летели через водную гладь, прожигая дерево, землю, камень, плоть...

— Залп! — И охваченные огнём фигуры метались по берегу, прыгали в воду, пытаясь уцелеть. Но колдовской огонь горел и под водой...

— Залп! — И постройки противоположной стороны рухнули, похоронив под собой всех, кто не успел убежать, а таких оказалось немало!

— Молодца, Марго! — Майор был доволен. Я не верил в успех твоей затеи, обнаружить узлы выстроенной защиты практически невозможно! Эх, если б заранее приготовиться, можно было бы и гвардейцев вызвать, прошерстить тот берег, пока не очухались.

Всё командование возбуждённо галдело, солдаты радостно и нестройно кричали «Виват!», а Ладар забрался в кусты — подальше от всех. Его тошнило. Метатель для племянницы маршала выдали новехонький, кристалл в нём работал отлично, давая крупную и чёткую картинку — и перед наводчиком до сих пор стояли лица людей, сжигаемых заживо. Знать, что твоя игра ума, решение чисто интеллектуальной задачи обернулось смертями десятков человек в течение нескольких минут...

— Ну это... Война ведь. — Сзади топтался Иан. Он неуклюже смотрел на плачущего парня, не пытаясь утешить, и Ладар был ему благодарен именно за неуклюжее молчание, за то, что крестьянин не орал восторженно вместе со всеми, радуясь случайному, ненужным, ни на что не влияющим смертям, а пошёл за тем, кому плохо.

— Всё, всё уже. Спасибо, идём к остальным, а то ещё хватятся. — Он вскочил и направился в сторону батареи.

— Ты интересно двигаешь лезвием. Медленно, но при этом напрягаешь мышцы рук так, что встреть в лю-

бой момент твой нож тело врага — он не замедлит хода, продолжая так же равномерно резать уже не воздух, а живую плоть. — Льер Аги задумчиво вертел клинок новобранца и, казалось, совершенно не интересовался разговором. — Продолжая заниматься примерно так же, как сейчас, ты со временем научишься двигаться быстро... очень быстро. И разить сильно. Но в твоей технике есть один недостаток, который сводит на нет все успехи — ты стоишь на месте. И предполагаешь, по-видимому, что противник будет также стоять неподвижно. Вынужден разочаровать: этого не будет никогда. Даже закованный в железо конный рыцарь, окажись он на земле, способен двигаться довольно резво, спасая свою жизнь. Что уж говорить о легковооружённом пехотинце! — Наставник взорвался вихрем движений: за несколько секунд нож Ладара был выбит из руки, а сам он стоял, не смея шелохнуться, чувствуя чужое лезвие у собственной шеи.

— Нужно действовать примерно так. Ты понял разницу?

— Да. Вы движетесь в десятки раз быстрее....

— Нет! Занимайся постоянно — и скорость придёт!

Я не об этом. Смотри ещё раз.

Наставник отодвинулся и начал медленно показывать движения. Тело его при этом легко перетекало из стойки в стойку, словно капля ртути. Выпад. Ещё выпад. Перекат. Резкий рывок назад и вниз. Выпад.

— Понял?

— Кажется. Для вас клинок — продолжение руки. Вы не ножом двигаете, а всем телом. И в удары вкладываете не силу кисти, а всего себя. Но при этом делаете это достаточно плавно, чтобы успеть поменять направление удара в любой момент удара. Вряд ли у меня так получится: для этого нужна чертовски хорошая пластика.

— Ну что касается пластики, её зачаткам тебя обучали. Не для ножа, конечно, однако — освоишь. Это видно. А вот что уловил суть моего урока практически моментально — это молодец. Всё, свободен. Больше не приходи.

— Как «не приходи»? Вы от меня отказываетесь? Я бездарен?

— Нет! Ты способен заниматься самостоятельно. Я видел твои наработки — они ничуть не хуже тех азов, что я вдалбливаю этим ленивым сыновьям деревенского ежа и мокрицы, и к тому же они приспособлены именно под тебя. А если к этому добавить то, что их никто не знает... Через пару лет ты можешь стать опасным противником. Но только если будешь заниматься самостоятельно!

— И если у меня они будут, эти «пара лет».

Вечером Ладар отправился к берегу реки. Да, находиться рядом с линией врага не стоило, но это было одно из немногих мест в лагере, где его никто не побеспокоит. Достав ножи — не муляжи, а свои родные, выданные ещё в учебном лагере, он принялся ткать узор стали, на этот раз следя за тем, чтобы тело двигалось вслед за поблескивающими в темноте лезвиями. Плавный разворот — и движение назад, пружиня ногами, отталкиваясь от земли. Удар получился немного более быстрым и гораздо более мощным. Интересно, а если так...

Тихий смех, идущий от реки, застал парня врасплох. Ведь проверял же, уходя! Марго закрылась в своей палатке и выходить явно никуда не собиралась! И вот вам, смотрите — стоит, убрав сферу отрицания, завернувшись в одно полотенце — и капли влаги блестят на её плечах.

— Уже лучше. Льер Аги знает, чему и как учить молодёжь. Дай-ка один... — Тонкая рука протянулась, ак-

куратно вывернув лезвие из рук растерянного парня, и только резкий рывок назад спас его от хищного выпада.

— Ты что, ошалела? — Ладар торопливо обмотал левую руку собственной курткой — парировать лезвием он в ближайшее время вряд ли научится... А если будет медлить, то и никогда.

— Думаешь, мне приятно было стоять там, на холме, днём и слушать похвалы, адресованные *тебе!* Интуит хренов! — Новый рывок, резкое движение вперёд... Нож запутался в складках куртки, Рикс повёл свой в сторону притормозившего тела и замер: перед глазами всплыли тела, охваченные пламенем, бегающие по берегу, по воде да и в самой воде, мечтающие о смерти, как о счастье...

Удар — и он, не удержавшись, сел на задницу. Глаза Марго горели. Второй нож перекочевал в её левую руку.

— Вставай! Поглядим, чего ты стоишь!

Рикс не спеша поднялся и аккуратно размотал куртку, кулем лежащую у него на руке.

— Нет, я не буду драться с женщиной, даже со столь избалованной и испорченной, как вы.

— Что? Ну держись! — Окончательно рассвирепев, она кинулась вперёд — безоглядно, неистово, подобно древним воительницам-валькириям. Только в отличие от них, она не могла контролировать свою ярость и отслеживать, что происходит вокруг. Свёрнутая жгутом куртка ударила по правой руке — хрупкое, дешёвое лезвие, не выдержав напряжения, сломалось, тяжёлая ткань подsekла ей ноги. Ладар подскочил, не давая Марго упасть — слишком неровной была земля, поддержал и тут же был вынужден перехватить нож в левой руке, покатиться кубарем по влажной земле, удерживая рассвирепевшую амазонку... Когда пришёл в себя, он лежал на девушке — полотенце в пылу

сражения размоталось, и теперь она, совершенно обнажённая, лежала, прижимаясь к нему всем телом. Слишком крепко для боя. Он улыбнулся, отпустил левую руку с зажатым в неё ножом и медленно, аккуратно закрыл чужие губы своими...

Тугие груди налились внутренним жаром, крохотные, ещё не знавшие прикосновений детских губ соски поднялись, словно наконечники копий, нежная кожа покрылась испариной, а тело выгнулось дугой, требуя прикосновений.

Он не раз делал это для солдатских вдов, лишённых мужской ласки, для одиноких женщин, мечтающих если не о муже, то хоть о ребёнке, но никогда у него не было столь юной, столь ловкой партнёрши, играющей в какую-то только ей понятную игру. Не сразу, однако Ладар понял: раз за разом она изображала вычитанное в книгах, подсмотренное по магическому шару — страстительно и дотошно, надеясь показаться опытной и получить максимум наслаждения. Не любя, она играла в любовь.

Тогда он решительно остановил её, прижал к земле, к непонятно когда разостланной куртке, лишая возможности двигаться, и, закрыв глаза, почувствовал... Всё могло быть проще, если бы была любовь. Тогда не нужно отслеживать токи жизненных сил, выискивая места их напряжений, не нужно искать наиболее удобную позу для тел или рук — достаточно было бы слышать любимую, её дыхание, её любовь и двигаться в унисон. Без любви это была работа. Нежная и приятная, но работа. Подобная той, что приходилось делать не раз раньше и наверняка придётся делать в будущем. Всё новые и новые движения вызывали чуть слышные постановления, вздохи девушки становились всё чаще. Он ускорял и ускорял темп, следя за волной наслаждения, окутывающую Марго. Тонкое тело под ним изо-

гнулось дугой, раздался хриплый, полный животной страсти стон, и парень аккуратно отодвинулся, давая девушки время прийти в себя.

Минут пять они полежали, молча смотря на оказавшуюся совсем рядом гладь реки. Её дыхание, вначале прерывистое, становилось всё тише, изгоняя из тела минутную слабость. Спокойнее. Медленней. Величественнее.

— Это ничего не меняет. И не думай, что произошедшее даёт тебе какие-то поблажки.

— Я и не думаю. Ваше полотенце, фриледи.

Она поднялась, удивляясь спокойствию его тона. Но воспитание показало себя: взяла влажную ткань, парой лёгких заклинаний очистила его от грязи и набросила на плечи царской мантией.

— Будешь болтать языком о происшедшем — пожалеешь, что связался с магом.

— Не беспокойтесь. В нашем роду, к сожалению, не было магов, зато не было и подлецов. Вашему достоинству ничего не угрожает.

Марго шла к лагерю, вначале неуверенно, затем всё быстрей и яростней, не разбирая дороги. Мужлан! Не понимает оказанной ему чести! Он должен был в ногах валяться, о любви лепетать — нет, стоит, словно ни в чём не бывало, говорит что-то... Впрочем, сама виновата, потеряла голову, связалась с деревенщиной. Ну на войне как на войне, нужно стойко переносить все тяготы... Однако хорош! Успокаиваясь, она усмехнулась и направилась к палатке.

Солнце, последний раз блеснув золотом своих лучей, уже давно скрылось за темнеющим лесом. Две луны, играющие на ночном небе в вечные догонялки, сегодня светили лишь кончиками рогов, стыдливо прячась в тени. Ночь была тёмной — и звёздной.

Весь лагерь, за исключением часовых в лагере у подножия, давно спал. Ладар, тихонько выпустив щуп сознания, убедился в этом — и открыл миру, с наслаждением расслабляясь, становясь частью всего живого. Этот приём интенсивного отдыха ему показал ещё Дирил. И совсем измученный, уставший от жизни ребёнок внезапно увидел красоты и яркость окружающего мира. Достаточно было лишь настроиться на волны энергий, которые жили, проходили, создавали узор жизни — и всё вокруг преображалось. Исчезали любые преграды, и были отчётливо видны и токи древесных соков, и огонёк летящей меж ветвей птицы, и мерно вздыхающая грудь сопящего на соседней койке Иана. И все эти, незаметные обычно мелочи приобретали совершенно особый смысл, становясь частью вселенной, контактируя с ней — в каждом взмахе птицы, в каждом шевелении ветки дерева, в движении ресниц спящих.

Иногда Ладар задумывался, а могли ли чувствовать мир настоящие, полные сил маги? Наверное, могли, но делали это совсем по-другому, относясь к окружающему как к инструментам у себя в мастерской. Потребуется — возьмёт и будет пользоваться ровно столько, сколько нужно для достижения собственных целей. А просто любоваться? На это нет времени!

Ладар вздохнул и уже совсем собрался спать, как почувствовал — в мире что-то неладно. Часть структур природы исчезала, съедаемая непонятной пустотой. И она шла от реки! Это было похоже на... очень мощную сферу отрицания, созданную профессиональным магом.

— Подъём! Нападение! Встаём, или всех, как курят передушат!

Ладар торопливо подхватил нож и выскочил из палатки. Его истошный вопль заставил солдат засуетить-

ся, а нападавших, мечтавших взять противников сонными, — начать действовать ещё издали.

На лагерь полетели стрелы. Длинные, с горящим багровым магическим огнём наконечником, они затмевали звёзды и падали на лагерь, поджигая всё, к чему прикасались. Палатки, оружие, люди — всё, во что попадала такая стрела, воспламенялось. Заметались по лагерю живые факелы, размахивая горящими руками и издавая отчаянные крики. И Ладар впервые ощутил злость. Ведь можно было начинить стрелы более дешёвым вариантом заклинания мгновенной смерти! Или это — око за око, расплата за вчерашнюю бомбардировку, намеренное причинение излишних мучений попавшим под обстрел, чтобы внушить ужас выжившим?

Впрочем, батарея метателей опомнилась довольно быстро. Сержанты, добив горящих, погнали остальных за укрытия, расставляя их группами, готовя к предстоящей схватке. Маги один за другим скрывались в порталах. Гвардия, извещённая самыми первыми из сбежавших, подоспеет быстро, но смогут ли они отстоять метателей?

Хагир, глядя вниз, где разворачивались в боевой порядок воины врага, сверкая золотым шитьём плащей, зло выругался и торопливо подхватил большой щит.

— Всем! Берите всё, что может защитить, это элита ронхарцев, солнечные отряды. Практически у каждого есть амулеты огня, и, как правило, многоразовые! Пока есть за чем укрываться — не высовывайтесь, потом уворачивайтесь! Или хотя бы попытайтесь... Только что толку — они и сами мастера меча, и маги среди них есть...

Последнее сержант договорил уже шёпотом, но Ладар услышал. Глядя на неспешно поднимающиеся шеренги бойцов — первые ряды шли с большими щитами, вторые — с натянутыми луками, на стрелах которых

трепетали багровые огоньки, он испытал чувство, о котором ему говорил учитель: видя неминуемую смерть, человек начинает вести себя по-другому...

— Метатели! Кладём на землю, направление — наступающий враг! Укреплять не нужно! Быстрей!

— С ума сошёл! Они стреляют по дуге! — Хагир схватил парня за рукав, но, подумав, махнул рукой. — И кто будет стрелять?

— Марго! Она тут, в палатке, готовит какую-то пакость огненным. Я её чувствую!

Рикс торопливо двинулся в сторону возвышения, на котором находилось жилище магов, но не успел. Над рядами огненных внезапно появился туман, и из него полетели ледяные иглы.

— Ого! Девочка действительно талантлива! Вот только почему ей никто не объяснил, что лёд против огня — не лучший выбор?

Закусив губу, Ладар отрешённо смотрел, как вспыхивало над головами неумолимо приближающихся к вершине холма ронхарцев защитное поле, и сверкающие лезвия, без всяких дополнительных усилий, превращались в обычную воду. Излишне холодную, возможно, но абсолютно безобидную. Бражеский маг даже не стал пытаться нейтрализовать это заклинание — вместо этого он напал сам. Вокруг палатки вспыхнуло кольцо огня и стало неумолимо сжиматься.

— Блин! Это круг дьявола! Из него же портал нельзя построить! — Ладар рванул бегом, на ходу прокладывая тропинку холода через огненный забор, состоящий, согласно легенде, из адского пламени. А может быть, и не только легенде: ведь из ада ещё ни один маг не возвращался! Теоретически он знал, что нужно делать — вот только катастрофически не хватало опыта и сил. Слабенькая гать, призванная лишь немного раздвинуть языки пламени, трещала от огня, шансов уце-

леть было немного. Однако Марго рискнула — горящий ком выкатился из огненного круга. Поставленная ею защита лопнула практически мгновенно, и лишь скорость и ледяная тропинка дали возможность девушке остаться в живых. Впрочем, помочь ей уже не могла: едва Ладар сбил девушку с ног и начал катать по земле, сбивая пламя, как она, неудачно извернувшись, ударила головой о выступавший камень и потеряла сознание.

Торопливо подхватив Марго на руки, Рикс помчался к метателям.

— Ну как она? Сможет активировать... — Присмотревшись, Хагир махнул рукой. — В отключке, и на долго. Может, это и к лучшему: маг ронхарцев явно использовал её сознание как маяк для своих заклинаний, теперь он хоть не сможет наводить свои «пушки». Так, у нас есть ещё пара минут — берём метатели и бросаем с противоположной стороны склона! Этим мы выиграем немного времени.

— Нет, сержант! Там тоже солнечники. Единственный наш шанс — активировать метатели!

— Даже если огонь не зароется в землю — *кто будет стрелять?*

Ладар, не отвечая, аккуратно положил Марго возле батареи и внимательно посмотрел в сторону наступавших ронхарцев. Уверенные, что на стороне противника не осталось активных магов, они побросали свои зачарованные щиты, погасили луки и стали взбираться по склону гораздо быстрее. Лунный свет уже отбрасывал блики с их обнажённого оружия — две-три минуты, и они будут здесь.

Рикс аккуратно взял руку девушки в свою. Тонкий камень на запястье — ключ для первого защитного слоя. Мысленно продублировав его энергетический узор на всех метателях, до которых смог дотянуться, он вскрыл

первую из защит — и сорвал её. Теперь — последовательность. Закрыть глаза... Замереть, практически остановив биение сердца и вспомнить торопливую чечётку пальцев... Есть! Вторая защита растворилась в ночи следом за первой, осталась одна — самая сложная. На ней не оказалось узловых точек, к которым нужно было прикоснуться рукой или артефактом, не было внешних связей, позволяющих управлять ею хоть как-нибудь — плотный, непроницаемый энергетический узор, замкнутый на себе, без каких-либо слабых мест. Вскрыть такой невозможно! Но если все эти великовозрастные недоучки так легко сквозь него проходили, значит...

Ладар торопливо взял руку Марго в свою. Внимательно изучая энергетический контур запястья, выискивая малейшую неточность, отклонение от нормы. Всё было нормально — как и у всех прочих людей.

— Рикс, мать твою! Хватит сидеть с отрешённым видом! Если ты можешь что-то сделать — делай это, или мы все сейчас без толку погибнем. Если у тебя есть силы — действуй!

Ладар поднял на сержанта просветлевшие глаза.

— Хагир, ты гений! Все эти недоучки проходили сквозь последнюю защиту просто потому, что обладали необходимой для этого энергией!

Он протянул руку в сторону метателей — царственно небрежно, мысленно проникая сквозь последний редут их защиты, находя запал и активируя его — и вслед за мыслью понеслась волна энергии! Залп!

Огненный ливень смёл волну атакующих, когда они уже были в двадцати шагах. Большая часть элитного отряда ронхарской армии, вместе с опытным магом, не удержавшим одновременный залп более десятка метателей с близкого расстояния, перестала существовать.

— Виват! — Молодой новобранец выскочил вперёд, радостно крича, и тут же обратился в пламя — огнен-

ная стрела ясно показала, что не все «солнечные» шли кучей.

— Рикс! Ты как?

Ладар посмотрел на собственные ладони. Кожа на них потемнела и слегка подрагивала.

— Пуст. Сейчас я не в состоянии поджечь и крылья у бабочки.

Сержант довольно кивнул, обнажая клинок.

— Значит, всё решит честная сталь, как оно, собственно, и должно быть. — В его голосе промелькнуло удовлетворение. — Их осталось не так много, мы можем справиться. Если сумеешь поднять нож — встань, сейчас каждый клинок будет на вес золота. Если нет... всё равно встань, не годится умирать сидя.

А затем появились ронхарцы. Яркие плащи, расшитые золотом, мелькнули словно падающие листья и оплели ближайших солдат.

Они умерли мгновенно, не успев понять, что происходит. Это была красивая и лёгкая смерть.

Что-то хрипло закричал Хагир, и зазвенели клинки. Ладар с трудом поднялся, доставая нож. Прямо перед ним дрались и умирали люди. Солнечные были искусными воинами, но их оставалось слишком мало, даже было непонятно, как они собираются вывозить метатели с лагеря такими силами. «Скорее всего, их ведёт клятва — такая же нерушимая и нелепая, как та, что пульсирует сейчас у меня в плече, заставляя броситься в бой», — мысль была сложной и длинной, и додумать её Ладар не успел — прямо перед ним возник солнечник. Три взмаха потребовалось ему, чтобы три новобранца, кинувшиеся на него с поднятыми ножами, упали в пыль бесформенными грудами, заливая всё кровью — его меч одинаково легко резал одежду, металл и... пил пролитую кровь. Он приостановился, переводя дыхание, и Ладар шагнул ему навстречу,

поднимая подаренный нож. По губам ронхарца скользнула улыбка.

— Крестьянин, тебе стоило самому перерезать себе горло. Итог был бы тот же, но тебе не пришлось бы страдать от прикосновений тёмных клинков!

Ладар вздрогнул. И мысленно поблагодарил учителя, заставившего его выучить ронхарский. Он едва не проиграл бой ещё до его начала.

Резко прыгнув вправо, новобранец стал метать ножи — с ног, с пояса, с плеч — мечник, лишь немного изогнувшись, ловко отбил их все, так и не достав второго клинка.

— Ты ловок. Однако у тебя остался лишь твой ковыряльник. Думаешь, он выдержит мой удар? — Ронхарец рассмеялся, но его лезвие лишь полоснуло воздух — крестьянин оказался на удивление ловким. После второго или третьего удара мечник начал закипать: время поджимало, а настырный юнец раз за разом, изворачиваясь и убегая, уходил из-под его клинка, продолжая вертеться поблизости. Он взорвался серией ударов, полосуя воздух, и наконец попал! Нож — переросток, разрубленный пополам, упал на траву, а парень — на спину, сжимая одной рукой другую, явно покалеченную. Расхочотавшись, солнечник встал поудобнее, поднимая меч для мощного удара, способного развалить рассердившего его юнца пополам, и застыл, нелепо схватившись за засевший в шее метательный нож.

— Это не по правилам! Это воровской приём! — Тускнеющими глазами он смотрел на парня, торопливо размотавшего кожаный ремешок, крепивший метательный нож к запястью, и осторожно, петлёй ремешка вытащивший второй из его мечей, так и не успевший покинуть ножны и теперь аккуратно обматывающий его тканью.

— А по правилам было тёмными клинками полосовать новобранцев, увеличивая собственную мощь за счёт чужих жизней?

— Ты... Откуда ты знаешь наш язык?

— Это неважно. Важнее, что ты не обнажал младший из клинков против меня и он не видит во мне врача. Значит, у меня есть возможность его подчинить.

Мечник взывал, торопливо выдернув нож из шеи — кровь хлынула ручьём, но прежде, чем он затих, собственный меч по рукоять вошёл ему в сердце, заставив тело изогнуться дугой, засветиться тёмным, багровым светом на несколько мгновений — и упасть, стремительно рассыпаясь прахом. Несколько секунд — и в кучке пепла остался лежать небольшой, чуть больше локтя длиной, клинок, очень похожий на тот, что был у Ладара раньше, только с угольно-чёрным, бархатным лезвием, которого было практически не видно в темноте. Усмехнувшись, он протянул руку — и рукоять легла в ладонь, мягко, нежно, удобно... Слишком удобно для ножа, впервые взятого в руки. Парень перевёл дыхание — ритуал, воспринятый в рассказе учителя как сказка, оказался настоящим и — действующим!

— Рикс! Гвардейцы прибыли фантастически быстро, нам повезло — они как раз собирались на вылазку, когда поступил сигнал тревоги! Так что у нас выжила половина. Ну третья, но это безумно много для такого боя! И мы все тут — герои!... Это что у тебя? То, что я думаю?

— Оружие. Вот его. — Сержант оглянулся, увидев на земле след пепла в виде распластанной фигуры, и мрачно сказал:

— Я не раз слышал, что магическое оружие обижается, если его не используют в бою, и способно поменять хозяина без помощи мага, его создавшего, если новый владелец убьёт старого одним ударом точно

в сердце, подарив мечу чужую жизнь и душу. Но никогда не думал, что это касается тёмных клинов. Ты поражаешь меня всё больше и больше! Ладно, пошли считать потери.

Иан лежал, распластавшись на земле. Его большое тело, с широко раскинутыми руками, казалось неповреждённым и лишь несколько капель крови вытекли из небольшого пореза напротив сердца. Обломок дубины, весь забрызганный чужой кровью, валялся рядом — оружие новобранцев есть оружие новобранцев, оно не выдержало удара хорошо прокованного клинка. Этот крепкий, сильный парень, которому нужно было жить в мире, расти детей и ухаживая за своей землёй — он не был воином, плохо умев драться и совсем не умея отступать. Встав у горячих ещё после выстрела метателей, вчерашний крестьянин закрутил свою дубину в вихре нескладных, но опасных движений, заставив бывалых воинов промешкать до тех пор, пока рядом не открылся портал и оттуда не начали вылетать гвардейцы в чёрно-багровой форме короля Родрика. Сумев отстоять оружие, он не отстоял собственной жизни — и смерть приняла воина, выполнившего свой долг.

— Рядовой Рикс? — Ладар с трудом поднял затуманные глаза — прямо перед ним с клинками наперевес стояли двое гвардейцев, а позади, с бешенством в глазах, незнакомый маг в серой форменной мантии.

— Так точно.

— Вы обвиняетесь в государственной измене! Взять его! — Гвардейцы тут же кинулись вперёд, Ладар машинально попытался сопротивляться, но дикая боль в плече ударила остро и точно, сминая дыхание и огненными струями расползаясь по телу. В глазах потемнело и свет превратился во тьму.

Тонкие руки нежно коснулись лица, пробежались по скулам, взъерошили волосы. Чужое дыхание на мгновение коснулось его щеки и растворилось во мраке.

— Вставай! Время предстать перед судьями! — Удар чем-то тяжёлым в бок пропал даром — онемевшее тело никак не отреагировало, и стражникам пришлось ждать, пока начнутся и пройдут судороги и к узнику вернётся возможность осмысленных действий. Рикс же, прикрыв глаза и усилием воли отключившись от страданий собственного тела, лихорадочно перебирал варианты, пытаясь найти выход из очередного тупика. Выходило плохо, вернее, никак не выходило. Если маги, обеспокоенные собственной репутацией (ещё бы, их защиту вскрыл какой-то новобранец!), решат устроить показательный процесс — это однозначно смертельный приговор. И бежать с магической эмблемой на плече — невозможно. Она же, скорее всего, и будет его палачом.

Наконец судороги прошли и можно торопливо размять каменные мышцы.

— Долго я был в отключке? — Ладар спросил это, не надеясь на ответ, но, к его удивлению, старший из караула, после некоторых колебаний, ответил:

— Три недели. Маги собирали материал для суда. Армия выступила в твою защиту, поэтому они настояли на столь большом сроке расследования.

— Большом? У нас в деревне тяжбы ведутся годами!

— Эх ты, деревня! — Голос охранника был усталый и снисходительный. — Когда тебя обвиняют в измене, эмблема сама отключает сознание. Если к концу четвёртой недели ничего не изменится — человек умирает. Да и после третьей очнуться может один из двух. Погляди на плечо!

Эмблема, раньше блистающая цветами королевского флага, словно выцвела, став тусклой, чёрной. Лишь кое-где ещё виднелись клочки бледной кожи, да медленно сочилась густая кровь из лопнувших сосудов.

— Считай, смерть с тобой поздоровалась!

— Не в первый раз. — Ладар аккуратно, держась за стенку, поднялся на ноги. — Я готов. Не будем заставлять судей ждать.

— Не боись, суд через час, мы тебя заранее разбудили: полковник приказал. Есть хочешь?

Голод навалился внезапно, скрутив узлом внутренности. Если его как-то и питали магически — от пустого желудка это точно не спасало.

— Да. И пить! Много!

Дружный одобрительный хохот был ему ответом.

— Ну тогда выкарабкаешься. Пошли, подзаправишься. И не переживай сильно! За тебя представитель армии будет. Он знаешь, какой дока? Выше нос!

Ладар неуверенно улыбнулся.

— А кто это?

— Полковник спецотдела армии, Льер Датим. Заведует разведкой и контрразведкой, его люди есть везде. Ладно, пошли, а то поесть не успеешь.

Здание суда маленького городка, находящегося, по всей видимости, недалеко от передовой, было неказистым и обшарпанным. У городских властей не находилось ни времени, ни сил, чтобы привести его в порядок — всё забирала война. Тёмный коридор, заставленный пыльными статуями, изображающими судей, тяжёлая дубовая дверь — потемневшая, но всё ещё надёжная, даже скрипевшая величественно — и небольшой зал, человек на пятьдесят, весь набитый народом. Ладар удивлённо огляделся. Он ожидал увидеть несколько человек в военной форме, уста-

лой скороговоркой огласивших его приговор, а попал на торжественное заседание. И судья в парике и мантии, и прокурор в тёмно-серой хламиде, подозрительно смахивающей на одеяния магов, и защитник — тот самый капитан, с которым Ладар когда-то разговаривал, Датим, кажется в новенькой, явно надетой по случаю форме, с эмблемой трёх мечей в круге на воротничке. Интересно, раньше никаких эмблем он не видел — а тут... и полковник, и маг нацепили кружок с несколькими звёздами, и у судьи что-то поблескивает, полускрытое париком.

— Похоже, мои проводы на тот свет обещают быть торжественными. — Ладар замешкался и тут же получил древком в спину.

— Быстрее занимай своё место, не заставляй людей ждать! — Перед глазами начальства добродушные солдаты, накормившие приговорённого кашей, вновь стали суровыми стражами.

— Итак, подозреваемый доставлен. Что-то он не похож на того злодея, который описан в материалах дела. — Судья полистал довольно увесистую папку, хмыкнул несколько раз и обратился к прокурору: — Изложите обвинение.

Серый маг встал, небрежно кивнув сидящим в зале — трём десяткам горожан, старающимся выглядеть суровыми и беспристрастными, но больше похожими на скучающих зевак. Несколько более уважительный кивок достался адвокату и почтительный — судье.

— Итак, преступник тут. Человек, прямо перед атакой солнечных войск Ронхара взломавший защиту более десятка метателей, открывший их секреты любому заинтересованному взору. Только чудо, а именно оказавшаяся готовой к порталльному перемещению гвардия, спасла нашу армию от бесславного поражения,

которое неминуемо бы случилось, попади секрет метателей в руки противника. Это основное обвинение, выдвинутое советом магов. Нами была проделана определённая работа по выяснению личности рядового Рикса, если это потребуется — всё есть в деле, при необходимости можно ознакомиться. Только замечу: в процессе выяснения был выявлен обман подсудимым камней правды на момент принесения присяги, поэтому обвинение настаивает на более мощном инструменте, не дающем обвиняемому возможности солгать.

По залу пронёсся негодящий шепот, и маг, довольноый произведённым впечатлением, раскланялся. Коротко поклонившись, сел в своё кресло, снисходительно кивнув льеру Датиму.

Тот встал, отдернув китель, и, вежливо кивнув судье, с улыбкой ответил:

— Мой уважаемый оппонент совершенно прав. Ладар Рикс в момент принесения присяги совершил обман. — По залу пронёсся шепот, но тут же стих. — Он сделал то же, что делает,вольно или невольно, каждый из вас во время допроса, будь то разговор с женой или отчёт начальству: он скрыл те факты, которые посчитал сугубо личными, и тем самым, действительно, немного изменил существующее положение вещей. То есть поступил так же, как и господин маг минуту назад. Скрыл некоторые факты и этим искал висю картину произошедшего, бросив тень на моего подзащитного.

— Что это я скрыл? — Прокурор вскочил, в горячке опрокинув стул, и со злобой уставился на оппонента. — Если вы о его рождении, то эти факты являются дополнительными. Они есть в материалах дела и скорее подтверждают, чем смягчают обвинение.

— Вы умолчали о давних и горячих требованиях армии улучшить защиту нашего оружия! О том, что давно пора комплектовать метатели выпускниками маги-

ческих университетов, а не сынками знати, которых просто таким образом спасают от передовой.

— Это уже набивший оскомину вопрос, и ему не место на данном заседании! По-моему, последний раз вы его поднимали полгода назад, и тогда совет выразился совершенно ясно: дипломированные маги нужны для более серьёзных задач! К тому же — их не так много...

— Достаточно для того, чтобы увеличить защиту метателей! Вы снизили её насколько могли, что и привело к данному случаю.

— Нашу защиту досих пор не мог взломать никто! Только этот, — небрежный взмах в сторону сидящего Рикса.

— Скажите мне, как профессионал своего дела: мой подзащитный — маг?

Прокурор скривился.

— Нет. Его крошечные способности не позволяют ему так называться.

— Но позволяют ломать защиты, которые ставили профессионалы? Так кого нужно судить! — В зале раздался смех, и Ладар приободрился — похоже, этот полковник действительно дока.

— Он действовал с умыслом, портя армейское секретное оружие!

— Очень хорошо! Перейдём к этому вопросу. Только об умысле давайте спросим у подозреваемого. Рядовой Рикс! Чего вы добивались, ломая защиту метателей?

Ладар попытался сказать что-то красивое, вроде речи, произнесённой полковником, однако обнаружил, что может произносить только самые простые и чёткие слова. Похоже, скамья подсудимого сама по себе была очень мощным артефактом, призванным искать истину. Или могла становиться таковым. Справившись с шоком, он осторожно произнёс:

— Я хотел, чтобы они выстрелили.

— Зачем вам это было нужно?

— Для отражения атаки. Больше стрелять оказалось неко...

В горле внезапно стал сухой ком, язык распух, парня затрясло. Ладар не понимал, что происходит, ведь он говорил правду.

— Похоже, вы переусердствовали. На батарее в это время находился один маг, но он был в бессознательном состоянии. Поэтому Рикс и хотел сказать, что стрелять было некому. Верно, рядовой?

Ладар с трудом кивнул, и ком в горле нехотя рассосался.

— Кстати, это не имеет отношения к делу, но всё же интересно. Как вы поняли, что выстрел из положения лёжа возможен? Ведь до этого момента вы стреляли лишь по сложной дуге, на большие расстояния.

— Первые несколько десятков метров огонь летит практически по прямой. Если и был небольшой изгиб, его скрыла покатость склона.

— Любопытное наблюдение. Оно не говорит о невиновности подозреваемого, лишь о его потенциальных возможностях. Ладно, продолжим. К чему привел один-единственный залп?

— Большая часть отряда солнечников поднималась кучно, закрывшись щитами от возможных стрел. С ними был довольно сильный маг. Залп их накрыл, когда они подошли уже совсем близко. Кажется, никто не выжил.

— Как видите, господин судья, мой подзащитный, который в данный момент не способен лгать, сам смог сформулировать условия, приведшие наши войска к победе. Ведь поднимись весь отряд на холм, да ещё с сильным магом — неизвестно, что стало бы с не ожидающей этого гвардией, спешащей на помощь. По моим прикидкам, их там было минимум вдвое больше спасательного отряда. Мой подзащитный просто выполнял

свой долг солдата, используя для победы все свои знания и способности.

— Кстати, о знаниях и способностях... — Губы мага искривились в ироничной улыбке. — Позвольте теперь и мне задать обвиняемому несколько вопросов. Рядовой Рикс! Вы взяли это имя в честь своего учителя?

— Да. — В голове у Ладара поднялась маленькая буря. Следующий вопрос его погубит, а он не может сделать абсолютно ничего!

— А вы знаете, что Дирил Рикс, бывший ранее знатным дворянином и неплохим магом, после ранения, лишившего его значительной части магических сил, стал вором?

— Нет. — Во рту словно колючек насыпали, но парень протолкнул коротенькое слово сквозь горло. Он ведь и правда не знал большую часть сказанного. Эх, Дирил...

— Но тем не менее Дирил учил вас воровству магических артефактов, верно? — Прокурор был неумолим.

— Да. — В зале шорохи и оживление. Подсудимый сознался! Люди подобрались. Большинство из них были состоятельными людьми, сделавшими ставку именно на ценность магических предметов. Измену они ещё могли простить. Возможную попытку их ограбить — никогда!

— Удачно учил?

— Нет. — «Блин, хватит допроса! Ну я ведь попался, перестань!»

— Хорошо. Тогда напоследок — когда вы снимали защиту с метателей, вы пользовались уроками своего учителя?

— Да.

— Ну, значит, не так плохо он вас выучил. А вы сознавали, что совершаете при этом государственное преступление?

— Да.

— Прекрасно! У меня пока всё.

Полковник хмурился. Признание в воровстве явно выбивало его линию защиты.

— Рядовой Рикс, вскрывая защиту метателей, вы понимали, что в ином случае они попадут в руки врагу?

— Да.

Никакого оживления в зале. Там уже вынесли приговор и теперь ждали только его утверждения. Смерть покусившимся на их ценности!

Маг, довольный, встал и поклонился судье.

— По-моему, всё достаточно ясно. Требование обвинения — смерть. По законам военного времени.

В зале послышались одобрительные крики. Но стоило судье поднять голову, и всё стихло. Перед Риксом сидел парень, высокий, худощавый, ненамного старше его самого. И в глазах его была беспристрастная заинтересованность.

— По-моему, всё справедливо. У защиты есть доводы, могущие повлиять на решение суда?

Льер Датим медленно покачал головой.

— Новобранец Ладар Рикс проявил инициативу, съётку и недюжинные способности. Именно благодаря ему наши военные разработки не попали в руки врагу. Его бы следовало наградить, а мы судим. Я хотел бы видеть его в рядах своих солдат!

— Льер, опустите эмоции. — Голос судьи был беспристрастным. — Вы располагаете ещё какими-нибудь фактами в защиту обвиняемого?

Полковник встал и медленно расстегнул китель. Достав нож, он подошел к замершему Риксу и, полоснув себя по руке, протянул ему нож — и окровавленную ладонь. Ладар торопливо подхватил клинок, резанул запястье — и вот уже кровь двух людей смешивается, а в зале слышатся торжественные слова:

— Я, полковник особого отдела гвардии его величества Родерика Пятого, беру на себя часть проступка этого юноши. А именно — всю его будущую вину. Если он сделает что-то, недостойное моей чести, я умру от собственной руки. Дабы убедиться в силе моей клятвы, прошу сохранить ему жизнь и возможность действовать.

— Хорошо. — Судья наклонил голову. — Клятва принятая и записана. — Обвинению есть что добавить?

Маг растерянно откашлялся.

— Хм... Обвинение снимает предыдущее требование и просит назначить в качестве наказания штрафной батальон сроком не менее пяти лет.

— Защита просит ограничить срок пребывания в штрафном батальоне до года. За всю его историю дольше там никто не продержался.

Парень в судейской мантии задумался. Затем встал и ударил о стол жезлом. Едва увидев его, Ладар застонал от бессилия: его судил член королевской семьи! Только им разрешено использовать в качестве знака власти королевские магические жезлы!

— Поскольку подсудимый признался в умышленной государственной измене, суд приговаривает его к смерти. Однако, в связи с косвенными смягчающими обстоятельствами и личным ручательством Льера Датима, чьи заслуги корона высоко ценит, суд счёл возможным изменить приговор. Отныне минимально лёгкое наказание за государственную измену — десять лет в штрафном батальоне. Отменить сей приговор может лишь король. Дело закрыто.

Телега тряслась, подпрыгивая на ухабах. Холщовый верх, отгораживающий штрафников от остального мира, мерно колыхался, словно бока какого-то животного. «Сытого и довольного, проглотившего десяток

штрафников и теперь неторопливо их переваривающее. Словно я в желудке у самой войны». Мысль мелькнула и пропала, заглушенная разговором.

— И заснул! Вы представляете! Умотала она меня! В части тревога, а я на бабе сплю! — Дружный хохот подстегнул рассказчика — рябого, вертлявого паренька к продолжению диалога. — А ведь меня в гвардию пророчили! Гляньте на мой меч — в бою добыл!

Рассказчик вытащил из ножен меч — длинный, блестящий, с отливающей синью сталью, тщательно отполированный, он производил впечатление грозного оружия.

— Офицерский. — Завистливый шепот пробежался по фургону — и замер. Довольный произведённым впечатлением, рябой заливался соловьём.

Ладар опустил руку на грудь и нашупал небольшую ракушку на простом тёмном шнурке. Вспомнив вкрадчивый голос мага-обвинителя, улыбнулся.

Судья, встав из-за стола, удалился в особые двери, полковник, представлявший защиту, торопливо двинулся по проходу, обсуждая что-то с двумя лейтенантами в поношенной форме, конвоиры двинулись к скамье подсудимых, когда туда же небрежно подошел маг, столь старательно требующий эшафот для обычного новобранца.

— Молодой человек, поскольку в будущем мы вряд ли увидимся, позвольте полюбопытствовать: ваш учитель, перед тем как встретиться с вами, совершил одну очень дерзкую кражу. Он залез в хранилище гильдии магов в одном небольшом городке. Слава всем богам, там не было ничего ценного... Однако не показывал ли он вам амулет в форме глаза?

— Нет. — Ладар ответил быстро, не давая себе возможности подумать. Все мысли — потом!

— Жаль. — Маг выглядел разочарованным. — Вам он всё равно без надобности, остаток своих дней вы проведёте в увлекательной должности пушечного мяса. А найдись амулет — я мог бы поспособствовать, похлопотать за вас. И в штрафной роте есть тёплые места.

— Благодарю, но там я задерживаться не намерен.

Маг удивлённо прищурился:

— Вот как? Надеетесь взломать эмблему штрафной роты? Это не под силу и архимагу! Хотя я был бы не против, давно пора льеру Датиму указать на его место, чтобы не ручался за всяких воришек.

— Вот на это я не стал бы надеяться. — Ладар был серьёзен. — У меня другие планы.

Маг промолчал, однако слова запомнил — это стало понятно тут же, во дворе, где двое сержантов, сняв с обвиняемого рубаху, приготовили его к изменению войсковой эмблемы. Ладар не сопротивлялся. Обвиснув на руках крепышей, он отрешился от всего, внимательно наблюдая за магическими изменениями, вносимыми в его тело. Первое правило удачного взломщика — чтобы понять структуру действия охранных чар, нужно проследить за их наложением.

Сеть чужой магии чуть подрагивала, когда вносили изменения — полк, рота, отряд. Но внезапно в ней возникли новые ветви, обвивающие жизненные токи, превращающие человека в безвольную куклу. Рикс торопливо открыл глаза:

— В связи с особыми, опасными способностями рядового наложите на него ещё запрет использования магии, запрет самостоятельных действий, безусловный запрет неподчинения приказу! Это решение совета магов!

Ладар с ужасом смотрел, как свиваются жгуты чужой магии вокруг тонких линий его разума.

— Правильное решение! Но только не забудьте внести «Действия во благо короны». Или вы хотите

оспорить? — Оба мага — прокурор и полковой труда-
га, корпящие над плечом новобранца, замерли. Около
них, улыбаясь, стояли полковник — и молодой парень,
исполнявший роль судьи. И солнце играло на его пет-
лицах, где в круге навек переплелись три розы.

— Нет конечно, сир! — Маг отступил, разводя руками, и полковник торопливо вышел вперёд.

— Значит, так. Запрет использования магии, если это идёт во зло короне, и возможность черпать дополнительную мощь, если во благо. Запрет самостоятельных действий — на тех же условиях. Безусловный запрет неподчинения приказу короля — его истинному смыслу. Выполняйте!

Ладар вновь скользнул в транс, чтобы увидеть, как расплетаются сковывающие его оковы, изменяя положение. Более того — у него появились возможности черпать силы из этого клубка магии. Пусть чуть-чуть и только в экстренных случаях, однако и это было подарком небес. Рикс так увлечённо изучал новые построения, что совсем забыл о грядущей боли. Когда она нахлынула, его выгнуло дугой, он застонал, но упрямо продолжал изучать процесс магической привязки чужих структур к его собственным.

— Упорен, сир.

— Вижу. Что ж, ваш выбор и ваш риск, полковник. Поглядим, чего стоит этот мальчик. Время покажет.

Ладара шатало. Тёмный шнурок выпал из ворота рубахи, и небольшая ракушка, окаймленная чёрным, заблестела на солнце. Раскрытые створки и вставленная внутрь крохотная жемчужина придавали ей вид прищуренного глаза, но Ладар не волновался. Он не видел за подарком учителя магических свойств, собственных амулетам, зато твердо знал — никто, никогда, даже во время самого тщательного обыска, не мог увидеть этой безделушки...

— Эй, деревня! Проснись! — Рябой солдат, ухмыляясь, толкнул его в бок, заставив вынырнуть из омута воспоминаний и судорожно схватиться за край телеги. — Сколько назначили?

— Чего назначили? — Ладар недоумевающе осматривал улыбающиеся лица.

— Сколько в штрафбате служить, говорю, деревня! Фролу — вон сидит, меньше всех, всего две недели. А так кому месяц, кому — два. А мне — полгода, я, получается, самый отъявленный нарушитель. — Рябой скрчил гримасу, долженствующую изобразить страшного, опасного для своих и чужих громилу и продолжил: — Ну а тебе, небось, дня три?

— Угу. Почти. Слушай, иди, трави свои байки дальше, не мешай людям отдыхать.

Ладар отвернулся, однако заводила не собирался заканчивать разговор. Торопливо взбираясь на место вожака, он не должен был позволять так говорить с собой. Внутренне сжавшись, Ладар ждал: едва чужая рука нависла над плечом — резко схватил и вывернул не ожидающие этого пальцы. Рябой завизжал тонко и пронзительно, по-бабы и плюхнулся на дощатый пол фургона. Побаюкав начавший распухать сустав, он потянулся за мечом и замер, обнаружив у лица чёрный как сажа, бархатный клинок.

— У меня нет срока. Я в штрафбате до конца дней. Не знаю, много их будет или мало, но портить оставшееся мне время общением с тобой я не намерен. Сгинь.

Клинок исчез в заплечных ножнах, и Рикс, повернувшись на бок, действительно прикемарил, наслаждаясь наступившей тишиной.

Действительность любит преподносить сюрпризы. Едва человек смиряется с происходящим, внутренне полагая, что ему известно его будущее, как появляется

новая деталь, переворачивающая всё с ног на голову. Штрафбат, который казался новобранцам старой, запотченной казармой, увитой несколькими рядами колючей проволоки, на проверку оказался полем. Ровным, гладким, полным травы и цветов — в тех местах, где не чернели пятна от феерболов, огненных дождей и прочих магических штук. Правда, таких мест было немного, так как поле это находилось за линией фронта, аккурат между двумя рядами враждующих армий.

То ли причуда природы или, скорее всего, прихоть кого-либо из архимагов древности — но река, по берегам которой окопались две армии, перед этим полем ныряла под землю — чтобы появиться с другой стороны, продолжая свой неутомимый бег. Получился гигантский земляной мост, на котором удобно было проводить сражения. Именно тут наверняка и наносили первый удар. И именно тут, не прикрытие ни рвом, ни траншеями, стояли несколько палаток и маленькая, неказистая землянка — расположение штрафного батальона.

— Это же верная смерть! Вы не можете!..

Сержант гвардии, сопровождающий обоз, несильно ткнул крикуну в живот и равнодушно обронил:

— Это что, отказ выполнить приказ?

Крикун посерел, подавившись криком, и сполз на дно телеги. Там он долго приходил в себя, с трудом вращая шеей, словно его что-то душило. Однако на команду: «Выходи строиться!» поспешил стал выползать, цепляясь за стенки телеги — урок был усвоен.

На шум подъехавшего обоза из землянки вышли семь человек — все, кто уцелел после последнего боя. Сильные, коренастые воины, в форме без всяких знаков различия, тщательно споротой, но зато опрятной и чистой. Степенно построившись рядом, они осматри-

вали новичков, о чём-то тихо переговариваясь между собой. К самому старшему из них и обратился сержант, лихо козырнув:

— Льер Ируг, принимайте пополнение.

Тот вздохнул, небрежно прошёл вдоль замершего строя. Каждому он уделял совсем немного внимания, но Ладар почему-то был уверен, что этот странный человек узнал о нём всё, что можно узнать при самом внимательном осмотре.

— Двадцать человек? Вы смеётесь? Это же на один бой!

Сержант вновь козырнул, садясь на коня.

— Моё дело доставить, а как воевать — это уж вы сами... счастливо оставаться!

Топот стих вдали, а старожилы всё посмеивались, глядя на круглые лица новобранцев, разглядывающих оказавшиеся неимоверно близко вражеские ряды. Затем льер Ируг, хмыкнув, сказал:

— Солдаты. — Это обычное в общем-то слово перед лицом близкого врага приобрело новые, благородно-пугающие оттенки. — Чинов тут нет. Командиры редко появляются в такой близости от врага, это нецелесообразно. Обычно они свои приказы передают через меня, у меня есть небольшой магический дар, неразвитый, правда, но получать приказы хватает. Кто был кем раньше — значения не имеет, распространяться не нужно. Почему оказались тут — тоже.

Затем не спеша развернулся и направился обратно в землянку.

Ладар постоял ещё немного, потом, сообразив, что никаких команд тут не будет, не спеша вышел из строя и направился к небольшой палатке. Судя по откинуто-му входному клапану, в ней никто не жил, и немудрено: она находилась ближе всего к врагу, к тому же была крохотной, максимум на двух человек.

— Рядовой! Вы уже определились с жильём?

Ладар повернулся: на него смотрел, изучающе и чуть удивлённо, самый молодой из старожилов. Он мог быть ровесником Ладару, но нахождение в штрафбате уже наложило свой отпечаток — чёрная, облегающая одежда, длинные тонкие клинки и упрямая, глубокая складка на лбу.

— Да. Похоже, эта палатка как раз по мне.

— В случае нападения по ней придётся первый удар.

Ладар внимательно изучил сложные конфигурации силовых полей, окутывающих внешне беззащитный лагерь, и хмыкнул.

— Вряд ли. Если какой-нибудь идиот и полезет в эту ловушку, первым делом он разнесёт землянку, спра-ведливо полагая, что самые опасные сюрпризы находятся в наиболее защищённых местах.

— Ты... ты маг?

— Нет. Как сказал один дипломированный специалист по этой части, «его крошечные способности не позволяют ему так называться...» Так что вряд ли.

— Ну это мы сейчас выясним. Идём!

Старожил схватил удивлённого Рикса за руку и почти поволок в землянку. Причина спешки стала понятна сразу же — там, закутанный в несколько одеял, трясясь от холода мужчина с посеревшим лицом. Парень удивлённо присвистнул. Несмотря на летнюю жару, в комнатушке было натоплено, и при этом пострадавший медленно умирал от холода.

— Чем это его?

— Не знаю. — Льер Ируг, устало сидящий у постели больного, даже не удивился неожиданному вторжению. — Магия льда, это понятно, а вот что именно... я не занимался этим никогда! У нас в роду одни военные! Были...

Он в отчаянии стукнул рукой о руку и замер, глядя в пространство. И зрачки его видели что угодно, только не деревянную стену землянки.

Ладар подошёл поближе, прищурился. Лечение Дирил ему никогда не преподавал — не было ни времени, ни сил, но разновидности ловушек вбил в голову на крепко.

— Ледяной кокон. Вешается обязательно не ниже двух копейных ударов над землёй, иначе его можно ощутить просто по изменению температуры. И на камень: деревья вянут и выдают ловушку. Интересно, где вы нашли такие скалы... Мне нужен чистый, немагический нож. Тонкий и хорошо наточенный.

— Ты... Ты ему поможешь?

Ладар пожал плечами.

— Я не маг. Всё, что я могу — вырезать оконечные узлы. После этого конструкция распадётся и можно будет его спасти. Попробовать спасти. Но узлы зашли уже очень глубоко в тело. Шансов мало.

Ему поверили сразу. Возможно, потому что видели близкую гибель товарища, а может, от отчаяния. Умирающего тут же вынесли на солнце, кто-то калил нож, кто-то готовил место. Ладар задержался возле Ируга.

— Льер, я не умею лечить. В смысле — заживлять раны. Я сниму магические путы, но далее действовать придётся вам. Поэтому не смотрите на происходящее. Отдохните, соберитесь — иначе вся моя работа пойдёт насмарку.

Ируг удивлённо посмотрел на парня.

— Обучение магии и начинается с лечащих и защитных чар. Это общеизвестно! Вы не можете не знать приёмов излечения!

— У нас были разные учителя. — Ладар грустно улыбнулся и поспешил к потерявшему сознание ветерану.

Клинок был тонким и холодным. Обычная двухсторонняя метательная «рыбка», половину которой кто-то наспех обмотал небольшим куском кожи. Едва сделав первый надрез, Ладар понял, почему из всего имеющегося арсенала оружия ему дали именно его — клинок был совершенным. Из прекрасной стали, выкованный явно с помощью магии, но при этом не имеющий в себе ни частицы маны, он легко, как масло, разрезал плоть, чутко реагируя на малейшие движения пальцев, скользил вдоль сухожилий и аккуратно обходил артерии. Анестезию новоявленный лекарь делать не умел и торопился, боясь, что пострадавший очнётся. Единственно, что он сделал — сгустил кровь, и она не хлестала сквозь разрезы, а сочилась тугой, густой струёй.

Ируг, посмотрев за действиями новобранца, встал рядом и стал понемногу закрывать раны, с которыми тот закончил работать. А исцелять пришлось много. Оконечные узлы ледяной сети зашли уже очень глубоко, отгородившись от постороннего вмешательства чужой плотью, и приходилось резать, добираясь до маленьких застывших глыб, и тонкой струёй огня топить гибельные узы. К тому же, заметив изменение собственной структуры, кокон ускорил движение, стремясь поскорее выстудить всё тепло жизни из замершего тела. Эта была странная гонка — гонка с призом в человеческую жизнь. Быстрее мелькал нож, быстрее сверкал крохотный огонёк огня, и туже стягивались остатки сети. Разрезав последнюю связку, молодой хирург замер: ледяной комок расположился прямо на ещё живом, медленно пульсирующем сердце, чьи ритмы застихали, уступая место неподвижности вечной зимы... Чьи-то услужливые руки раздвигали рёбра, кровь пузырилась в такт дыханию, а Ладар смотрел, как ледяное кружево расползается по сосредоточению жизни.

— Двигайся! Лучше рискнуть и умереть, чем умереть, ничем не рискуя! Давай, малыш! Действуй!

Тонкая струйка огня замелькала вдоль белых линий, вперемешку с кровью потекла невесть откуда взявшаяся вода, послышалось шипение, запах горелого мяса, пациент застонал, очнулся, попытался подняться — в него тут же впился десяток рук, лишая малейшей возможности двигаться. Человек закричал — претяжно и громко, криком выгоняя страх и боль, огонёк сверкнул в последний раз, и остатки ледяной паутины распались, растворяясь в горячей крови человека, которую мощно погнало по венам сильное, бьющееся в бешеном ритме сердце.

— Всё, дальше вы сами! — Ладар отшатнулся, и его место тут же занял льер Ируг, из рук которого полились свет...

Парень сам не помнил, как добрался до выбранной им палатки. Перед глазами мелькали тёмные и светлые круги, ноги дрожали, отказываясь нести хозяина — никогда ёщё он не магичил так долго. Но стоило ему, откинув брезентовый полог, упасть на холщовое дно нового жилья, как перед глазами мелькнул нож и упёрся в основание шеи. Крепкие руки стиснули запястья, легко пресекая возможные попытки к сопротивлению.

— А вот и наша новая девочка! — Рябой и двое его подручных были счастливы. — Ты, крошка, выбрала уютное местечко! Теперь у тебя не будет отбою от посетителей! Нормальные мужики истосковались без женской ласки, а ты такой молоденький, такой нежененький... И вроде и не трепыхаешься совсем! Значит, понравится. В этом деле главное что? Расслабиться, а ты сейчас и напрячься-то не сможешь! Верно, ребята?

Дождавшись скабрезных насмешек дружков, он принялся обыскивать парня, освобождая от оружия

и заодно и от одежды. Ножи один за другим звякали, падая у брезентовой стены палатки.

— Лежи, красавица, лежи. Заодно послушай: здесь люди живут по законам стаи. Если ты слаб — тебя будет иметь любой, кто захочет. Поэтому, чтобы не попадать в подобные положения, никогда не помогай другим! За благодарность в нормальном обществе платят... ну вот как мы сейчас, верно, ребята?

Рябой хотел сказать ещё что-то, но взвыл, хватаясь за кисть: он коснулся тёмного клинка. Чувствуя бессильную ярость хозяина, тот глухо мерцал, весь объятый мраком — и в глубине его что-то двигалось.

— Блин, гадский потрох! Дайте мне кусок кожи потолще: жжёт прямо сквозь ножны!

— На хрен, он выпьет твою жизнь и сквозь кожу! Разрежь перевязь и выкинь эту дрянь подальше!

Ладар, собрав силы, попытался вырваться, но четыре крепких руки надёжно держали ослабевшее тело.

— Все ваши души окажутся в моём клинке! Придурки, я не вечно буду под действием отката!

Рябой заржал, откинув голову.

— Ты ещё не поняла, крошка? Никто тебя в живых оставлять не собирается! Разденем, свяжем поудобней, чтобы не дёргалась, а потом все желающие тебя отымечут... столько, сколько захотят, а мужики у нас голодные! Сколько времени на передовой! А потом — мы на войне да ещё в штрафбате. Тут свои законы!

— Вот именно. — Лезвие тонкого и чуть изогнутого меча легко прорезало прорезиненную ткань, вспоров руку рябому. Тот взвизгнул и торопливо схватился за порез, не помышляя о дальнейшем сопротивлении: с пренебрежением относясь к чужим жизням, он весьма дорожил своей собственной. Второй клинок прорезал ткань в другом месте, и один из громил, взвыв в голос, схватился за причинное место и ринулся бежать, пу-

таясь в порванных штанах. Оставшийся подельник, глянув на поблескивающие в нетерпении ленты стали, припустил следом, бросив своего главаря в одиночестве.

Полог раздвинулся, и в глубь палатки легко прокользнул давешний парнишка в чёрном. Однако Ладар этого уже не видел. Подхватив валяющийся на земле тёмный клинок, он ударил — точно и чётко, целясь в горло застывшему в страхе Рябому, но крепкая рука перехватила его запястье, не давая закончить удар.

— Пошёл вон! — И Рябой, что-то благодарно щебечча, ужом скользнул в начавшие сгущаться сумерки.

— Зачем ты меня остановил? — Ладар, с трудом переводя дыхание, принялся торопливо приводить себя в порядок. Желание убить, нахлынувшее на него, было необычайно сильным и острым и, оставшись неудовлетворённым, пылало в груди, заставляя кровь кипеть.

— Тому есть множество причин. Например, если бы прибил эту мразь, королевское тавро у тебя на плече тут же отправило бы тебя вслед за ним.

— Ну и пусть! Он покушался на мою честь!

В ответ раздался весёлый, беззаботный смех. Солнце ещё не село окончательно, хотя звёзды всё ярче горели на небосводе — на улице было ещё светло, однако в палатке тьма уже выступила из-за углов, торопливо подгребая под себя все предметы. Спаситель укрылся в ней, только голос неторопливо звучал из ниоткуда.

— Ты говоришь, как девка-институтка. Это у них честь сосредоточена между ног. Я спас тебя от унижения — унижения, которое ты бы смыл кровью своих обидчиков. Судя по твоим бешеным глазам, скоро, уже завтра. Это, кстати, просчёт этих урок. Обычно они вначале ломают человека морально, а лишь потом физически. Но в штрафбате каждый день может стать

последним, они поторопились и проиграли. Теперь не сунутся.

— Я всё равно это так не оставлю. — Ладар зло закусил губу. — Просто не смогу.

— Хорошо. Только давай так: потерпи неделю. Остынь. Слышал, наверное: месть — это блюдо, которое нужно есть холодным. А через неделю... хм, через неделю я сам тебе помогу. Если это ещё будет иметь смысл. Да, и кстати... — Перед ногами юноши упала знакомая ему метательная рыбка, всё ещё завёрнутая в несколько слоёв кожи, с остатками крови недавнего пациента.

— Наш друг... он не надеялся встретить закат, а теперь он даже немного встаёт. Это его подарок. Хорошее оружие — самое ценное, что есть у воина. Особенно — в штрафбате. Да, и ещё одно: меня зовут Айяр.

Полог легко опустился, словно палатка вздохнула немного ночного воздуха, и Ладар остался один.

Побудка всегда начинается одинаково — с крика начальника. Постоянного или временного, назначенного генералом или сержантом, однако крик «Подъём!» одинаков во всех армиях всех миров. За свою недолгую службу Ладар уже привык просыпаться именно под этот неизменно бодрый вопль дневального. Но в штрафбате было не так.

Боль в плече — ясная и чёткая, словно поданная команда, заставила его вскочить, подхватив оружие, и выбежать в ночь, чуть окрашенную первыми, робкими лучами солнца. Тут стояли два хмурых мага, держа на готове открытый портал, и толклись растерянные новобранцы. Следом за ними более спокойно выходили ветераны: им такие побудки были не в диковинку. Хотя и они морщились, держась за плечо.

Кто-то из новобранцев пытался о чём-то спросить хмурых магов, но из его рта не донеслось ни звука,

а маг лишь отмахнулся и, наскоро пересчитав прибывших, махнул рукой в сторону портала.

Один за другим солдаты исчезали в туманном ма-реве, и Ладар, задержавшись, оценил: вся рота была накрыта пологом тишины, дабы ни один, даже лёгкий шум не выдал противнику перемещение подразделения.

Вышли они у подножия холма. Не было реки, не было насыпных валов и рвов, сразу становилось понятно, что они где-то за линией фронта. Оценив, сколько сил нужно потратить на строительство портала во вражескую территорию, Ладар по-новому взглянул на сопровождавших: заклинания такой силы изрядно укорачивали жизни самих магов.

— Ваша задача — захватить склон. — Ровный, чуть напряжённый голос одного из магов зазвучал в голове. — Противников не ожидается, но быть предельно внимательными: могут быть магические сюрпризы. Что могли, мы сделали, теперь дело за вами. Поднимаемся на холм, ищем врага. Всех, кого нашли — кончать на месте, своих или невиновных тут быть не может. Особенno это касается новобранцев: даже ребёнок тут смертельно опасен! Увидите — сразу бейте! Если получится. Через полчаса за вами пойдёт гвардия, успейте до её появления — она также будет уничтожать всё, что шевелится. Вперёд!

Все постояли несколько секунд, вглядываясь в заливую утренним туманом каменную громаду. На передовой проще: враг осязаем, его легко увидеть и убить. Или хотя бы попытаться убить. Но мешкать им не дали: боль в плече — и шеренга штрафников сделала дружный шаг на холм.

— Ладар! — Горячий шепот раздался совсем рядом. Возле него, внешне бесстрастный, шёл Айяр. — Нас отправили искать магические мины. Любые ловушки,

какие есть в воздухе и на земле, уже убраны. А вот то, что делается ниже — тут растёт особый мох. Он скрывает всё. Может, ты что увидишь?

Под землёй был туман. Нежно-розовый, тот однородной массой заползал в каждый камень, в каждое растение. И скрывал все свои тайны от чужих глаз.

— Нет. Ничего не вижу. Кроме одного — в земле есть магия. И в ней можно спрятать массу ловушек.

— Массу — вряд ли. Мох, растущий на скалах, очень ценен. Ловушки его повредят. Их немного, но они мощные. И, видимо, направлены в сторону от земли. Если что — падай и прижимайся к ней поближе. Да — не пытайся действовать наугад. Твоя задача сейчас проста — выжить! Ищи ту дорогу, которая приведёт тебя на вершину холма и обратно невредимым. По твоим следам пойдут сборщики — чем больше ты пройдёшь, тем больше этой дряни они соберут, тем сильнее будут наши маги. Всё, больше не отвлекаемся: начинается склон. Расслабься и следуй своей интуиции!

Интуиция молчала. Никаких подсказок — шагнуть туда или сюда, ничего. Не чувствовалось опасности — холм был ровный и аккуратный, зелёный, с нежными проплешинами розоватого мха. Боль в плече становилась сильнее, вынуждая шагнуть наобум, пойти навстречу неминуемой гибели. Внезапно чуть впереди, справа раздался негромкий хлопок и вскрик. Куски красного студня упали перед парнем — куски, в которых он с содроганием узнал человеческую плоть. Смерть начала забирать свои жертвы. Всё вокруг подёрнулось пеленой, и он увидел тёмные омыты, темнее ночи и мрака — окна, ведущие в иной мир, они ждали своего мгновения — сработать, раскрыть новому избранному новый путь... Путь на тот свет. Несмотря на уверения магов и ветеранов, их было много. Достаточно для того, чтобы уничтожить любого дерзкого, при-

шедшего на этот холм — любого, не способного увидеть или почувствовать затаившуюся смерть.

И он пошёл. Тропою теней, скользя между жизнью и жизнью, касаясь мрака остывшими призраками следов, играя, маня... Вершина встретила сипала отсутствием ловушек — и обилием розового мха. Кивнув своим мыслям, набрал его целую охапку и вновь заскользил вниз, навстречу напряжённо застывшему Айяру.

— Поднимись по моим следам. Набери мха и аккуратно обратно. Там, наверху, он не такой, как на склонах, маги будут довольны.

Свалив ношу у портала и улыбнувшись округлившимся глазам чародеев, Ладар вновь направился на холм — тропа теней всё ещё действовала.

— Стой! — Пожилой ветеран застыл с поднятой ногой. Интуитивно он прошёл большую часть холма, но сейчас перед ним раскинулось слишком много ловушек. — Вправо три шага, потом два вверх и вновь три вправо, дальше чисто.

Не оглядываясь, он заскользил вдоль склона, помогая тем, кто ещё был жив. Таких было немного. Слишком часты были ловушки, и то тут, то там валялись бесформенные куски окровавленного мяса. На практически целой земле.

До очередного испуганно застывшего новобранца осталось не более трёх шагов. Ладар скользнул взглядом по его растерянному лицу, подмигнул, собираясь сказать что-то ободряющее, как внезапно из неприметной расщелинки выбрался Рябой. Когда он туда забился и как мог терпеть пытку, вынуждающую идти дальше? Но сейчас от страха и боли блатной совершиенно обезумел. С пеной у рта, с ножом кинулся на того, в ком видел врага, забыв обо всём.

— Стой! — Время дернулось. Застыло. Пошло опять: медленно, со скрипом — и замерло окончательно.

Вот Рябой делает шаг. Красноватый мох приминается, дрожит, а с губ срываются клочья пены. Второй. Испуганно вскрикивает новобранец за спиной, Ладар судорожно нащупывает рукоять клинка... Третий — прямо в центр очередного омута. Мрак свивается подобно клубку змей, собирается в крохотную точку и выплёскивается взрывом ледяных стрел. Кажется, из земли прорастает тонкий куст серебристых молний. Несколько моментально пронзают тело Рябого — оно набухает, багровеет и лопается, забрызгивая кровью землю вокруг. Остальные тянутся в стороны в поисках новых жертв — и тут время застывает окончательно.

Всё вокруг становится вязким, тягучим, краски жизни блёкнут, появляется слабость, и в глазах начинает стремительно темнеть. Не хочется ни бежать, ни сопротивляться — только спать... Ладар сжался в ожидании серебристой молнии, входящей в тело, сворачивающейся там в клубок и разрывающей всё изнутри. Не было ни страха, ни волнения — полное равнодушие существа, прощающегося с жизнью... И тут на шее шевельнулась давно забытая ракушка. Игрушка, безделица, никак до сих пор себя не проявившая, она внезапно ожила, жемчужина в створках покраснела, затем потемнела — и человек вновь обрёл если не силу, то волю к жизни.

Тело с трудом, но слушалось. Ладар осторожно повернул голову — несмотря на застывший мир, молнии приближались! Медленно, со скоростью улитки, но они ползли, стремясь добраться до жертвы. Сипал, посвящённый теневой тропы, начал действовать. Медленно по миллиметру изменяя положение тела в пространстве, он постепенно извернулся так, что молнии должны были пройти мимо. Если, конечно, они не в состоянии почуять его движение и извернуться на лету. Если из земли не появятся новые. Если... Но тут Ладар

забыл о молниях. В этом странном, застывшем мире он был не один. Тонкая, стройная фигурка непринужденно скользила по холму — её ноги практически не касались земли; казалось, она плыла по воздуху. Чёрный плащ, перехваченный пояском в талии, накинутый капюшон — всё это скрывало странную гостью, способную двигаться в замороженном времени так же легко и свободно, как в бальном зале — парень ни капли не сомневался, что это была Она. Сердце проснулось от спячки и забилось быстро и сильно.

Девушка меж тем продолжала свой танец. Она двигалась от одного воина к другому. Мертвые и искалеченные, они лежали по всему склону, обильно удобряя собственной кровью магические посевы. Вглядываясь, затем опускала тонкую кисть на закованную в сталь широкую грудь — и тонкое облачко взметалось над лежащим, уносясь в пространство. Один, второй, третий. Понимание на мягких лапах пришло к юноше и нагло устроилось у него в мозгу, заставляя вновь оцепенеть, но теперь от ужаса.

Меж тем девушка приблизилась к месту взрыва мины. Небрежно сдвинув остатки Рябого (облачко тёмного тумана грязным полотнищем скакнуло вбок и куда-то вниз), она подошла к новобранцу, которого хотел защитить Ладар, поглядела на хвостик серебристой молнии, вошедшей в тело, грустно улыбнулась и нежно погладила по щеке. Белый комок тумана прянул в сторону и развеялся в окружающей дымке. Девушка повернулась к Ладару. Рука её было протянулась к его груди, остановилась... Легко поднялась вверх и скинула капюшон.

Тугие чёрные пряди, длинные и чуть вьющиеся, упали на плечи, обрамляя тонкий, изящный овал лица. Большие и длинные глаза, уходящие разрезом к вискам — на пол-лица, тонкого, точёного, — уставились

на человека с удивлением и чуть заметной иронией. Губки, маленькие, розовые, словно поблекшие в этом странном чёрно-белом мире, раздвинулись в лукавой улыбке.

— Ну? И кто это тут решил поспорить с судьбой?
Ладар с трудом слогнул.

— Ты не можешь меня убить. Меня не заденет ни одна из этих серебристых штук!

— Я? Убить? Это не входит в мои обязанности. Как ты верно подметил, здесь и сейчас убивают серебристые штуки, у опытных магов называемые «взрывом зимней молнии». А мне просто любопытно, благодаря чему ты смог от них увернуться, уже будучи в моём пространстве.

Парень мотнул головой. Ракушка, светящаяся уже багрово-красным, выпала из-за воротника и повисла на шнурке. Девушка нахмурилась.

— Знакомая вещица. Тот, кто её зарядил, пожертвовал многим... очень многим. Так что же ты хочешь? Жить долго? Смерти своих врагов? Или оказаться по дальше отсюда, в новом теле?

Большие глаза уставились внимательно — и чуть устало. Из них пропала всё веселье. Сейчас они были глазами человека, на которого внезапно свалилась огромная куча работы. Ему показалось или в них мелькнуло отчаяние? Ладар смотрел, не в силах оторвать взгляда и тонул в чужих зрачках, чувствуя, как кружится голова, как сердце бешено стучит, споря с рассудком, не желая ничего: ни вечной жизни, ни власти, даруемой ужасом, ни возможности начать всё заново — только смотреть и любоваться. И столько всего было написано на лице парня, не пытающегося что-либо скрыть, что девушка зарделась, вновь накидывая капюшон.

— Ну решил? Говори, чего тебе? Не видишь — и так работы полно, а тут ты ещё, на мою голову... — Голос

звучал смущённо — и потому грубо. Резкое исчезновение прекрасных глаз оказалось для парня слишком внезапным. И из груди вырвалось сокровенное, то, что он никогда бы не решился произнести:

— Я... Я хочу увидеть тебя ещё!

— Что? Ты ненормальный?

Ладар лихорадочно искал доводы.

— Я — сипал, посвящённый теневой тропы.

Девушка фыркнула.

— Тот, кто присвоил тебе эту ступень, здорово тебе польстил. Ты неуклюж, как новорождённый щенок.

— Возможно. Но я хочу тебя видеть. Тебя... — И столько нежности и тоски было в его голосе, что девушка вновь скинула капюшон, пристально глядя в глаза парня. А тот — мгновенно расслабился, любуясь прекрасными глазами, ещё больше раскрывшимися от удивления.

— А ты хоть знаешь, как меня зовут?

— Ой, нет. Меня — Ладар. Ладар Рикс, если точнее.

А ты...

— Сокращённо — Сети. Только так никто не зовёт. Все предпочитают моё полное имя — Смерть! Слышал? — Девушка смотрела горько — и вновь иронично. Но парень лишь улыбнулся.

— Я понял. Сети... Не знаю, тебе не очень идёт. Я буду звать тебя Илис — ночной цветок.

— Звать? Меня? Ты окончательно свихнулся! Свали! — Тонкая ладошка впечаталась в лицо, вышвыривая парня в обычный мир, но он успел увидеть слезинку, застывшую на длинных чёрных ресницах.

Взрыв! Кровавые ошмётки двух его товарищей взвились в воздух, а Ладар всё лежал, прижимая ладонь к начавшей быстро неметь щеке, и грустно улыбался.

Из взвода уцелели девять человек. Семеро ветеранов — весь костяк, шагающий из сражения в сражение,

Ладар и ещё один молодой парнишка, которого молнии прошили нас kvозь, почему-то не взорвавшись. То ли потому, что не встретили на своём пути мякоть, или просто маг, заряжавший мину, схалтурил, однако новобранец выжил. Перестав, собственно, считаться та-ковым. На Ладара же, который умудрился, пока ветераны, с трудом, взвешивая каждый шаг, добирались до вершины, сгонять туда и обратно два раза и вдобавок уцелел при магическом взрыве, пусть он был не над ним, но близко, близко! На Ладара теперь поглядывали с восхищением — и опаской. Восхищения было больше во взглядах солдат, опаски — у магов, уверенных в невозможности произошедшего. Сам герой дня чувствовал усталость. Словно кто-то одним махом выпил все его силы, превратил в слабого и немощного старца. Колени дрожали, всё время хотелось присесть и закрыть глаза. Он с трудом дотянул до переброски обратно в лагерь, построения, во время которого смутно знакомый ему льер — из ведомства Датима, не иначе, толкнул краткую, патриотическую речь о необходимости сложить свои жизни во имя Короны. Дождавшись короткого «Разойдись!», поплёлся в сторону своей палатки, но был перехвачен Иругом.

— Ты куда? Дело было сложное, мы здорово выручили их магичеств, и они расщедрились на хороший стол. Такое в армии нечасто бывает. В большой палатке уже всё накрыто, пошли!

Ладар буркнул что-то недовольное, но опытный вояка, взглянувши в него попристальней, стальной ладонью ухватил за плечо и потащил к центральному зданию их маленького парусинового лагеря. Койки, на которых ночевали прибывшие ещё вчера новобранцы, таинственным образом исчезли — и теперь здесь не было ничего, кроме нескольких столов в центре, лавок по стенам, и сквозняк, резвясь с отвязанными краями

полотнищ, выдувал всякие остатки духа блатных и их неприятных обычаев.

— Айяр! Займись мальцом. Поплохело ему с непривычки, еле на ногах стоит. Накормить, напоить, если оклемается, заодно и вооружить. Действуй! — Ируг сел во главе стола, громогласно пошутил, все рассмеялись, а Ладар, торопливо плюхнувшись на лавку, устраивался поудобней, стараясь положить голову на стол и покемарить.

— Съешь немного, и я отведу тебя в палатку. Всё равно ведь не отвяжутся. — Перед ним опустилась тарелка, на которой лежали небольшие продолговатые фрукты.

Есть не хотелось совершенно. Но узкое, раскосое лицо Айяра выражало искреннее участие, и просто из вежливости Ладар положил в рот кусочек фрукта. Терпкий, чуть солоноватый вкус заполнил рот — казалось, странный плод состоит из одного сока, стремительно скользнувшего по пищеводу. Это было необычно, и, поколебавшись, он протянул руку за следующим куском...

Силы возвращались — медленно, но верно. Вначале их, казалось, не хватало и на мягкие фрукты, однако через час Ладар поймал себя на том, что с упоением грызёт здоровенный кусок мяса — маги не поскупились. Опомнившись, он с некоторым сожалением отложил кость, вычищенную им подчистую, и аккуратно принялся вставать из-за стола.

— Маленько оклемался? — Айяр оказался рядом, гибко скользнул под слабо подвешенное входное полотнище, подождал парня на воздухе, разглядывая небо. Оказывается, уже начало вечереть — солнце нехотя исчезало за горизонтом, напоследок окрашивая всё вокруг в золотисто-кровавые цвета.

— Да, спасибо. Полегчало. — Ладар задумчиво разглядывал молча стоящего парня. Тонкий, стремительными

чертами лица он напоминал ему ту, все мысли о встрече с которой он спрятал как можно глубже, но чей образ постоянно всплывал перед глазами. — Скажи, Айяр, а ты — человек?

Гибкая фигура замерла на полу шаге. Медленно, обстоятельно повернулась, внимательно оглядев при этом всё пространство вокруг — открытое и пустое.

— А с чего ты решил, что я — нечто иное? — Голос был беззаботен, юн и свеж — но Ладар отчётило расслышал в нём свист разрезаемого клинком воздуха.

— Один раз я видел... девушку, чем-то похожую на тебя... Не так, как родственники походит на родственника, а как один человек походит на другого. Вот только человеком она не была.

Айяр, уже справившийся с собой, рассмеялся.

— Не вздумай такое ляпнуть при магах. Тут же начнут устраивать надо мной всякие опыты. Вот уж чего совершенно не хочется! Тем более из-за такой ерунды — мало ли кто на кого похож!

— Так ты — человек? — Ладар был настойчив.

Айяр задумался.

— С детства был уверен, что да. Я — найдёныш, меня ещё маленьким подкинули в приют. Ну а оттуда одна дорога — в армию. На войне всегда нехватка мяса. Так где ты видел подобных мне?

Ладар покачал головой.

— Этот вопрос следовало задавать сразу же — и выглядеть поражённым. Ты опоздал с ним минимум на три фразы. Сразу видно, что путных учителей у тебя не было. Мне всё ещё отвечать на твой вопрос?

Айяр, помолчав, кивнул.

— Я видел одну девушку... очень красивую. Случайно. Но не знаю, кто она, ни какой она расы. Подозреваю, что живётся ей несладко. Подробней — не расскажу. Это личное.

Тонкая рука, закутанная в чёрное, разжалась — и в ней блеснул узкий луч стальной полосы. Пальцы в перчатках задумчиво поиграли с метательным ножом, чтобы затем спрятать его в недрах одежды Айяра.

— Я не шпион. Действительно, я знаю, что не отношусь к людям, но мне об этом сказал Льер Датим. Перед тем, как отправить сюда. Собственно, он мне предлагал совсем иное — стать одним из его разведчиков и следить за собственным народом. Но, как бы мне ни хотелось увидеть сородичей, я предпочёл всё же оказаться здесь.

— Извини. Я не должен был бередить раны. — Ладар грустно кивнул. И знаешь — жизнь не кончена, и никто не знает, что ждёт его впереди. Ты не отчайвайся. А куда мы идём?

За разговором он и не заметил, как поле кончилось — и двух юношей обступил небольшой лесок. Они по-прежнему были на линии фронта, но здесь, в темнечущем лесу, среди деревьев, скрывающих от них остальной мир, этого не чувствовалось.

— Да мы, собственно, уже пришли. Помоги. — Айяр разгрёб листву и аккуратно вытянул какую-то верёвку.

Перекинув её через дерево, он начал равномерно тянуть, поглядывая куда-то под ноги. Ладар растерянно подхватил свободный конец сплетенного из трав тросика и также потянул на себя. Внезапно слой дёрна прямо перед ними дрогнул, поплыл вверх — и отклонился в сторону, открывая узкий ход вниз. Айяр, ловко закрепив верёвки, спрыгнул прямо в темноту и, чем-то тихонько постукивая, начал говорить:

— Теоретически каждый солдат королевской армии имеет право на оружие, добытое в бою. Во многих частях сквозь пальцы смотрят на наличие у воинов нескольких комплектов оружия, да и на наличие золотишко — лишь бы воевал хорошо. Но только не

в штрафбате. Здесь каждый лишний клинок подлежит немедленной конфискации. Поэтому Льер Ируг и придумал этот схорон. — Звяканье прекратилось, и в руках у Айяра затеплилась небольшая масляная лампа. — Спускайся, только осторожно — лестницы нет.

В основном тут были мечи. Всех видов и размеров, они тихонько подмигивали оторопевшему парню отражённым, мягким светом лампадки и, казалось, присились к нему в руки. Ладар, как зачарованный, ходил по небольшой — пять на десять шагов землянке, некоторые клинки брал в руки, внимательно изучая сталь... Обычных, армейских образцов тут не было. Всё сделано на заказ, для знати, явно гномьей работы.

— Это сколько ж это всё стоит?

— Кстати, хорошо, что напомнил. — Айяр подошёл к небольшому сундучку, стоящему у стены, открыл — и принялся черпать оттуда золотые монеты, набивая ими обычный солдатский кожаный кисет. Когда он закончил, в руках у него был мешочек, на который можно было купить небольшую деревню.

— Зачем тебе это?

— Мне? Мне золото на передовой ни к чему. Но мы давно заметили: стоит в штрафбате появиться новичку, и кого-то из ветеранов переводят в обычную часть, а то и совсем комиссуют. Официально подобное не разглашается, чтобы не портить имидж штрафбата, но такое бывает. Это — на обустройство на новом месте. Повесим на входе, среди остальных кисетов; уходящий, как бы его ни торопили, всегда успеет взять деньги.

— А что, заранее нельзя узнать, кто это будет? Ну у кого срок наказания кончается, например?

Грустный смех был ему ответом.

— Забудь. Подойди ты с таким вопросом к начальству — к тебе просто придерутся и срок удвоят.

— Ну мне это не грозит. Меня сюда сослали бессрочно.

Айяр удивлённо вскинул глаза и засмеялся на пару с фыркающим парнем.

— Теперь ясно, кого отряжать на переговоры с начальством. Давай выбирай!

Ладар задумался, прошёлся вдоль ряда задорно поблескивающих клинков — и покачал головой.

— Нет, спасибо. Они все для меня слишком большие. Я не умею такими пользоваться. Я только-только начал осваивать ножи, а ты мне предлагаешь меч! Это не для меня.

— Видел я твой нож, не волнуйся. Потому и привёл. То, что ты ошибочно называешь ножом — вазеши, малый клинок для двуручного боя. Для левой руки. А тебе нужно подобрать что-нибудь для правой. И ещё, конечно, тёмный клинок — это сила. Даже странно, что он был у простого гвардейца. Но тут есть мечи, способные справиться с ним. И я рекомендовал бы выбрать один из них. — Голос Айяра внезапно стал серьёзным. — То, что тёмные клинки выпивают душу — сказка... которая не так далека от реальности. Их делали так, чтобы они обессиливали противника. Достаточно ему задержаться на пару секунд в любой, даже самой безобидной царапине на теле человека, и тот чувствует слабость. А если оставить его там подольше — человек умирает без всякого яда и без всякой магии. А сила его переходит клинку. Его приручить невозможно. Поделись с ним кровью — лишь воспримет это как слабость и будет жаждать ещё. Он признаёт только силу. А что лучше подчеркнёт твой статус хозяина как не меч, способный справиться с клинком тьмы?

Ладар по-новому взглянул на собственный нож и тихо поблескивающие шеренги стальных лент.

— И какой из них способен справиться с тёмным клинком??

Айяр аккуратно снял с подставок несколько мечей и выложил их наверх, прямо в начинавшие сгущаться сумерки.

— Пошли. Выбирая оружие, нужно его видеть и чувствовать.

Солнце тем временем уже почти спряталось за горизонтом, но низкие, почти параллельные земле лучи пронизывали рощу насквозь, минуя пышные кроны, озаряя её невиданным и днём светом.

— Смотри, это полуторник. Скован из особой стали, с добавками крови одной хищной твари. Невосприимчив к магии, легко разрубит железо, дерево, плоть, в том числе и твой клинок. Пасует только перед камнем.

Крепкий, блестящий меч. Судя по истёршейся рукояти — трудяга, но на лезвии — ни царапинки. Рука, не привыкшая к такому весу, сразу пошла вниз. Клинок насмешливо присвистнул и заодно легко разрубил травяную кочку.

— Нет. Я не мечник, для меня он слишком тяжёл.

— Руки у тебя крепкие; видно, что с детства к труду приучен, — освоишься!

— Нет. Я чувствую: не мой клинок.

— Так и говори. А то — руки, руки... — Айяр насмешливо фыркнул, и Ладар отчётливо представил себе, как он будет осваиваться. — Ладно, поехали дальше. Глянь, клинок лорда. Железо гномье, под завязку напичкан магией. Причём светлой, всё против тьмы. Тёмные клинки от таких бегут, как черти от ладана.

Небольшой, широкий прямой меч, сходящийся к острию. Лишь на пару ладоней длинней его тёмного, в рукояти самоцветы. Удобен и практичен в походе, но почему от него веет презрением?

— Нет, не мой. Сразу говорю. Дальше показывай — есть ещё?

— И не один. Гляди.

Тонкий, почти светящийся клинок. Явно не сталь — что-то лёгкое и светлое, однако острый и вёрткий. Длиннее второго, короче первого, а по ширине уступает его тёмному клинку. Едва взяв его в руки, Ладар понял — это его меч. Быстрый, гибкий и острый, созданный колоть — не рубить.

— Что это?

— Ага, влюбился? Это меч из восточных царств, якобы из лунного серебра. На мой вкус — слишком лёгок, но тьму уничтожает одним прикосновением и без всякой магии. Вот только у него своё понятие тьмы. Специфическое. Его возможности тебе придется изучать долго. Может, другие мечи глянем?

Ладар замотал головой, счастливо улыбаясь.

— Нет, не хочу другие. Я уже выбрал. Можно взять этот?

— Для того сюда и пришли. Кажется, его называют стигис. Что-то связанное с уничтожением змей, но что — я понятия не имею. У нас, если аврала не случится, пара дней отдыха есть, так что завтра начнём тренировки. И пока не стемнело — помоги схорон закрыть.

Ладар покорно взялся за верёвки, мысленно содрогаясь при мысли о предстоящей учёбе, но на лицо его то и дело наползала счастливая улыбка.

Утро выдалось дождливым. Мелкий, моросящий дождь стучал по брезентовому верху палатки, сырость туманным облаком расселась на израненном войной поле, всем своим видом намекая — я тут надолго. Ладар натянул одеяло повыше на нос, надеясь поспать по-дольше; и тут же по палатке забарабанили. Натянутый тент загудел, подобно гигантскому барабану, и пришлось торопливо выбираться из тёплого плена одеял.

— Давай разомнёмся немного перед завтраком! — Вся штрафная рота, за исключением раненого новичка,

была в сборе. Ветераны, голые по пояс, казалось, наслаждались мелким дождиком, с удовольствием подставляя лица редким струям. У каждого в руке была палка — аккуратное, выструганное из дерева подобие меча. Одну такую же Ируг протянул и ему. Ладар, взяв муляж в руки, присвистнул: и по форме, и по весу тот совпадал с его вчерашним подарком. Кто-то потратил на эту деревяшку несколько часов труда — или магию.

— Хватит стоять! Вот пригород. Царь горы сегодня идёт в деревню за продуктами!

Ветераны тут же дружно рванули в сторону небольшого, почти неприметного холма. Возможность хоть на несколько часов оказаться вне смертельной части была прекрасным стимулом. Но настоящее действие развернулось уже на травяных склонах.

Марек — гибкий, с мягкими валунами мышц, вчера весь вечер певший вполголоса спокойные, тихие песни, сегодня преобразился. Первым заскочив на вершину, он встал как скала, размахивая своим деревянным мечом. Раз за разом наваливались на него штрафники — тот, подхватив во вторую руку обычную обструганную палку, превратился в водоворот, вихрь движений, не подпуская никого к себе — и занятому им холму. Ладар сунулся было, однако гибкая ветка тут же увела его меч в сторону, а второй он получил по лбу — не слишком больно, зато обидно. Минут через десять, когда все выдохлись, Ируг поднял руки:

— Ладно, ты победил... намекни только Мареку о деревенских девчатах, и он один готов войско уложить. Пошли умываться и завтракать.

Под дружный хохот все направились к небольшому ручейку, текущему в низинке. Тут вновь началась возня за право первому оказаться у воды — в результате все ввалились в палатку, где уже был накрыт стол, мокрые, но довольные.

На завтрак была каша. Обычная, не слишком вкусная, зато сытная, и вроде в ней даже попадались куски мяса. Вздохнув, Ладар подумал, что подобная пища — его обычный рацион до конца дней. Он всё ещё елозил по тарелке, когда к нему подсёл Ируг.

— Понаблюдал я за тобой сегодня утром, — без предисловий начал отставной маршал, иронически глядя, как молодой парень сражается с кашей. — Да, воина обычными методами из тебя делать долго... Очень долго. Тут, наверно, столько никто не проживёт.

Рикс покраснел. До него только сейчас дошло, что утренняя разминка, кроме всего прочего, была ещё и испытанием.

— Что, так всё плохо?

— Ну почему же плохо. — Ируг пожал плечами. — Обыкновенно. Никаких особых талантов, всё как у всех.

— А мне говорили, ну когда я с ножами занимался... — Ладар обиженно размазывал кашу по тарелке.

— Давай посмотрим трезво. Тебя никто не взялся учить, не записали в особые части, не сделали гвардейцем. Если ты и выделяешься из общей массы в этом плане, то ненамного. Возможно, на тебя обратили внимание, дав возможность заниматься самому, надеясь, что со временем из тебя получится толк, но теперь это пошло прахом. У тебя его просто нет.

— Кого?

— Времени. В штрафбате новички не выживают. Они погибают первыми, и часто случается так, что, погибая, тянут за собой кого-то из ветеранов.

— Я никого не потяну. — Ладар обиженно вскочил, однако Ируг лишь улыбнулся.

— Не потянешь. Потому что мы будем с тобой заниматься. Вернее, заставлять заниматься тебя. Я осмотрел тебя вчера, пока ты врачевал Крыта — твой прежний

учитель... у него ведь тоже было мало времени? Пусть больше, чем у нас, но — мало? И он был магом.

— Не в большей степени, чем вы.

— По силе — возможно. А вот по умениям.... То, что он сделал с тобой — даже не могу и представить, как сотворить такое. Думаю, и не только я.

— Что? — Ладар удивлённо начал осматривать свои руки. — Что такое? Вроде — всё как всегда.

— Ну увидеть изменение этой части силовых полей, составляющих сущность человека, непросто. Нужно знать, куда смотреть. Да ты не бойся: ничего плохого он не сделал, даже наоборот — думаю, за время, проведённое с ним, ты узнал и усвоил гораздо больше, чем если бы окончил пару университетов. Ты когда-нибудь слышал выражение: «Знания впитываются с молоком матери»? Аристократы любят подчёркивать — мол, в семьях магов дети с рождения много умеют. Да и воины — тоже. Это не просто слова, хотя, конечно, дело не в молоке. Наши навыки, знания: они не только в голове — в руках и ногах. Окружающая нас энергия, наши силовые поля несут отпечаток нашей личности и наших умений.

— Да, учитель говорил что-то подобное. Но при чём тут учёба?

— Думаю, на время твоей учёбы он максимально обострил твои информационные поля, а также снял природную защиту, сделав тебя максимально восприимчивым ко всему новому. Позже, конечно, восстановил все защитные оболочки, но... не стал менять инфраструктуру. Возможно, боясь, что новые, окончательно не закрепившиеся знания могут исчезнуть, а возможно, предвидя вот такой случай. Так что ты и дальше сможешь обучаться интенсивно, однако только в экстремальных условиях, когда энергия движется вокруг тебя в сотни раз быстрей, чем обычно. И мы тебе в этом поможем... А синяки я вечером залечу.

И прежде чем Ладар успел возразить, Ируг встал, подзывая Марека.

— Займись новичком. Как мы обговаривали. И по-жёстче, у нас мало времени. Думаю, послезавтра нас дёрнут за кристаллом. Тогда каждый клинок будет на счету.

Тот покорно пожал плечами и направился к выходу, подхватив несколько деревянных мечей.

— Как скажешь. Только я сомневаюсь, что за пару дней изменится хоть что-то.

Ладар вспыхнул и, захватив муляжи своих клинков, последовал за ним.

Они отошли шагов на сто, когда Рикс, не выдержав, спросил:

— Слушай, а почему вы слушаетесь Ируга? Он же такой же, как и вы — просто солдат? Или... потому, что дворянин и раньше был важной шишкой?

Марек рассмеялся.

— Вообще-то когда-то Ируг был маршалом. Выше его был только король. Но сейчас это всё — чины и звания — неважно. Он умней и опытней, знает, как победить и при этом выжить. Потому и слушаемся.

— А за что его из маршалов — сюда?

Марек нахмурился.

— Это длинная история. Захочет — сам расскажет. А у нас до вечера совсем другое занятие. Защищайся!

Удар крепкой палкой, по всем правилам фехтовального искусства, и Ладар кубарем летит на землю. Бок вспыхивает острой болью, и парень, закусив губу, встает, отчёлтиво понимая: экстремальные условия ему будут обеспечивать по максимуму, если это только хоть чуть-чуть поднимет его шансы. Ему — и всему отряду.

Удар — блок — падение. Весь день слился в единый ком боли, удары слились, и не сразу было понятно, что

это — боль от удара или от очередного падения. Голова кружилась, всё казалось как в тумане. Марек хмурился, несколько раз пытался остановить избиение, но подошедший Ируг энергично кивал, давая знак продолжать — и всё новые удары сыпались на ничего не понимающего от боли парня. После короткого обеда, наспех залатав переломы нескольких рёбер, отставной маршал подхватил свою палку и встал рядом с Мареком и они уже вдвоём стали обрушивать на парня вихрь выпадов, заставляя его вновь и вновь корчиться от жёстких ударов. К вечеру все солдаты штрафбата столпились на небольшой лужайке, даже раненый новобранец вылез из палатки погреться на солнышке. Раны, нанесённые магией, поддавались лечению плохо, но, глядя на страдания Рикса, тот был только рад этому. Он представлял себя также валяющимся на земле и трясясь от ужаса. Неужели со всеми тут так? Новобранец не видел, как отлетают палки Марека от пока совершенно бессистемных, зато уже сильных и быстрых ударов Ладара, как морщатся опытные воины, когда по ним приходятся даже лёгкие, скользящие удары чужой палки... Ветераны видели больше — и были довольны.

— Ируг, завтра придётся вставать уже четвёртым. — Марек, потирая предплечье, по которому пришёлся слепой удар новобранца, хмурился. — Никогда такого не видел.

— Может, и больше. Я понятия не имею, как проводить обучение с такими, как этот мальчик. Надеюсь, мы всё делаем правильно. Но он практически не закрываются, только хочет достать врага! Стоп, на сегодня довольно, мне нужно подумать...

Ладар с трудом поднялся. Его шатало, кровь шла из носа, из ушей, с разбитых губ, да и руки были ободраны. Ируг хмуро его оглядел, вытянул ладони, мягкое

сияние коснулось парня, и тёплая волна пробежала по телу, восстанавливая, исправляя, излечивая...

— Сегодня съешь двойную пайку. Через не хочу! Ты даже не представляешь, сколько энергии потратил, а завтра будет ещё хуже, это я тебе обещаю. Утром продолжим!

Ладар не помнил, как ел неподатливую, резиновую кашу, с трудом запихивая в себя огромные куски, как шёл в палатку, поддерживаемый сочувствующим Аяром, как упал на соломенный топчан — он уже спал.

— Внимание! Целься! — Три мощных, заряженных арбалета хмуро уставились на растерянного парня, сверкая отнюдь не деревянными наконечниками.

— Твоя задача усложняется. Ты не должен наносить удары! Только отражать. Первый нанесённый удар, и они спустят курки. Стрелу из лука возможно ещё отбить, но не арбалетный болт. Начали!

И трое ветеранов во главе с Мареком шагнули на встречу растерявшемуся Ладару.

— Но я... — Сухой треск палок, и ученик кубарем летит в кусты. Ярость внезапно появилась откуда-то из сердца, накрыла мощной, очищающей волной, всё вдруг стало другим... чётким, руки сами порхали, плетя замысловатую вязь ударов, заставляя опытных воинов промахиваться, уходить в сторону, ругаясь вполголоса. Тело стало невесомо-послушным, использовало всё новые и новые хитрости и уловки — то ли придуманные им самим или увиденные где-то и давно забытые, они оказались востребованы и выплыли на поверхность разума из тайников памяти... «Хватит! Никто его больше не ударит!» И танец продолжался...

Когда вечером Ируг стал осматривать парня, он не увидел ни одной новой ссадины, ни одного свежего синяка.

— Кем, говоришь, был твой наставник? — Удивлённый прищур глаз.

— Дирил — слыхали, наверное? Вором он был. Вором. — Распространяться об умершем друге не хотелось совершенно.

— Это — вряд ли. Прежде всего твой учитель был гениальным теоретиком магических структур, пусть и невеликой силы. А гений и злодейство есть вещи несовместные. Таким «ворам» за их открытия стоило бы присуждать дворянство со всеми вытекающими...

— Он был и дворянином. И магом. Вот только ему не хотелось видеть, как мир катится в пропасть. Он рискнул — и проиграл.

Ируг задумался, глядя на погружённого в нерадостные воспоминания парня.

— Я не знаю, что задумал твой учитель. Думаю, и ты этого не знаешь. А вот что ты обязан затвердить на крепко: пока ты жив, он не проиграл. Слишком много в тебя вложено, чтобы ты мог опустить руки и плыть по течению. Возможно, тебя и соблазняли радужные мечты мелкого воришки, но твоя подготовка... это что-то невероятное. Дайте мне возможность изменять структуры новобранцев подобно твоим хотя бы на одну десятую, сотню толковых инструкторов, и я за полгода завоюю не страну — весь континент! Ты можешь стать великим воином!

Ладар с трудом поднялся. Тело болело, словно он весь день ворочал тяжеленные мешки с мукой, как когда-то в детстве, с отцом, на мельнице...

— Спасибо за перспективы! Если учесть, что я в штрафбате до конца моих дней — это небольшое достижение. Я лучше попробую добиться иной, более серьёзной цели. Например, выжить!

Отставной маршал улыбнулся.

— Обычно от моих речей загорались и ветераны. И потом ими было легко управлять. А ты — что помешало тебе помечтать о величии?

— Не знаю... Обычно о славе мечтают до тех пор, пока не увидят вереницу смертей, ложащихся под ноги ступеньками к величию. Потом успокаиваются и начинают искать более конкретные цели. Но если человек не умеет мечтать, он начинает алкать денег в надежде, что они купят его мечты. Деньги приходят, однако счастья не приносят, и человек стремится получить их больше и больше, думая, что для счастья их у него недостаточно. И не понимает — счастье для него недостижимо потому, что в детстве он так и не успел научиться мечтать.

Ируг присвистнул.

— Твои слова?

— Нет. Но они последнее время всё чаще всплывают у меня в памяти. Я учусь мечтать.

— Хорошо, что не соврал. Для юнца — это слишком мудрый вывод. Поешь поплотнее, скорее всего, завтракать не придётся, господа маги любят устраивать ранние побудки.

В этот раз маг в чёрном, отправляющий смертников на очередное задание, снизошел до подробных объяснений. Возможно, потому, что видел небольшое количество выживших после прошлого боя или просто более уважал тех, кто остался.

— Ронхарцы имеют свои преимущества в этой войне. Их секрет — способ выращивания гигантских магических кристаллов, способных аккумулировать огромные запасы энергии, которые можно легко использовать как на поддержание собственных защитных полей, так и на причинение нашим войскам, перешедшим в атаку, очень существенного ущерба. По

сути, если бы не наши метатели, постоянно обстреливающие вражеские позиции и ломающие чужую защиту — с одной лишь целью заставить Ронхар тратить свои запасы маны, можно было бы уже капитулировать. Именно поэтому наш король не соглашается даже на самое короткое перемирие — год-другой работы их магов на заполнение уже установленных вдоль линии фронта кристаллов и война будет проиграна. Думаю, вы уже поняли, каково будет ваше следующее задание. Прямо перед вами, в конце поля — небольшой земляной вал. Чисто для виду, он так же защищает врагов от прямой атаки, как если бы его вообще не было. С нашей стороны это открытое место, ловушка для легко-верных. Зато глубже во вражеской территории, в полумиле где-то, установлен один из самых мощных их кристаллов — полностью заряженный, он представляет по своей силе как минимум малый магический круг. А возможно, и большой. Никто с нашей стороны вблизи его не видел. Установленный одним из первых, этот кристалл считается магически неприступным благодаря силовым полям, им же генерируемым. К тому же его охраняет рота двойного караула. Слышали?

Дождавшись нескольких угрюмых кивков, маг улыбнулся и продолжил:

— Но не всё так плохо. Мы внимательно наблюдали за этой местностью и с уверенностью можем сказать следующее: это первая работа ронхарцев, и потому многое сделано неряшливо. А та часть роты двойного караула, которая охраняет кристалл, за годы безделья утратила если не навыки, то бдительность — и у вас появился шанс. Каждый получит вот такой талисман. — Маг поднял вверх руку, в которой поблескивал изумрудным светом небольшой браслет. — Он защитит вас от действия кристалла примерно на полчаса. За это время вы должны успеть добраться до него и уни-

чтожить! Затем своим ходом — обратно в лагерь. До открытия портала десять минут, разбирайте браслеты и обсудите порядок действий.

— Командир, у нас правда есть какой-то шанс? Что-то не очень верится... — Марек, надев поблескивающий браслет на руку, безошибочно отыскал глазами Ируга. Тот задумчиво кусал седой ус.

— Так же, как и всегда — есть, но мало. Сегодня, пожалуй, даже меньше, чем обычно.

— Порядок действий?

— Нас десантируют как можно ближе к порталу. Не дальше сотни шагов, не ближе пятидесяти. В месте, где нет большого скопления людей. Это обычная тактика подобных операций. Впрочем, думаю, ронхарцы нас по-любому перехватят, так что пробиваться будем с боем. Пойдём ежом, на клине — Марек, с молотами Кордовы. Ими, кстати, проще всего разбить подобные артефакты — и уцелеть. Но в любом случае — метать молот не ближе десяти шагов. Откат будет фантастический. Если сделаем всё оперативно — от отката нас браслетики сумеют защитить, однако на большее не рассчитывайте. Дальше выбираемся на восход, там река делает петлю и разливается. Прыгаем в воду и плывем вниз по течению насколько хватит сил. Затем на наш берег. Специально для новобранцев: тех, кто не придёт до завтрашнего утра, записывают в покойники и, для верности, дают установку эмблеме. Думаю у каждого плечо уже заряжено медленной смертью. Если захотите предать — она сработает, захотите сбежать — то же самое. Это же касается и плена, и пыток. Так что по-любому не снижайте темпа. Следующий рассвет вы сможете встретить только тут же, в этом лагере.

Новичок, прибывший вместе с Ладаром, с трудом удерживая дрожь в руках, погладил подаренную ему секиру и робко спросил:

— А где наше место в вашем строю?

— В конце. Мы с вами ещё не сработались, так что прикрывайте нам спины... И старайтесь не отставать!

— Всё! Портал открыт! У вас минута!

На поляне вспыхнул светло-синий овал портала. Воины, приготовив оружие, один за другим исчезали в его дымке — вначале Марек, затем Ируг с Айяром... Последним, вслед за пепельно-белым новичком, шагнул Ладар, приготовив тёмный клинок, и сразу же окунулся в круговерть боя...

Солнце, только-только начавшее подниматься из-за горизонта, было скрыто лесом и небольшими валунами близлежащих холмов. Тёмные фигуры мелькали, поблескивали рассекающие чужую плоть клинки, отовсюду летели брызги крови. Было страшно: не видно ни чужих, ни своих, и Ладар, вновь почувствовав нацеленные на него стальные жала арбалетов, начал только отражать направленные удары: он панически боялся зацепить кого-то из тех, кому он должен был прикрывать спину.

— Не отставай! — Клин атаки упрямо сдвигался к укромной низинке, в центре которой расцветал тёмно-красным цветом гигантский каменный цветок, озаряющий всё вокруг кровавыми отблесками.

Ладар торопливо двинулся за шумом боя, и внезапно перед ним появилось несколько гибких фигур с копьями. Увидев растерянность новичка, охрана решила оттеснить его и уничтожить. Мелькнул широкий наконечник — и полетел в сторону, встретившись с вставшей на его пути сталью. В их небольшом отряде копий не было, и тёмный меч наконец получил первую кровь сегодняшней ночи. Небольшой клинок, словно живой, сам потянул хозяина по кратчайшей дуге, заканчивающейся у чужого горла, и застыл на несколько мгновений, наслаждаясь вытекающей жизнью. Но

сверкнула серебристая молния правой руки, отгоняя особо ретивых, и своевольный мрак вновь стал послушным, исправно перерубая плоть, дерево, металл. Круговерть боя захлестнула, ощетинилась стальными жалами, выстроила дорогу, ведущую к гибели, однако в ней скрывалась тропа теней, и сипал, умеющий идти по ней, закрутился в кровавой бане. Ему удалось пробиться к своим — всё тело ныло, чужая кровь ручьями стекала по одежде, руки норовили выпустить скользкие рукояти мечей, но Ладар остановился только тогда, когда услышал негромкое:

— Рикс! Спокойно, своих порубишь! Твои — те, что сзади. Ещё немного, мы уже почти на месте!

И в этот момент решил действовать маг. Он видел на нападавших защитные чары, оберегающие от чужого воздействия, но до последнего тянул, надеясь на охрану. И лишь когда кристаллу начала угрожать реальная опасность, не выдержал. Зачерпнув побольше голой силы, он сплёл гигантский феербол, способный проломить любую защиту. Позади отряда словно вспыхнуло маленькое солнце — яркое, полное переливающихся внутри его языков пламени и плюющееся огненными искрами, оно быстро надвигалось на растерявшийся отряд.

— Марек, молоты! — успел крикнуть Ируг, прежде чем...

Мир подёрнулся чёрно-белой дымкой и застыл. Свет огненного шара освещал белые лица штрафбатовцев, их противников, внезапно понявших, что ими решили пожертвовать, замершие клинки в руках приготовившегося к броску Марека. До вражеского кристалла осталось шагов пятьдесят, но, глядя на налитую силой фигуру, можно было не сомневаться — докинет! И пульсировал, просясь на свободу, небольшой амулет на груди у Ладара.

Преодолевая ставший плотным воздух, тот с трудом вытащил ракушку — жемчужина в центре её налилась красным и мигала. Времени оставалось в обрез. Развернувшись к шару, он торопливо ментальными струйками скользнул в центр феербала. Структура заклинания была слеплена наспех, творивший явно больше полагался на силу, чем на умение — куда ему было до ювелирной точности магических ловушек аристократов. Впрочем, никто и не ожидал, что на обезвреживание боевого заклинания у кого-то окажется больше времени, чем пара ударов сердца.

Узел. Второй. Оковы заклинания распались, и стихия огня получила свободу. Языки пламени устремились за пределы сферы, в которую были заточены, и встретились с тонкими ментальными нитями. Капля воды, нежная и слабая, способна разрушить гору, если получит необходимое для этого время. Ладар и сам не знал, сколько ему потребовалось, чтобы усмирить яростные порывы огненных лент и сплести их в новый, ничему не угрожающий узел. Лицо горело, словно он долго был на солнце, волосы на руках были опалены, пот градом лил по телу, разъедая воспалённую кожу, но сипал упрямо тянул и тянул нитями своего сознания частицы огненного ада, забываясь, пытался помогать себе руками и даже зубами. Как ни странно, это помогало.

— Ты опять вытворяешь нечто несусветное, перекраивая нити судьбы по новой?

Ладар торопливо обернулся и встретился с тёмным взглядом, сверкающим из-под накинутого капюшона.

— Привет, Илис! Я собираюсь на свидание! И делаю соответствующий подарок своей девушке! Вот, держи! — Улыбнувшись, он протянул гибкой фигурке в тёмном плаще огромный огненный цветок, сплетённый из языков пламени.

Гибкая нежная рука, протянувшаяся навстречу цветку, помимо воли дрожала. Тонкие пальцы сомкнулись на огненном стебле — и чернота рванулась вверх, пожирая яростно бьющиеся пряди. Мгновение — другое — и огромный, в рост человека пылающий цветок замер, подёрнувшись белым пеплом. Девушка помедлила, дунула — и тот осыпался, оставив в её руке чёрную как ночь, живую розу.

— Сумасшедший! Ты хоть представляешь себе, сколько законов мироздания ты нарушил, сделав мне этот подарок?

— Основы мироздания нельзя нарушить, Илис. Если тебе кажется, что привычные тебе законы перестали действовать — это не означает конец света, просто вступили в действие иные законы, более высокие.

— Прекрати! Ты тратишь силы могущественного амулета на глупости! Скажи, что ты хочешь? Обратить страну своих врагов в пустыню? Проложить дорогу из смертей — от тебя до престола? Сделать тебя неуязвимым? Возможности смерти велики, не пренебрегай ими.

— Я... Я хочу тебя видеть рядом с собой. Всегда!

— Безумец! — Рука с розой поднялась и ударила парня, выкидывая в обычный мир. Огненный шар, по-прежнему огромный и яркий, налетел на застывшие фигуры людей — и рассыпался больно жалящими, но в общем, безобидными искрами.

— Марек! — И вначале один, а затем и второй метательный молот устремился к тревожно пульсирующему кристаллу. Бум! Бум! — защита дрогнула, однако выдержала. Что бы ни вложили маги в эти топоры — преодолеть защиту, наращиваемую сотней магов с начала войны, им оказалось не по зубам.

— Уходим! — Ветераны повернулись было, но вновь закричал Ируг:

— Нет! Задача не выполнена, прорываемся дальше! Помните о эмблемах! Марек, есть ещё оружие? — Кряжистая фигура согласно кивнула, доставая из-под щита, закинутого на спину, две небольшие секиры. — В сторону! Сам поведу!

И ёж смертников пошёл дальше. Опомнившиеся солдаты Ронхара навалились вновь, их становилось всё больше, но идти оставалось не так уж и много — пять десятков шагов, пять десятков ударов — копьями, мечами, секирами... Пять десятков трупов, навсегда застывших наочной, холодной земле — и вот уже кристалл перед ними, пульсирует глубокими волнами цвета крови.

— Марек!

Но секиры лишь скользят по мощной защите, на глазах теряя острую кромку.

— Айяр! — Тонкий клинок ловко прорывает защитное поле — и рассыпается в пыль, не дойдя до камня лишь пол-локтя.

— Все вместе! — Десяток заточенных лезвий втыкается в начавшее гудеть защитное поле, оно искрится, пытаясь удержать боевое, залитое кровью оружие, полное какой-то непонятной ярости, и тут Ладар, размахнувшись, кидает тёмный клинок — как обычный метательный нож, ухватившись за рукоять. Тёмный бархат лезвия прижимается к пальцам, скользит и впитывается в бархатную пустоту тонкая струйка крови Хозяина... и привыкший не видеть препятствий клинок проникает сквозь все преграды, раскалывая каменное сосредоточение энергий.

— Ложись! — Люди падают ничком, стараясь вжаться поглубже в землю — а над ними проносится, уничтожая всё вокруг, тяжёлая волна отката. Тело гудит, словно над ним кто-то ударил в гигантский колокол, где-то бушует пламя и кричат люди, хочется так лежать и не

шевелиться вечно, давая отдых потрясённому разуму, но взгляд встречает яростное пламя глаз Ируга.

— Бегом! Через пару минут они начнут приходить в себя, а нас сейчас хоть голыми руками бери. Браслеты рассыпались в пыль, любой офицер с парой амулетов нас раскатает в лепёшку, даже не поморщившись. Взяли по осколку кристалла, чтобы было чем отчитаться — и к реке!

Несколько торопливых шагов, и стальной камень пьедестала, на котором рос кристалл. Он обуглен и порист, однако звенит, заставляя усомниться в каменной основе. Обломки бывшей заградительной системы, подобно тлеющим углям, тускло светят в темноте. Подхватить на ощупь несколько острых граней и услышать вскрик Марека.

— Забери своего душегуба, Ладар! Даже просто вляясь на земле, норовит выпить чью-то жизнь!

Марек аккуратно протянул парню на лезвии сечиры тёмный клинок, торопливо распихивая осколки кристалла по карманам, и тут же сорвался на безумный бег — на восток в сторону ещё не слышной реки. Оглянувшись, Ладар понял, что остался один — и кинулся вдогонку за остальными.

Тело, уже измученное сегодняшней ночью, протестующе взвыает, заставляя мышцы скручиваться в ожидании судорог, но Ладар не меняет скорости. Это он помнит ещё по той, спокойной, крестьянской жизни: нельзя во время ночного бега, ориентируясь лишь на дыхание товарищей да на инстинкты, останавливаться, менять ритм гонки. Потом уже не восстановишь, не нагонишь своих, а ставка здесь — не завистливые взгляды пацанов и восхищённые — деревенских девчонок, а твоя жизнь. Ещё одна сотня торопливых, огромных шагов, больше похожих на скачки. Руки плотно

прижаты к бокам, удерживая оружие, а ноги, словно зажившие своей жизнью, делают торопливые, аккуратные прыжки, умудряясь каждый раз приземляться точно на стопу.

Где-то позади слышались крики и метался свет факелов — то ли там рассматривали ущерб, то ли уже снарядили погоню. Но они отставали, безнадёжно отставали — солдаты были не страшны, тут главное — выдержать сумасшедший темп... и не думать о втором феерbole, который может выпустить взбешённый неудачей маг.

Река. Все бросались в воду, не останавливаясь, не пытаясь раздеться или развязать одежду, и торопливо скрывались на глубине, уходя от этого давящего, незримого феербала, дамокловым мечом повисшего над маленьким отрядом.

Вода подхватила парня, наскоро остудив разгорячённое бегом тело, и понесла вниз по течению, уводя дальше от берега, в глубину, где было тепло, темно и тихо. Ладар торопливо набрал воздуха и нырнул на самое дно, с удовольствием ощущая, как расслабляется израненное, спалённое последними часами жизни тело, как медленно приходят в себя уставшие, окаменевшие мышцы, словно повисшие в невесомости. Осколки кристалла неярко светились, создавая иллюзию чего-то тёплого и безопасного.

Поток воды ударил в спину, заставив перевернуться, выставив тёмный клинок, так и оставшийся в руке. Полупрозрачная тварь, больше всего похожая на речного ската-переростка, не смогла остановиться — и напоролась прямо на тёмное лезвие, принявшись биться в агонии.

Двое её товарок метнулись из темноты, норовя обвить непокорного своими крыльями, утащить на дно, зарыть в песок — на корм своим малькам. Торопливый

взмах, тело протестующе заскрипело, мышцы взвыли, но клинок успел рассечь ближайшее студенистое тело, заставив отпрянуть второе.

Ладар торопливо оглянулся: несколько спеленатых коконов уже неторопливо опускались на дно, остальные отбивались — скучными, аккуратными движениями, которыми можно противостоять потоку воды. Он нырнул глубже, полосуя ближайший кокон — и один из ветеранов торопливо принялся рубить ската, подкравшегося к нему сзади, после чего поплыл наверх, глотнуть воздуха.

Воздух! Сколько можно протянуть без воздуха? Минуту? Больше? Ладар совсем уже собрался всплыть, и тут его взгляд упал на медленно уходящие в глубину куски кристаллов, светящиеся сквозь полу-прозрачные коконы тел. Им воздух нужен не меньше, чем ему!

Торопливо подплыть, резануть замечательным, не подводящим ни разу клинком по студенистой массе — и поплыть дальше, слыша позади яростную схватку вырывающегося на свободу тела. Последним оказался Айяр. Как самый ловкий и гибкий в отряде человек так сплоховал, было непонятно, но он пулей вылетел на поверхность, даже не удосужившись добить студенистые пути. Ладар задержался, двумя взмахами перечёркивая остатки жизни в магическом создании, выращенном из обычной рыбы, и увидел, как над его головой застыли ещё три её товарки. Древний охотничий инстинкт подсказывал им — добыча лишена воздуха и потому уязвима. Ещё несколько мгновений — и можно будет начать пировать. Ладар рванулся, кромсая всё перед собой, но тут упругая масса обхватила ноги, вторая сжала грудь, выдавливая остатки воздуха, вдруг сразу несколько сильных рур подхватили и потащили наверх. Штрафники умели отдавать долги.

— Рикс! Очнись! — Хлесткая пощёчина ударила по одной щеке, потом по второй, заставляя вынырнуть из омута беспамятства.

— Где я? Мы выбрались?

Айяр невесело ухмыльнулся.

— Если бы! Проклятый маг запрудил скатами-переростками всю реку, не сунешься. Мы успели пробиться на небольшую песчаную отмель прямо в центре, тут можно отдохнуть, но недолго: скоро утро, а мы тут как на ладони. Ты как, в порядке? По реке плыть не удастся, нужно пробираться на наш берег, а затем по мелководью вдоль него — до нашей площадки.

— А почему не выйти тут?

— Думаешь, нас тут ждут? Охранные заклинания наверняка работают в ночном, максимальном режиме — да нас спалит, стоит нам сделать пару шагов от берега. А может, и того раньше, но будем надеяться на лучшее.

— Наши все уцелели?

Айяр отвёл глаза.

— Молодого парнишку помнишь, ну который вместе с тобой прибыл. Пропал ещё во время бойни, там, в лагере. Остальные — тут, они и не в таких передрягах бывали, верно?

Раздался одобрительный гул голосов. И тут же возмущённый Марека:

— Нет, в таких, когда у отряда половина оружия, добытого тяжким ратным трудом, за несколько секунд просто испарилась, такого ещё не было! Я потерял оба метательных молота плюс одну секибу! А вторая вся затуплена, ею заниматься придётся чёрт знает сколько, чтобы в порядок привести! Мне этих тварей склизких приходилось зубами грызть! А вкус у них... быр, ладно бы морские были, те хоть соленые, а эти — преснятана одна!

Тихий смех — вполголоса, но дружно. И снисходительное замечание Ируга:

— Ну раз Марек начал ворчать, значит, всё приходит в норму. У кого-нибудь есть идеи, как отсюда выбраться?

Задумчивое молчание. Все срочно принялись приводить в порядок оружие. Большинство доставали ножи — всё, что осталось от ночного рейда. Ладар проверил оба своих клинка — один за спиной, другой в руках — и бодро предложил:

— Как насчёт использовать вон то брёвнышко? — Он указал на темнеющее на фоне серебристой глади реки пятно бревна, наполовину зарытого в песок.

Тихий, снисходительный смех Ируга.

— Я его первым делом осмотрел. Оно в воде уже несколько месяцев. Стоит его сдвинуть на глубину — тут же на дно пойдёт.

— А если просушить? Магически?

Отставной маршал задумался, а Марек, торопливо проползя по песку до бревна, вонзил в него нож и разочарованно ослабился.

— Тут труха одна. Высушите — и оно просто рассыплется. Его вода только и держит.

Ируг решительно покачал головой.

— Юнец подал отличную идею. Аккуратно тащите бревно на песок, я его укреплю и выкачу, сколько могу, воды из сердцевины. До берега оно дотянет, а нам больше и не надо. Будем за него держаться и от скатов отмахиваться. Рикс, поможешь?

Ладар торопливо кивнул и честно добавил:

— Только толку от меня будет немного. Я практически пуст. — Он протянул руки вперёд — и с ладоней его заструился еле заметный, мягкий свет. Ируг изучающе посмотрел на него, вздохнул и стал добавлять что-то своё...

К лагерю подошли, когда восток уже начал розоветь в ожидании дневного светила. Грязные, в ошметках своей и чужой крови. Ируга, потратившего все силы, волокли на руках по очереди. Несколько магов, дожидавшихся их появления, торопливо забрали осколки кристалла, разблокировали уже приходящие в убийственное состояние эмблемы и исчезли в дымке портала. Никто даже и не подумал осмотреть раненых, помочь им хоть чем-то. Штрафбат.

Все торопливо принялись мыться, чиститься, перевязывать раны друг другу. Ладар, с трудом передвигая ноги, поплёлся к ручью — уже перед самым лагерем одуревшие от усталости штрафники попали в какое-то болото, и теперь всех покрывала корка вонючей грязи.

Там уже плескался Айяр — совершенно обнажённый, он стоял в нижней части ручья, чтобы не мутить воду, торопливо скрёбся пучками травы. Небольшой бочонок с едким жидким мылом стоял наготове.

Торопливо скинув вонючую одежду, Ладар ухнулся рядом, подняв кучу брызг.

— Пожалуй, я тут полежу до обеда. Глядишь, грязь сама сойдёт. Ты там нашим скажи, чтобы не волновалась!

Айяр ухмыльнулся, повернулся к новичку, собираясь съязвить, и глаза его застыли, став круглыми от удивления.

— Интересно! Ты в курсе, что у тебя на теле, от плеча вниз, застыл чёткий чёрный отпечаток цветка... Розы, кажется, если вот это — шипы... — Он задумчиво поглядел на чернеющие пятна и добавил: — Дело, конечно, твоё, но если не хочешь лишних вопросов, поскорее мойся и дуй в палатку. На тренировках твои плечи видели все, и никаких таких чёрных цветков там не росло...

— Ты так и не оделся! Зато прибарахлился. — Тихий смешок.

Ладар с трудом поднял голову — у входа в его палатку, откинув полог, стоял Айяр и, посмеиваясь, наблюдал за всклокоченным парнем. Штаны он, конечно, натянул, а на большее откровенно не хватило сил — едва увидев постель, тотчас рухнул в неё, даже не обратив внимание, что она подозрительно мягкая. Зато сейчас, привстав, он с расширенными от удивления глазами рассматривал новёхонькую кровать, с мягкой перинкой, которой могла бы позавидовать и избалованная Марго.

— Это... Как это?

— Видать, кто-то на тебе неплохо подлатался. — Айяр махнул рукой вверх. — И постарался отблагодарить.

— Что значит «подлатался»? — Ладар вытряхнул из мешка запасную рубаху и торопливо оделся.

— А ты и правда думал, что уничтожение вражеского кристалла нужно, дабы наши войска перешли в наступление? — Гибкая фигура огорчённо махнула рукой. — Это вряд ли. В лучшем случае — отвлекающий ход. Иначе бы гвардию послали. А мы... нас можно использовать по-всякому. Например, делать ставки.

— Ставки? — Глаза сидящего на кровати парня вспыхнули, дерево новёхонькой кровати затрещало от сжатых рук. — Объясни!

— Жизнь воина на войне коротка. Это боль и смерть. Аристократы и маги же воюют всю свою жизнь, достаточно долгую. Для них это бесконечная шахматная партия, где простые солдаты — мелкие разменные фигуры, не более. Ну а поскольку любая, даже самая интересная игра может наскучить, если играть в неё слишком долго, иногда они делают ставки. Удастся — не удастся, выживут — не выживут. Не знаю, кто

рискнул поставить на тебя, зелёного сосунка практически в смертельном рейде, но он наверняка отхватил хороший куш. И попытался отблагодарить. Ладно, не кипятись. Пойдём, как всегда, для выживших стол открыт. Сегодня ребята в склон ходили, вооружались, так что есть что отметить!

Ладар угрюмо стал одеваться. Подумав, отложил оружие, взяв только небольшой метательный нож — тот, что получил в первый, памятный день штрафбата. Идти на пир вооружённым смешно, невооружённым — словно голому.

— Айяр, а почему ты меня о выжженном цветке ничего не спрашиваешь?

— А что спрашивать? Захочешь — сам скажешь. Нет — зачем заставлять говорить ложь.

— Это откат того феербала. А такой специфический — из-за моей дури. Да толком я и сам не понял почему.

— Хорошо. — Айяр улыбнулся, не акцентируя внимания на некоторые пропуски в объяснениях. — Будем надеяться, со временем он у тебя пройдёт, а то парни засмеют. Им только дай повод.

Марек сиял. Огромная, в рост человека двуручная секира стояла в самом центре палатки, переоборудованной в столовую, и играла в свете факелов, явно недавно отполированная со всем тщанием.

— А, Рикс, глянь, что в глубине нашего склона нашлось! Как же я раньше-то не прошерстил там всё? Ну как, красавица?

Ладар смерил взглядом великолепие оружия, отметив и высоту и диаметр стального древка, и толщину огромных лезвий.

— Это на какого-то великана. Человеку такое и поднять трудно!

Марек обиженно фыркнул, подскочил к любимице и, ловко подхватив одной рукой, выскочил на воздух. Все высыпали следом — поглядеть, как осваивается с новым приобретением крепыш, в котором явно угадывалась кровь иных рас.

Секира сверкала. Солнце отражалось в полукругье лезвий, пускало огненные зайчики со стального жала, пугало сполохом разрезаемых на части лучей. Воздух басовито гудел, уступая сверкающему колесу, и казалось, что это огромный стальной волчок кружится на поляне — волчок, в центре которого ловко вертится кряжистый человек. Но вот движения сменились — перехватив большую секиру обратным хватом, под лезвия, одной рукой, Марек выхватил свою прежнюю, малую секиру — другой. Теперь сполохи опасных дуг чередовались, обозначая разные зоны поражения и лишь иногда прерывались резкими выпадами стально-го наконечника древка.

Когда запыхавшийся Марек остановился, все одобрительно заорали и отправились выпить за великого воина. Риксу налили вдбавок и штрафную как усомнившемуся, потом пили за удачно завершённую операцию, за новое, не менее прекрасное оружие, за будущие походы...

Где-то через пару часов Ладар с трудом вылез из столовой. Небо, уже тёмное, кружилось, звёзды водили хороводы, земля норовила вырваться из-под ног и больно стукнуть по лицу. С трудом добравшись до палатки, он принялся торопливо, не разжигая света, раздеваться, как вдруг две нежные руки обвили его за шею и чей-то тонкий голос прошептал:

— Привет. Не ждал меня?

Это было сказочно. Двигаясь, как в тумане, обнимая и лаская свою мечту, он вновь и вновь сплетался в объятиях с ожившей сказкой, покрывая её поцелуями,

и парню казалось, что у него выросли крылья и он летит высоко над землёй..

— Илис... Ты прекрасна!

Увесистая пощёчина была ему ответом. Ладар, не ожидавший подобного, плюхнулся с кровати, неловко извернувшись так, чтобы не обрушить саму палатку.

Тут же зажёгся под потолком магический светильник, осветив разъяренное лицо Марго.

— Кто такая Илис? Что, ты и тут умудрился найти себе девку? Я, как дура, переживаю за него, тайком пробираюсь, а он...

Лицо её пошло пятнами, и, грубо выругавшись, она исчезла в малом портале.

— Рикс! Что тут у тебя за крики? — Полог распахнулся, и в шатёр ввалились его сослуживцы, блестая обнажённым оружием.

Ладар встал, торопливо накинув на себя простыню.

— Да всё нормально. Просто поздравили... с удачным рейдом. Ничего особенного.

— Ага, и поэтому у тебя всё лицо в губной помаде. — Ехидству Марека не было предела. — Эх, нас никто так не поздравляет. Ну не будем мешать. Только вы это — потише, ладно? А то как бы ронхарцы не решили, что тут наступление готовится, и не начали обстрел!

Под звуки громового хохота сослуживцы отправились обратно — праздновать, а Ладар, с трудом усевшись на край кровати, стал приходить в себя.

— Рикс! Подъём! Не стоит тратить свободный день на безделье, если, быть может, вся твоя жизнь будет зависеть от отработанных сегодня приёмов.

Глаза никак не хотели раскрываться, ноги были ватными и отказывались служить, голова трещала, и мир

вокруг тихонько вращался... Встать? Нет, только не сегодня!

— Доброе утро! Айяр, ты не мог бы зайти попозже... Например, ближе к вечеру?

— Нет! В десяти минутах бега течёт чудный холодный ручей, он живо поставит тебя на ноги. Давай, пять минут, и ты должен быть на ногах! А я пока соображу, что тебе можно сейчас поесть.

Ладар с трудом поднялся на ноги. Похоже, отравился чем-то из вчерашнего — слабость, тошнота, приступы головокружения... С трудом он оделся и, пошатываясь, выбрался из палатки.

Айяр с небольшим вещмешком и несколькими деревянными бокенами стоял неподалёку, чистый и свежий, словно и не пил вчера наравне со всеми.

— Что я вчера пил?

— Вчера-то? Ну насколько я помню, пятилетнее красное, потом сгущенное белое, потом коктейль «Огонёк»...

— Хватит! Как же мне плохо...

— И ещё ты пил кимскую смесь. Знаешь, что это такое?

— Нет... судя по моему нынешнему состоянию — явная отрава.

— Практически угадал. Её разработали лет сто назад как упреждающее противоядие, штука довольно противная, зато даёт иммунитет ко многим ядам. С тех пор её всё совершенствуют и совершенствуют, включая дополнительные компоненты в противовес появляющимся новым ядам. Насколько я знаю, та штука, которую привезли для Ируга, — самая крутая, она даже небольшой иммунитет от магии даёт. От каких-то её разновидностей.

Ладар пошатнулся и сел. Мир, покачавшись, немного уменьшил вращение, и фигура Айяра перестала дрожать, приобретя более чёткие очертания.

— Ну вот сам бы её и пил! Я-то в чём виноват!

— У нас уже все этим переболели. Последнюю порцию он добыл по старым армейским каналам специально для тебя. Боюсь, с рядовыми солдатами тебе редко придётся сражаться, а все элитные части Ронхара имеют привычку добавлять что-либо к честной стали. Терпи, холодная вода тебя взбодрит, а интенсивная тренировка за полдня поставит на ноги. Иначе будешь болеть не меньше недели, а столько времени у тебя просто нет.

Вода была просто ледяной. Ладар рухнул в ручей, подняв кучу брызг, и усилием воли расслабился, не давая готовым сжаться, подобно пружинам, мышцам вытолкнуть тело на берег, к тёплому солнышку. Говорливая вода деловито обтекала человеческое тело, опустившееся на залитое солнцем дно ручья, щекоча кожу упругими струями и покалывая песчинками. Вытерпев так долго, что лёгкие зажгло от недостатка кислорода, Ладар вылетел на берег и, не давая мышцам опомниться и скрутиться в судорогах, подхватил один из деревянных мечей и обрушился на стоящего в ожидании Аяяра.

Тело вело и ломило, тысячи разных импульсов обрушивались на мелькающие руки и ноги. Наставник, вначале с улыбкой наблюдающий за потугами новичка согреться поединком, сам вспотел, с трудом пытаясь удержать странную, рваную манеру боя, не успевая отражать удары, идущие подчас с самых неожиданных направлений. Нахмутившись, он начал взвинчивать темп, подхватил второй бокен, но Ладар, отпрыгнув на мгновение, сделал то же самое — и кинулся вперёд, вращая тяжёлыми клинками из влажного дерева, словно игрушечными прутиками. Впрочем, надолго его не хватило. Дыхание становилось всё тяжелее и тяжелее, паузы между ударами — длиннее, и Аяяр, изловчив-

шись, выбил один из мечей, приставив свои к горлу противника. Тот, кивнул, соглашаясь с поражением, и повернувшись, отправился одеваться, припадая на одну ногу — судороги всё-таки сделали своё дело.

— Рикс, это была импровизация или ты уже думал над такой манерой вести бой?

— Серединка на половинку. Мысли были, но смутные: драться по правилам — это значит зря терять время, а как нарушить их, я не понимал. Давно хотел поэкспериментировать с внезапной сменой атак, однако никак не получалось, зато трясучка в руках здорово помогла. То есть, конечно, дрался я плохо, сам понимаю, но теперь есть идеи, как, сокращая и напрягая мышцы, можно менять темп и уровни движений клинка. Но тут ещё нужно долго думать.

— Отлично! На досуге займёшься. А пока — бери клинки и продолжим!

— Слушай, Айяр, может, хватит? В голове всё шумит!

— И будет шуметь, пока в крови кимская смесь. Её только движениями и выгонять. Так что давай, не ленись!

Ладар встал, подхватив всунутые в руки мечи. Азарт прошёл, шум в голове, слабость — он бил, с трудом ставя блоки и частенько получая удары деревянным концом меча противника, но упрямо поднимал тяжеленные муляжи и продолжал нападать. О технике речи не было, однако постепенно втянулся, практически полностью сосредоточившись на обороне и лишь иногда устраивая атаки скорее для острастки, чем из желания реально достать противника. Не те были скости, чтобы на равных тягаться с тонким и юрким, как ртуть, «ночным воином» Это прозвище Айяра он услышал только вчера, на банкете. Услышал — и удивился. Так обычно называли вампиров в страшных историях. Но ведь это — сказки! Или нет?

Погруженный в свои мысли, Ладар продолжал двигаться, не замечая, что туман в голове рассеивается, мышцы наливаются силой, движения становятся более отрывистыми и резкими, пока взгляд его упал на меч, который он держал в левой руке.

— Стоп! А почему ты не принёс мне копию моего тёмного клинка? Я помню, Ируг делал такую! Какой смысл мне тренировать руку под чужое оружие?

— А ты уверен, что хочешь всегда сражаться именно тёмным клинком? — Голос Айяра стал напряжённым. — Подумай хорошо!

— Это лучшее оружие в отряде! Заполучить его — большая удача, разве нет? Ты же сам это говорил!

— Этого я как раз и не отрицаю. Сумел добыть — пользуйся. Вопрос в другом: хочешь ли ты иметь тёмный клинок тем единственным, личным оружием, которое всегда с тобой, которое завещают детям и кладут у изголовья постели? Хочешь ли ты этого?

Ладар задумался.

— Он своевольный. Легко забирая чужие жизни, может покуситься и на жизнь хозяина. Нет, я не хотел бы завещать его своим детям. Но речь о другом — только используя его, я могу быть хоть как-то на равных с вами! Я пока слишком слаб и неопытен. Да ты и сам всё это видишь. А тёмный клинок — он может вести бой! Мне нужно лишь следовать за ним.

— Совершенно верно. В сражении тёмный клинок ведёт тебя в поисках своих жертв. При этом обучает тебя своей, весьма определённой манере боя, когда важнее всего найти и выпить чужую жизнь. Это важнее и победы, и твоей жизни.

— Но ты сам предложил мне стигис! Серебряный меч!

— Да, ты принял его и потому ещё жив! Однако стигис недоволен соседством, он всё ещё не признал тебя своим хозяином, оставаясь обычной заточенной желез-

кой. В твоих боях по-прежнему самый главный — тёмный клинок.

— И ты думаешь, если я отложу его на время...

— Не нужно откладывать! Носи с собой и используй, когда будет жарко! А взамен выбери что попроще, обычных армейских клинков в лагере много. В бою, если припрёт, можешь метнуть во врага или оставить в чужом теле, а взамен достать последний резерв.

— Что ж, неплохо. Но всё равно я хочу подобрать что-нибудь полегче той дубины, что ты мне всучил. У меня вся левая рука отнимается!

— Да? Значит, стоит сделать упор на силовые упражнения. Да не бледней ты так, тут не получится гонять тебя до изнеможения: в любой момент нас могут поднять и закинуть к чёрту на кулички. Просто обычная интенсивная разминка с утяжелителем на левую руку под руководством льера Ируга: он у нас немного разбирается в магической тренировке мышц. Подобные занятия не так надёжны, как обычные, но быстрее и более простые, а это сейчас важные факторы. Пошли в лагерь, давно пора было заняться тобой.

Ируг, выслушав просьбу Аяяра, подкреплённую тыканьем пальцем в сторону задохлика и рассказом о том, «как этот слабак сейчас дышал, словно загнанный конь», улыбнулся и кивнул:

— Правильное замечание. Только почему одну левую руку? Потренируем всё тело, раз уж мне энергию тратить. Заодно и побеседуем. Нагрузите его.

Ладар успел опомниться, как пара ветеранов во главе с ехидно ухмыляющимся Аяяром выволокла откуда-то несколько десятков небольших, но увесистых мешков с песком и сноровисто примотала их к ногам, рукам, по всему телу — подчас в самых неожиданных местах. После чего ухмыляющиеся ветераны торжественно вручили новичку пару тяжёлых

двуручников и отступили, хихикая и наслаждаясь сделанной работой. Тот чувствовал себя совершенно неу克莱жим — плотно сидящие мешочки не давали ни нормально опустить руки, ни поставить ноги.

— Хорошо. Все свободны, а мы с Риксом прогуляемся. — Из рук Ируга отлетело небольшое солнечное облачко и опустилось на растерянного парня, после чего отставной маршал не спеша повернулся и пошёл к ручью, поманив Ладара за собой.

— Пока никаких специальных упражнений делать не будем. Даже такая прогулка подстегнёт рост мышц, но если ты хочешь ускорить этот процесс, постарайся время от времени делать выпады правой и левой рукой, а также дышать, по возможности заполняя воздухом лёгкие по максимуму.

Мечи тяжелели с каждым мгновением. Делать выпады? После первого же взмаха заболели кисти, и он едва не выронил здоровенные железки. Прикусив губу, кое-как пристроил их на плечах и торопливо зашагал за отставным маршалом. Тот, казалось, не обращал внимания на молодого человека, рассеянно глядя на небо, траву, листья, но лицо его было напряжённое, а золотистое облако окутывало фигуру новобранца, словно латы.

Мешки с песком мешали идти, дышать, говорить — казалось, их и навешивали с тем расчётом, чтобы человеку пришлось предельно неудобно, однако, изучая вынужденную походку, Ладар удивился. Ноги были постоянно полусогнуты и постоянно пружинили, стараясь удержать вес песка под коленями. Голова была поднята — ещё один мешок, подвешенный за спину, оттягивал её назад, не позволяя следить за взмахами собственного оружия, зато давая прекрасный вид на предполагаемого противника. Песок на руках заставлял делать круговые взмахи в попытке удержать равновесие, но и они выполнялись полусогнутой рукой.

кой — он никогда бы не мог подумать раньше, что такое возможно. В бою это давало возможность быстро сменить дистанцию удара, хотя и замедляло реакцию. Задумавшись, начал осторожно водить мечами — вначале правым, затем левым, не замечая удивлённых огоньков в глазах Ируга.

— Рикс! Давно хотел спросить: что ты знаешь о магии? Твои знания вопиюще малы, но они позволяют добиваться успеха там, где другие пасуют.

Ладар осторожно положил двуручники на плечи, давая роздых ноющим кистям, и задумался. Есть ли смысл скрывать что-либо приговорённому к смерти?

— Мой... учитель, у него было мало времени. А у меня — практически никакой магической силы. И мы в учёбе ограничились несколькими затвержёнными приёмами. Вместо изучения основ, теории и навыков — небольшой прорыв, усвоенный на уровне рефлекса.

— Ты хотел бы знать больше?

— Знать? Я хотел бы уметь больше. Но увы, это невозможно.

— Да, ты можешь оперировать очень слабыми магическими потоками. Но ведь можешь же!

— Вы предлагаете учить меня классической теории магических построений?

Ируг задумался. Потом со вздохом покачал головой.

— Наверное, нет. Твой учитель был прав: лучше уметь делать немного, но качественно, чем массу всего, зато из рук вон плохо. Кстати, Рикс — это твоё имя?

— Нет. Имя моего учителя. Я принял его, когда тот умер, — на память. И теперь оно моё до конца жизни.

Отставной маршал даже остановился. Круго развернувшись, внимательно осмотрел ученика расфокусированным взглядом. Ладар догадался: сейчас его собеседник изучает магические потоки, составляющие его суть.

— Ну-ка скажи: «Рикс — это моё имя!»

Удивлённый, парень повиновался.

— Ещё раз. По-другому, но — то же.

— А что тут такого! Рикс — имя, которое я считаю своим.

Ируг ухмыльнулся.

— Если бы только ты! Сам подумай, сколько народу хочет, идя в армию, называться чужими именами! На этот счёт есть опробованная методика — и при зачислении, и при принятии присяги, а у тебя ещё и суд был. Да и аура твоя... Похоже, учитель тебя усыновил перед смертью. И Рикс — твоё *истинное имя*.

Ладар растерянно остановился. Усыновил? Значит, тот хмурый умирающий вор, который страстно желал передать кому-то свои навыки, действительно относился к нему как к сыну?

— Я... что же теперь?

— Ничего, поменьше думай об этом. Хотя... боюсь, я зря разболтался. Ладно, всегда считал, что воин, идя в атаку, должен знать, что его ждёт. Как полное имя твоего учителя?

— Полное? Не знаю. Он представился мне как Дирил Рикс.

— Дирил? Интересно. Даже очень...

— Что интересно?

— Ладно, слушай, только не перебивай всё время своими изумлёнными междометиями. Риксы — один из самых сильных и древних магических родов. Многие века они тщательно следили за чистотой крови и смогли добиться того, что у них стали рождаться исключительно маги. Разных талантов и с разными склонностями, но сильные и способные к волшебству с пелёнок. Унаследовав имя учителя, ты автоматически оказался записан в их ряды. Думаю, если покопаться, ты владелец одного-двух поместий, пары замков и тому подобной мелочи. И — потенциальный мертвец.

— Почему мертвец?

Тяжёлый вздох.

— Ну ты что, меня не слушал? Это семейство следит за чистотой крови! В первую очередь — за тем, чтобы в их роду были исключительно маги. А ты со своими способностями... Будь ты рождённым среди них, тебя бы просто лишили возможности иметь детей и со слали куда-нибудь на край света — доживать свой недолгий век. А поскольку ты чужак, думаю, они выберут более кардинальное решение. И от этого не спрячешься — против магов такого уровня тебя не защитит и вся наша армия.

— Да, удрожил учитель... И что же мне делать?

— Постарайся никому не говорить о приёмном отце. Говори о родном, пусть все думают, что ты обычный деревенский простак с необычным именем. Интересно было бы понять, зачем Дирил это сделал.

— Чтобы иметь возможность магически завещать этому олуху редкий артефакт. — Голос, раздавшийся из небольшого портала, был нарочито суровым, но оттуда вылез ухмыляющийся Датим в парадном мундире, словно только что с королевского приёма.

Ируг, испуганно отскочивший и уже выхвативший небольшой узкий клинок, облегчённо рассмеялся:

— Любишь ты подслушивать!

— В разведке положено. Но в данном конкретном случае я не подслушивал, а просто настраивал портал на тебя и поневоле услышал конец вашей примечательной беседы:

— Интересно, и много народа слушает мои разговоры? — Ладар был откровенно зол.

— Думаю, немало. — Датим сочувственно положил руку на плечо юноши. — Правда, не всё время, только когда вы идёте на дело. И я, грешен, наблюдаю. А в качестве извинения послушай небольшую сказку...

Давным-давно жил один могучий волшебник. На-столько сильный и умелый, что в чрезмерной уверенности в себе либо из сострадания он не убивал своих врагов. Как и у всех великих людей, у него их было множество, но, в отличие от остальных, победив оче-редного соперника, волшебник лишь смеялся над ним, и отпускал, взяв магическую клятву. Её он создал сам, клятву крови и души — клятву, преступить которую не мог ни один, даже очень сильный маг. Она была неру-шимой, но очень простой — после каждого злого дела произнесший её старел на один год. Волшебник жил долго, а его враги — умирали быстрее колосьев пше-ницы в поле, потому что не совершать злые дела они не могли. Вчерашние дети превращались в завтраш-них стариков за считанные месяцы. Это здорово пуга-ло всех магов без исключения, и они, зная, что побе-дить соперника в честной схватке не удастся, решили обернуть его оружие против него. Волшебника вызвал король и сказал:

— Ты придумал великую клятву. Ею можно наказы-вать злых людей и поощрять добрых. Я хочу ввести её для своих сановников, но твоей клятве не хватает за-вершённости: пусть те, кто совершает добрые дела, по-лучают немного магической энергии. Совсем немного, и клятва будет совершенной.

Идея понравилась волшебнику, и он доработал клятву. Специально для простых, неграмотных людей создал небольшую шкатулку: положив на неё руку и произнеся «Обещаю», любой крестьянин мог отказать-ся от злых поступков, а за добрые получать частицу сил природы, которые мог использовать для удачных родов жены, увеличения урожая и иных, простых и важных для него дел. И первым, подавая пример остальным, он испробовал действие шкатулки на себе.

Датим замолчал, глядя вдаль.

— И что же случилось дальше в вашей сказке?

— Дальше? А дальше пошла совсем не сказочная история. Волшебника обманули. Он был велик, и никто не мог напасть на него, подсыпать яду или как-то иначе повлиять — никто, кроме него самого. В его свитке его чернилами его лучший, доверенный слуга поставил одну небольшую чёрточку. Совсем крохотную, незаметную. И свиток не стал действовать хуже. Вот только силы для вознаграждения за добрые дела тот брал уже не у природы, не у окружающего мира, а у самого волшебника.

Тот понял всё сразу. И ему было даже не жаль своей силы, хотя все его соперники потирали руки в нетерпении, ожидая, когда огромные запасы маны мага, растаскиваемые по крупицам крестьянами, иссякнут. Не это его пугало. Он понимал действие своей магии лучше всех остальных и видел, что на нём одном клятва не остановится: уничтожив его, она не остановится и будет вытягивать соки и из других магов, а затем будет превращать их в личей — псевдоживых, смертельно опасных исчадий потустороннего мира.

Это была страшная месть ему и одновременно возможность создать новое, мощное оружие для войны — пока действует клятва, личи будут послушны тому, в чьих руках чёрная шкатулка. Он думал — и не находил ответа. Создавая клятву, волшебник сделал так, что ничто живое не могло ей повредить. *Ничто живое.* Ты догадываешься, к какому решению пришёл этот маг? Ценой своей жизни он смог активировать похищенный из тщательно охраняемых подвалов анклава магов амулет, использовав который можно попросить Смерть об услуге.

Скорее всего, она сизошла к его просьбе, потому что как только сердце волшебника остановилось, свиток с клятвой рассыпался в пыль.

— Обычная страшилка на ночь! — Ладар торопливо встал — он сам не заметил, как присел во время рассказа, и теперь всё тело ныло от мешков с песком, натирающим тело в самых разных местах. — У нас в деревне таких по десятку перед сном рассказывали. И даже покруче.

— Ну если у вас в деревне, то само собой покруче. Только у вас в деревне сказки заканчивались, и все спать на полати забирались, а эта — продолжается. И знаешь, что самое паршивое? Никто не знает, чем именно волшебник расплатился со смертью. Ладно, иди в лагерь, пусть там с тебя снимут твою амуницию, а то не сможешь в рейде бегать, нам тут с льером Иругом покалывать между собой нужно. Намечается одна реально важная работёнка.

Следующим вечером Ируг отвёл Ладара с Айяром в сторону, расстелив на небольшом пеньке аккуратно выполненную карту.

— Вчера приходил Датим. Ну Рикс его видел. Ему нужно забрать посылку у его человека за линией фронта.

— Так в чём проблема? Пусть порталом заберёт, мы-то тут при чём? — Айяр удивлённо пожал плечами.

— Проблема в том, что его человек — под подозрением, за ним следят. Любое магическое действие, и он выдаст себя. А посылку получить нужно срочно. Поэтому — всё будет обставлено как глубокий разведрейд в тыл врага... Рейд, закончившийся неудачей. Вы двое самые молодые ноги в отряде, вам придётся побегать. Кстати, слышали? Штрафбат соседнего полка отправили повторить нашу работу — набрать так нужного магам мха. В живых не остался никто, гвардейцы, которые шли следом, также все полегли. Похоже, там была ловушка. Тщательно задуманная и выполненная тем, кто знал, кто когда придёт и как будет действовать.

— Посылка имеет к этому отношение?

— Возможно. Кстати, если поймёте, что доставить её не удастся — уничтожьте! Это не сложно, просто посильнее ударьте её об землю, от удара она взрывается.

— Ничего себе! А если я с этой посылкой во время бега упаду?

— Тогда, рядовой Рикс, задание останется невыполненным. Поэтому лучше не падайте.

— Хорошо, это понятно. Как мы проберёмся на ту сторону? Порталом? — Айяр задумчиво поглядывал на разложенную перед ним карту.

— Нет, порталом в ту сторону не получится — тут же засекут. По воздуху.

— Так левитацию засечь и того проще! На неё же бездну сил нужно! — Ночной воин потерял свою обычную невозмутимость.

— Никакой левитации! Просто пара деревянных крыльев. После того как вы уничтожили защиту на этом участке, основные силовые поля уже восстановили, а вот с защитой от крупных птиц не спешили, спрашиваю полагая, что их у нас уже не осталось. Скорее всего, просто отложили на потом, мы этим и воспользуемся.

— Вы хотите сказать — мы полетим в деревянной птице? Я не могу!

— Не паникуйте! Вам делать ничего не нужно! Вас поднимут и разгонят над нашей стороной маги. Они уйдут в отрыв до того, как вы окажетесь над силами врага, так что фонить не будете. Как окажетесь рядом с деревьями — прыгайте на них, так, думаю, будет помягче. Затем спускаетесь — и резко, по прямой — вот сюда.

Остриё стилета указало крохотную точку на карте.

— Тут большой дуб; Айяр, помнишь? Славно, как раз отдохнёте. Если всё будет тихо, передохнёте пару часиков — и вновь по прямой вот до этой точки. Тут,

в низине между двумя холмами, вместе с рассветом появится портал. На несколько мгновений, так что время рассчитывайте поточнее. Всё ясно?

— Мне ничего не ясно. Айяр знает все ориентиры, он в курсе подобных операций, зачем ему я?

— Да потому, что посылка тяжёлая, одному её нести невозможно без значительного урона в скорости. Будете чередоваться! Опять-таки, учиться всему лучше на практике! Если других глупых замечаний нет — спать! Рано утром, пока ещё темно, за вами придут — и у вас будут ровно сутки до открытия портала. Отдохните хорошошенько!

Ночной воздух холодил разгорячённое страхом тело. Над головой поскрипывали тонкие, лёгкие доски — длинные, уходящие в обе стороны на пару выпадов, они держали двух молодых людей в воздухе, но изгибались и скрипели, грозя вот-вот развалиться. Рядом сосредоточенно пыхтел Айяр, строго-настрого запретивший разговоры в небе. Дергая какие-то верёвки, он пытался направить сляпанное на скорую руку сооружение по наиболее удобному маршруту, однако куда они летят, Ладар не видел. Он вообще не видел почти ничего, кроме тонких точек звёзд, полускрытых облаками. Земля представлялась ему чёрным, бесформенным покрывалом с лохмами деревьев. Ночное зрение, магическая способность, которой он так и не научился, была присуща Айяру от природы — и тот скрежетал зубами, из последних сил выводя странное сооружение поближе к земле, а его напарнику оставалось лишь провиснуть на верёвках и любоваться звёздами, стараясь не навоображать себе всяких ужасов и не запаниковать.

— Рикс! У нас проблема. Эта рухлядь доставила нас, куда нужно, но наотрез отказывается нормально опуститься на землю. Сейчас подлетим к деревьям —

перерубай верёвки и прыгай к ветвям. Желательно ухватиться и повиснуть или хотя бы смягчить падение. Давай, на счёт три... Три!

Взмахнул клинок — и гибкая фигурка ночного воина исчезла во внезапно возникшей впереди тёмной массе. Раздался треск, деревянные крылья повело в сторону, человека тряхнуло в коконе верёвок, который он торопливо разрубал захваченным из лагеря клинком. Ещё один рывок остатки привязи не выдержали, и Ладар полетел вниз, в темноту. Удар. Ветвь упруго изогнулась — и отпрянула в сторону, отпуская добычу. Вторая... Третья... Ладар беспорядочно метался меж деревьев, пытаясь ухватиться хоть за что-то. Наконец, полностью избитому, ему это удалось, и он повис на полном заноз суку, со страхом глядя в открывшуюся под ногами черноту.

Тихий смех Аяяра внизу показался торжественным гимном.

— Кончай висеть. Разжимай руки и прыгай, тут осталось-то всего ничего. Хорошо хоть, попали в рощу, где шуметь можно, а то бы сюда все патрули ронхарцев сбежались, даром что за линией фронта.

Ладар собрался с духом и разжал руки. Короткое падение, и земля ударила его по ногам, заставив ничком рухнуть в мягкую хвою.

— Всего ничего, да? Да у меня всё тело болит!

— Ну по сравнению с тем расстоянием, которое ты уже пролетел, — самая малость. Пять минут отдохнешь, я пока разломаю нашу птичку. От неё мало что осталось, но лучше не рисковать.

Аяяр исчез, и Ладар принялся магически изучать свое тело. Похоже, та микстура, которую их заставили выпить перед полётом, сработала: переломов и даже трещин не было, а что касается ушибов и синяков — пройдут. В качестве эксперимента он приподнялся на

четвереньки, затем на ноги. Тело ныло, но слушалось вполне прилично. Вот только куда идти? Кругом темнота, полная слабо поблескивающих в звёздном свете сучьев и корней. Так, где этот ночной воин? Закрыв глаза, Ладар настроился на своего спутника и был вознаграждён цепочкой слабо светящихся следов, уводящих к опушке. Не поднимая веки, он двинулся вперёд, стараясь наступать след в след. Это оказалось неожиданно тяжело. Гибкий и стремительный юноша перемещался странной, скользящей походкой, растягивая шаги на гораздо большую длину, чем это принято у нормальных людей. Ладар шипел, не открывая глаз, мышцы в паузе тут же заболели, протестуя против жестокого обращения, но походка получилась удивительно мягкой и быстрой. Минут через десять он выскочил на небольшую полянку, где Айяр методично доламывал их лётное средство оброненным при падении клинком Ладара.

— Очухался? Здорово! Вот только о третьем своём клинке ты не вспомнил. А найди его ронхарцы, все попытки скрыть нашу вылазку тут же пойдут прахом.

— Так мы вроде и не собирались ничего скрывать. Ируг говорил: неудавшийся разведрейд...

— В конце — придется обнаруживаться обязательно. Портал просекут, и если за нами не будет погони, начнутся вопросы: кто был, почему ушёл... А так — обнаружили разведчиков, они смылись в портале. Просто и красиво. Вот только это не значит, что мне хочется целые сутки бегать. Сейчас дойдём до одного местечка, пересидим и возьмём посылку, а к вечеру можно будет и пошуметь. Есть одна мыслишка. Ладно, держи свой клинок и дуй за мной!

Айяр развернулся и направился в глубь леса. Магический силуэт, полный природной, присущей всему живому силы, стал удаляться, растворяясь в тусклом фоне леса.

— Стой! Я в темноте ни зги не вижу!

— Ну сюда же дошёл! — Даже во тьме ясно можно было представить ухмыляющуюся улыбку Аяяра.

— Я магически читал твои следы!

— Можешь двигаться так и дальше. А если тяжело...

Ночное зрение — это навык восприятия окружающего мира по оттенкам магического и физического мира. Открой глаза, и пусть две картинки наложатся. Вначале будет тяжеловато, затем привыкнешь.

— Я не умею! Я всегда магичил с закрытыми глазами!

— Как и большинство. Но всё когда-то стоит попробовать в первый раз. Настройся на окружающий мир, открой глаза и посмотри вокруг.

Вздохнув, Ладар попытался. Две картинки закрутились, свились в тяжёлый ком, и он зашатался, испытывая приступ головокружения.

— Погоди! Попробуй вначале с одной веткой. Вот смотри, я ею качну — видишь?

Вначале ничего не получалось. Мешанина образов, хоть и не такая густая. Но постепенно... Блик от солнечного света. След от тока силы, струящегося по листу — слабенького, почти незаметного. Всё это начало складываться, дополняя друг друга, превращаясь в единое целое. Довольный, он перевёл взгляд на Аяяра и ахнул. Если деревья, трава, кусты были энергетически бедны, то стоящий перед Ладаром парень был укутан покрывалом из собственных сил и звёздного света. Всё это настолько точно переходило одно в другое, что было странно: почему раньше никто этого не видел?

— Ну теперь я понимаю, почему тебя зовут ночных воином. А ты точно человек?

— А что, я похож на вампира? — Аяяр ухмыльнулся и, повернувшись, скользнул в заросли. Ладар торопливо двинулся следом, изучая странные приёмы

ходьбы своего приятеля, пытаясь им следовать. Мысли о странном ответе, крутившиеся в его голове, исчезли, стоило его попутчику перейти на бег — лёгкий и почти непринуждённый, он тем не менее заставил непривычного к ночному лесу парня выложитьсь полностью, отбросив все посторонние мысли. Шаг — длинный и скользящий, второй такой же, затем легкий, почти незаметный прыжок — и вновь шаг. Получалось быстро, хотя без привычки здорово выматывало.

К огромному, заросшему мхом дереву они вышли, когда уже почти рассвело. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, но его первые лучи, отражаясь от летящих над головами облаков, окрасили землю в нежные, розовые цвета предвестников зари. До опушки было рукой подать — солнечные лучи, проходя сквозь листву, освещали разрывы между деревьями, редкий кустарник и уходящее вдаль поле. Однако Айяр не пошёл туда. Решительно свернув, он направился к небольшому овражку, всё ещё храняющему тьму уходящей ночи. Именно там, омывая корни в весело играющем по камням ручейке, стоял огромный, в несколько обхватов, древесный исполин, подобно воину, притаившемуся в засаде.

Айяр тут же прильнул к замшелой, окаменевшей коре, то ли что-то выискивая, то ли просто поглаживая дерево, как старого знакомого, а Ладар с удивлением смотрел на нарушение известных ему законов природы.

— Айяр, послушай! Деревья ведь не могут достичь таких размеров, если они растут в овраге. Там им темно и сыро, они чахнут!

Ночной воин лишь хмыкнул и аккуратно потянул за небольшой сучок. Часть коры, до этого выглядевшей абсолютно целой, послушно отошла в сторону, и Айяр скользнул внутрь, поманив спутника за собой.

Внутри гигантского древа было что-то наподобие дупла, какие бывают внутри высохших, насквозь прогнивших деревьев. Вот только это дерево не производило впечатление ни старого, ни больного. Просто, уступая чьему-то желанию, волокна древесины раздвинулись, образовав небольшую — три на четыре шага — комнатушку. Абсолютно пустую, с гладкими, словно отполированными стенами и ворохом листьев на полу.

— Классный тайник. Покемарим тут до вечера?

Пока Ладар восхищенно оглядывался, Айар саркастически хмыкнул и потянул ещё один незаметный сучок. Часть пола дрогнула, и под ним образовался небольшой люк.

— Старая уловка — тайник в тайнике. Найдя один, охотники расслабляются и не ищут дальше. Жаль, на магов она не действует — те бы сразу просекли пустоту под полом. Ты, кстати, тоже был в состоянии это сделать, если бы был настороже.

Айар ухмыльнулся и стал спускаться по лестнице, оказавшейся под люком. Помещения под деревом оказались гораздо обширней. Толстые, тяжёлые корни переплетались, образуя узорчатые своды. Несколько больших комнат, соединённых арками проходов, создавали иллюзию огромного пространства, хотя, конечно, тут большую роль играло изумление увиденным. Неяркий фосфоресцирующий мох на стенах ещё усиливал иллюзию, создавая ощущение далеких огней.

— Сейчас зажгу факелы — и отдохнём. — Айар шагнул к стене — и замер. В центре небольшого зала шевельнулась небольшая фигурка, и над потолком загорелся крохотный огонёк феербала.

— Не трудись, я помогу. Я уже устала вас ждать, ребятишки. Почему так долго?

Эти слова, произнесённые чуть игривым, чуть насмешливым тоном, заставили Айара окаменеть, словно

он попал в незримые оковы. Жилы на его лбу вздулись, рука застыла на эфесе клинка, но не сдвигалась ни на волос.

Казалось, в маленькой комнатушке начался поединок одной и другой воли — взгляды девушки, сидящей за столом, и замершего Айара встретились — и скрестились, подобно дуэльным шпагам.

— Люди, что происходит? — Ладар попытался сделать шаг вперёд, но девушка, не отрывая глаз от ночного воина, ухмыльнувшись, произнесла:

— Ты ещё можешь говорить, человечек? Забавно. Ладно, с тобой я потом разберусь, а сейчас — спать!

На парня обрушилась тьма. Пустая и вязкая, она поглотила человека, его тело, разобрав его до мельчайшей частицы, оставив сознание висеть в темноте.

Небытие улыбнулось оторопевшему человеку хищной улыбкой и устроилось поудобней неподалёку, ожидая своего часа. Безумие ухмыльнулось и приселось с другой стороны, словно намекая: у тебя есть вариант. Время, запутавшись в вязкой пустоте, плунуло и ушло в реальный мир, оставив оторопевшего парня наедине с вечностью.

Ладар закрыл глаза. Тьма осталась, а небытие приединулось ближе, словно предвкушая удовольствие. «Я — есть. Я могу мыслить, а значит, существую». Философ древности, произнесший эту фразу, явно знал о существовании подобных мест. Ну или догадывался.

«Любую тьму можно разогнать светом. Значит, мне нужен свет. Откуда ему взяться в небытии? Только из моей собственной души!»

Сипал, посвящённый тёмных троп, начал плести небольшой феербол, используя крупицы своего Я. Получалось плохо — с каждым витком приходилось рвать частицу себя, но зато у него появлялось нечто новое, небольшое изолированное сосредоточение его собствен-

ных сил, способное... ну хотя бы дать свет. Маленький, слабый комочек. Несмотря на все старания парня, он почти не рос, однако постепенно начал светиться странно серым, зато ровным и уверенным светом. Тьма внезапно обрела материальность и принялась закидывать островок света ошмётками чёрной энергии, больше похожей на куски слизи. Отражать подобные всплески было невозможно, да Ладар и не пытался. Вместо этого он подхватывал их своим сознанием и присоединял к собственному, горящему всё ярче творению. Наверняка подобные действия были невозможны. Насколько знал сипал — они противоречили всем писанным и неисследованным законам. Однако они были, и тёмная тропа начала обретать плоть под ногами адепта, внезапно понявшего, в какую сторону идти. Клубок стал ярче, теперь он горел яростным, слепящим светом, заставляя тьму уже не нападать, а прятаться в поисках спасения. А Ладар внезапно почувствовал себя сильным. В жилах забурлила энергия, захотелось немедленно испытать себя, что-нибудь сломав или разрушив. И это желание, острое и горячее, остудило человека, заставив сомневаться в собственном рассудке.

«Где бы я сейчас ни находился, безумие стоит не подалёку и ждёт своего шанса. Нет, я не буду знакомиться с ним слишком близко и поищу себе другого проводника наружу».

Ладар приподнял свой шар повыше, разглядывая окрестности и наткнулся на тёмный взгляд знакомых удлинённых глаз. Ладар почувствовал, как помимо воли на лицо наползает глупая, дурацкая улыбка и вместе с ней румянец на все щёки. В этом, созданном им самим мире она была одета в туманно-облачные одеяния, окутывающие стройное тело и открывающие то стройную ножку, то круглое плечо, а то и манящий пурпурный сосок груди.

— Привет, Илис! Ты, как всегда, прекрасна!

— Привет! — Впервые девушка была не напряжена и никуда не торопилась. Спокойно присев рядом, она с улыбкой стала рассматривать творение парня. Подумав, срезала локон волос, дунула, и он закрутился спиралью, втянувшись в шар, засветившийся ещё ярче.

— Я в коме, верно? Где ещё можно встретить Смерть, безумие, небытие и тьму одновременно? Но я всё равно рад тебя видеть!

— В коме? Пожалуй, можно сказать и так. Однако это ненадолго — обосновавшаяся в древнем храме дроу нечисть покончит с твоим спутником и примется за тебя. Она даже не будет приводить тебя в чувство — ей вполне достаточно жизненной силы. Хочешь воспользоваться силой амулета?

Вопрос прозвучал странно. Слишком многое осталось недосказанным — слова молчали, но эмоции, прозвучавшие во внешне спокойном, даже равнодушном голосе... Пусть не настоящие эмоции, их оттенки — любящему сердцу достаточно и их.

— У меня есть время?

Илис пожала плечами.

— Сейчас твой спутник борется с вампиршей. Надолго его не хватит, однако тут всё течёт по-другому — ты прав, время у тебя есть.

Разум парня работал на полную катушку. Что-то здесь не так. Засада, да ещё в указанном им месте для отдыха. Это похоже на игру в игру. Кто-то узнал их маршрут и создал условия, при которых он будет вынужден разрядить доставшийся ему артефакт. Потом его легко можно будет отнять или снять с трупа, если он не справится. Отсюда горечь и досада в голосе его любимой. Что ж, сипал никогда не шёл лёгкими путями.

— Я могу почувствовать отсюда свой тёмный клинок?

— Зачем отсюда? Активирай глаз, и я верну тебя в твоё тело. Вампирша сейчас слишком занята, и ты успеешь метнуть ей в спину.

— Погоди! Я же просил: не спешить! Ты сама говорила — время тут пластично и течёт иначе, чем в реальном мире. Это мой шанс кое-что сделать не так, как задумывали устроившие эту ловушку. Мой учитель говорил: играя в чужие игры по чужим правилам, ты всегда проигрываешь при долгой игре, сколько бы у тебя козырей ни крылось в рукаве. Хочешь победить — сумей изменить законы игры. Хотя бы сданной партии. Так как насчёт клинка?

Закутанная в туманные одеяния девушка недовольно покачала головой.

— Правила изменить нельзя. А клинок — уже попробовал твоей крови. Это проложило меж вами небольшой энергетический канал, по которому он пьёт жизненные силы — даже отсюда. Хочешь ощутить его — найди этот канал и пойди по нему.

Ладар откинулся и закрыл глаза. Собственное тело представлялось ему всегда переплетённым клубком энергетических нитей. Как найти в этой мешанине одну, маленькую и слабую? Спокойней, ещё спокойней. Сознание, бодрствующее далеко от оставленного им тела, словно уснуло, приостановив свою деятельность. Где-то в реальном мире человеческое тело вздрогнуло и начало остывать.

— Ты что творишь? Прекрати!

— Не мешай. — Голос был невыразительным, но твёрдым — и Илис, удивляясь сама себе, устроилась поудобней, наблюдая за потоками сил, окутывающими сознание парня. Станный он — ему мало оказаться на краю бездны, нужно ещё наклониться и заглянуть вглубь.

Энергетические потоки сознания слабели, истончались, готовясь вскоре иссякнуть. Кружево энергий

человека становилось полупрозрачным, напоминая лёгкую дымку. Все нити-разума стали похожи на тонкую, ажурную летнюю паутинку — все, кроме одной. Уходящая за пределы ауры человека, странная алая нить торопливо пульсировала, стараясь напоследок захватить побольше жизненных сил.

— Есть! — Сердце вновь принялось биться, разрывая ледяные объятия небытия. Ладар торопливо устремился вдоль уходящей во тьму нити. Это было странное ощущение. Человек вдруг ощущил себя в длинной, облегающей тело резиновой трубе пробирающимся из бесконечности в бесконечность. Ухмыльнувшись, ускорился, чётко представляя себе цель — простой, с вытертой рукоятью клинок, с лезвием, словно собранным из первородного мрака. Ещё мгновение — и он внутри.

Строгие, словно стальные оковы... сознания? Сущности? Сути? Каменная, чистая неподвижность кристаллической решётки — служащей надёжной оградой... и идеальным местом хранения сил. Изучая свой клинок изнутри, Ладар убедился: тот создан не из железа и создан мастером, имеющим навыки Творца. Пусть даже творца нежити. Сильное, мощное присутствие, словно он зашёл в клетку к спящему хищнику, а тот проснулся — и, приподняв голову, изучает дерзкого пришельца.

— Спокойно, спокойно. Я не желаю тебе зла. Мне нужно только немного жизненных сил, которые ты запасал во время наших походов...

Хищник зарычал. Воры! У него хотят отнять добычу!

Изогнувшись, он прыгнул. Ментальные когти вцепились в ауру человека, разрывая на части ослабевшее сознание. Из кристаллов чужого порядка появилась пустота и, урча, принялась проглатывать оторванные куски.

— Ты мне не соперник и не хозяин. Ты для меня пища! — Образы, вошедшие в разум, были смутными, но вполне понятными — клинок, почувствовав угрозу, восстал.

Тёмный был опытным бойцом. Выкованный пару сотен лет назад, успел приобрести необходимый опыт — прекрасно умел ломать слабые, мягкие человеческие тела, преодолевать магические защиты, пробивая даже хорошо укреплённые сознания. В конце концов, он не раз пил жизни магов, готовивших свой разум к ментальным поединкам, отшельников, обладающих бесконечной силой сознания, и воинов, умевших использовать свой разум подобно оружию. Никто не мог справиться с небольшим угольно-чёрным клинком, потому что внутри его скрывалась голодная пустота, и она убивала.

Частицы небытия, заключённые в тёмный кристалл лезвия, проснулись и языками чёрного пламени устремились к дерзкому, осмелившемуся их пробудить. Сила жизни! Она на пару мгновений погасит их голод, сделав пламя ещё сильней, ещё гибче, а сам клинок — острей и твёрже, и осядет в закутках тёмного лезвия новым сокровищем.

Змеи пустоты взметнулись — и забились, попав в сверкающие пузыри ментальной защиты.

— Носить на теле столь мощное оружие и не разобраться в его природе? Нет, не нужно меня недооценивать! Я давно хотел поговорить с тобой по душам, только случая всё не было. — Ладар тяжело дышал: там, в мире живых, он был покрыт потом, и капли крови сочились из-под ногтей... А тут — всё новые и новые ленты скользили к нему, чтобы попасть в заранее приготовленные им ловушки. Хищник взревел. Огромный, неистово мелькающий язык небытия вылетел из недр клинка и устремился к лёгкой, беззащитной дымке человеческого сознания. Его тут же покры-

ла энергетическая плёнка приготовленной ловушки, и сипал, почему-то чувствуя на языке привкус крови, яростным рывком схлопнул пузырь защиты. Что происходит с воздушным шариком, если в нём пустота? Он сжимается, превращаясь в маленький комочек резины. Пустота, отрезанная от внешнего мира, опасна прежде всего для самой себя.

Зверь внутри тёмного клинка протестующе взревел — и отпрянул, давая проход вглубь, туда, где лежали его запасы жизненных сил. Он признал если не хозяина, то его силу. Пара шагов по странному, бесконечному кристальному залу — и открылись запасы Зверя. Это походило на... На что похож мир весной, когда всё цветёт и тянется ввысь, с точки зрения Творца? Ладар подхватил искрящиеся всеми цветами радуги искры и отправился обратно, слыша позади жалобное поскуливание небытия. Он едва не выпал в реальность — тело, возбуждённое недавней схваткой, рвалось в бой, но упрямо продолжал двигаться к той, которая ждала его.

— И что теперь? — Удивлённый взгляд чёрных как смоль глаз.

— Амулет зарядил мой учитель — остатками своих жизненных сил. Я сделаю то же, благо необходимую для этого энергию я добыл.

— Чтобы призвать смерть, нужна жизнь, тут ты прав. Но как ты собираешься это сделать? Ты не знаешь ритуала, не имеешь необходимых навыков.

— Я уже думал об этом. Ритуалы нужны там, где нет понятия происходящих энергетических процессов, а я очень отчётливо представляю себе то, чего хочу добиться. — Сипал аккуратно, мысленным усилием воссоздал энергетическую матрицу амулета и протянул его девушке в чёрном. — Держи!

Та испуганно отшатнулась, пряча руки за спину.

— Ты не понимаешь, о чём просишь! Я не могу!

— Держи! — Глаза парня потемнели, и Илис, закусив губу, приняла в ладони ажурную конструкцию — ракушку с поблескивающим в ней блестящим камушком. И тут же хлынул поток жизненных сил. Жизнь всегда течёт к смерти. С самого рождения, с первого крика и первого ростка она движется к концу. Движется, набираясь сил и энергии, чтобы две противоположности, соединившись, могли создать что-то ёщё. Могли создать нечто новое.

Поток рос, и теперь Илис замерла, борясь со слабостью: она, призванная собирать подобные потоки в себе, вынуждена их хранить в доверенном ей артефакте! Чёрные полы её платья взметнулись, создавая туманный полог, тьма начала расти, но, усмирённая, опустилась на место, лишь мелькнули стройные девичьи ножки. Всё кончилось.

— Безумец! Ты не понимаешь, о чём просишь! Сейчас выпила бы всё и тебя заодно! Держи свою побрякушку. — Девичья рука протянулась. Пальцы медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление, разжались — и на них поблескивала золотистым цветом жизни жемчужинка в раковине энергий. Жизнь — в обрамлении смерти.

Ладар, улыбаясь, приподнял сияющее солнышко, осмотрел со всех сторон, поднеся поближе собственный, тёмный феербол — пара нитей, оторвавшись от амулета, тут же втянулись в его основу, добавив что-то своё, — и протянул замершей девушке.

— Илис! У нас принято: ухаживая, парень дарит девушке подарки. Пусть этот амулет будет моим подарком тебе. Прими его! — Фигурка в чёрном взвилась, отскочив подальше от подарка.

— Ты с ума сошёл! Ты хоть представляешь, какие незыблемые правила собираешься нарушить... да откуда тебе! Весь на чувствах!

— Да! И я чувствую, что так правильно! Бери!

— Если я сейчас приму твой подарок, в реальности амулет превратится в простую побрякушку и уже не сможет тебя защитить!

— Ничего страшного! Мои товарищи воюют без всякой защиты — не годится и мне вести себя иначе. К тому же я смогу с чистой совестью отдать амулет магам и перестану бояться интриг с их стороны.

— Но как ты выберешься из комы? Твоему напарнику нужна помощь!

— Я, пока ходил к своему клинку, нашёл выход. Не волнуйся — бери!

Тонкая рука, словно зачарованная, нависла над маленьким сияющим солнышком — хрупкие пальцы осторожно опустились на него. В тот же миг парня опрокинул взметнувшийся чёрный вихрь. Вылетая в реальный мир, он видел яркий костёр переплетающихся тёмных лет — и сияющие глаза Илис.

Айяр лежал неподвижно у дальней стены, не в силах пошевелиться. Глаза него были открыты, он был в сознании, но не мог двинуть и пальцем, в отчаянии наблюдая, как неторопливо, танцующей походкой к нему приближается сидевшая в засаде нечисть.

Тёмная фигура, отбросив осторожность в ожидании лакомства, потеряла всякое сходство с человеком: огромное, вытянутое вниз лицо с удлинившимися клыками, разом погруженное, одутловатое тело с непомерно длинными конечностями, заканчивающимися изогнутыми когтями, и сморщенная плоть сухой кожи, местами полопавшейся и жёсткой, как пергамент. Забыв обо всём, древняя нечисть спешила к пиршественному столу.

Тёмный клинок вспорол воздух, завертившись колесом. Вампирша была проворна: изогнувшись, она

успела развернуться, хватаясь за лезвие. Но зачарованное оружие это не остановило. Сухо треснули перерубленные руки — и страшный снаряд по рукоять вошёл в тело, проломив грудную клетку. Тьма встретилась с тьмой. Всё замерло: замер потревоженный воздух, замер свет, перестав гонять по стенам блики, замерли люди, замерла вампирша, в отчаянной попытке хватаясь обрубками рук за рукоять ножа. Настала тишина, не прерываемая ничем, даже дыханием. Минута. Другая. И — тихий шелест, словно сыплется песок. Вначале слабый, он нарастал, и стало видно: это тело неожиданно разрушается, превращаясь в горстку праха. Ещё несколько томительно долгих минут — и клинок, съякнув, упал, разметав чёрный прах, и тускло засвятился на каменных плитах.

Ладар выдохнул и, немного покачиваясь, направился к своему оружию. Рукоять легко скользнула в ладонь, устроившись мягко и удобно: хозяин признан, во всяком случае, до поры, новое лакомство с лихвой компенсировало потери, и клинок был полностью доволен жизнью. Внизу же, в прахе, матово переливаясь, лежала небольшая кость, светящаяся своим собственным, тусклым светом. Поколебавшись, парень сунул её в карман.

— Айяр! Ты как?

Фигура у стены зашевелилась, попыталась приподняться и тяжело упала на пол. Ладар кинулся, подхватил. Пошарив глазами по сторонам, аккуратно положил погрунавшее тело на небольшой топчан, достав флягу, смочил лицо.

— Спасибо... Не хотелось бы умереть чьим-то обедом. Спасибо. Теперь смогу уйти свободным.

— Эй! Ты чего? Она же тебя даже не коснулась! — Парень торопливо распахнул воротник друга, изучая шею, затем облегчённо рассмеялся. — Ну я же говорил! Не укусила!

Айяр невесело рассмеялся.

— Не будь столь наивен. Вампиры — вовсе не прекрасные создания, питающиеся кровью. Как и зомби не питаются мясом. Это — самая обычная нежить, и им, чтобы продлить своё существование, нужны от людей их жизненные силы, их энергия, их эмоции. Кровью и плотью они лишь пытаются поправить свои тела, сделав их не такими страшными. Вот только нужно очень много человеческой плоти, чтобы нежить могла хоть ненадолго обрести предсмертный облик. Всё остальное — выдумки, сказки.

— Да и фиг с ними! С тобой-то что?

— Она высосала меня почти досуха. Но это и хорошо. Будь у меня больше сил, я попытался бы запастись твоими — и стал бы ещё одной мерзкой тварью. А сейчас — перед тобой практически остывающая оболочка, без души. Прощай. — Тонкие черты лица обмякли, длинные глаза закрылись.

— То есть тебя может спасти не любая жизненная энергия, а только твоя собственная? Давай держись, я сейчас...

Ладар аккуратно, не выпуская Айяра из поля зрения, стал входить в транс. Было невероятно сложно находиться в привычном, знакомом мире и где-то ещё. Однако сипал чувствовал — надо. Глубже. Ещё глубже в собственное тело — и по соединяющей нити в тёмный клинок! Все запасы жизненных сил где-то тут, у Зверя.

Хищник сыто глянул на пришельца, но не шевельнулся. Уроки хозяина были ещё свежи в его памяти, и пробурчав нечто вроде «И чего ходит...», он вновь погрузился в дремоту.

— Айяр! — Зов, тихий и властный, заполнил структуру кристалла, магическим эхом прошёлся по его изгибам и ударил в закрома. Возникла картинка: странный, сочащийся кровью монстр, лежащий на огромной

груде костей, и одна маленькая косточка, пульсирующая тёмно-зелёным светом.

— Айяр! — Косточка задрожала, чуть двинулась вбок, словно собираясь взлететь, как сверху упала тяжёлая лапа монстра, водворяя беглянку обратно в груду добычи.

— Место! Ты сырт, а эта кость мне нужна!

Зверь нехотя, тихонько рыча, убрал лапу.

— Айяр! — Тонкая косточка вздрогнула, оторвалась от остальных и полетела, на ходу превращаясь в гибкую фигуру юноши. И уши у него были острыми!

С трудом оторвавшись от удивительного зрелища, Ладар вернулся в реальный мир. Тёмный клинок двинулся вперёд и осторожно провёл по щеке замершего юноши. Остриём. Несколько капель крови выступили из раны, оказавшись на чёрном лезвии — но не впитались, а наоборот, принялись подпрыгивать, закипая. Ещё движение — и вот уже всё остриё залито живой, пузырящейся кровью. Что-то светлое и чистое вышло из тьмы клинка, смешавшись с влагой жизни, Айяр застонал и открыл глаза.

— Это что-то невероятное. Вполне достойное если не легенд и сказаний, то детального изучения в магических университетах — наверняка! Теоретически возможно, обладая твоим оружием, справиться с вампиром, разменявшим не одну сотню лет, хотя шансы при этом близки к нулю, но потом подчинить себе тёмный клинок, заставив отдать забранную им в бою добычу... Я прямо не верю, что жив! Так не бывает!

— Ладно, кончай! Просто повезло. Эта тварь отвleлась на тебя и потому не смогла должным образом среагировать. А клинок — он был сырт. Вампирша явно недавно охотилась, и жизней в ней оказалось много. Самое сложное было найти твою.

— Ну не хочешь, не говори. Однако я твой должник! И знаешь что? Я начну отдавать долг, обучая тебя искусству боя!

Ладар натурально застонал, сдерживая смех.

— Вот и спасай после этого всяких длинноухих! И они в благодарность вымотают тебя так, что жить не захочется!

— Может, и не захочется. Но уж точно получится. А что это ты насчёт ушей наплёл?

— Да так. — Ладар ухмыльнулся. Увидел тут недавно одну длинноухую душу, и сразу стало понятно, что мы делаем в схороне тёмных дроу. — Ладно, не хочешь, не говори, я никому не скажу! Лучше скажи: а Ируг знает?

— Да и ты ничего не знаешь! — Айяр ухмыльнулся. — Это история долгая и запутанная. А нам, между прочим, уже собираться пора. Отдохнули, нечего сказать. — Кряхтя, он начал подниматься, сделал несколько приседаний, наклонов, недовольно покачал головой и, подхватив мешок с припасами, решительно уселся обратно на топчан.

— Не люблю есть перед долгим бегом, но сил слишком мало. Так мы просто не добежим.

— Не волнуйся, как подберём посылку, я её сам понесу. А может, ты здесь останешься?

— Ты с ума сошёл? Если я не выйду из портала, маги активируют клеймо, и получится, что ты даром меня спасал. Да не переживай ты так, бегать тоже можно по-разному. Давай поешь, а то ты от меня ненамного и отличаешься. И не рассказывай мне, что всё, что ты сделал — просто метнул нож в спину вампиру. Разменявшие полтысячи лет так глупо не подставляются!

Сил было мало. Тело мотало, руки тряслись, небольшой ящичек, подобранный у корней старого, зам-

шелого дерева, нещадно бил спину, тяжелая с каждым шагом, пока не начал весить как два древесных тролля. Айяр несколько раз заикался было забрать посылку, но, встретив тяжёлый взгляд налитых кровью глаз, замолкал и уходил вперёд, показывая дорогу. Ладар и рад был бы отдать окаянный ящик, набитый, не иначе, свинцовыми чушками, однако его останавливал вид напарника — весь бледный, с синевой под глазами, он никак не мог оправиться от встречи с высшей нечистью. По уму, его в лазарет, под чуткие чары магов-целителей, да только это не для штрафбата — беги, пока ещё есть силы, пока намертво впечатанная в плечо эмблема королевских войск не начала свою разрушительную работу.

Немного помогали движения, показанные замаскированным дроу. Ровный, аккуратный шаг, не мелкий, даже чуть крупнее обычного, с неожиданной постановкой стопы не на носок, а полностью на всю ногу, он был не самым быстрым, но здорово экономил силы... и помогал сохранить равновесие.

Внезапно Айяр поднял руку в извечном жесте лесных охотников — раскрытая, ровная ладонь, вытянутая вверх, внезапно сжимающаяся в кулак — «внимание» и «тишина». Ладар, стараясь ступать ровно и тихо, дошёл до замершего приятеля, и тот показал на небольшие фигурки спешившихся всадников, расположившихся под деревом.

— Конный разъезд Ронхара. Прекрасная возможность обнаружить себя и при этом нанести урон врагу. Если мы их вырежем, их хватятся довольно быстро, но всё же не сразу — мы успеем отступить к порталу, имитируя поспешное бегство.

— Их всего трое. Справиться с ними — не проблема, однако о каком уроне может идти речь?

Айяр беззвучно рассмеялся, закидывая голову.

— Я всё время забываю, что ты в армии новичок. Сам посуди: кто же отпустит конный разъезд в таком малом количестве недалеко от передовой, если там не классическая связка — пара хороших бойцов плюс маг? Такие справляются с диверсионной группой просто в качестве разминки.

— Тогда какие у нас шансы?

— Пока они не готовы к отражению атаки — я бы сказал, неплохие. Даже если мы не уложим всех, бежать нам вон туда, к опушке — видишь слева небольшой малинник? Через полчаса там откроется портал. У нас пять минут на подготовку, десять на обезвреживание ловушек, десять на бой и сбор трофеев и пять на бег до портала. Должны уложиться. Только одна проблема: маг наверняка сигнальную сеть раскинул да и защиту поставил. Сможешь проделать проход, ничего не потревожив?

Ладар аккуратно освободился от лишнего груза, проверил, чтобы ничего не мешало, лёг, устроившись поудобней на упавшей хвое, и начал дышать — ровно и неглубоко, вводя себя в состояние лёгкого транса. Да, опытному магу не нужны подобные подготовительные упражнения, но кто он и кто настоящий чародей...

Магические линии проявились ровно и мощно, выявив полный силы, безупречный контур. Явно домашняя заготовка, на скорую руку привязанная к местности — слишком много сил для наспех наброшенной защиты, слишком детально всё выверено. Так называемое многоразовое заклинание: по окончании привала маг соберёт разложенную им сеть, чтобы использовать в следующий раз, затратив и на раскидывание, и на зачистку минимальные усилия. Всё это было круто, зрелищно и неприступно. Вот только у подобных заклинаний был один небольшой недостаток: привязка к местности была гораздо слабей, чем у обычной паутин-

ки. И то — зачем тратиться, раскидывая нити, которые вскоре придётся обрывать? Лучше опустить энергию поближе к земле, и достаточно.

Ладар открыл глаза.

— Можно подобраться. Только вначале мага придётся валить, уж больно силён. Если первым ударом не уничтожим — в пыль раскатает, никакой портал не спасёт.

— Хорошо, что делаем?

— Подберёмся поближе, вон к тому высохшему дереву. Там оставим всё лишнее, на обратном пути подберём, нам как раз по дороге будет. Оттуда — ползком. Маг схалтурил — не привязал защитный полог к земле, под ним можно проползти, если его немного отогнуть. Я пойду первым, ты — следом. Доберёмся до дерева, под которым они отдыхают, дальше ты наверх, я — вниз. Ударим одновременно. Подходит?

— Вполне. Идем, пять минут уже прошло!

Силовое поле пружинило, норовя прижать посильней. Чародей, его ставивший, утяжелил оконечные нити, заставляя их стремиться к земле. Простой и изящный вариант бесконтактной привязки. Тело, ещё не отдохнувшее после бега, протестовало, принимая на себя лишний груз. То, что он был энергетическим, а не физическим, уставшие мышцы нисколько не заботило. Нельзя было останавливаться, отдохать или трясти окаянный полог: только у спокойного, ровного движения были шансы остаться незамеченным.

У развесистого, полного листвы дерева, под которым обедал разъезд, начинающий маг без сил растянулся в густой траве, отдохная. Айяр не торопил, только поглядывал на заходящее солнце, высчитывая время. Наконец тронул человека за плечо, жестом показав над головой: «Полога нет?» Дождавшись утвердительного кивка головы, аккуратно достал лук и стрелы, поправил

тетиву и, ободряюще кивнув напарнику, ровным, бесшумным шагом направился к дереву.

Ладар в изумлении покрутил головой: да, они выбрали направление так, чтобы дерево заслоняло их от ронхарцев, но вот так нагло встать в полный рост и начать подниматься по стволу дерева, как по ровной земле! В изумлении, едва не пропустил момент атаки. Увидев, как ровно и плавно натянул свой лук Айяр, он торопливо выхватил меч и выскочил из-за дерева.

Их не ждали, но опытные, бывалые мечники не потерялись. Первая стрела достигла цели, однако вторую отбил вовремя подставленный меч, и вот уже двое мастеров меча стоят спина к спине, готовясь к отражению атаки. Айяр атакующим вихрем слетел с дерева, восстановив ненадолго усилием воли былую силу и скорость, но отступил, наткнувшись на виртуозную защиту. Ладар медлил, изучая стоящего противника. Он видел в его глазах спокойствие и уверенность в своих силах — спокойствие опытного бойца, способного с успехом противостоять десятку новичков, подобных ему.

— Их всего двое. И один — новобранец, который откровенно трусит. Заканчивай со своим, этого я возьму живьём. Может, успеем понять, что им тут было нужно, прежде чем паскудные клейма возьмутся за работу. — Говор был чужим, со странным, непривычным акцентом. Зато сами слова: холодные и равнодушные слова опытного убийцы — разозлили Ладара. Мысленно представив структуру шара, созданного в коме, он раскрыл ладони — и там возник небольшой чёрный феербол.

— Не всегда тот, кто медлит, трусит. Нужно было нападать. Лови! — Чёрный шар полетел к воину, опешившему не столько от вида небольшого шара тьмы, сколько от наглости юнца, заговорившего на чужом языке. Мечник торопливо вытянул вперёд руку с за-

жатым в ней амулетом — и феербол завис в нескольких шагах перед воином, но не упал, продолжая парить в опасной близости. Меч Ладара сверкнул, сталь встретилась со сталью, однако теперь преимущество было на стороне новичка: трудно фехтовать одной рукой, другой удерживая надвигающийся на тебя феербол, ищащий слабину в твоей защите. Справедливо полагая чёрный шар более грозной опасностью, мечник проморгал момент, когда вместо обычного меча на пути его оружия возник тёмный клинок. Удар — и обломки лезвия падают на землю, а серебряный клинок проскальзывает меж звеньями кольчуги, нащупывая сердце. Не успело ещё тело осесть на землю, как тёмный феербол по крутой дуге устремился к наседающему на Айара воину. Тот почувствовал опасность, обернулся и расёк подлетавший шарик своими клинками, лишая его силы, но в это мгновение дроу в длинном выпаде достал горло врага. Хлынула последняя кровь, оставив на поле боя двоих истекающих кровью победителей. Каждый из них успел за несколько быстротечных мгновений схватки получить по ране — один в плечо, другой в бедро, но даже для перевязки времени не было.

— Добей мага, он вроде ещё жив, защиты больно крепкие на нём были, даже зачарованные стрелы вязнут. А я пока по-быстрому трофеи соберу, и — ходу. Пять минут осталось!

Ладар кивнул, обнажая тёмный клинок, и шагнул к неподвижно лежащему телу в цветных одеяниях мага, пришпиленному к земле длинной стрелой. На него глядели полные ужаса и слёз глаза девушки!

— Ты что возишься? Скорее! И стрелу мою забери! — Айяр торопливо закидывал в появившийся у него мешок клинки, какие-то цацки, поглядывая на солнце. Ладар посмотрел на расширенные в ожидании смерти глаза девушки и подчёркнуто аккуратно убрал

в ножны тёмный клинок. Затем, наклонившись, резким движением выдернул стрелу, засевшую в правом боку. Кровь хлынула ручьём, и незадачливая чародейка потеряла сознание. Несколько простейших магических связок — пережать пару разорванных артерий, стянуть кожу, соединить пробитую печень... без помощи она, конечно, долго не протянет, однако помочь будет как раз чересчур быстро.

Выпрямившись, он торопливо наложил на свою руку такие же связки, подскочил к Айяру и, несмотря на уверения в необходимости спешить, сделал то же с его ногой.

— Кровь остановится, но ненадолго. Я не целитель, минут десять бега — и всё слетит.

— Не переживай, через десять минут мы уже будем в лагере... — Сзади послышались отрывистые крики и лязг доспехов. — Либо уже мёртвыми. Побежали!

В раскрывшийся туман портала влетели, ощущая за спинами дыхание преследователей. Следом за ними на открытое всем ветрам расположение штрафной роты вылетело несколько стрел — стоявшие наготове гвардейцы легко порубили их мечами, пригнулись, готовясь к отражению атаки, но её не последовало. Пожилой маг в фиолетовой мантии торопливо выкрикнул несколько слов, заставив портал схлопнуться, и направился к упавшим смертникам. Пара плавных движений — и волна изменений прошлась по измученным телам, исправляя, врачая, исследуя... Ушла усталость, туман в голове, давая возможность действовать и главное — мыслить.

— Задание выполнено, уважаемый льер! Посылка подобрана и доставлена! — Айяр вытянулся, сбросив вещи на землю (так, чтобы плащ и доспехи прикрывали грязный, бесформенный мешок), и протянул руки, на которых покоилась подобранная в лесу шкатулка.

— Отдайте полковнику, это игры его ведомства. — Маг, улыбаясь, смотрел на Ладара. — А вы изменились, молодой человек. Кажется, ваша любимая игрушка перестала работать?

Аккуратно сняв раковину, уже без сверкающей в её глубине жемчужины, тот протянул бывший амулет настороженно наблюдающему за ним чародею.

— Вам было нужно это? Держите. Только, боюсь, действовать она уже не будет.

— Ох, молодость, молодость. Если вы не можете зарядить артефакт, это не значит, что он сломан. Повторяйте: «Я, Ладар Рикс, в ясном уме и отдавая себе отчёт в происходящем, передаю артефакт вечности в постоянное распоряжение гильдии магов королевства».

— Передаю. Владейте. — Ладар махнул рукой и, повернувшись, заковылял в сторону палатки.

— Очень хорошо. Поздравляю вас с возможностью жить без опёки магической гильдии. — Датим стоял подале и, прищурившись, наблюдал за новобранцем, с трудом передвигающим ноги, и пожилым магом, исчезающим в очередной портальной дымке. — Меня их внимание здорово нервировало.

— Хотите сказать, что они за мной постоянно наблюдали? И испытывали?!

— А сам как думаешь? — Сарказму главы разведки не было границ. — Или размышлять так и не начал? Ты нашёл ответ на мой вопрос?

— Вы о роли разведки в нынешней войне? Думаю, не дать ей превратиться в продолжение интриг магов.

— О, это уже часть ответа. Продолжайте в том же духе, рядовой, и вы сможете стать чем-то большим, чем зелёный новобранец. Айяр, Ладар, отдохните, и до завтра!

Утро выдалось ясным. Солнечные лучи расцвечивали нейтральную полосу с палатками штрафбата

самыми яркими красками, превращая неказистый лагерь смертников в нечто торжественное и важное. Птицы пели свои незамысловатые трели, словно гимны, заставляя в изумлении остановиться, озираясь в поисках столь искусных пичуг. Старые полотнища палаток важно колыхались на ветру, подобно складкам тяжёлых, полковых знамён. Под стать этому яркому утру был и льер Датим, подчёркнуто неторопливо выступающий из серебристого телепорта в сопровождении тройки хмурых магов... и тонкого, нескладного юноши, виденного Ладаром однажды — в судейской мантии.

Нужно отдать должное Иругу — углядев краем глаза прибывших, он несколькими громкими, отрывистыми командами превратил слоняющихся по лагерю штрафников в молодцевато вытянувшийся строй, пожирающий начальство глазами. Замешкавшийся новичок тут же получил ощутимый тычок под рёбра и несколькими парами крепких рук был всунут в замершую шеренгу.

Датим одобрительно оглядел напрягшийся отряд, кивнул и поманил Ируга. Тот, чётко печатая шаг, подошёл, но отдавать честь и кричать здравицу дурным голосом, как это делали командиры обычных рот, не стал, ограничившись крепким рукопожатием. Зато потом, выслушав начальство, в полном изумлении развёл руками и, пряча ухмылку за показной суровостью, повернулся к строю:

— Смирно! Рядовые Айяр, Ладар, выйти из строя! Вчера, блестяще выполнив сложную операцию, вы доставили из-за линии фронта важные сведения. В связи с особой сложностью задания, а также с полученным блестящим результатом, в виде исключения решено вас наградить медалями «За ратное мужество».

По шеренге пронёсся недоумённый ропот. Единственная награда для штрафника — это уменьшение

срока наказания. В мечтах — полное прощение, хотя такое практически никогда не случалось. Но тратить время и силы магов на заведомо приговорённых к смерти?

Ладар, слыша перешёптывания за спиной, недовёртно пожал плечами. Ну наденут на них по паре железок, и что? Мало ли железа впустую уходит на войне? Всё прояснилось, когда он увидел, как Айяр скидывает рубаху, обнажая пульсирующую на плече эмблему, и его обступают недовольные маги с презрительно сморщенными лицами. Только присутствие члена королевской семьи мешало им отказаться от бессмысленной траты магической энергии. Несколько коротких ярких вспышек, и дроу, с белым как снег лицом, опрокидывается на руки подбежавших солдат.

— Ну что уставился? Ещё тратить ману на обезболивание магических нововведений смертникам! Скидывай рубаху!

Ладар, закусив губу, посмотрел на так и не издавшего ни звука Айяра и торопливо принял раздеваться. Он помнил прошлую боль и готовился к такой же, только сильнее, но было иначе. В плечо словно начали лить мёд — горячий и густой, тот нехотя растекался по телу, обволакивая мышцы. Терпкий и пахучий, проникал сквозь плоть, впитываясь в кости. Сипал торопливо обмяк на руках сослуживцев, мысленным взором изучая происходящее. Боль, жгучую и неявшую, вполне удавалось приглушить.

По старой, впитавшейся в систему жизненных токов сети ограничений катилась волна изменений. Магические импульсы вскрывали отлаженные каналы команд, что-то углубляя, что-то соединяя. Похоже, теперь мышцы смогут сокращаться быстрей, да и приток сил к ним увеличился. Интересно. А вот эти изменения, кажется, коснутся магии. Похоже, господа

чародеи решили увеличить его запасы маны... за счёт жизненных сил. Не удержавшись, Ладар стал тихонько вмешиваться: ограничив возможность физического истощения, он успел приоткрыть дополнительные каналы для постоянного сбора энергий извне, из основных стихий и растений, когда... Дикая боль пронзила всё тело, заставила выгнуться дугой, расталкивая державших его солдат, рот оказался полон солоноватой крови. Намеченные изменения вступили в силу.

Ладар, как в тумане, выслушивал поздравления, напыщенную речь кого-то из магов, рукопожатие Датима. Стоило высокому начальству шагнуть в открывшийся портал, и он ничком упал на траву, теряя сознание. Последнее, что успело заметить гаснущее зрение — это внимательный, чуть лукавый взгляд скрывающихся в серебристой дымке молодых глаз.

— Что с ним? — Айяр торопливо подхватил обмякшее тело, не давая окончательно упасть, однако глядя на подходящего Ируга. — Со мной уже всё в порядке!

— Это потому, что ты не стал ни сопротивляться изменениям, ни перестраивать их на свой лад. А это чудо — умудрилось! Прямо под носом у наказующих! И они ничего не заметили.

— А... Вы уверены, что никто ничего не заметил?

— Почему никто? Я заметил. Так как ждал нечто подобное. Интересный парнишка — сил крохи, но талантлив! И умудряется совершать просто невообразимые вещи. Впрочем, невообразимые с точки зрения так называемой классической магии. Ею он как раз не страдает. Так что будь уверен: наказующие ничего не заметили. Заметил только я и...

— И?

— Неважно! Ташите новичка в его палатку. К утру проспится и будет как огурчик!

— Так сейчас же утро!

— К завтрашнему утру! Ты думаешь, вмешиваться в магию такого уровня — это легко?

Тьма. Тёплая и почти домашняя. Здесь, на границе жизни и смерти, он почти дома — впору начать обустраиваться. Присесть на непонятно откуда взявшееся сучковатое бревно, запалить чёрно-золотистый шарик собственного феербола и увидеть небольшую уютную комнату, словно сотканную из плотной паутины, зажмуриться в нетерпеливом ожидании и услышать:

— Привет! Ждал меня?

Илис была сегодня иной. Её руки не отсвечивали белизной, на них даже был заметен тонкий след румянца или слабого загара. Глаза блестели, подобно сверкающим алмазам ночи, а губы, по-прежнему красные, словно кровь, были влажными и манящими...

Нельзя сказать, что оплеуха была недостаточно энергичной. Ладар рухнул на мягкую, затянутую словно мягким паучьим шёлком землю, потирая горячую щёку, но на губах его медленно остывал жаркий мёд поцелуя.

— Совсем сдурел? Или жить надоело?

— Я всё равно... Всё равно найду способ тебя целовать!

Девушка смутилась. Она отвернулась, накручивая на палец чёрный локон, и неожиданно улыбнулась:

— Может, и найдёшь! После твоего финта с артефактом я не знаю, что от тебя и ждать!

— Он что-то с тобой сделал? — Тревога поневоле вкрадалась в голос юноши, однако сидящая напротив его девушка лишь радостно улыбнулась.

— Да ничего особенного. Просто подарил мне пару лет хождения во плоти.

— То есть теперь ты живая?

— Ну ты скажешь! Материальная, только и всего. — Девушка вытянула вперёд руку, любуясь изяществом кисти и остротой багрово-красных ногтей. — Я уже и забыла, что это такое... Постоянное нахождение на грани бытия превращает твоё собственное тело в нечто пустое и аморфное, поддерживаемое лишь энергией и силой воли. Теперь несколько лет я смогу вновь чувствовать себя почти нормально.

— А потом?

— Потом тело не выдержит нахождения тут — и исцелится, уходя по потокам жизненных сил. Однако и несколько лет — безумно много для того, кто давно лишился самой надежды.

— А нельзя...

— Хватит об этом! Ты тут ненадолго, скоро твой обморок перейдёт в спокойный, нормальный сон, а я хотела бы тебе кое-что показать. Где кость вампира?

— Вот. — Ладар с изумлением увидел странную белоснежную косточку лежащей на собственной ладони, хотя твёрдо помнил, что запаковал её в ворох шкур, уложив в самом дальнем углу палатки. Илис прыснула.

— Ну что же ты! Это обычная астральная проекция, как и с твоим медальоном. Главное, не забудь совместить всё, как проснёшься.

— Хм. Я как чувствовал, что это что-то необычное.

— Ничего удивительного. Ты и должен чувствовать такие вещи, коль идёшь тёмными путями. Вот только спешу разочаровать — силы в этой вещице нет. Ни капельки.

— А что есть?

— Возможность взаимодействия с пустотой. Поверь мне, это много. Пустота могущественна, она способна уничтожить практически всё. Вот только управлять ею невозможно... Если нет объекта, с ней взаимодействующего.

— С помощью этой косточки я смогу разрушать леса и города?

Звонкий, беззаботный смех. Слишком звонкий и долгий для искреннего.

— Это вряд ли. Даже если и хочется — ничего не выйдет. Всё, что может удержать такая кость — несколько тонких и длинных прядей, свитых в единое целое.

— Кнут!

— Что, знакомая игрушка? — Илис взмахнула руками, и перед оторопевшим парнем в воздухе завертелся целый клубок жадных и смертельных нитей. — Тогда действуй!

Действуй... Длинные нити небытия, извивались, пытаясь дотянуться до человека. И как их взять в руки? Малейшее прикосновение, и пустота накинется на человеческую основу, с удовольствием растворяя в себе подаренное лакомство. Старая наработка — соловьевые поля, способные заставить пустоту схлопнуться, раствориться в себе самой — тут не годилась. Ему нужны вполне живые, действующие ленты, а не их уничтожение.

— Илис! У меня ничего не выходит!

— Ну наконец-то! А я уже начала бояться, что такой самородок, как ты, вообще не знает преград. Такие долго не живут.

— Не смейся! Лучше скажи: ты мне поможешь?

— Конечно! — Илис с серьёзным видом взмахнула руками — и её творение, сотни тонких извивающихся змей пустоты, растворились во мраке серой комнаты. — Всё, помогла. Дальше — думай сам!

Она засмеялась, лукаво подмигнула — и исчезла за стеной паутины — там, где тонкими огоньками поблескивала вечность: то ли звёзды, то ли гнилушки... Что в принципе одно и то же.

— Да... С такими друзьями и врагов не надо! Объяснила, называется... — Ладар привычно ворчал, но в голове билась странная, пугающая мысль.

«Невозможно приручить чужое небытие? Найди своё собственное!»

Он и не заметил, как заснул. В какой-то момент всё стало нечётким, грёзоподобным; стены паутины раздвинулись? И парень увидел залитый светом луг, полный цветов, и уютно устроившуюся в тени небольшого стожка девушку. Илис! Торопливо прибавляя шаг, он бежал по свежей, пахнущей весной и жизнью траве, но до того, как увидел лицо сидящей, уже понял: это не она. И тем не менее девушка обернулась, взметнулись рыжие локоны, и спросила:

— Так кто же всё-таки такая эта Илис?

Знакомый голос заставил тут же вынырнуть из объятий сна. Марго сидела рядом, в небрежной, расслабленной позе, опираясь на матерчатую стенку палатки. Вот только выражение её глаз больше подходило бы изготавлившемуся к прыжку хищнику.

— Привет! Давно не виделись.

— Марго? Привет... — Блин, тяжело общаться с девушками. Последний раз она была готова разнести его в клочья вместе с палаткой. Причём отнюдь не фигулярно, учитывая её магическую силу и способности к магии воздуха. И вот, пожалуйста, сидит как ни в чём не бывало, спрашивает. Правда, опять об Илис.

— А меня наградили.

— Знаю. Слышала. И заскочила убедиться. Действительно, магическая подпитка налицо. Вот уж не ожидала! Датим всерьёз хочет использовать штрафников по крупным ставкам.

— И ты... ставишь?

Марго хмыкнула. Чуть отвернувшись, она улыбнулась — чуть виновато, но со скрытым торжеством.

— Знаешь, сколько я выиграла на вашем походе за кристаллом? После того, что ты умудрился сделать с метательями, я рискнула поставить на тебя все свои деньги, что у меня были, — и теперь в шоколаде. В полном!

— И как, шоколад — не горчит? Оно бывает, когда на крови замешано.

Девушка вспыхнула, однако уже не от смущения — от злобы.

— Не нужно слов. Идёт война, и люди гибнут, это нормально.

— Угу. Ты ещё расскажи о пользе диверсий, об отвлекающих факторах. Слов можно сказать много, но это не изменит одного простого факта: никто уничтожением кристалла не воспользовался, а значит, у нашего рейда была одна цель — очередной забег в вашем тотализаторе.

— Ты хочешь сказать, что уничтожение одного из старейших форпостов магической обороны противника, большей части его obsługi, причём из элитных частей, — это всё никак не влияет на войну?

Ладар смутился.

— Влияет, конечно...

— Тебе просто обидно: никто не кинулся вперёд в образовавшуюся брешь, не уничтожил противника, потому что тогда вы были бы героями, а так — просто удачливые диверсанты. Увы, наше королевство в глубокой обороне. Всё, что мы можем — это вот такие отчаянные рейды, способные если не ослабить противника, то поколебать его уверенность в себе — и копить силы.

Ладар задумался, прикидывая варианты, и тут же все мысли вылетели у него из головы: гибкая фигурка одним движением выскользнула из платья и нырнула под покрывало из шкур, заменяющее ему одеяло.

— Марго?

Тонкая кисть легла ему на губы.

— Не говори ничего. Говорить у тебя не получается.
А вот двигаешься ты замечательно!

Парень вздохнул и принял ласкать юное и нежное, но совершенно чужое ему тело, внимательно наблюдая за изменением энергетических потоков, выстраивая их в той особой композиции, которая могла создать музыку. Если не любви, то утончённого удовольствия.

Позже, когда уставшая и довольная девушка, чмокнув его в щёчку на прощание, исчезла в дымке портала, он продолжал лежать, задумчиво глядя на потемневшую от времени парусину палатки. Почему мужчинам неприлично отказывать? Женщины могут твердить «Нет!» хоть по сто раз на дню, это лишь повышает её цену, но мужчина... Отказывая, он автоматически становится злейшим врагом, посмевшим оскорбить, унизить. В лучшем случае к нему прилепят кличку «импотент», а в худшем... О, женщины! Мастерицы плести интриги, распускать слухи и создавать или рушить репутации. А всё потому, что слабость мужчины — в его постоянном желании, короткий поводок, с помощью которого им легко управлять. И насиждается выигрышный образ энергичного самца, способного на бесчисленные победы. Образ, к которому нужно стремиться и которому нужно подражать. Не можешь? А мужчина ли ты, или маньяк с отклонениями? Или презренный импотент, ни на что не годная тряпка?

Ладар чувствовал себя плохо. Им воспользовались просто и цинично и, получив от него желаемое, тут же отставили в сторону. Продолжая мысленно бичевать всех женщин мира, раздосадованный парень понем-

ногу успокоился, решив игнорировать все интриги, и вновь уснул.

Утром он опять слышал шутки сослуживцев. Внутренне негодяя на Марго (ну что ей стоило поставить полог тишины?), торопливо позавтракал и, подхватив белую косточку, отправился искать Ируга. Вначале сипал собирался вставить её в обычную деревяшку, но, подумав, решил поискать более изящное решение.

— Значит, тебе нужно что-то небольшое и смертоносное, чтобы использовать как рукоять хлыста? — Отставной маршал в задумчивости почесал бровь, мысленно пробегаясь по своему арсеналу. Пожалуй, в склоне идти не нужно, есть у меня одна вещица... — Он открыл небольшой сундук, аккуратно поставленный у стены, и принял копаться в груде, позякивающей характерным звоном. — Как тебе это?

Небольшая, вытертая от времени металлическая трубка, зачерненная, со сложным спиральным узором. Всего в две ладони длиной и без каких-либо опасно-привлекательных лезвий.

— И что в ней такого?

— Пойдём на воздух.

Ируг вышел из палатки, встал поудобнее и принял легко перекатывать странную трубку в ладони — вращая, перехватывая, поглаживая. Внезапно она стала расти, превращаясь в небольшой стальной шест с остриями на концах.

— Вот. Лови. Не знаю, как называется. Взяли мы её в бою и секрет стальных жал нашли случайно. Тут есть такой хитрый завиток — видишь? Его повернуть нужно, плавно и аккуратно. А если нажать на вот этот, то должен вылететь стальной шип, вот только как они заряжаются, мы не нашли, а те, что были, давно истрастили. Удобная штука. Наверняка есть ещё один секрет: древние мастера любили цифру три, наверняка и тут

есть третья загадка. Но какая — это сам разбирайся. Берёшь?

Ладар решительно кивнул и протянул руку. Вытертая рукоять легла в ладонь — мягко и удобно.

— Спасибо! Разберусь. И добавлю ещё один секрет — четвёртый.

Ируг задумчиво посмотрел на подопечного.

— Тогда добавь и пятый. Четвёрка — не самое лучшее число, говорят, это знак смерти.

— Хм... Не знаю, не слышал. В любом случае смерть не так страшна, чтобы бояться её знаков. И достаточно умна, чтобы не путать знак призыва — и знак восхищения.

Подмигнув оторопевшему маршалу, Рикс направился подальше из лагеря, к ручью, где можно позаниматься в относительном покое.

Кость аккуратно легла в зазор между завитками рукояти. Небольшое магическое усилие — и металлический усик, отогнувшись, плотно обхватил белоснежное тело. Вышло надёжно и аккуратно: тонкая кость была почти незаметна и общего вида не портила.

— Готово. И где мне взять собственное, личное не-бытиё? Стоит закрыть глаза — и перед ними возникают тонкие, ажурные конструкции магических токов мира. Их много — в природе, в мощных потоках стихий, в нём самом. И можно потянуться, зачерпнуть, наполнив собственные скучные резервы, вот только в данном случае это не поможет. Ему нужна не сила, а отсутствие силы, мони, движения, самой материи. Всех тех протокирпичиков, которые составляют саму основу мира. Отсутствие всего того, что заставляет мир быть. Небытие. Даже там, в пустом гобелене пространства, в котором живут звёзды, по рассказам учителя пустом, есть что-то. Свет и тьма, тепло и холод. И время. Оно течёт и там, от звезды к звезде, заставляя их све-

тить, крутясь вокруг своих неземных, протоптанных за миллионы лет дорожек. Когда-нибудь и звёзды умрут, а значит, они живы, значит, небытию среди них не место. Только смерть способна создавать такие инструменты, уничтожающие окончательно и бесповоротно. Только смерть... Илис! Такая хрупкая и ранимая, такая весёлая — и живая. Живая!

Ладар вскочил с бревна, на которое в рассеянности уселся, и принял торопливо ходить вдоль берега ручья, стремясь ухватить ускользающую нить какой-то очень простой истины.

В смерти — есть жизнь. Она есть, он видел это. Или, во всяком случае, может существовать. Значит... И в жизни есть зёरна смерти! Когда-то нечто подобное ему говорил учитель: «Каждое живое существо — неважно, человек это или птица, скала или дерево, всё, что было рождено или создано — таит в себе частицу собственного рождения — и собственной смерти. Всё, даже смерть, дается уже при рождении».

Тогда он воспринял это то ли как поэтический вымысел, то ли как бред умирающего старика. Не придал значения словам. Но если принять за факт, что это не метафора, а реальный, существующий факт...

Ладар выбрал ровную, пустую полянку. Лёг, устроился поудобней и начал обычную подготовку, необходимую ему для детального изучения мира. Вздох — остановка. Вздох — пауза. Усмирить дыхание, сделать его поверхностным, неглубоким, подобным трепетанию крыльев бабочки. Медленней. Ещё медленней. Сознание освобождается от оков плоти, приобретает свободу. Сейчас оно легко соскользнёт в омут сна, но ему нужна реальность. Только не грубая и жёсткая явь физического мира, а его тонкие, невесомые связи. Медленней. Ещё медленней. Новые краски разворачиваются перед взором. Прекрасные и манящие, разноцветные токи

магических сил. В иное время сипал остался бы тут, но — ему ещё дальше. Удар сердца. Здесь он воспринимается как набат, как нечто грубое и сильное, способное потревожить покой маленького мира. Дождавшись, когда стихнут отголоски собственного сердцебиения, сипал вновь устремился в тонкие миры — в то состояние, при котором смерть видна так же отчётливо, как и жизнь. Собственное тело показалось ему странным, радужным бутоном, сплохом непонятных сил, сотканным наподобие гигантского яйца или плода, с небольшим чёрным семечком в центре. Чёрным? Стремительный рывок вглубь — и небольшое, странно-тёмное зерно будущей смерти, зерно небытия оказалось перед человеком. Густая, маслянистая пустота. Вязкая и притягивающая даже на ощупь. Так и хочется провалиться туда, уйти целиком и исчезнуть, лететь, лететь в неземной, несуществующей черноте... Настолько плотной и упругой, что даже едва заметный вспыхнувший огонёк света покажется яркой вспышкой.

Сильный, мощный рывок — и сознание летит обратно, сквозь пустоту и черноту, в привычное, начавшее дышать быстро и судорожно, как пловец, выбравшийся на поверхность, тело.

— Что это было? Ад? Рай? Странные здания из камня, уходящие на несколько бросков копья ввысь, способные поспорить мощью и высотой с горами. Странный, дикий мир, полный железа, движения и ярких красок. И ещё в нём было очень трудно дышать. Воздух был сухим, полным какого-то еле уловимого, но тяжёлого дыма.

Ручей неторопливо журчал неподалёку. Вода перекатывалась по камушкам, еле слышно играя, от неё тянуло свежестью, чистотой и еле заметным ароматом весны. Пару раз вздохнув, Ладар успокоился и вновь закрыл глаза. Теперь он по крайней мере знал,

где искать, хотя всё ещё и не понимал, что же именно нашёл.

Когда через час на поляну ступил Айяр, то увидел, как Ладар обтёсывает дерево. Некогда высокое и раскидистое, оно уже давно умерло от старости или от летнего зноя и стояло окаменевшим памятником самому себе, портя вид зелёной лужайки. Сейчас от него во все стороны летели ветки, щепки, высохшие листья и прочий мусор. Очищенный ствол белел высохшей древесиной — белой и чуть мутной, подобной костям скелета. В руке у человека поблескивал короткий стержень, но обходился он им довольно странно: взмахивал, словно орудовал не нормальным воинским оружием, а пастушьим кнутом. И даже где-то на границе слуха можно было различить негромкие хлопки. Рядом упала довольно большая ветка, срезанная чисто, словно гигантским топором — вот только никакого топора поблизости не наблюдалось. Поглядев на толстый спил, Айяр аккуратно попятился — попадать под удар невидимого оружия не хотелось, а Ладар, несмотря на то что орудовал своим новым оружием довольно споро, выглядел отрешенным, погруженным в какие-то непростые думы. Такой зарежет и не заметит.

— Ладар! Рядовой Рикс, мать твою!

— А? — Парень опустил оружие и огляделся. Дроу торопливо выступил вперёд, приветливо поднимая руку, с облегчением убедившись, что его друг вновь стал самим собой.

— Что ты делаешь с давно умершим исполином? И главное, как?

— Да... — Ладар махнул рукой со стержнем, перечеркнув ствол у основания — и дерево, величественно накренившись, рухнуло поперёк ручья, подняв облако брызг. — Решил с новой игрушкой побаловаться

и заодно бревно для землянки приготовить — у вас там три нижних с северной стороны гнилые, заменить бы нужно. Поможешь донести?

Айяр скептически оглядел лежащего гиганта.

— Вдвоём не справимся. Пошли за Мареком — пусть берётся с одной стороны, мы с тобой с другой — тогда дотащим. И то если на части разрубим, тут как раз на три бревнышка хватит. А пока ходим, ты мне всё про свою обнову расскажешь. Это то, что я думаю?

— Не знаю, что ты думаешь, но это кнут пустоты. Несколько нитей, управляемых костью той вампирши из склепа — помнишь?

— Ого... А если себя заденешь?

— Да ничего не будет... Кстати, вон наш силач.

В Мареке явно текла кровь рачительного крестьянина, настоящего хозяина своей земли — едва услышав о возможности подновить жильё, он отложил своё новое оружие — гигантскую волнистую секиру и, подхватив мерный ремешок с узелками и плотницкий топор, пристроился к компании, с удовольствием проворчав что-то о давно назревшем ремонте. Разговором силач не заинтересовался — едва увидев упавшее дерево, одобрительно покряхтел, оглядывая очищенную поверхность, отмерил нужную длину и потянул из-за пояса топор. Впрочем, когда Ладар, отстранив напрягшегося дровосека, одним взмахом руки рассёк дерево пополам, не удержался, заинтересовавшись необычным оружием.

— И что, всё так можно?

— Нет, конечно. Магическую защиту от такого воздействия поставить несложно... Только серьёзному магу, не недоучке. И с природой лучше не связываться — той, что способна расти и несёт в себе энергию жизни. Может порвать нити. А остальное — доспехи, оружие — разрубит на раз.

— А когда дойдёт до тела? — Марек хитро прищурился, поглядывая на прикидывающего возможности нового оружия парня.

— Трудно сказать, слишком много факторов. Может, порвётся. Может, располовинит и дальше пойдёт. Слишком тонкие нити.

— Так давай я тебе целую бухту тросов принесу — утолщай. То есть — толсти. — Марек попытался грамотно сформулировать умную мысль, но запутавшись, махнул рукой. — Ну ты понял!

Теперь засмеялся Ладар.

— Это не те нити. И потом — толстая нить ничего не разрежет, толку с неё никакого. — Марек, буркнув, потерял интерес к диковине и, подхватив свой конец бревна, без всякого усилия приподнял его на уровень плеч, выжидательно глядя на парней. Когда те с видимым усилием вдвоём приподняли свою сторону, повернулся и пошёл по тропинке легко и свободно, словно не замечая тяжести древесного гиганта.

— А ты говоришь, вдвоём... — Айяр раскраснелся и говорил прерывисто, с натугой. — Считай, вчетвером, и то еле тащим.

— Кто еле тащит, а кто свободно... идёт. — Ладар с трудом поспевал за широко шагающим бородачом, проклиная себя за глупую хозяйственную идею. Спина сгибалась под тяжёлой ношней, и только нежелание опозориться перед сослуживцами мешало ему всё бросить и потребовать дополнительную помощь. Пару лошадей, например.

— Угу. Так и ты иди свободно, кто ж мешает, что еле ноги передвигаешь? — Айяр ехидно улыбнулся, но на побагровевшем от натуги лицо это смотрелось столь странно, что Ладар лишь ухмыльнулся в ответ.

— На себя посмотри.

— Посмотрю. Потом. А пока — объясни, почему кнут пустоты не опасен для тебя самого? Вроде на всех он одинаково действует.

— В качестве оружия в нём берутся нити небытия, так? А управлять ими может либо сильный некромант, либо... нежить, могущая оперировать силами смерти. Поскольку я ни то ни другое, пришлось исхитриться и найти источник небытия в себе самом.

Бревно всё-таки упало. Выскользнуло из рук, заставив отскочить и подарив покалывание в начавших неметь руках. Ругань Марека, и сейчас умудрившегося не выпустить свою сторону поклажи и теперь ругающего слабосильных неумех на все корки, меркла на уровне широко открытых глаз Айяра и его еле слышного шепота: «Ты нашёл свою собственную смерть?»

Дальше брёвна таскали все вместе. Ируг, выскочивший на ругань из землянки, оценил бледность парней и тяжесть бревна, и остаток пути его тащила вся рота. Впрочем, даже с учётом прибывающих новичков — в ней народу было не слишком много, человек тридцать — но дело нашли всем.

— Расскажи! — Айяр едва дождался окончания хозяйственных работ, организованных Мареком и всецело поддержанных Иругом, и тут же оттащил приятеля в сторону.

— Да что рассказывать? Многие философы говорили, что человек носит в себе источник собственного рождения и собственной смерти. Так вот, это не метафора и не поэтический вымысел. Это вообще не два источника, а один. И не спрашивай меня, как это возможно, я не маг и не учёный — что вижу, то и говорю. Я видел собственную смерть. А за ней — собственное рождение. Хотя насчёт его я не уверен, уж больно там всё странно.

— Странно — где? — Недоумённый взгляд.

— Ну я же объясняю! В мире, где я смогу родиться. Хотя не обязательно. Туда я попаду, если пройду этим путём сегодня и сейчас. Куда я попаду, если умру завтра. И попаду ли куда-то, это все неизвестно. Зависит от меня, от моих поступков, но не только.

— Если это правда... Не смотри на меня так, и ты можешь ошибаться или неверно понять. Так вот если это правда, то половина нынешних религий проповедуют ложь.

Ладар растерялся. Да, у них в деревне был старенький священник, но тот умер во время мора одним из первых, помогая заболевшим, и что он говорил, мальчионка, ещё совсем несмышлёныш, тогда и не помнил. Вроде что-то о том, что безгрешным людям уготована новая, светлая жизнь. Да только где их взять, безгрешных-то. Ладар вспомнил первого голубя, которого совсем мальцом зажарил и съел — у птицы, когда он вытаскивал её из силков, были такие грустные, доверчивые глаза...

— Сложно сказать.

— Вот и помолчи! Это бог там, наверху, добрый и все понимающий. А тут живьём в землю закопают. Дабы не мешал нести доброе и вечное. Понял?

Ладар промолчал — но задумался. А утром их опять подняли по тревоге.

— Солдаты! — Маг был при полном наряде. В вышитой золотом мантии, с вытканными шёлком рунами, он наверняка смотрелся бы уместно в штабе или на дворцовом паркете, однако на поле боя... павлин в перьях.

— Солдаты! Вы, конечно, провинились, и задания вам дают сложнейшие... Но тем быстрее вы искупите свою вину и вернётесь в строй. Сейчас командование вам предлагает выбор: либо пробраться на разведку

в тыл врага — кто имеет на это мужество, отходит налево, либо на сбор Льеха — магического мха. Сборщики — направо. У вас две минуты, затем начнется инструктаж. В ваших же интересах прослушать его как можно более внимательно, от этого может зависеть ваша жизнь.

Ладар торопливо шагнул налево, провожаемый удивленными взглядами спешащих вправо новичков. Предпочесть смертельно опасный рейд по тылам врага пусть даже и не обычной, рискованной, но всё же монотонной работе? Следом за ним неторопливо потянулись ветераны. Некоторые из них, впрочем, тоже кидали задумчивые взгляды на правую сторону — знакомое зло всегда кажется легче и безопасней незнакомого, но твёрдый шаг и безмятежное спокойствие Ируга убеждали тех, кто его знал. И не только их: несколько новобранцев, поколебавшись, присоединились к маленько-му отряду. Отставной маршал поморщился и с трудом смолчал. Брать в глубокий рейд новичков, способных испортить любой успех лёгким хрустом ветки, было верхом опрометчивости, однако не он устанавливал правила.

Вышедший к отряду Датим был сух и мрачен. Ему явно не нравилось давать подобное задание, но даже выполняя чей-то приказ, глава разведки старался извлечь выгоду для своего ведомства.

— Задача: найти слабину в защитных полях противника, проникнуть на их территорию, пройти до крепости Дасан. Помнишь её, Ируг? Сейчас там опорный пункт Ронхара. Там здорово потрудились маги земли, её не узнать ни магически, ни чисто визуально. Короне важно выяснить, зачем понадобилось тратить такую прорву силы на подобные перестановки. Ваш рейд — попытка разобраться в этом вопросе.

Определить все подходы, изучить, что и как поставляют в цитадель. По подвозимым припасам можно многое сказать о том, кто там находится. Я должен иметь визуальную картинку изменившейся крепости; Ируг, этим займёшься ты. Это приказ. На всё — десять дней. Четыре туда, два там и четыре обратно.

Под кожей, на плече, шевельнулся спрут, выкрашенный в цвета королевства, и утих. Новое задание было принято к исполнению. Датим сочувственно взглянул на застывших в удивлении солдат и добавил:

— Вы справитесь. Четыре дня — это не так мало. Можно двигаться не спеша, дабы не попасть в ловушку. Времени даже с избытком. Поэтому лично от себя прошу: постарайтесь узнать побольше о том, что происходит внутри крепости. Когда-нибудь нам придется её отбивать, и ваши сведения могут спасти немало жизней.

Показалось ли это Ладару или во внешне бесстрастном голосе Датима мелькнули нотки оправдания?

— Сколько у нас времени на подготовку? — Ируг подошёл к делу с практической точки зрения. Сетования, страхи и упрёки были бессмысленны, и он их отбросил. Не то чтобы это далось ему легко — жилы на шее вздулись, лицо покраснело, однако голос был ровным. Рейд был предельно сложным, результат — неизначительным. Им явно предлагалось стать скаковыми лошадьми на очередной забаве дворянства и магов, но мысли об этом были задвинуты на задний план.

— У вас сутки. Собраться, взять припасы: вам доставят эльфийские лепёшки — и попытаться самостоятельно найти проход во вражеской защите. Если вы этого сделать не сможете, это сделает наша гильдия. Мы с самого начала предлагали такой вариант, но льер Датим уверил, что вы способны порвать магические

заслоны Ронхара голыми руками. — Пожилой маг издал скрипучий смешок. — В любом случае: время выполнения приказа начинает отсчитываться с завтрашнего утра.

Едва маги исчезли в дымке телепорта, уводя «сборщиков мха», взгляды солдат скрестились на Датиме. Добровольно отказаться от магической поддержки? И это на тяжелейшем задании, где шансы и так практически нулевые? Глава разведки заёрзal, недовольно что-то проворчал и заговорил откровенно:

— Всё понимаю. Нельзя ставить эксперименты на людях. Но у вас по-любому выбора не было! Если защитные заслоны Ронхара вскрыть магически, сюда слетится их гвардия, а не обнаружив атаки — лучшие следопыты и маги-поисковики. Вас найдут — через час или через день, но уничтожат обязательно. При таком сложном рейде нужно перейти границу незаметно!

— Вы совершенно правы, льер Датим. — Впервые голос Ируга был до необычайности официален. — Может быть, вы ещё и подскажете нам, как незаметно перейти линию фронта, с защитными полями, поставленными боевыми магами, и гвардией наготове?

— Не знаю. Все наши задумки так или иначе проваливаются. Скорее всего, завёлся крот. Вы должны действовать на интуиции. Неожиданное, новое решение — вот что поможет вам. И ещё — дерзость и удача...

Глава разведки что-то ещё говорил, ободрял, а Ладар словно раздвоился: одна его часть переживала и возмущалась, осмысливая задания и слушая льера Датима, в другой — внезапно проснувшийся холодный циник прикидывал: о шпионе нам сказали не просто так. Шансов на успех нет, всё одно — погибнем. Но если кто-то перед смертью сообщит ронхарцам о поисках лазутчика, те засуянутся и можно будет взять крота тёпленьkim, на передаче сообщения... Это, ко-

нечно, если есть конкретный подозреваемый. Хотя... кто может совершать подобное, имея на плече эмблему королевства? Маг? Но маг такого уровня, способный блокировать, по сути, всю сигнальную систему собственного тела, наверняка слишком заметен. Да и не опустится такой до мелкого шпионажа. Кто же ещё в армии допущен к важным секретам без эмблемы на плече? Разве только...

Догадка заставила замереть, спрятать возникшую мысль в глубины подсознания: мало ли, вдруг есть умельцы, способные читать мысли на расстоянии? Переводя дыхание, он постарался принять самый уставной, озабоченный вид, но, поймав взгляд пришуренных глаз главы разведки, только вздохнул, окончательно решив для себя: «Нет. Нас — точно на списание. Такие вещи говорят только смертникам. А ронхарцам о кроте, если уж попадутся, намекнуть стоит — тот хоть притихнет на время».

— Рядовой Рикс! — Датим либо был очень наблюдателен, либо умел читать мысли. Второе — вряд ли, да и зачем: всё и так написано на лице. Во всяком случае, для тех, кто знает, как и что нужно прочесть. — Задержитесь на пару минут.

Ируг повёл отряд на поляну для занятий: то, что тот попытается что-либо сделать, Ладар не сомневался. Он только не был уверен, что этого будет достаточно.

Глава разведки подождал, пока последний из штрафников отойдёт на расстояние, достаточное для приватного разговора, и, повернувшись, небрежно спросил:

— Ну как, вы уже подумали над тем, чем должна заниматься разведка на войне магов?

— А какое это сейчас имеет значение?

— Огромное! Да, возможно, это ваш последний поход. Но и его можно провести по-разному.

— Ронхар узнает о том, что наша разведка уже обложила шпиона и вот-вот накроет. Это даст вам время на то, чтобы попытаться найти выход из безвыходного положения. Как эмблема — не зудит? Как найдёте — скорее всего, будет.

Датим помолчал, машинально потёр предплечье и, поморщившись, кивнул.

— Пожалуй, я взял бы тебя, мальчик, в своё ведомство. Мыть полы или убирать казармы.

— Я должен быть польщён? — Ладар говорил тускло и вяло.

— Нет. Но если ты выживешь в этом походе, я смогу повысить твой статус в разведке — скажем, до писаря. Или до кашевара. Устраивает?

— Бессмысленный разговор. И вы понимаете это не хуже меня. К чему было его заводить? Шансов всё равно нет!

— Шансов? Их никогда не бывает слишком много. Их не было, когда вы разбили кристалл маны, оголив защиту противника. Их не было, когда вы собирали этот долбаный магический мох... Их нет и сейчас. Но я верю в то, что человек, стоит его припереть к стене, способен на невозможное. Буду ждать результат! — Резко повернувшись, глава разведки направился к собственному отряду сопровождения, где прикомандированный маг тут же начал строить портал, но Ладар уже не смотрел за убывающим начальством. Резко повернувшись, он направился в сторону тренировочной площадки: что бы ни придумал Ируг, ему нужно это знать!

Увиденное его разочаровало. Завязав штрафникам глаза, бывший маршал заставлял их вслепую проходить между небольшими участками силовых полей, похожих на колонны и сильно плюющихся огненными искрами. Колонны постоянно перемещались, солдаты

ругались, хватались за обожженные места, но постепенно учились чувствовать самое безопасное направление.

— Дайте им пару месяцев, и они обязательно научатся ходить среди уже обезвреженных ловушек, не задевая их. Потому что, скрытые, заряженные ловушки так не фонят. Какой смысл в этих упражнениях?

Ируг ухмыльнулся.

— Ну по ловушкам ты у нас спец. А в остальном — прав, большинство безнадёжны. Кое-что получается у Айара и одного из новичков — вон, видишь, справа? У меня есть четыре порции отвара из трав, он повышает чувствительность до предела. Завтра с утра выпьем — и рискнём. Каждый поведёт ещё двоих.

Ладар покачал головой.

— Сразу видно, вы не маг-практик. Да, способности есть, но при изучении вражеских защитных заслонов этого недостаточно. Позвольте я обрисую, что видел. Во-первых, энергетические экраны. Плотные, уходящие глубоко под землю, они состоят из ячеек размером с голову человека. Маны в них на первый взгляд немного, однако стоит попытаться их раздвинуть — как в точку приложения посторонних сил тут же начнёт стекаться энергия с соседних веток. Чем больше давление — тем больше отпор. Бабочку пропустят беспрепятственно, заяц или птица получат лёгкие ожоги, всё, что крупней — сгорит на месте. На случай, если сетку вскроют, есть ловушки, капканы и магические существа-охранники. Слабые, невидимые обычным зрением, существующие только на энергетическом уровне — но их много. Функция та же, что у сети. Уничтожать нарушителей. Кстати, защита от них очень сложна, потому что каждый использует свой метод атаки.

— Ого! И откуда ты так много знаешь?

— Видел на прежнем месте службы. Есть там одна дамочка, она любила проверять защиту Ронхара на прочность. Ну и при каждой тревоге часть защит активизировалась и их можно было разглядеть. Это то, что я успел увидеть. Возможно, есть что-то ещё.

— Тогда всё безнадёжно. Я хотел попробовать перебраться ночью, скрытно, пока все спят, но, кажется, не шуметь не получится. А ты? Ты же умеешь взламывать чужие защиты?

Ладар грустно улыбнулся.

— Поймите, у меня не тот уровень. Я — вор, не маг. Меня учили вскрывать небольшие, ювелирные ловушки, где важна не сила, а локальное её приложение. Ну если попрошу — я могу обезвредить капкан, но ничего не сделаю с готовым к выстрелу метателем... Погодите! Метатели! Можете вызвать Датима? Они же ему подчиняются?

Солнце едва касалось верхушек деревьев. Ещё час-другой — и оно исчезнет, скроется за спиной планеты, погрузив всё во мрак. Цвета его начали меняться, приобретая красные оттенки, и ещё подумалось — к крови... Мысль мешала, и Ладар откинул её, сосредоточившись на перекрестье метателя. В кристалл был виден противоположный берег, насыпанный вал земли и ажурные построения основной магической защиты. Сложнейшая, многоуровневая, со сложным каркасом дополнительных силовых полей, установленных совсем недавно — видно, недавняя бомбардировка метателями, которую учинил он с Марго, а не осталась незамеченной. Вражеская оборона олицетворяла надёжность и мощь.

— Ну как, юноша, вы смогли нашупать узлы их построений? По-моему, до сих пор никому это не удавалось. Вернее, удалось однажды одной студентке, но,

поскольку повторить она не смогла, то это явно была случайность.

Ладар мысленно ухмыльнулся. Значит, у Марго её затея так и не сработала? Что ж, нужно было утихомирить гордость и поинтересоваться, как он обнаружил узлы. Хотя, скорее всего, видение магических построений слабеньkim, почти ничего не умеющим магом так эффективно благодаря его же слабости: ему просто не хватает сил увидеть мощные энергетические потоки, и они его не слепят. Этот странный закон волшебства — подобное к подобному — сейчас играл ему на руку.

Маг был боевым ветераном. Датим, по собственным соображениям стороняющийся лишних глаз и ушей, (хотя какая тут секретность, наверняка на них ещё при вручении задания навешали магических якорей, позволяющих отслеживать передвижение), нашёл ушедшего с королевской службы мага и договорился с ним о помощи.

— Основных узлов три. Не гарантирую большого участка, но часть защит рухнет — вполне достаточно для наших целей. Нужно выстрелить по очереди из этих трёх метателей — через два удара сердца залп, а затем открыть нам портал. И одновременно постоянно активировать все остальные орудия. Вы справитесь.

Пожилой маг улыбнулся.

— Не беспокойтесь обо мне, юноша. Я вполне в состоянии справиться с этой задачей и даже отследить неудачное расположение тех огнемётов, которые будут бить не в заданную точку. Главное — не сбейтесь с ритма.

Ладар оглянулся назад — там в неподвижности застыли два десятка метателей — выложенные кругом, они готовы были к стрельбе. Обслуга, суровая и серьёз-

ная, как никогда: Датим отбирал лучших из лучших, явно загоревшись новой идеей, — стояла рядом со своими орудиями. Но маг был один на всю батарею. Справится ли? Парень вздохнул и поднырнул под огромный деревянный щит, ухватившись за свои, заранее отмеченные бруски, поднимая щит над головой. Впрочем, тот не шелохнулся: основную тяжесть взял на себя Марек, даже не заметив этого. Весь отряд собрался под импровизированным укрытием — собранный и готовый к предстоящему рейду.

— А та гадость, что над нами, она того, как полыхнёт, щит не проломит?

— Не зови смерть слишком громко, она и так ходит рядом! — Чья-то пятерня стукнула по губам стоявшего с краю новичка, заставив его замолчать.

Выстрел! Огненный шаг взвился в воздух, зависнув в высшей точке, и ринулся к земле. Бам! Часть защит завертелась спиралью, потревоженная волнами отката, отпрянула, вернулась на место... Второй шар влетел в подрагивающий узел, что-то завопили ронхарцы, два десятка шаров размазались по последней защите — и тут ударил последний из приготовленных Ладаром метателей. Словно порыв ветра пронёсся над насыпью, раскидывая растерянных солдат: защита было проломлена. В следующий момент воздух над отрядом взметнулся, потревоженный вспыхнувшим на щите пламенем, и перед штрафниками раскрылся зев портала.

— Шагом! Раз, два, три — вперёд.

Впереди был ад. Огненные шары, достигнув земли, не сразу гасли — три секунды они горели ярким огромным костром, сжигая всё в радиусе около метра. В них сгорало всё — дерево, металл, плоть. Отступала даже магия. Двадцать метателей, выстрелив одновременно, организовали на чужом берегу круг огня, в центре ко-

торого и оказалась команда. Огонь вокруг, огонь над головой, на вытянутых руках, и зола под ногами — таков был путь в тыл Ронхара.

— Раз, два, три — вперёд. Стоп! Раз два, три — вперёд! — Стена огня планомерно продвигалась по вражеской передовой, уничтожая всё на своём пути. Защитники разбегались подальше от пламени, готовясь к возможному отпору от передовых сил врага, следующих следом за пламенем. Никому и не могло прийти в голову то, что кто-то спрятался в самом ярком и опасном из всех видов огня, который только могли придумать военные маги-инженеры. Любой из наблюдателей видел только огонь, огонь и ничего, кроме огня. Он слепил, сжигал и защищал тех, кто шёл в центре огненной бури.

Минут через десять один из языков пламени мигнул, перекинулся правее, поджигая уцелевшие постройки, затем рассыпалась и остальные, уничтожая всё, до чего могли дотянуться. Подоспевшие маги Ронхара спешно восстанавливали магические защиты, способные отбить снаряды проклятых метателей до того, как они коснутся земли и разгорятся в полную силу. Элитные отряды гвардии стояли наготове поодаль, ожидая атаки столь коварного врага, проломившего тщательно выверенную оборону, а маленький отряд штрафников торопливо пробирался по небольшому оврагу, уходящему глубоко в тыл. Порадовал прощальный подарок старого мага — небольшой, незаметный полог тишины, способный заглушить не только хруст случайной ветки, но и ненароком вырвавшееся крепкое слово.

Полог рассеялся под утро. За это время отряд успел отмахнуться не меньше половины расстояния, отделявшего их от крепости Дасан. Торопливо замаскировав небольшую выемку в земле принесёнными с собой

ветками, сделав импровизированную землянку, отряд вповалку повалился на собственные вещмешки, полностью обессиленный ночной гонкой по полному тьмы лесу. Если бы не тренировки Ируга, научившие штрафников ходить цепочками, ориентируясь на главного, такой марш-бросок был бы невозможен.

— А крепок оказался дед! — Айяр с восхищением помотал головой, усмиряя тяжёлое дыхание. Впрочем, ночной воин как раз перенёс сумасшедший бег легче всех: он один бежал всю ночь во главе своей цепочки, не требуя смены. Ладар с Иругом менялись каждый час.

— Что ты... хочешь... старый конь... — Ладар пытался договорить, но резь в лёгких сбивала дыхание.

— Следующей ночью так не получится. — Будем идти медленней, след в след — без полога эти сумасшедшие лоси, именующие себя ветеранами, будут ломиться по ночному лесу подобно стаду диких жеребцов. Или новобранцев.

— Шли довольно тихо. Тут не разведка, для воинов вполне прилично. Следующей ночью спешить вообще не будем, шума не наделаем. Уже то, что мы сделали, войдёт во все учебники вне зависимости от результатов нашего рейда. — Ируг был, как всегда, рассудителен. — Ладар, тебе место в армейском штабе. Когда ты изложил свой безумный план проникнуть на чужую территорию наскоком, днём, я в него не поверил. Согласился только потому, что другого не было. И гляди — всё получилось!

— Потому и получилось, что выхода не было. — Марек хмыкнул, перевернувшись на спину — ряд бойцов ощутимо заколыхался, послышалось недовольное ворчание. — Вы можете себе представить гвардейцев, марширующих в кольце огня на раз-два-три?

Тихий, сдавленный смех пронёсся по ложбине.

— Я пойду один. — Ладар был непреклонен.

— Да ты пойми! — Ночь не резиновая! Мы слишком близко к крепости, патрули так и шныряют. Единственная возможность — сделать укрытие до утра в «пустой зоне». Там, где полно ловушек, искать не будут.

— Я единственный, кто способен учゅять ловушку просто потому, что она есть, без всякой магии. Я не собираюсь исследовать местность, только найду подходящую ложбину и разведаю к ней безопасные подходы. Затем вернусь к вам.

Ируг задумчиво покачал головой.

— Вдвоём было бы вернее.

— Вы — маг. Там наверняка есть ловушки, рассчитанные на мага. На то, что он будет пытаться пробраться к крепости. Я пойду один.

— Ты становишься похож на чародея. — В голосе отставного маршала не было укора, он был сух и беспристрастен, но Ладар вздрогнул.

— Это чем же?

— Ты полагаешься только на себя. — Это хорошее качество, однако оно отдаляет тебя от людей. Тебе ведь нравится, когда обязаны тебе, но сам ты не любишь быть кому-то должным?

— Ну пожалуй...

— В тебе нет доверия к людям. Надеюсь, это не приведёт тебя туда же, куда приводит нашу «элиту» — к грызне и паранойе.

— Поговорим об этом утром, когда будем сидеть в уютном, надёжном склоне. И приготовьте пока побольше веток и дёрна — проще принести всё готовое, чем рыскать по местности в поисках, собирая ловушки.

Парень неслышной тенью скользнул в ночь. Ируг прислушался: не хрустнул ни один сучок, не зашелестела листва под ногами. Обычно довольно неуклюжий, временами он становился совсем другим — словно под

ноги ему ложились иные, невидимые обычным людям, даже магам, тропы. И всегда при этом смерть была где-то рядом.

— С чем же ты играешь, малыш? Для тебя бег по краю — наркотик, ты стремишься к нему, словно умирающий от жажды — к воде. И даже не замечаешь этого. Не знаю, куда заведут тебя твои дороги, но сегодня и сейчас — удачи.

Ночные объятия смерти завораживали. Они были рядом, и их было множество: Некоторые свисали с деревьев, стремясь оплести неосторожного своими щупальцами, иные раскидывались под ногами, некоторые расцветали, подобно огромным тропическим цветам, о которых рассказывал ему в детстве отец. И все стремились погубить, вытолкнуть дерзкого из этого плана бытия туда, где властвует *Она*. Пару раз Ладар стоял подле очередной ловушки, подрагивающей от близости жертвы, борясь с желанием коснуться, увидеть ту, что так далеко и всегда рядом. Но благоразумие побеждало, и он отправлялся дальше.

Большинство ловушек даже не имели сигнальных нитей. А зачем? Сработай она — и поднимется такой переполох, который увидят все маги округи — столько энергии было в них вкачано. Их можно изолировать, оперируя пустотой, уменьшить, ограничив периметр влияния. Остальные приходилось обходить, петляя подальше от многоуровневых, сложнейших капканов, заполненных маной под завязку.

Ложбинку, подходящую для укрытия, он увидел случайно. Её скрывали огромные высохшие корни двух деревьев, с третьей стороны нависал земляной склон — брось поверх несколько веток, положи влажный дёрн — и можно быть уверенным, что отряд не обнаружат, даже если пройдут в двух шагах.

Ладар остановился, изучая находку. Место было идеальное, но те, кто минировал местность, тоже дураками не были: в самом центре ложбины раскинулась сложная, двухуровневая ловушка, да ещё со следами третьего слоя, уходящего куда-то в земляную стену...

Главное — сигнальных нитей не было, и можно рискнуть. Начнём с простого — где тут защитный контур? Тонкие, небрежно наброшенные линии — тот, ктоставил капкан, явно рассчитывал на мощь стихии, готовой выплеснуться на противника как на лучшую защиту. Но кое-что всё же поставил, завязав как дополнительную активацию.

Где у нас узел? Ладар вытянул руку, и на ней затрепетал клубок чёрного пламени — его собственный маленький феербол. Прицелился — и остановился в нерешительности. Одно дело увидеть в кристалл нужную точку, скомандовать, и умный артефакт доставит огненный шар в выбранное место. И другое — кинуть самому. Впрочем, почему кинуть? Он убрал руку — шар завис в воздухе и, поколебавшись, отправился в сторону вороха энергетических линий. Это было тяжело. Недоставало практики. Феербол всё время рыскал, притягиваемый силовыми полями ловушки, и пару раз чуть их не коснулся. Когда тот наконец исчез — вместе с основным каркасом защиты, — сипал был уже весь в поту.

Он откинулся на ближайший ствол дерева, прикрыл глаза, собираясь отдохнуть несколько мгновений, и почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы легли на его виски, прошлись несколько раз по височным долям и исчезли, унося усталость.

— Илис! Ты здесь? Я что, задел что-то?

Тихий, мелодичный, чуть дразнящий смех.

— Нет. Но всё вокруг — храм смерти. Притаившаяся вокруг магия, установленные ловушки, сети, заряды —

они все взывают ко мне, всё готово убить и умереть самому — всегда, в любой момент. Не правы те, кто думает, что храм смерти — это кладбища. Там ей вообще не место, как не место метателю возле выжженного им пятна.

— Значит... мы, приговоренные к встрече с тобой — твои жертвы?

— А почему не жрецы? Чем тебя не устраивает такая роль? Сеять вокруг себя разрушения, возрождая первозданный хаос, отправляя всё живое на встречу со мной — это ли не завидная участь? Такой труд был бы высоко оценён.

— Ага! Предлагаешь стать личем, мёртвой машиной смерти, безмозглой куклой, одержимой жаждой убийства?

— Ну почему безмозглой? Человеческое сознание слишком хрупко, оно не в силах выдержать груз такого перерождения, если он сваливается на его плечи неожиданно. Но если ты начнёшь готовиться к подобной участи заранее, тренируя тело и разум, выжигая в себе человеческую сущность ещё при жизни — ты способен сохранить личность.

— Илис... А что такое — смерть?

— Окончание жизни. Распад личности, её взвешивание и оценка. Возможно, создание новой, но это будет совсем иное существо и очень редко — вновь человек. Ради того, чтобы остаться в прежнем теле и с прежним сознанием, многие готовы пожертвовать практически всем. Ну а то, что я предлагаю — это очень редкий и ценный дар. Ты согласен? Прежде чем ответить, подумай и учти: такие предложения делаются один раз. Другого шанса не будет. Не только сохранить разум и память, но ещё остаться рядом со мной.

— Извини, Илис. Ты мне очень дорога, но я не могу. Я не остановлюсь на пороге, я шагну дальше.

Пальцы на его висках чуть дрогнули.

— Откуда ты знаешь?

Ладар задумался. Что он ляпнул такого, что сошло за откровение? Шагнуть... порог...

— Илис, так смерть — это...

Тонкие пальцы легли ему на губы, которые тут же онемели. Завтра наверняка опять почернеют, но всё равно это было приятно. Тонкие, холодящие тело ладони, смертельно опасные — но поддающиеся под губами.

— Молчи. Если уж ты решил не оставаться тут, рядом со мной, я подарю тебе одну зверушку. Она сможет быть полезной тому, кто ходит по грани. Коль ты способен целовать руки, от прикосновения которых большинство сразу расстается с этим миром, способен выдержать и её.

Мягкие лапки пробежались по телу человека. Они были лёгкими, почти невесомыми — и их было много. Тёмный восьминог сначала прошёлся по лёгкой кольчуге, словно пробуя на прочность звенья, зацепился за край ворота — и нырнул под кожу, как в воду. Боль прошила тело, человек попытался дёрнуться, но тонкие ручки Илис оказались твёрже гранита. Странное создание спустилось на левое плечо и застыло, прикинувшись невинным рисунком.

— Постарайся не слишком афишировать сетку тонкой паутины, раскинувшейся поверх эмблемы королевских войск.

— Она что, её блокирует?

Тихий, чуть грустный смех.

— Нет, магия живых мне неподвластна. Она сможет тебе помочь... Но только в вопросах, касающихся моей сущности. Теперь умереть тебе сложнее, однако боль ты чувствуешь так же. До встречи.

Лёгкий, почти невесомый поцелуй, и ткань реальности раздвинулась, пропуская вечную странницу на

иные, неизвестные смертным тропы. Ладар с сожалением вздохнул, вспоминая нежданную встречу — она пришла к нему! Сама! Открыл глаза и увидел огромного земляного голема, неуклюже переваливающегося в тесной для него ложбине. Ловушка была активирована.

— Блин! А говорила — не задел, не задел... — Тёмный клинок чёрной молнией сорвался с рук и по рукоять воткнулся в глиняное брюхо. Тварь обиженно заскрипела, на уродливой морде появились овражки провалы глазниц, безошибочно уставившихся в сторону человека — враг был найден! Небрежно вырвав мешавшую ей занозу, голем откинул мощный магический клинок в сторону, словно сухую ветку, и направился к растерянному противнику.

Светлый меч сверкнул, легко перерубив вытянутую в его сторону земляную длань, сверкнул ещё раз, целясь в шею — и был перехвачен той же лапой, почти мгновенно выросшей вновь. Рывок — и сверкающий клинок плюхнулся в пыль у стены, где уже лежал его младший собрат.

— Добыча. Наконец-то. Мне обещали: как уничтожу, уйду. Ради этого можно и потерпеть. Голос был приглушенный, созданный словно из перекатывающейся каменной осыпи.

Ладар вжался в стену, руки его лихорадочно шарили по поясу в поисках подходящего оружия... Как ему не хватало сейчас Марека с его двуручным чудовищем. Регенерация земляных големов оставляет желать лучшего, два-три восстановления, и его можно смело разбирать на небольшие холмики. Обычно в бою предпочитали магменных или древесных созданий, они были более жизнеспособны. Впрочем, для небольшой ложбинки и попавших в ловушку людей земляной гигант — идеальный противник. Неповоротливый и медлительный, но если бежать некуда — это не имеет значения.

Руки сомкнулись на тонком стержне. Острая кость вампира уколола палец. Нити пустоты давно исчезли, растворились в окружающем мире, однако кто мешает надёргать новых? Он рванул рукоять кнута вверх, вызывая небытие, и почувствовал короткую, щемящую боль в сердце. В нём словно лопнула какая-то струна, но это всё было не важно, а важна была уродливая, плоская голова, разваливающаяся надвое, разом погрузивший торс и оплывающие ноги, почти погребённые массой земли, летящей из-под стремительно рассекающих неподатливую плоть монстра нитей пустоты...

Через час его нашёл Ируг. Айяр аккуратно шёл следом, а позади, точно след в след — остальные бойцы отряда. Увидев Ладара, наполовину засыпанного землёй, бледного, с закатившимися глазами, отставной маршал торопливо спрыгнул в ложбинку, ставшую не такой глубокой, но значительно более широкой, и прижал руки к сердцу юноши. Пару ударов сердца ничего не происходило, затем они засветились, став молочно-белыми — и покрылись инеем. Охнув, Ируг с трудом поднялся, очищая ладони, зато Ладар завозился и задышал глубоко и ровно.

В небольшой землянке горел огонь. Два дня рейда, когда приходилось пить из случайных, текущих на дороге ручьёв, есть сытные, но маленькие и сухие лепёшки и согреваться лишь теплом собственного тела, лёжа на стылой земле — всего после двух дней такой жизни даже самый маленький костерок, аккуратно поддерживаемый колдующим над сучками Айяром, казался чудом.

— Зачем вы... разве можно... Увидят.

Ируг, обернувшись, широко улыбнулся, увидев, что Ладар пришёл в себя.

— Очнулся? Замечательно. Сутки в беспамятстве провалялся, зато теперь быстро в себя придёшь. А за

костерок не переживай — магически его не отследить: слишком много всего вокруг нас намешано, а запах дыма Айяр обещал изничтожить полностью с помощью своих лесных умений.

Оглянувшись, странный юноша, так и не разобравшийся в собственных корнях, кивнул, подкинул в пламя несколько аккуратных чурочек, сухих, белых, со счищенной корой и какими-то непонятными знаками, но дыма от костра не было.

— Сутки? То-то я гляжу, уже и крыша есть... А как вы меня нашли?

— По следам. Магические ты убирать неплохо научился, а вот обычные... Ну ничего, подучим. А так — легко прошли, заодно и за тобой подчистили. Что теперь делать будем?

Ладар удивлённо пожал плечами.

— Почему вы у меня спрашиваете? Вы у нас армии в бой водили, да и в подчинении — сплошь ветераны, а вам нужен совет безусого новичка?

Марек, до этого сосредоточенно полирующий свою гигантскую секиру, ухмыльнулся и, расправив плечи, произнес:

— Ты ещё не понял? Штрафбат ни в грош не ставит *назначенных* командиров, но высоко ценит опыт и удачу. Ируг очень, очень опытен, однако прорыв в тыл ронхарцам придумал ты, а не он, твоя удача ведёт нас сегодня — тебе и командовать. А будешь глупости говорить — поправим, не боись!

Растерянный, Ладар перевёл взгляд на отставного маршала — тот одобрительно кивнул и добавил:

— Конечно, пока ты валялся без памяти, мы не сидели без дела. Обустроили прикрытие, организовали скрытное наблюдение за дорогами, внимательно изучая, кто, а главное, что везёт. День — это, конечно, очень мало, но материал для анализа уже есть, и любо-

пытный. Мы понаблюдаем ещё и завтра, а ты поваляйся, подумай... В этом рейде не сила всё решать будет, а способности к магическим пакостям... а по этому ты у нас вроде как спец. Во всяком случае, о панталонах твоей магички, в розочках, я слышал!

Подмигнув, Ируг отошёл, оставив парня наедине со сложным, противоречивым чувством: гордость пополам со стыдом.

Наутро Ладар почувствовал себя намного лучше. Он прошёл до ближайшей дороги: однополчане, не мудрствуя лукаво, выходили уже знакомой тропкой за край опасной зоны и уже там организовывали свои «секреты». Поглядел на вяло идущие крестьянские подводы, покачал головой, вызвался отдежурить смену — его обругали, велев вернуться обратно и отдыхать. В лагере Ируг, увидев его, посадил полировать меч, отчитав за небрежение оружием:

— Пойми: зачастую твой клинок — единственное, что стоит между тобой и врагами, жаждущими дотянуться до твоей глотки. К нему нельзя относиться небрежно — оружие чувствует пренебрежение и мстит владельцу. А твой стигис — он... Этот меч появился в арсенале воинов совсем недавно, и полтысячи лет не прошло. По меркам вооружений, совсем ещё ребёнок. Ласка и забота — вот чего ему не хватает больше всего. А ты, избалованный тёмным клинком, которому для ухода вполне достаточно крови врагов, забыл о основном клинке — что ж удивительного, что он так и не стал тебя слушаться окончательно? Ты делился с ним кровью?

— Пробовал один раз — когда порезался при бритье. Тот не отреагировал. Ну никак.

— Когда порезался при бритье... И это про одну из последних разработок наших оружейников, способных,

кажется, даже сопротивляться магии! Сядь и займись своим оружием!

Ируг ушёл, а Ладар, взяв в руки ветошь, весь погрузился в чистку, а затем и полировку клинка. Вначале было скучно и неинтересно — выковыривать ошмётки грязи с рукояти и вычищать кровостоки на лезвии, но постепенно металл разогрелся и стал более мягким, что ли? Парень и сам не заметил, как движения его стали более плавными и сильными, точно он не столько полировал, сколько массировал серебристый меч. Понемногу, убаюканный однообразными действиями, Ладар погрузился в своеобразный транс, задумавшись о сложном и непонятном задании, выпавшем на долю отряда. Мыслей было немного и все они были огорчительными. То, что число уцелевших принималось в расчёт в последнюю очередь при выборе заданий для штрафбата, он понял уже давно. Как и то, что не все задания имели практическую ценность — таковая если и наступала, то только благодаря усилиям разведки, а она задания им напрямую спускала редко. Чаще — маги. Вот и сейчас... Весь погружённый в невесёлые думы, Ладар не заметил, как настал вечер, и все собрались у костра, обмениваясь увиденным. Заставив себя встряхнуться, отложил стигис, чтобы включиться в общий разговор. И странное дело — ему пришлось сделать усилие, чтобы расстаться с мечом: казалось, что тот льнул к ладоням и требовал ласки, как кошка.

— Итак, большинство подвод — припасы, оружия мало. Будь тут серьёзный гарнизон, везли бы больше: металл для кузниц, древки для алебард, пучки стрел и болты для арбалетов — войску много чего нужно. Тут немного мечей и ещё меньший набор тщательно упакованного, элитного оружия. Для гвардии — или магов. Тут явно не обычная пехота в охране, что-то посерьёзнее. И пища: крестьянских телег немало, но даже про-

сыпанный овёс из мешков для коней — и тот отборный! Везут не обычную скотину, а дичь, причём часто живую — благородные господа любят парное мясо. Можно смело докладывать об элитных войсках и магах, плюс — благородное сословие.

— И много их? — очнувшись от дум, спросил Ладар.

— Кого? — Марек, обстоятельно загибавший пальцы, выглядел озадаченным.

— Господ в крепости. Если принять количество телег, едущих в крепость, за норму — много народу в замке? На королевский двор тянет?

— Нет. И на штаб не тянет. — Ируг выглядел хмуро. Я и так и сяк прикидывал. Либо там какая-то особая часть расположилась, укомплектованная магами и дворянами — небольшая, элитная... Либо она же и кто-то из королевской семьи Ронхара, впавший в немилость. Хотя последнее — вряд ли. Такому не доверят элиту, а тут явно она.

Все замолчали, угрюмо глядя в огонь. Первым заговорил Ладар.

— Что, произнести это тоже нужно мне? Мы не увидели ничего такого, что опытный маг не смог бы разглядеть, не выходя с лагеря — глазами животных, например. Да, знаю, сама крепость хорошо охраняется, но наблюдали наверняка, как и мы, издалека, на подступах. Вывод: с задачей мы не справились, ничего нового и ценного не узнали. Возвращаться с этим бессмысленно. Какие будут предложения?

— Я уже прикидывал. Только вылазка в глубь крепости. Единственный вариант. — Ируг оглядел собравшихся, прикидывая расстановку сил. — Я, Аяяр и Рикс пытаемся проникнуть за стены. Марек, готовишь отход.

— Нет. — Ладар мрачно посмотрел за растерянно замолчавшего маршала и, скрестив руки на груди,

продолжил: — Насколько я понял, в этом походе последнее слово за мной. Лезть на стены, охраняемые гвардией и увешанные магическими ловушками, — самоубийство. Мы поляжем все. Есть другой вариант. Старый и проверенный. Мы возьмём языка.

Все разом зашумели, но Айяр поднял руку, требуя тишины.

— Когда-то это было самым верным делом. Однако с тех пор, как изобрели магические печати, это стало бессмысленно. Мы просто не успеем ничего узнать, печать прикончит языка раньше.

— Это — мои проблемы. Я сегодня об этом весь день думал. Смерть — не всегда препятствие. Я попробую поговорить с тем, кто шагнул за порог.

Все разом замолчали и принялись укладываться. Только Марек задержался, буркнув «Живьём все же надёжнее», и принял вить подобие охотничьей сети из захваченных запасов верёвок. Ируг, помолчав, присел рядом.

— Рикс, вы уверены? Задание и жизнь, конечно, вещи важные, но некромантия. Жизнь не настолько важна, чтобы жертвовать собственной душой.

— Я ничего не смыслю в некромантии. Я не смог бы поднять мертвеца, как это делают маги из восточных королевств. Даже если отставить в сторону моральные препоны — у меня просто не хватило бы сил. Я попробую поступить иначе...

Утро выдалось солнечным. Птицы пели на ветках, радуясь тёплому дню, непотревоженная роса лежала на траве, а бойцы штрафбата впитывали благословенное тепло с наслаждением — долгое ожидание заставило их прогрнуться до костей, а невозможность шевельнуть хоть пальцем лишала возможности хоть как-то согреться.

Уже проехало несколько телег с крестьянами, в основном в сторону замка — им явно не разрешали ночевать за стенами цитадели, и они предпочитали выезжать пораньше, чтобы успеть к вечеру вернуться домой. Лишь ближе к полудню показалась закрытая повозка, сопровождаемая пятёркой явно опытных, умелых вояк. Первый ехал на расстоянии стрелы впереди остальных, внимательно изучая следы на обочине. Вот когда пригодилось многочасовое сидение — непримятая роса заставляла разведчика расслабиться, а беспечное пение птиц — и вовсе успокоиться. Дальше ехала сама телега — плотно закрытая, с четвёркой всадников сопровождения, она довольно резво катила по дороге, запряженная двумя, но крепкими и сильными лошадьми.

Резкий свист — обычный знак к атаке. Первым упал разведчик со стрелой Айяра в шею — давать шанс уйти и сообщить о нападении ему никто не собирался.

Остальные только начали осаживать коней, как в них полетели стрелы, ножи, даже пара мелких клинков — утыканые лезвиями, они мешками повалились под копыта испуганно всхрапывающих лошадей.

В недрах фургона зашевелились, дверь распахнулась и на землю спрыгнул щёгольски одетый дворянин с саблей в руке — чтобы тут же упасть, спутанный по рукам и ногам заранее приготовленной сетью. Ещё через мгновение Марек, подхватив куль с телом, устремился к лагерю. За ним — Ируг и Ладар. Остальные, торопливо закидав в повозку тела и привязав лошадей, присыпали кровь песком с пылью и поехали вдаль по дороге. Животные, запряжённые в такую карету, наверняка были магически модифицированы, их можно было отследить. Карету вели в сторону ближайшей речки, чтобы, поведя её как можно дальше по руслу, спрятать в лесу.

— Сгружай! Он ещё жив! — Ируг торопливо разводил костёр, раскаляя клинок. Если прижечь клеймо, есть шанс, что пленник проживёт достаточно долго, чтобы сказать пару слов. Тогда никому не придётся лезть в чёрное.

И тут всё полетело кувырком. Почувствовав мощный, направленный удар воздуха, Ладар машинально закрылся, выставив мысленный щит — узкую, острую полоску энергии, отклоняющую направленную на него магию. Поставить полноценную защиту он не мог — слишком слабы были силы. Ируг и Марек, отброшенные воздушными кулаками, ударились о земляные стены и без чувств валялись на земле. Посреди их скрона стоял... пленник. Высокомерный взгляд, уверенная осанка и пышущее силой тело — казалось, из глазниц брызжет свет. Он явно чувствовал своё превосходство и забавлялся ситуацией.

— Так. Лазутчики в полёте стрелы от цитадели! И куда смотрит наша контрразведка! Что ж, теперь я смогу требовать усиления патрулей — после того, как доставлю в крепость ваши тушки. Это стоило того, чтобы потерпеть небольшие неудобства.

Ладар выругался и, отбросив бесполезный обрубок сети, выпрямился, обнажая серебристую сталь меча. В своём стремлении захватить важную шишку они перестарались — пленник оказался ох как непрост.

Дирил говорил: «В поединках магов важна неожиданность, зачастую побеждает не самый сильный противник, а тот, кто знает, как блокировать удары соперника и может по ходу боя создавать свои, новые, неизвестные никому. Как правило, более опытный маг, имеющий за плечами не одну сотню выигранных боёв». Шансов у слабого новичка не было.

Но тут серебристый меч запульсировал, словно чувствуя творящиеся чары. Ладар, озадаченно вздрог-

нул и, торопливо полоснув себя по запястью, оросил стигис собственной кровью. Тот наконец принял хозяина! Вовремя!

— Что, мальчик, решил сам покончить с собой, ещё до начала поединка? — Ронхарский маг, неторопливо сформировавший из стихии огня прямо перед собой, в воздухе, длинный овальный щит и узкий изгибающийся меч, больше похожий на язык пламени с рукоятью, насмешливо улыбался. — Разумное решение. Так тебе меньше страдать. Давай покончи с собой, и мне останется лишь добить твоих подельников.

Ладар молча выставил меч перед собой, подхватив рукоять двумя руками, и направился к неподвижно ожидавшему его противнику. Удар — сверху и насекосок. Пламенное лезвие шевельнулось, отбрасывая серебристую сталь, и последовала стремительная контратака. Ладара спасло лишь изумление врага: он ожидал, что пламенное лезвие перерубит металл чужого меча, но тот остался целым, лишь зашипела, испаряясь, плёнка крови на лезвии.

— Ого! Магия крови? Но она тебя не спасёт, мальчик, для мага ты слишком слаб! — И опытный воин взорвался в вихре движений. Недавний пленник двигался быстро, бесконечно быстро, Ладар ушёл в глухую оборону, стремясь не столько отбить, сколько отвести удары в сторону, заставляя противника заканчивать бесполезные движения, давая себе время на вздох. В конце смертельной атаки с щита противника сорвался огненный шар: он метнулся прямо в лицо юноше, однако, налетев на подставленное наискосок лезвие, устремился в сторону, всё ещё полный сил, но уже не представляющий опасности.

Боевой маг всё чаще использовал магию: то деревья пытались обхватить противника своими ветвями, то невесть откуда взявшаяся молния била в много-

страдальческий клинок, то ледяные иглы падали с неба — и каждый раз стигис отражал очередную атаку, и вновь и вновь на него текла кровь Ладара, давая силы оружию — и забирая их у человека.

Вражеский маг увлёкся. Чувствуя, как слабеет его недруг; он перестал следить за окружающим и не увидел, как на краю ложбины зашевелился Ируг. Торопливо приподнявшись, вытянул вперёд руки — и серебристая молния стали ударила в спину ронхарца. Тот замер, борясь с болью и одновременно врачаая раны, и тут же стигис, покрытый кровью и потому смертельно опасный, прорвал его защитные построения и погрузился прямо в сердце. Вражеский маг дёрнулся — и начал остывать.

Ладар остановился. Кровь текла с запястья, заливая ноги, непослушные пальцы разжались, и серебристый меч, разочарованно звякнув, упал на землю. Хотелось закрыть глаза и провалиться в долгое-долгое забытьё...

— Рикс, не сейчас! — Острый, пряный запах. Мозг словно пронзают тысячи игл, принося боль, но прощающая сознание. Глаза распахиваются сами собой, успевая увидеть Айяра, прячущего какую-то склянку, и крепкие руки Марека, поддерживающие его за плечи — аккуратно и надёжно, словно позади человека вдруг выросла скала.

— Я... я хочу спать.

— Соберись! Маг наверняка дал знать в крепость. Да, он был уверен в себе и вряд ли сказал много, но нужно исходить из худшего, а это значит, у нас времени — только дождаться своих. К закату мы должны быть далеко отсюда. Ты... Ты хотел допросить труп. Сможешь?

— Я попробую. — Аккуратные, точечные касания по нежным, едва ощутимым закуткам собственного мозга.

Один из тех приёмов учителя, к которым тот просил прибегать только в самом крайнем случае — слишком велика вероятность ошибки. Однако сейчас туман отступил и человек вновь стал мыслить ясно. Вот только тело продолжало быть слабым и беспомощным — тут что-то не заладилось. Впрочем, сила мышц в предстоящем деле была не нужна.

— Положите меня как можно ближе к умершему магу. Лучше всего — прямо на труп.

— Сделаем. Это не опасно?

— По-моему, самое опасное в нашем положении — бездействие. Не получив сколь-нибудь ценных сведений, мы просто умрём тут, но вернуться в часть не сможем — не позволит королевский знак. И, если твои предположения верны, это произойдёт ещё до заката. Кладите!

Закрыть глаза. Задержать дыхание — обессиленное тело подчиняется с охотой, расслабляясь почти мгновенно. Нащупать тонкий след улетевшей души — он почти рядом, его даже не нужно искать — едва заметная, колеблющаяся нить... Живая, подрагивающая — словно на другом её конце улетает в небо мощный, играющий в потоках воздуха воздушный змей. Аккуратно, стараясь не порвать, потянуть, возвращая упругое полотнище на землю. Там, где-то в иных мирах, чужая душа забилась, пытаясь вырваться, но нить ещё не успела истончиться, она была надёжной и упругой, и Ладар понял: он сможет. И потянул сильнее...

— Ты правда этого хочешь? — Тихий, ровный голос. Слишком тихий и слишком ровный — для Илис.

— Я должен выполнить задание!

— Наверное, должен.

— Я должен попытаться спасти моих друзей!

— Должен.

— Я должен призвать душу умершего назад в тело и узнать, что таит в себе вражеская крепость!

— Должен?

Вопрос — вместо утверждения. Чуть грустный и ироничный. Ладар задумался. В чём он ошибся?

— Я знаю, тебе это по силам. Да, их у тебя мало, но ты верно учёл и место, и время — человек умер от твоей руки, у вас с ним непосредственный контакт и душа ещё не успела уйти далеко. Ты справишься. Это будет победа. А нужна ли она тебе — ТАКАЯ победа?

Ладар молчал. Молчала и Илис. И в её молчании слышалось: «Цель... никогда не оправдывает средств. И победителей судят также, как и побеждённых. Более того, их судят строже — именно потому, что у них был Выбор. Тот, в котором они отказали проигравшим. Нужно уметь побеждать, не проигрывая...»

— Что будет, когда я возвращу его в тело?

— Зомби. На большее твоих сил не хватит. А если бы и хватило — немёртвые живут в своих телах, умирая вместе с ними. Их души умирают тоже. Впрочем, пока не повреждены голосовые связки, говорить он сможет.

— А есть другой путь?

— Ну это ты сам... — Голос Илис исчез, оставив ощущение внутренней радости. Словно это непонятное создание было довольно решением Ладара не трогать отлетающую душу врага.

— Ну это же враг! Жестокий и умный. Он бы всех нас положил и души бы изничтожил — если умел, конечно. А ей — не трогать... — Ладар вглядывался в улетающую астральную оболочку мага, досадуя на невозможность принять такое лёгкое и быстрое решение. Однако огорчать странную, но такую притягательную девушки совсем не хотелось. Кем бы она ни была на

самом деле. Связующая нить чужой души подрагивала под ментальным касанием, и он, боясь передумать, с силой рубанул по ней, сжигая за собой мосты. Резкий удар — и часть ментальной нити исчезла, словно растворилась в вышине, а другая стала втягиваться в остывающее тело... приклеившись к сознанию Ладара.

Рывок. Стремительное, касающееся изнанки тела движение. Щекотка пополам с тошнотой — словно что-то выходит из тебя, что-то нужное и важное. А затем — холод чужого тела. Нет, оно ещё не успело остыть, но смерть уже коснулась его своей рукой, и жизнь ушла из разбитого сосуда. Сознание, всколыхнув чужой метаболизм, лишь ускорило этот процесс. Жизненные силы хлынули потоком — и остановились, захваченные чужой волей. Маг был неслабым, и изрядная доля его энергии ещё осталась в умирающем теле. Достаточно было переподчинить управляющие узлы — и тело плохо, но поддалось контролю. Проверив собственную астральную нить, соединяющую его материальные и астральные оболочки, Ладар встал, отодвинув собственное обмякшее тело. В его сердце тут же с глухим стуком впилась стрела, разворотив и так раскрытую ударом меча грудную клетку.

— Спокойно. Это я!

— Рикс, кончай шутки шутить! Ты что, управляешь этим ронхарцем?

— Не только. Вытяните своё оружие вперёд.

Клинки блеснули дружно — вот только нацелены они были в сердце внезапно ожившего мертвеца, и руки воинов подрагивали от скрытого напряжения.

— Отлично! — Запасы маны после собственного скучного резерва казались поистине безграничными. Легко наложив все известные ему сохраняющие

оружие чары, добавил кое-что новое ещё и от себя, делая клинки более лёгкими и острыми, способными проникать сквозь чужие магические защиты. После чего, пользуясь неподвижностью застывших в напряжении людей, он создал защиту и им, усилив природные возможности каждого до предела и навесив сложные силовые контуры на заметно заблестевшие ауры.

— Неплохо! Именно этим вы там и занимались, в своей крепости? — Ируг рассматривал внезапно полегчавший меч... а заодно и собственные руки, определяя качество изменений. Ладар улыбнулся, хотел ответить, но внезапно поток чужих воспоминаний, разбуженный неосторожным вопросом, хлынул в неготовое к этому сознание.

«Длинные, узкие коридоры с рядами бойниц, суровые провожатые, патрули и заставы внутри крепостных стен. Роскошный зал, полный золота и шёлка, лёгкая музыка и столы, заставленные яствами. „Да, ваша светлость. Есть, ваша светлость. Будет исполнено, ваша светлость“. Длинные, потёртые, уходящие вниз ступени. Подземные камеры, полные отражающих и экранирующих щитов высших магических степеней. Вкрадчивый шепот: „Только частица вашей силы, вложенная в зародыш будущего кристалла, даст вам возможность свободно черпать из него в дальнейшем, когда он вырастет...“ Бессонная ночь, безмерная усталость и торопливое возвращение в часть. Смешное, нелепое нападение. Мальчишка с клинком, взывающий к магии крови, — смелый, нелепый щенок — и ледяной холод прижатой к сердцу ладони...»

— Рикс! Очнись! — Удары по щекам, тяжёлые и сильные. Ладар с трудом поднимает руку, останавливая экзекцию, и открывает глаза.

Чужое тело разрушалось. Оно ещё стояло, удерживаемое сложными магическими конструкциями, но ку-

ски плоти падали с него, разлагаясь прямо на лету. Вязкая, студенистая масса смешивалась с грязью, обнажая ровный, чистенький костяк скелета.

Люди, взявшие непонятное создание в кольцо, осторожно отошли на шаг, перехватив мечи поудобней, но ничего не произошло. Костяная статуя мага застыла, кости каким-то чудом держались вместе, а в глазницах застыла пелена из остатков плоти.

— Рикс! С тобой всё в порядке?

— Всё нормально. Не трогайте ЭТО, и уходим. Я знаю, что происходит в крепости.

Марек, аккуратно загнав секибу в чехол, подхватил Ладара на руки, бросив остальным:

— Пошли. Не берите ничего лишнего, нам предстоит гонка.

Без разговоров подчинились все. И замерший в удивлении Ируг, и Айяр, которому от происходящего стало плохо, и только приходящие в себя сослуживцы, вернувшись после запутывания следов и долгой гонки по лесу. Провести лишнюю минуту рядом с застывшим скелетом не захотел никто.

Марек ровно, словно и не чувствуя тяжести слабо пытающегося протестовать Ладара, бежал впереди маленького отряда. Ноги великана ступали абсолютно бесшумно, обходя все уже изученные и отмеченные ловушки. Если бы не его хладнокровие, то кто-нибудь, под впечатлением увиденного, обязательно забыл бы о приметах и потревожил бы сигнальную систему. Впрочем, за некоторыми приглядывали внимательно, особенно за Айяром: на него увиденное подействовало особенно сильно.

Ветки деревьев хлестали по одежде, рукам, лицу. Ладар не пытался прикрываться — после нахождения в тусклом, умершем сосуде чужого тела сознание воспринимало и боль с удовольствием, как часть жизни —

яркую и сильную. Глаза жадно ловили лучи солнца, проглядывающие сквозь листву, уши — сомн звуков леса, наслаждаясь писком испуганно разлетающихся птиц, как никогда не наслаждались и музыкой на деревенских праздниках. Как всё-таки это здорово — жить!

— Марек! Погоди! Довольно! — Ируг с видимым усилием догнал великана, продолжающего бежать аккуратно и ровно. — Давай вон в тот овражек. Мы отбежали достаточно далеко, я смогу активировать артефакт, не подняв тревоги. Не хотелось его, конечно, тратить, но по-иному мы просто не уйдём.

В руке у негласного командира штрафбата блеснул серебристый браслет с чёрным каменным глазом посередине.

— Локальный портал! Давай в темпе!

Ируг в задумчивости повертел браслет в руке.

— Рикс! Ты уверен, что нам есть чем отчитаться за задание?

Ладар аккуратно встал на ноги. Голова кружилась, но тело всё быстрее обретало силы. Похоже, неосознанно он умудрился зачерпнуть их у мёртвого мага — и даже что-то усвоил.

— Судите сами: в цитадели штаб-квартира одного из отпрысков королевской династии Ронхара. Множество военачальников и магов приезжают выказать своё почтение. Но это только прикрытие. На самом деле — в подвалах цитадели выращивают кристаллы маны. Все маги и многие дворяне, так или иначе владеющие этим искусством, отдают свою энергию будущим накопителям, ускоряя их рост, получая взамен возможность черпать из дармовых источников в будущем.

— Даже так? Что ж, это действительно очень важно и здорово «обрадует» наших магов. — Ируг кив-

нул, признавая ценность добытых сведений, взял артефакт в обе руки, и тот загудел, вначале тихо, потом всё сильнее и сильнее, выплёскивая копившуюся в нём энергию и формируя вложенное заклинание. Тёмный, словно свинцовый дым растёкся по поляне, но тут же собрался вокруг замершего человека, обраzuя небольшой овал, тускло мерцающий воздушной рябью.

— Пошли! — Марек довольно ухнулся, перехватывая секиру, шагнул к Ладару, но тот выпрямился, выдавливая улыбку на лице.

— Ничего. Оставшийся отрезок пути я в состоянии пройти сам.

Из портала они не вышли — вывалились. Один за другим падали на траву родного луга, уставшие, но уверенные в собственной победе. Бросали оружие, с гордостью глядя на знакомые полотнища палаток, на рощу, на виднеющиеся вдали засеки Ронхара — они видели их со своей, родной стороны!

Марек ухнулся, как медведь, подмяв под себя стебли колючей травы, и принял кататься в них, что-то довольно порыкивая в зелёные охапки. Ещё один рейд, ещё одна, вырванная с боем и кровью у судьбы победа! Лишь тот, кто ходил по краю, способен оценить красоту окружающего, величественность и простоту живого, полного незамысловатых красок мира! Что-то чирикали птахи, да и примятая, пачкающая рубахи штрафников трава пахла как-то по-особому пряно и остро. Ладар упал, закусив травинку, и любовался отливающим синевой небом, а нетронутые стебли трав вокруг его лица возвышались подобно гигантским башням. Ируг снисходительно присел, поглядывая на резвившихся сослуживцев, и неудивительно, что опасность он заметил первый.

— К оружию! Быстрее! — Марек недоумённо приподнялся, глядя по сторонам, и острое жало стрелы вонзилось ему в грудь. И перья на ней были красные с белым — цвета Родерика Пятого.

Взревев, тот вскочил, сломав тонкое древко, и, подхватив секиру, кинулся к палаткам. Оттуда полетели стрелы. Вторая, третья, десятая. Марек глухо ворчал, встречая очередную посланницу смерти, выставлял секиру, отбивая хищные жала, но стрел было слишком много. Они летели со всех сторон и впивались в незащищённое доспехом тело — свою кожаную сбрую. Марек сбросил сразу же, как оказался на родной стороне. Казалось, жала стрел, совсем крошечные на фоне полного сил тела, неспособны повредить силачу, но, не добежав пару шагов до палаток, тот опустился на землю — медленно и с величавым достоинством, словно решил положить тяжкую ношу, которую устал нести. Вначале на колени, затем, неловко повернувшись, упал на бок, и тонкая струйка крови выбежала из полуоткрытого рта.

Стрелявшие вздохнули с облегчением — полный сил и жизни, Марек казался несокрушимым исполином — даже сейчас, весь утыканный стрелами, он был грозен. Однако отышатся нападавшим не дали. Отряд Ируга, бежавший за товарищем, ворвался в палатки. В этом бою Ладар сознательно использовал тёмный клинок. Ему хотелось не просто убивать — он хотел уничтожить, стереть с лица земли жалкие душонки, поднявшие руку на своих подло, из-за угла. Врагов было много. Несколько десятков человек, истошно вопя, бросались на ослабевший отряд, стремясь устраниить его во что бы то ни стало. Такие же штрафники, как и они — в обычной солдатской форме, но без знаков различия, они яростно нападали, стремясь окружить одного втроём-впятером, нанося

удары в спину, исподтишка. Некоторые из них остались в стороне, с длинными луками, и теперь выцеливали выживших, стремясь попасть в незащищённое место.

Стигис отводил чужие клинки, ломал летящие стрелы и ножи, но добивал противника тёмный клинок. Легко прорезая чужие доспехи, он безошибочно находил плоть — и, вонзившись в неё, выпивал душу. Одного, второго, десятого... обезумевший от ярости, Ладар крутился в горячке боя, весь залитый чужой кровью, и вскоре его заметили. Засвистели стрелы. Пару-тройку тот отбил, но их было больше. И тогда клинок, тёмный клинок, признавший хозяина, зажил своей жизнью. Рука запылала огнём, мышцы рвались, не в силах выдержать предложенного темпа, воздух перед штрафником потемнел, словно испачканный мелькающим оружием, однако ни одна стрела, ни один нож не попали в тело человека. А вот рука, державшая меч, была вся истыкана выпущенными в упор стальными жалами.

Когда человек, не обращая внимания на стрелы в собственном теле, на льющуюся из-под них кровь, идёт на тебя — становится страшно. Остатки засады вздрогнули и побежали. Впрочем, буквально через несколько секунд они застыли, как, впрочем, и остатки отряда Ируга. Подоспело начальство и маги.

— Так бывает. Зайдя в зону охраны крепости, мы попали в сильное искажающее поле. Наши маги решили, что отряд погиб. Выплатили выигравшим пари и разместили на нашем участке новый отряд.

— Почему они напали? — Рука болела жутко, слабость накатывала волнами. К тому же, кажется, начался жар. Однако важнее всего этого была необходимость понять: что же произошло?

— Даже бродяги на помойке, если соберутся больше двух, начинают выяснять, кто из них главнее. Это делают и дети в своих детских играх, и старики, сидя на завалинке. Наверное, такова природа человека. Мы были лучшими. Именно из нашего отряда выживших могли оправдать, отправить в обычную часть. На нас делали ставки, нам поставляли нормальную пищу и даже иногда вино. Вполне достаточно, чтобы, увидев возвращающийся отряд, пополнение решило от нас избавиться. Победителей не судят, да и что можно сделать приговорённому к смерти штрафнику? К тому же они всегда могли сказать, что просто обознались — никто и не ожидал увидеть нас живыми, никто их не предупреждал.

— И... кто выжил?

— Двое, — ответил Ируг просто, без рисовки. — Я и Айяр. Благодаря тебе. Там, в лесу, ты наложил на нас очень мощную защиту, это и уберегло. У Марека была такая же, жаль, что первые стрелы эти дети шакалов начинили какой-то гадостью — от ядов ты защиты неставил. Так бы он справился, большинство стрел застревали в его дублённой шкуре и твоей защите, просто царапали.

Ладар застонал. Было обидно сознавать, что человек умер просто потому, что ты не дал себе труда подумать чуть потщательней.

— Не кори себя. Он спас нас своей атакой, собрав на себя стрелы, предназначенные всему отряду. Думаю, Марек горд уже тем, что спас хотя бы двоих.

— Троих. Я тоже жив.

Ируг смущённо отвёл глаза.

— Извини. Нужно было сразу, как увидел, рубить тебе руку. Теперь поздно. Она почернела, и яд пошёл дальше. Наше стандартное противоядие не помогло. Я тебя вылечить не смог, а ни один из настоящих ма-

гов не будет тратить силы на штрафника. Будь солдатом до конца — у тебя есть время приготовиться к неизбежному.

Он тихонько вышел, опустив полог палатки, а Ладар внезапно ощутил ярость. Они не хотят его лечить? И не надо. Он справится сам!

И сипал стал бороться.

Боль накатывала волнами. Ему то чудилось лицо его учителя, то милая улыбка Илис, то плачущая Марго. Умершие товарищи по отряду подходили и сочувственно покачивали головами. Дольше всех задержался Марек. Что-то бубнил под нос, словно пытаясь подсказать, однако потом и он расплылся в фиолетовой дымке.

В какой-то момент Ладар понял, что умирает, и странно успокоился. Он давно хотел побывать с Илис подольше. Похоже, сейчас у него неплохие шансы.

— Идиот! — Несколько увесистых оплеух, отвешенных изящной и одновременно крепкой рукой, заставили его открыть глаза. Перед ним, помешивая какую-то жидкость в небольшой чашке, вполоборота стоял Айяр.

— Это ты меня приложил? — Голос прозвучал тихо и слабо, практически неслышно, но ночной воин тут же обернулся.

— Очнулся? Отлично. Выпей! — Перед носом Ладара оказалась крохотная белоснежная чашка с приятным запахом незнакомых трав.

— Что здесь?

— То, что сможет тебе хоть немного помочь. Ты пей, пей...

— Айяр! Я умираю, но сейчас сознание ясное. Что ты сделал?

Тонкие руки нервно сжали чашку.

— Это наш секрет. Зелье лёгкого ухода. Выпив, ты не будешь больше страдать. Твой путь в иные миры пройдёт без боли.

— И без борьбы? Я бы хотел ещё помучиться. Ты можешь оставить сознание ясным?

— Если выпить немного... восемь капель, то пару часов жизни с ясной головой ты отвоюешь. Вот только потом уже зелье действовать не будет, и тебе придётся пройти весь путь боли. Стоят ли того два лишних часа жизни?

— Стоят. Только мне нужно подойти ещё ближе к краю. Мне нужно десять капель.

— Тогда ты всё равно впадёшь в кому, но боль останется.

Ладар улыбнулся. Именно то, что нужно.

— И ещё, принеси мне мой тёмный клинок, пусть лежит под рукой... под большой рукой, хорошо?

Закрыть глаза. Темнота, вкус ароматных трав на губах — и знакомые, серые стены его личного небытия. После смазанных картинок горячечного бреда — как в родном дому. Да и был ли у него иной дом — с тех пор, как умерли его родители?

— Нашёл время! — Илис, как всегда, появилась стремительно и незаметно. Ладара прямо качнуло к ней, и девушка торопливо отпрыгнула в сторону, прижавшись к противоположной стене.

— Сейчас тебе мои объятия противопоказаны. Слишком легко они могут перейти из разряда личных — в профессиональные. Ты чувствуешь желание прикоснуться ко мне?

Ладар улыбнулся.

— Как всегда.

— Сейчас — не как всегда! — Илис смутилась, но смотрела сердито. — Вполне вероятно, сейчас у тебя несколько иные желания. Поэтому держись подальше.

Что ты задумал? Сразу скажу — то, чем я владею, тебе вряд ли поможет.

Голос девушки стал грустным, она угрюмо рассматривала ярко-бардовый маникюр на ногтях. Или это был не маникюр?

— Ты просто никогда не думала о своих способностях по-другому. Впрочем, об этом поговорим в следующий раз. А сейчас ты можешь рассказать, что меня убивает?

— Было полно всего, но твои товарищи постарались и большинство ядов сумели нейтрализовать. Остался яд трилинга, действующий как парализатор, проклятие порченой крови плюс появившееся на фоне всего этого и слабости обычное заражение.

— Ого! Оригинальный наборчик!

— Твои штрафники что, профессионалы? У кого что было, тем стрелы и смазали. Самые первые стрелы с самыми сильными ядами забрал себе Марек и те, кто бежал следом за ним. Тебе достались остатки.

— Как быть с ядом — я знаю. Что делать с проклятием?

— Ничего. Оно ослабело, пока сквозь твои защиты прошло. Вызвало заражение — и сгинуло.

— Ясно. Хорошо, будем пробовать. Только сразу давай договоримся: в любом случае ты меня без поцелуя не оставляешь, идёт?

— У девушек о поцелуях не спрашивают. Их просто целуют. Мальчишка!

Ладар засмеялся и, устроившись поудобней в собственной коме, закрыл глаза.

Рука была чёрной. Даже паучьи сети охранного заклинания брезгливо отдернулись от поражённых центров нервной системы. Руку действительно стоило отрезать — причём сразу, не празднуя победы и не заморачиваясь попытками лечения. Сипал торопливо

пережал сосуды руки, ведущие в организм, но тут же со вздохом убрал блоки. Очагов во всём теле было столько, что эта мера уже ничего не решала. Ему нужны были силы! Магии и жизни. И если первых он мог надёргать из собственных защит и сидящего рядом с ним Ируга, то вторые... тёмный клинок был рядом, и чёрный зверь глухо заворчал, приветствуя хозяина. Ладар бесстрашно подошёл, положив руку на лобастую голову. «Ну как, понравилось угощение?» Слабость показывать было нельзя. Да, недавние уроки ещё были свежи в памяти монстра, однако стоит чуть ошибиться — и его собственная душа окажется в груде костей под массивной тушей. Но сейчас зверь был доволен. Негромкое ворчание — и образ кусочков, истекающих кровью.

— Поделишься?

Новое ворчание, уже чуть обиженное. Хозяин попался странный, таскающий лишние куски. Впрочем, кормил он хорошо, и о странностях можно было забыть — до подходящего случая. Зверь отошёл в сторону, и сипал замер, изучая чужие жизни. Свежие, полные нерастраченных лет.

Тут — явные магические способности. Здорово, но неопытный сипал просто не успеет их преобразовать. Тут — обширный ум. Даже непонятно, откуда он в этой груде. Ага, то, что нужно: чья-то душа, полная жизни, не желающая умирать даже здесь!

Ладар аккуратно достал чужую тень. Крепкий воин, кивнув ему чуть виновато, но довольно, подставил плечо, готовясь страховать в этой непонятной, последней выпавшей ему схватке.

Огонь, жидкий огонь ходил по телу. Крепкий шар, перекатываясь, гулял под кожей, и лучи нестерпимого сияния освещали палатку, когда плоть, сгорая в больных местах, выпускало пламя наружу. Ируг с

Айяром, не сговариваясь, отодвинулись подальше, но не уходили: тёмный клинок, звенел и прыгал, норовя выскользнуть из-под хозяина. Приходилось поочередно, жмурясь от тяжёлого жара, держать чёрное лезвие, на которое из ран сочилась чёрная, больная, густая кровь, чтобы, вскипев алой пеной, вновь устремиться в штрафника — яркой и чистой волной. Десятки небольших ран открылись на теле сипала, плоть разошлась сама, словно губы перед поцелуем, и грязь и гной лезли оттуда, выдавливаемые желающим жить человеком. Через пару часов действие успокаивающего кончилось, пришлось держать бьющееся в судорогах тело. Но в местах, омытых кипящей кровью, уже проступала здоровая, начавшая покрываться розовой корочкой плоть.

Неделю Ладар просто спал. Он просыпался поесть, лениво выслушивал причитания Айяра, его жалобы на новое пополнение, «исключительно бесполковое и безрукое, на фоне которого даже некоторые из вчерашних новобранцев кажутся не такими безнадёжными». Терпеливо сносил обследование и лечебные чары Ируга, горькие микстуры, переданные льером Датимом. И отсыпался. Силы медленно, но верно возвращались. Немного иные, и их стало больше. Однако с этим можно было разобраться потом...

— Ладар! — Рыжая ворвась в палатку — и остановилась, кусая губы. Предполагаемый мертвец с аппетитом обедал. И правая рука его сноровисто работала ложкой, да и выглядела здоровой и сильной.

— Привет, Марго! В гости решила заглянуть?

— А мне говорили, что ты при смерти... — Девушка растерянно глядела на усиленно уплетающего здоровущие куски мяса парня.

— Да ладно! Вся наша армия — это большая деревня. Всегда готовы посудачить. Из царапины готовы увечье сделать, а если стрела в руку попала — так уже и при смерти? Ируг поколдовал маленько, и всё, только слабость осталась, так она снимается усиленным питанием.

На состоявшемся утром совете Айяр решительно потребовал не распространяться о том, как именно оказался здоровым рядовой Рикс. А главное — не упоминать о тёмном клинке. И Ируг, после некоторого колебания, с ним согласился. Брать на себя славу лекаря, вытаскивающего с того света, ему не хотелось, но упоминать о лечении с помощью тёмного клинка — это уже граничит с самоубийством. И Ладар твёрдо придерживался разработанной версии.

— Очень хорошо. Я сдала квалификационный экзамен и теперь являюсь одним из инспекторов магических сооружений нашей армии. Так что буду периодически появляться и в вашей части, и уж одного из своих бывших подчинённых не оставлю без проверки боевой подготовки. В следующее своё посещение я лично проверю твои достижения в бою на коротких клинках. А пока — выздоравливайте.

Девушка, мигом превратившаяся в великосветскую леди, выплыла из палатки, и Ладар, не выдержав, фыркнул, едва не расплескав суп. Высокомерие власть имущих — это черта слабости, выдаваемая за силу. Тот же Датим и породовитей тебя будет, и чин у него повыше, да и должность в армии реальная, а не очередная синекура, выбитая тебе родичами, а говорит нормально — строго по делу и без лишних закидонов. А ты... чтобы проверять магические плетения на целостность, нужны лишь азы знаний плюс умение использовать ключи от чужих наработок. Передать их другим ты вряд ли можешь, сломать тоже, там наверняка есть ограничения. А так — гуляй, чадо, раздуваясь от сознания собствен-

ной значимости. Хочешь проверить навыки ножевого боя? Что ж, недаром Аяйр над ним бился. Постоянно, как только выпадала свободная минутка, даже в походе...

«Небольшая лесная поляна. Тонкая фигура воина, блестящие лунным светом клинки в руках — ушастый не любил учебного оружия, стараясь все занятия проводить с боевым. Правда, выбирал для учёбы простое, выданное штрафникам оружие — скованное кое-как, на один-два боя, оно было даже хуже того, что давали новобранцам, но зато его было не жалко выщербить на тренировке.

— Забудь о красивых и долгих движениях. Твоя задача — не на турнирах дам поражать, а уничтожить врага, желательно не останавливая бега. Нам редко даётся возможность биться стоя да ещё и в строю. Поэтому я буду учить тебя в основном колющим, коротким и быстрым ударам. И скользящим блокам — у тебя просто не будет времени останавливать вражеские клинки. Отвёл чужой удар, нанёс свой — и мчишься дальше, не ожидая, пока твой противник упадёт. Ты должен знать, что твой враг — мертвец, раньше его самого. Забудь о сложных приёмах, забудь о красивых, широких рубящих замахах: отныне твоя проза — короткие, точные удары в любое незащищённое место. Не думай о победе или правилах. Твоя задача — вывести врага из строя, добить, если будет нужда. Незащищён пах — бей в пах и не думай о рыцарском кодексе. Можешь отрубить руку — руби руку, ну а по лицу вообще попасть милое дело. Главное — чтобы противник почувствовал ужас, запаниковал, тогда он уже не соперник. Мало кто может терпеть сильную боль, ну а мысль о повреждении собственного, горячо любимого тела способна вывести из строя любого силача и мастера боя. Правда, мастера

ты вряд ли достанешь, не твой это уровень, мастера всю жизнь отдают искусству боя, повышая навыки, изменяя с помощью магов жизни своё тело, ну да такие специ на передовой не встречаются, только среди дворян, причём богатых — далеко не каждый может позволить себе нанять мага жизни и не на дни — на годы...

Резкий выпад — и звон металла от скрестившихся мечей. Ладар опустил руки, заслушавшись мелодичной речью тёмного эльфа, но тело отреагировало практически мгновенно: мышцы напряглись, выводя клинок в защитную позицию, ставя блок мечу собеседника.

— Плохо! — Айяр хмурился. — Ты расслабился и забыл, что у нас пусты и учебный, но поединок.

— Я же отбил твой удар! Сумел! — Ладар, отскочивший назад и внимательно следящий за хищно подрагивающим кончиком чужого клинка, почувствовал обиду. Впрочем, замешанную на гордости: мало кто мог отбить неожиданный удар гибкого и стремительного Айяра.

— Не отбил, а поставил блок! Да и блок был неудачен: ты поцарапался! В бою, где велик шанс налететь на отравленный клинок или напичканный какой-то магической гадостью, ты бы уже проиграл! Нужно было либо увернуться, либо отвести мой меч в сторону, а затем атаковать! В защите никто и никогда ни один бой не выиграл!

Вновь звон мечей. Айяр наседает, его клинок порхает легко и практически невесомо, не скажешь, что эта железная чушка весит с хороший полутонник, и приходится уходить, уворачиваться, и возможностей для атаки — никаких, да и толку с неё, если вертлявый дроу всё равно уведёт клинок в сторону. Приходится хитрить, создавая на ходу собственные, необычные, ломающие чужой рисунок боя движения, и Айяр говорит, что подобные дёргания новичка опасны и профес-

сионалам своей непредсказуемостью, а вот если так... и так... и ещё быстрей....

Внезапно дроу отскочил, зажав кровоточащую руку. Ладар, испугавшись, бросил меч, подхватил котомку с заранее припасённой на всякий случай чистой тряпицей, однако Айяр уже улыбался, стирая пальцами кровь с кожи. И никакой раны под ней не было.

— Не бери в голову, просто царапина. Такие мы сами способны залечивать. Как ты умудрился так быстро двигаться? Нет, конечно, Ируг что мог дал тебе, но это капля в море, просто чтобы ты мог выдерживать боевые нагрузки и не свалиться при этом. Он не профессионал! У тебя есть какой-то знакомый маг жизни, признавайся?

Голос эльфа был шутлив, однако глаза смотрели оценивающие, и тонкая кисть как бы невзначай легла на рукоять ножа.

— Нет. — Ладар был серьёзен. — Но у меня был знакомый маг смерти.

— Смерти? — Растерянность в тёмных глазах сменилась задумчивостью. — Это интересно. Теоретически маг смерти может оперировать человеческим телом, хотя им и мешает душа, почему они и предпочитают тела уже умерших... Предпочитали. Ты в курсе, что магия смерти в глубокой опале? Лучше никому не говори об этом. А сейчас — продолжим и постарайся контролировать своё тело, заставь его вновь двигаться с той же скоростью. Но учти — это далеко не предел!

Клинки вновь скрестились и зазвенели — глухо и чуть надтреснуто, всё-таки это были трудяги, неспособные на высокую песнь битвы. Зато они умели убивать — а большего от них и не требовалось...»

— Ируг! — Ладар ворвался в землянку, где отставной маршал лечил какого-то бедолагу, распоровшего

ногу в учебном бою, и, приплясывая от нетерпения, принялся скакать вокруг лежака с больным.

Негласный глава штрафбата, несмотря на всё нетерпение парня, не спешил: аккуратно и неторопливо он сводил края раны. Короткими импульсами магии жизни срашивая самые опасные места, подстёгивал регенерацию на остальных участках, чистил от попавшей грязи, останавливая воспалительные процессы, но в целом скорее выполнял работу санитара, чем опытного целителя. Поймав удивлённый взгляд Ладара, Ируг усмехнулся и обронил:

— Это штрафбат. Он ошибок не прощает, так что не стоит уповать на лекаря. Время есть, пусть недельку поваляется, подумает, в следующий раз будет внимательней и аккуратней. Это в регулярных войсках есть опытные инструкторы, которые учат на деревянном оружии, кнутом и пряником. У нас пряников нет, а кнут один — смерть! И лишняя бравада в учебном поединке никому не нужна, она мешает обучаться и, значит, уменьшает шансы и его, и всех остальных. Ты зачем пришёл?

Ладар глянул по сторонам. Пораненный парень был в глубоком сне, больше никого не было, но всё же...

— Да на прогулку хотел позвать. Воздухом подышать.

Ируг понимающе кивнул.

— Это можно. Кстати, в отличие вот от этого недотёпы, ты быстро учишься.

— Спасибо! Айяр, когда в настроении, говорит примерно то же. Правда, если не в духе, то прямо противоположное. Как пополнение?

— Да практически один сброд. Есть пара перспективных парней, однако одной перспективы мало, чтобы выжить в штрафбате. Гном и Хорёк.

— Какой гном? Настоящий?

— Нет, конечно. Но похож! Низкий, крепкий, сильный. Вот только гномы верткие, в их подземных штреках без изворотливицы нельзя, а этот вчерашний крестьянин. Хорёк — худой и длинный, этот наоборот, куда угодно пролезет, а вот силёнок маловато, на занятиях уже через пять минут устал. Зато ножи мечет прекрасно, ненамного хуже Айара.

Это была похвала. Ладар задумался, прикидывая, как может человек, подобно гибкому дроу, сбивать клинком мух в полёте, и не заметил, как они пришли на берег ручья, где обычно Ируг делился с новичком своими небольшими, но точными и выверенными знаниями в магии.

— Ну теперь выкладывай. Что у тебя стряслось?

— У меня? У меня скорость изменённого! Временами.

Ируг покачал головой.

— Так не бывает. Конечно, с тобой я не перестаю удивляться, но есть же какие-то магические законы. Подобными вещами балуются очень богатые дворяне, имеющие в своём распоряжении нескольких магов жизни. Пойми, наш организм — это механизм, в совершенстве отлаженный самой природой! Когда я врачую, я лишь помогаю ему вернуться в совершенное состояние, чего он и сам хочет и всячески мне помогает. Если же я захочу изменить что-то... тело человека всячески противится изменениям. Это всё равно, что начать пытаться улучшить работу хронометра, имея в своём распоряжении клещи и кувалду. Причём не до конца понимая устройство этого самого хронометра.

— Но вы же меня подлатали!

— Вот именно — подлатал! Воздействуя на мышцы и связки, увеличил первые, укрепил вторые, в общем, привёл твоё тело к виду, каким оно могло бы стать после года усиленных занятий. Заметь — после

года. Дальнейшие изменения — уже не совершенство, к которому стремится любой организм, а что-то иное. Вот почему опытным бойцам нужны постоянные тренировки — без них они очень быстро теряют форму. А ведь это естественное развитие. Ну относительно естественное. Что же касается магического воздействия... Тут всё ещё сложней. Можно увеличить мышцы — боец станет неповоротливым, к тому же от излишних усилий можно порвать связки. Укреплю связки — возрастёт нагрузка на кости, от резкого движения они могут сломаться. Усилю кости — тело станет тяжёлым и медлительным сверх меры. А это я ещё не рассказал о сосудах, которые могут лопнуть, о лёгких, которые должны снабжать воздухом мышцы во время сверхусилий — да, да, они тоже дышат! Человеческое тело сбалансировано и хрупко, вмешиваться в него чрезвычайно опасно.

— Но ведь вмешиваются!

— По самому минимуму... тут вопрос не в усилии, а в постоянстве воздействия. Когда древние маги пробовали улучшить человека (а для войн с иными расами это было необходимо), с насока у них ничего не получилось. И был выработан метод — длительных небольших воздействий. Организм скорее направляли к изменению, давали ему силы. Ну это как спрессовать месяц интенсивных тренировок до одного дня. Спрессовать, снять усталость, наполнить организм силой для освоения и готовности к дальнейшей тренировке на следующий день. Человек в обычном состоянии поднимает вес, примерно равный его собственному. Хорошо развитый — вдвое больший. Целенаправленно развивающий своё тело для поднятия тяжестей — втрой, вчетверо от своего веса. На пике возможностей, в экстремальном состоянии — десятикратный и выше. Примерно так маги жизни и шли — от простого к сложно-

му. Развивая по чуть-чуть, но сразу всё. И дворянин, принявший такое изменение, уже не может без присутствия магов жизни: стоит ему пару месяцев не получить магического воздействия, он одряхлеет, станет гораздо более слабым, чем обычный, просто занимающийся собой человек. Сам понимаешь: тебе такого не светит. Успокойся — некоторые из обычных людей также способны на кратковременные вспышки активности, похожие на действия изменённых.

— Не думаю. — Айяр возник внезапно — дрогнула тень ветки, чуть качнулось дерево, и гибкая фигура появилась у песчаного бережка ручья. — Конечно, над ним никто не работал долго и тщательно, он не из аристократов и не из элиты короля, но воздействие было... Неоднократное и интересное. Поверь мне: наш народ не раз скрещивал клинки с изменёнными.

— Даже так? — Взгляд отставного маршала стал рассеянным, он всматривался в Ладара внимательно — и отстранённо. — Но я не вижу и следов воздействия магии жизни!

— А смерти?

— Смерть на всех нас оставила свою метку. Жизнь у нас такая — практически в её объятиях. Может, к концу срока, когда она немного отступит...

— Стоп! Какого срока? — Ладар решительно вмешался в разговор. Неприятно, когда тебя обсуждают, словно головоломку или нерешенную проблему.

— А ты и не знаешь? — Айяр удивился. — Так перемирие же! Вроде всем объявляли... Хотя нет. Ты тогда в бреду валялся. Но потом — не мог не заметить, что нас никуда не посыпают! Две недели уже жир копим да новичков гоняем!

— Да я как-то не задумывался. — Ладар смутился. — Привык уже жить настоящим, не думая о прошлом и будущем.

— Так легче. — Ируг не спеша достал несколько камешков, разложил их вокруг Ладара, прикоснулся — те озарились неярким коричневым сиянием. — Коль уж у нас намечается урок, постарайся — вокруг тебя силовое поле магии земли. Что-то вроде клетки. Сломай её, ученик. А я пока расскажу о перемирии.

Ладар разом вспотел. Ломать защиты при его крохах энергии? На защиту традиционно нужно гораздо меньше, чем на нападение. И узлы не разрушить — помня о его успехах, Ируг специально поместил их в камни, сплавив их в единое целое с его структурой. Теперь их разве что расплавить... Что же делать с окружившими его силовыми полями? Раздвинуть? Посвящённый теневой тропы принял за работу, напрягая мышцы разума и воли, и фоном его усилиям был неспешный голос Ируга:

— Примерно раз в год благородные отвлекаются от изысканного развлечения, называемого войной, и вспоминают о делах. Кому управляющего отчёты принять, кому дочку замуж выдать, кому и здоровье поправить, пройти курс омоложения у магов жизни. Есть и такая услуга в их прейскуранте, ты не отвлекайся, всё равно мало кто, кроме магов, может позволить себе реально отодвинуть встречу со смертью... А вот прожить весь отмеренный природой срок здоровым и полным сил, без тяжкого гнёта старости — это вполне возможно и при минимальном энергетическом воздействии. У тебя не получится сломать жгуты сил, ты напрасно стараешься. Если хочешь просто сдвинуть в сторону, вначале ослабь их в местах крепления, это несложно, если суметь увидеть узел. Однако вернёмся к перемирию. Традиционно оно длится два месяца. Хотя большинство управляетяется раньше, но дабы никто не был недоволен, сроков не нарушают. А для остальных — изысканное развлечение, гладиаторские бои... из участников штрафбата.

Силовой жгут, уже почти провисший, вырвался из захвата Ладара и звонко щёлкнул, становясь на место. Отдачей его спружинило, вызвав неприятную резь в теле. А Ируг, видя его метания, улыбнулся и столь же неторопливо продолжил:

— При занятиях магией нельзя терять концентрацию. В реальной ловушке ты бы уже погиб. Дух мага всегда должен оставаться спокойным, эмоции должны быть под контролем. Пусть даже тебя всего трясёт от полученных известий — радоваться или печалиться ты можешь позволить себе только тогда, когда будешь в безопасности. Контроль над чувствами — великое искусство, которое очень помогает на войне... и в общении с женщинами. Почти любая из опытных, сильных женщин в совершенстве владеет подобным контролем, что даёт ей огромное преимущество над увлекающимися мужчинами, позволяет использовать их подобно дешёвым вещам — не позволяй играть собой как вещью, мальчик, — ни женщинам, ни магам, ни собственным эмоциям.

— Всё это хорошо. — Нити наконец разошлись, и Ладар проскользнул в образовавшуюся прореху, чувствуя за спиной холодок от свернувшейся ловушки. — Но что это за гладиаторские бои?

— Развлечение для благородных. Иногда — сведение счётов, и тогда уже чернь следит, как дворяне машут мечами. Обычно где-то в удобном месте на передовой делают временные трибуны, выравнивают землю перед ними — и те части штрафников, которые вызвали недовольство начальства, устраивают поединки. Условия просты: оружие — по выбору, магии — никакой. И не переживай так, наше подразделение туда не пошлют. Мы неплохо справились с последними заданиями, да и предыдущими тоже. Нас приберегут для более грязной и нужной смерти. Тот же Датим первым

заступится. Кстати, ты удивительно быстро для новичка выбрался из «последней колыбели». Конечно, это стандартная ловушка, но она используется всего полгода и исключительно военными. А ты преодолел её довольно быстро. Был подходящий опыт? Ладно, молчи, я ни о чём не спрашивал. — Ируг подмигнул. — Тогда вот тебе новое задание: перед тобой я расположил «секущее лезвие». Принцип действия понятен по названию. Всё также стандартно, последнее новшество — силовых полей практически нет, они появляются только когда в зоне их действия оказывается человек. Задача: научиться распознать и обезвредить. И постарайся на этот раз не отвлекаться, эту ловушку ослабить невозможно: лезвие лезвием и останется.

Ладар вздохнул: Ируг верно просчитал его специализацию и старательно гонял, заставляя быстро разряжать теперь уже армейские магические западни. В отличие от ловушек в домах аристократов, они были более простыми, но и лучше замаскированными. Не защищёнными, а именно замаскированными: увидеть их было намного сложнее. Если бы не привычка и умение работать со слабыми силовыми полями, вряд ли бы он увидел тонкие, почти невесомые касания неактивированных «следилок». Вздохнув, ученик принялся за работу.

Хорёк быстро стал заводилой в разномастной команде штрафбата. Пользуясь свободой перемирия, он, успешно сочетая в себе роль рубахи-парня, шута и бывалого воина, прошедшего и огонь, и воду, сумел подчинить себе почти всех. К Айяру, после нескольких уроков, он относился с настороженной опаской, перед Иругом, как, наверное, и перед любым благородным, откровенно лебезил, но на остальных уже покрикивал, подчёркивая своё превосходство. Гном, наоборот,

оставался тихим и отстраненным, в общий круг не лез — и его быстро оставили в покое. Все, кроме Ладара. Тот увидел в нём себя — вчерашнего крестьянина, попавшего на чужую ему, ненужную войну в качестве «мяса», до первого боя. Достаточно самолюбивого, чтобы отказаться выполнять глупый приказ скучающего командира — и загреметь сюда, в штрафбат, где жизнь измерялась не годами — днями, а то и минутами. Едва увидев молодого, угрюмо сидящего в сторонке Гнома, Ладар решительно подсел к собеседнику. Пара слов о необходимости начать косить и сушить сено, о пропадающем вокруг разнотравье, и Гном прикипел к нему, признав за своего. Терпел, когда тот потащил земляка к Иругу, увеличивая быстроту движений, и принял гонять головоломными упражнениями на реакцию и гибкость. Это не могло не задеть Хорька: непонятный, только пришедший в себя сопляк не вошёл в компанию, а начал водиться с крестьянином! Столкновение было неизбежным. И столь же скучным.

— И тогда мы пошли в атаку! Ронхарцы выставили против нас лучших! За магическими щитами они пустили вперёд специально обученных собак. Здоровые, над ними явно жизнюки поработали, клыки с мою ладонь! Штук пять перед взводом вылетели, морды оскаленные, пена капает. А глаза красные и светятся! Я тут же ножи веером, от локтя — попадали собачки! Магия магией, а против ножа в глазу никто не устоит. Ну тут ронхарцы не выдержали и вперёд выскочили из-за своих щитов. И пошёл махач... Глядите, кто пришёл!

Гном и Ладар, грязные и измученные, возвращались после очередной тренировки: в дело их обучения вмешался Айяр, логично заметив, что скорость — это по его части. Так что теперь выкладывались уже оба, вызывая смешки у вольготно отдыхающих у костра

штрафников — те себя никакими дополнительными нагрузками не баловали.

— Не иначе, к ним сержанта прикрепили! Так вроде в штрафбате командиров нет! Кто же вас так вывозил? Или сами — друг дружку?

Ладар остановился. Раздражение глухо зазвучало в нём, но сипал смирил эмоции.

— В частях сержанты, чтобы заставить солдат совершенствовать свои навыки, используют кнут и пряник. Наказания и поощрения. В штрафбате нет ни того, ни другого. Есть только смерть. Она всегда рядом, и нерадивые для неё первая и самая лёгкая жертва.

— Мы смерти не боимся. К тому же и без занятий крестьянин с сапогами в навозе нам не ровня. Я и лучших рядами укладывал, так что не пугай, мальчик! — Хорёк презрительно сощурился, и Ладар понял: выяснения отношений лучше не откладывать. Дальше оскорблений будут серьёзней, и уладить дело миром будет непросто, а лишать отряд перспективного бойца — негоже. Разум, лишенный эмоций, оставался чистым и ясным, легко планируя простой и доступный пониманию большинства сидящих сценарий.

Скинув мешок с грубыми, выщербленными полуторниками, служившими Айяру тренировочными мечами, Ладар скользящим шагом двинулся к костру, на ходу обнажая нож. Хорёк ещё что-то говорил насмешливо и уверенно, но, увидев тёмный как ночь клинок, побледнел и вскочил на ноги. Всё-таки он был быстр: три серебристые молнии сорвались с его рук, трижды металл цокал о металл, пытаясь выбить искры из тьмы, но ножи — не стрелы, их отбивать проще. Ладару даже показалось, что он сумел бы справиться с ними и сам, однако тьма вела его руку, подбираясь к душе очередного врага, она была быстрой и жадной, и требовалось напрячь все силы, чтобы остановить чёрное лезвие

хотя бы в последний момент, прильнувшим к гладкой, пульсирующей коже горла, под которой так быстро и сладко несётся перепуганный ток крови, этой манящей влаги жизни.

— Если ты не будешь тренироваться — найдутся те, кто быстрее и сильнее тебя. Даже среди вчерашних крестьян. Понял?

— Понял. Я всё понял, льер.

Ладар спрятал нож и, повернувшись спиной, не спеша пошёл обратно, к тюку с мечами. Удара в спину он не опасался: тёмный клинок, недовольный отсутствием жертвы, напоследок слизнул клочок столь притягательной жизни. Теперь в ближайшие полчаса у забияки сил будет хватать только на то, чтобы дышать.

Через пару часов Хорёк оправился, присмирился, однако продолжал собирать вокруг себя штрафников, хотя и осторожней. А наутро объявилась рыжая.

Полог палатки взлетел, выгнувшись парусом — магия воздуха едва не сорвала всю палатку.

— Спишь? Как всегда, не любишь рано вставать по утрам? Не боишься так и собственную жизнь пропустить?

Ладар огляделся. Солнце наверняка только показалось из-за горизонта, раскрашивая мир тусклым светом, травы покрывал туман, стелясь белой пеленой над землёй, и казалось, что Марго возникла ниоткуда, из белого света, закрывающего весь мир. Это было необычно... и почему-то знакомо.

— Уже встаю. Чему обязан визитом?

В руке Марго блеснул небольшой изящный клинок из дорогой дымчатой стали.

— Я обещала проверить твои навыки боя. Пришло время исполнить обещанное. — Голос был высокомерен и холоден, как и положено при разговоре с нижестоящими, но в нём проскользнуло нетерпение — и злость?

Злость на кого-то ещё, а он — оказавшееся под рукой средство спустить пар? Ладар покачал головой. Не так лёгко живётся девочке, как можно подумать, глядя со стороны. Как бы высоко ты ни забрался — завистников и врагов хватает. И чем выше — тем больше. Что ж. Решительно отложив боевое оружие, он подхватил несколько деревянных ножей и мечей. Когда-то, в самом начале занятий, новобранец тренировался с ними, пока Айяр не настоял на железе.

Глаза Марго удивлённо расширились.

— Ты всё ещё фехтуешь этим?

— Я недостаточно аккуратен на занятиях. Размахиваю клинком, как палкой. Могу и задеть ненароком.

Рыжая нахмурилась.

— Посмотрим. — Резко развернувшись, она направилась в туман, сшибая в нетерпении кончиком клинка верхушки трав. Ладар с трудом поспевал за ней, ускоряя шаг, стараясь не перейти на мелкую, заискивающую трусцу и мечтая, чтобы Марго пришла на обычное место их занятий, к ручью — уж очень хотелось умыться. На ходу он подставлял ладонь под стебли травы, собирая росу, протирал лицо мокрыми пальцами, мечтая ухнуть в ледяные объятия ручья, стряхнуть сонную одурь. Не сбылось. Марго остановилась раньше, на самой опушке только начавшего освобождаться от тёмной ночной прохлады леса. Молниеносно развернувшись, она в нетерпении выставила вперёд свой клинок, весь влажный от росы и травяного сока, и Ладар внезапно понял: сейчас его могут убить. Сгоряча, не думая о последствиях, просто от ярости, что густыми толчками крови горячит мозг. Умирать от рук взбалмошной девчонки не хотелось. Аккуратно положив захваченные деревянные заготовки, имитирующие клинки, он подхватил одну из них, побольше, в правую руку — и ещё одну, с небольшой стальной вставкой, на левую.

С этим деревянным бокеном, обитым железом, Айяр учил его бою на ножах, отводя опасные удары стальной пластиной. Хорошо, что сегодня он захватил с собой и эту игрушку.

— Готов? Защищайся! — Тонкий клинок блеснул, ввинчиваясь в туманный воздух, и Ладар, отпрыгивая на безопасную дистанцию, понял: будет непросто. Девочка практически не владела собой.

Удар. Быстрый, вёрткий. Аккуратно принять подрагивающее жало на мягкое дерево, увести в сторону, самому пройти совсем рядом, впритирку... И остановить внушительный тычок вторым ножом. Рыжая и так расстроена. А та всё взвинчивала и взвинчивала скорость. Удары сыпались один за одним. Вскоре Ладар взмок, уворачиваясь от сверкающего лезвия, и наконец решил: хватит. Долго он так не выдержит. Поставив под чужой удар стальную накладку, ударил второй деревяшкой по плоской части лезвия, вырывая её из рук и отправляя в полёт — в кусты, подальше от рук рассвирепевшей хозяйки. Та, раскрасневшаяся, с глазами, полными яростного, непонятного тумана, кинулась к груде деревяшек и выхватила одну, имитирующую длинный меч. Ладар закусил губу. Дело плохо. С ножами против меча в обороне не выиграть, а бить, да так, чтобы рыжая опустила руки... В горячке боя тренированный человек не каждый удар заметит, даже смертельный, а Марго явно вошла в раж.

Меч был больно. Деревянный, громоздкий, оттого более тяжёлый, чем обычные клинки, он сметал выставленные в блоках ножи и бил. Куда и как попадётся, сильно и слабо, и остриём, и тупой частью. Скользящие блоки на деревяшках получались слабо, именно поэтому Айяр отказался от них, когда дело дошло до серьёзных приёмов. Бока болели, и выхода Ладар не видел. Терпеливо сносил удар за ударом, мечтая, чтобы

эта непонятная пытка кончилась, не зная, что делать. Страшно хотелось пить, а до воды, протекающей в паре сотен шагов от опушки, было совсем близко... И Ладар начал маневрировать. Уклонившись от очередного удара, отступил назад и вбок, перекат — и вот он уже отступает в глубь леса, к ручью, к воде, способной охладить его пересохшее горло... И, возможно, успокоить эту валькирию, в которую внезапно превратилась его высокомерная знакомая. А темп ударов всё нарастал. В какой-то момент Ладар понял, что не справляется: по скорости Марго уже превзошла Айяра и продолжала двигаться всё быстрей. И глаза её налились непонятной мутью, серо-стальной и внушающей опасение. Теперь любой удар мог стать смертельным: и дерево может проткнуть незащищённое тело, если ударить сильно или быстро. Ладар отступал и отступал, пока под ногами не зачавкало и не дохнуло водяной свежестью. Наконец-то! Подловив очередной выпад — быстрый и сильный, чересчур сильный, заставляющий вытянуться и раскрыться рассвирепевшую и плохо контролирующую себя девушку, он прыгнул вперёд, резким ударом по кисти заставляя выпустить ставшую опасной игрушку, — и, обхватив второй рукой, кинулся назад, в ручей, в холодную, обжигающую, отрезвляющую воду. Всплеск — шумный, яростный. Марго не хочет останавливать схватку, она, кажется, ещё не заметила потери меча. Обхватить, сжать покрепче, сунуть под воду. Та кричит и под водой — что-то яростное и возмущённое, приходится поднимать выше, чтобы не задохнулась, пришла в себя. Рыжая продолжает вырываться, тонкое платье, намокшее и ставшее тяжёлым, трещит и рвётся по швам... Вздохнув, Ладар впивается в губы девушки, заставляя её замолчать, остановить ярость схватки. Руки ещё дергаются в попытке ударить, но губы отвечают — столь же жестоко и са-

мозабвенно, но — отвечают на любовь любовью, а не желанием убийства. И в воде закипела новая схватка. Куски одежды полетели в разные стороны, гибкое девичье тело, полное сил, рвалось и извивалось в руках парня, отступая и настигая, пытаясь вырваться и обнять покрепче. Неистовство не ушло, оно осталось и продолжало бушевать в хрупком теле, и когда пик наслаждения настиг рыжую и она закричала, глухо и протяжно, Ладар увидел, как уходит из её глаз стальная мгла. Помедлив пару мгновений, взял её на руки. В воде девичье тело было почти невесомо, он стоял на самом глубоком месте ручья, и лишь их головы виднелись из воды, покрытой утренним туманом. Та не протестовала, лишь прижалась поплотнее к его груди, свернувшись калачиком — схватка явно отняла у девушки все силы, и теперь ей нужен был отдых. Рыжая голова устроилась на его плече, а пухлые губы произнесли неожиданное:

— Что это было?

— Вообще-то это мой вопрос. — Ладар удивился. — Разве это не ты едва меня не убила? Еле утихомирил!

— Я? Убила? Я заснула в своей палатке, а проснулась уже в ручье, в очень интересном положении... И у меня всё тело болит! Так что отвечай: что это было?

Ладар растерялся. Он не знал, что ответить: девушка явно не помнила схватку, словно несколько последних часов были вычеркнуты у неё из памяти. К тому же, почувствовав неладное, она обратилась к магии: вокруг забурлили магические токи, пока тонкие и слабые, но силы вернутся быстро.

— Возможно, я смогу прояснить ситуацию. — Спокойный, мягкий голос.

Взвизгнув, Марго нырнула в воду как можно ниже, прикрывая грудь — однако к Ладару прижалась ещё

сильней, словно ища защиты и от нескромных взглядов тоже. Тот инстинктивно-прижал девушки к себе ещё плотней, мысленно выстраивая структуру тёмного фе-ербала: стоящий на берегу ручья человек был ему не-знаком. Впрочем, ненадолго. Одно-единственное слово Марго всё объяснило и ещё больше запутало:

— Папа!?

Ладар перевёл дух. Вряд ли этот маг, сумевший по-нять, что с его дочкой что-то неладное и построивший портал к ней, тронет его раньше, чем его дочь окажется в безопасности, но на всякий случай развеивать струк-туру не стал. Впрочем, тот обращал внимание на неу-клюжего солдата не более, чем на окружающие дере-вья, обращаясь исключительно к дочери:

— Ну что, доигралась? Говорил тебе: не задевай живущих на две стороны! Любой средний оборотень проигрывает среднему магу, но это древний клан, со-хранивший свои знания на протяжении тысячелетий, и с этим стоит считаться. Однако ты продолжала над ними насмехаться! И вот результат — тебе подсыпали в питьё милиту. Это ж нужно было их так разозлить, чтобы на тебя истратили запас зелья, ценность которо-го гораздо выше его веса в золоте!

Девушка вздрогнула. Вздохнув, она соскользнула с рук Ладара и раскинула во все стороны тонкие ма-гические потоки. Кусочки её платья разлетевшиеся в разные стороны, торопливо заскользили к ней, скре-пляясь между собой.

— Они решили сделать меня оборотнем?

Пожилой маг засмеялся, закидывая голову.

— Нет, такого прибавления клана им не нужно! К тому же для них это — великая честь и привилегия, которую ты никоим образом не заслужила. Они пре-красно понимали — без оборотней в предках у тебя нет шансов стать одной из них. Ты превратилось бы в жи-

вотное — либо внешне, либо внутренне. Скорее всего, в уродливый мутировавший вид, и возвращение первоначального облика заняло бы годы... Ну а магические способности не вернулись бы никогда.

— И почему они не добились задуманного? — Ладар приобнял Марго, уже полностью одетую, но не спешившую выйти из воды, и постарался сменить тему, погасить ярость, разгорающуюся в тёмных глазах девушки.

— Не был закончен ритуал. Милита действует очень своеобразно: она дестабилизирует структуру человеческого тела, в то же время давая мощный толчок психике, пробуждая звериные инстинкты. Тем самым она подготавливает всё для обряда, призванного облегчить молодым оборотням их первое превращение. И смертельно опасного для всех остальных. Магам, конечно, полегче: магия сама по себе барьер для изменений тела и духа, но если бы ты зарезала этого бедолагу и увидела кровь, психика твоя была бы нарушена окончательно, ты стала бы её пить жадно и много, и это послужило бы толчком к изменениям тела. То, что вы сумели... хм, преобразовать ярость в её несколько иную форму, спасло тебя. Правда, не окончательно: мелита выходит из организма долго, и несколько недель будешь чувствовать себя как в аду. Но главное: теперь ты сумеешь остаться человеком — и притом магом. Пошли, не стоит терять времени.

Перед магом замерцал портал — раза в полтора больше стандартного, он выдавал в создателе не просто мага — отцом Мадлен был архимаг, обладающий внушительными запасами энергии и огромным опытом. Девушка шла с трудом: силы её стремительно утекали, Ладару приходилось буквально вести её к хмурящемуся отцу. Наконец, благодарно стиснув его ладонь, она шагнула вперёд и исчезла в фиолетовой

дымке. Пожилой маг вздохнул и, резко повернувшись к оказавшемуся рядом парню, ткнул его особым образом сложенной щепотью пальцев в основание шеи. Перед глазами встал туман, и, проваливаясь в его недра, Ладар услышал недовольное:

— Ну вот, опять мне за ней подчищать приходится...

Серые, уже ставшими привычными стены. Тонкие, лёгкие, они походили на застывшее дуновение ветерка. Заставшее — и обредшее плотность гранита. Тусклые полотнища нависали со всех сторон, но ощущения ловушки не было — входы и выходы в небытие никогда не были простыми и не нарушали целостность этих стен.

Десяток шагов в одну сторону, десяток — в другую. Ему показалось — или пространство стало больше? Невесомые даже тут можно попытаться устроиться? Интересно, а где Илис? Почему её нет? Даже если архимаг и не хотел его убивать — сюда-то она прийти может?

— Илис! — Тишина и пустота застывших стен. Сердце забилось неровно, словно боясь собственного испуга. Со смертью ничего не может случиться!

— Илис!

Тишина дрогнула, угол комнаты соткался во тьму. Подхватив вылетевшую оттуда фигурку, Ладар торопливо вытащил её на середину комнаты, принялся осматривать.

— Ты где пропадала? С тобой всё в порядке?

— Ну ты нахал! Ввалился к девушке весь расхристанный, благоухающий чужими духами и ещё ей и пеянет за задержку! — Негодующий взгляд и хитрые, с прищуром, глаза.

Ладар растерянно поглядел на Илис. Она — ревнует? Скорее играет в ревность, ситуация не та, но всё равно — это показывает, что он ей небезразличен.

— Прости. Постараюсь больше не совершать ничего подобного. Мне не нужен никто, кроме тебя.

— Знаю. Но сегодня ты нужен был этой девушке. Хочешь ты это признавать или нет, однако ты спас её, пусть и таким экзотичным способом. А насчёт меня — не думай. Всё равно нам с тобой ничего не светит, так что не тушайся, вперёд.

Ладар торопливо шагнул вперёд и, обняв, прильнул к лицу Илис губами. Те тут же онемели, теперь опять на два дня почернеют, но пусть! Она того стоит!

— Больше не буду никого спасать!

— Не говори ерунды! Я не примитивное существо, чтобы судить о ком-то по животным поступкам. Мне важнее состояние души. Никогда не понимала вас, людей: готовы годами жить с нелюбимым, зачастую вызывающим отрицательные, убивающие душу чувства человеком, но не способны простить обычное проявление физиологии. Я люблю тебя таким, каков ты есть! И если изменишься в угоду мне или кому-то ещё, ты станешь иным — кто знает, не изменяется ли тогда мои чувства к тебе. В конце концов, бессердечные эгоисты нравятся только и исключительно самим себе.

Ладар просто обнял её и стоял, не зная, что сказать. Никогда и никому не признаваясь в любви, он берёг слова для той единственной, которая зацепит его сердце, и, когда момент настал, растерял их все до единого.

— Илис, я... — Тонкая кисть накрыла его губы.

— Ничего не говори. Умение красиво и пылко описывать свои чувства приходит с практикой, и чем она больше, тем меньше веры самим словам. К тому же признания — цепи, не стоит себя сковывать, мы с тобой не в том положении, чтобы брать на себя обязательства. Лучше скажи: ты понимаешь, что сделал тот пожилой маг?

Ладар пожал плечами.

— Понятия не имею. Ткнул куда-то в шею, несиль-но так, миг — и я здесь. Это опасно?

— Да нет. Благодарность присуща даже архимагам, хоть все во вселенной в этом и сомневаются. И нему-дрено: в данном конкретном случае его благодарность выразилась в том, что ты остался жив. Тебе просто стёрли память.

— Что? Я всё забуду?

Илис рассмеялась.

— Не пугайся так. Щепоть росха — стариинный при-ём, я и не знала, что кто-то его помнит. Тебе на пять минут пережали артерии, питающие определённый участок мозга. Без притока свежей крови тот бы погиб, и, очнувшись, ты вынужден был бы заново знакомиться с сослуживцами и изучать воинские навыки. Осталась бы только глубинная память, память твоего детства.

— Ничего себе не пугайся! У меня забрали практически всю мою жизнь!

— Ничего у тебя не забрали! Я — Смерть, и в моей власти остановить уничтожение крохотного участка мозга. Он просто уснёт на то время, пока кровь не вернётся к нему. Кстати, она уже возвращается.

— А если архимаг узнает, что моя память при мне?

Лёгкое пожатие плеч.

— К тому моменту первые эмоции склынут, всё забудется, и если он не заинтересуется этим как курьёзом, тебе ничего не будет грозить. А вот если об этом пронюхают оборотни... Обряд мелиты считался одним из самых надёжных и нерушимых, а ты умудрился прервать его без поединка и могущественных заклинаний. Конечно, со штрафбатом они не связываются, как и маги, но потенциально — у тебя появились новые враги.

Ладар пожал плечами.

— Приговорённому на смерть нет разницы, сколько врагов он не успел захватить с собой. Важнее — сколько всё-таки успел. К тому же если смерть так прекрасна. — Он потянулся губами к тонкой шейке, скрытой водопадом иссия-чёрных волос, но мрак стремительно просветлел, и перед лицом оказался ковёр из свежей хвои... и только лукавый смешок затих в неизбежности.

С трудом сев, Ладар прислонился к дереву, бездумно глядя на бегущую воду ручья, приходя в себя, ощущая, как отступает тягучая боль в голове, как сознание становится ясным и кровь начинает уверенней двигаться по жилам.

— Вот ты где? Бегом в лагерь. — Айяр появился внезапно, гибкой тенью выскочив из-за деревьев. — У нас проблемы. Вернее — у тебя.

Льер Датим стремительно мерил пространство землянки шагами. Обычно она вмещала до двух десятков штрафников, но сейчас в ней были только Айяр, Ируг, глава разведки и, собственно, «виновник торжества». Остальных льер, не долго думая, отправил рыть вал под присмотром дежурного мага, «чтобы не мешались под ногами». И теперь мерил землянку из конца в конец, возмущённо размахивая заговорённым стилом, больше похожим на узкий клинок.

— Нет, это немыслимо! И ещё это условие — без артефактов! Ты даже не сможешь взять свой клинок. Так у тебя вообще нет никаких шансов! «Всё должна решить честная сталь!» Это пощёчина королевству. Я этого так не оставлю!

Ладар недоумённо пожал плечами:

— Не понимаю, из-за чего весь сыр-бор! Ну вызвали меня на поединок трое штрафников с Ронхара. Бывает. Но мастера в штрафбате оказываются редко, а со

середнячками у меня есть неплохие шансы. Меня здорово поднатаскали.

Ируг с сожалением покачал головой.

— Ладар, пойми. Это спланированная акция. Личные вызовы на гладиаторских боях редкость. Не тот уровень. Для личных поединков есть иные бои, закрытые — там от армии участвует только гвардия и разведка. Если уж решили устроить подобное со штрафбатом — нужен повод. Весомый.

— А о закрытых поединках посторонним знать вообще не положено! — Датим с укором посмотрел на Ируга. — Мне что, учить вас лояльности?

— Откуда лояльность у приговорённых к смерти? — Айяр искренне рассмеялся. — Ладар должен понимать, что происходит. Голова у него варит по-крестьянски медленно, но столь же основательно. Не раз убеждались.

— Да? Ну допустим, пару раз он сумел копнуть глубоко. И чем порадуешь сейчас?

— А чему тут радоваться. — Ладар сосредоточенно размышлял, выписывая пальцем на щербатом столе замысловатые узоры. Похоже, у вас, льер Датим, кто-то в отделе работает на Ронхар. Возможно, даже двое.

— Обоснуй. — Глава разведки успокоился и теперь смотрел на Ладара изучающе, прищурив глаза и зачемто направив на него своё смешное стило.

— Во время последнего похода мне удалось допросить пленного. Сломать магическую печать, которую наносят всем в армии что нашей, что Ронхара, нельзя, поэтому такое событие невозможно в принципе. Все, кто был в этом рейде, погибли, кроме нас троих. Именно поэтому вы нас тут и собрали, вам не поединок важен, вы хватаетесь за соломинку, пытаясь найти среди нас лазутчиков. Ваш артефакт, замаскированный под

обычную палочку для письма, ничем вам не поможет: никто не будет внедрять лазутчиков в штрафбат, это нелепо. Вам придётся примириться с мыслью о том, что информацию Ронхару сливает кто-то из вашего окружения. Скорее всего, кто-то без магической печати. Тот, кто общается с вами и либо с вашим помощником, либо с вашим начальником. Другой вариант: их двое. Это сложнее, им бы пришлось действовать в паре.

Датим задумчиво прошёлся по землянке. Стило после некоторого колебания он сунул за пазуху.

— Ну хорошо. Допустим, ты прав. Но почему этот гипнотический лазутчик должен контактировать с кем-то ещё?

— Вы слишком осторожны, льер. И не будете распространяться о своих делах с посторонними, даже близкими вам людьми. Во всяком случае, если считаете важным. Да и наверх передадите неполную картину. Скорее всего было так: некто из вашего окружения узнал, что вы получили разведданные по крепости Дасан. Причём такие, которые узнать в принципе невозможно. От начальника или от помощника — неважно. Вопрос «как?» не стоит. О смерти мага, причём необычной смерти, уже наверняка известно. Значит, нашёлся умелец, выкачал из него данные. Появляется вопрос — кто? И вот кто-то из близких вам людей в разговоре просит рассказать что-нибудь курьёзное.

Льер Датим вздрогнул, хотел что-то сказать, но промолчал. Только руки, стиснувшие спинку стула, побелели.

— Наверняка вы вспомнили десяток курьёзов. И среди них один — про группу штрафбата, вернувшуюся уже после того, как были выплачены ставки за их смерть. Расспросить тех, кто делал ставки, несложно, узнать имя — и того проще.

— Так, может, тебя вычислили на основании самих ставок?

Ладар отрицательно покачал головой:

— Кроме вас, никто не знал о полученных данных. Без них смерть мага — событие неприятное, но рядовое. Утечка была. Если бы не перемирие, можно было бы устроить засаду во время нашей следующей вылазки, но — ждать два месяца? Вдруг это не случайность; и я сейчас подробно инструктирую всех, как допрашивать пленных магов.

— А это возможно? — Датим с долей интереса и скепсиса посмотрел на штрафника.

— Теоретически — да. Но для этого нужно владеть магией смерти.

— У нас есть несколько некромантов. Это запрещено всеми правилами и соглашениями, но война есть война. — Глава разведки пожал плечами. — Никому из них не удавалось получить что-нибудь путное. Магическая печать учитывает и это. Она уничтожает разум, память — всё, прежде чем исчезнет.

— Это если не переместится в тело после того, как человек умрёт, однако до того, как магическая печать приступит к окончательному уничтожению. — Ладар ухмыльнулся.

— Но это риск! Страшный риск! — Датим в удивлении вскочил. — На это никто не пойдёт!

— Чего бояться приговорённому на смерть штрафнику? У нас был шанс, и я его использовал, вот и всё. Вы расскажете нам, кто крот?

— Официально будет объявлена шпионкой и казнена моя любовница. Она действительно любит торговать собой, связями и информацией. Специально рядом держал, в надежде сливать дезу. Это заставит любителя занимательных анекдотов притихнуть.

Датим достал стило, оно неярко засветилось в полумраке землянки.

— Запрещаю вести разговоры о лазутчиках с кем-либо, кроме меня. — Эмблема на плече потеплела, усваивая новый приказ. — И неофициально: думайте! У вас это хорошо получается. Вы натолкнули меня на новые мысли, не располагая практически никакой информацией. Особенно это касается тебя, Ладар.

— Насколько я понимаю, мне думать осталось две недели — ровно до начала поединков между штрафниками?

Глава разведки поморщился.

— Это проблема. На время поединков в штрафбат могут определить и гвардию, благо заданий всё равно никаких нет, а мстить тебе им есть за что. Ладно. Пришлю на две недели тебе жизнюка и хорошего мастера меча, попробуем преподнести им сюрприз.

Маг жизни приехал через час после отбытия Датима. Вернее, начал обустраиваться: первыми прибыли рабочие, выровнявшие землю на самом дальнем от передовой крае поля, поставившие роскошную трёхслойную палатку и соорудившие внушительный земляной бруствер, способный выдержать, пожалуй, даже залп метателей. О своей безопасности маг жизни заботился чрезвычайно, даром что было объявлено перемирие. Сам маг больше был похож на кузнеца или элитного гвардейца... если бы те тщательно следили за своим телом. Высокий, с длинными, чуть вьющимися волосами, внушительный торс и мышцы, играющие по всему телу. Жизнюк явно был неравнодушен к собственной внешности и тратил энергию на её улучшение. Едва расположившись, он вызвал Ладара и долго пренебрежительно хмыкал, изучая его магическим зрением. Тот терпел, переминаясь с ноги на ногу — высокомерный

взгляд бесил, но стать более быстрым и сильным и получить ещё один шанс выжить — это стоило того, чтобы потерпеть.

Мастер меча появился уже под вечер. Не было ни портала, ни слуг — просто из вечернего сумрака к паткам штрафбата вышел небольшой худощавый воин в лёгких кожаных доспехах, явно заменявших ему мундир и регалии. Под ними были холщовая рубаха и брюки, и только полусапожки портили общее впечатление: неказистые на первый взгляд, они были очень лёгкими и мягкими и сидели на ногах лучше, чем перчатки на руке столичной модницы. Безошибочно найдя в толпе Ладара, он лёгким скользящим движением протёк между его сослуживцами и сразу перешёл к делу:

— Рядовой Рикс? Можете не отвечать, мне достаточно точно вас описали. Можете обращаться ко мне «льер Митч», мне поручено дать вам несколько уроков, позволяющих не проиграть на гладиаторских боях. Не могу гарантировать, что вы победите, за две недели чуда не сделать, но проиграть достойно и красиво вы сможете.

— Мне красиво — не надо. — После нескольких часов стояния навытяжку перед магом жизни настроение Ладара колебалось где-то у самой земли и явно подумывало закапываться ещё глубже. — Если уж погибать, я предпочёл бы захватить противника с собой.

Митч рассмеялся, закинув голову к небесам, потом с силой хлопнул собеседника по плечу. Рука у него оказалась железной, но после похлопываний Марека, обладающего гномьей силой и совершенно не умеющего её сдерживать, Ладар даже не шелохнулся.

— А вы понимаете толк в красивой смерти, юноша! Именно так и нужно умирать — захватив с собой врага. Вас смотрел маг жизни? И что сказал?

— Если опустить сарказм, то — ничего. Только хмыкал всё время.

— Магрия прислали, что ли? Ладно, не тушуйся, он дело тухо знает, несмотря на все выкрутасы. Пойдём к нему.

Ладар согласно кивнул, поворачиваясь в сторону новой палатки, и едва успел отпрянуть в сторону: у его бока стальной рыбкой блеснуло лезвие небольшого клинка.

— Неплохо. — Митч убрал клинок и, как ни в чём не бывало, зашагал рядом с оторопевшим штрафником. — Реакция, какая-никакая, есть, а вот рефлекс не поставлен: ты даже не попытался достать свой клинок. Кто с тобой занимался?

— Айяр. Ну и льер Ируг.

— Айяр? Он тут? Нужно будет перекинуться с ним парой слов, давно не виделись. А кто **такой** Ируг? Не слышал о таком бойце.

— А о таком маршале? — Ладар бил наугад, но явно попал в цель: на несколько секунд Митч вытянулся по стойке смирно, затем вновь расслабился и вновь продолжил движение, на ходу обронив:

— У тебя тут, как я погляжу, неплохие учителя. Неудивительно, что ты так двигаешься. Сколько лет занимаешься?

Ладар напоказ, стараясь не улыбнуться, принялся загибать пальцы:

— Раз, два, три... да, три месяца. Только заниматься особо некогда, мы всё больше на заданиях.

Митч вновь стал, внимательно оглядев Ладара, хмыкнул и ускорил шаг.

Маг жизни как раз ужинал, когда к нему в палатку, небрежно раздвинув часовых, вошёл мастер меча, волоча за собой подопечного.

— Привет, Магрий! И как тебе этот юноша?

Возмущённый маг побагровел, привстал даже, явно намереваясь запустить в иришельцев чем-то опасным, но, разглядев Митча, только сплюнул и плюхнулся обратно за стол.

— Здравствуй, Митч. Датим не мог не приколоться, отправив тебя работать вместе со мной. Впрочем, работы не получится. Силу и скорость в пределах его организма ему уже подтянули, это видно, а затевать что-то большее за оставшиеся две недели... Это несерьёзно.

— Вижу, что подтянули. И что, ты совсем ничего не можешь сделать?

Магрий задумчиво пожевал губами, глядя в пространство.

— Если поработать над его переносимостью к землям... Могу сварить литор. Постараюсь успеть.

Митч обрадовался.

— Это здорово! Если успеешь — это то, что нужно!

— Ладно! Пусть приходит по вечерам, будем пробовать составы. К утру по-любому всё выйдет, можешь его гонять, не боясь, что свалится. Всё, давай до завтра: сейчас у меня всё одно ничего готового нет. — И маг, не обращая внимания на посетителей, вернулся к трапезе.

— Удар! Замри! Медленно вытяни ногу вверх и, присев на второй, ударь снизу вертикально.

Задания Митча были очень сложными и совершенно бессмысленными. Резкие движения сменялись практически полной неподвижностью, стремительные атаки — глухой обороной. Одно было неизменным: в руке мастер боя всегда заставлял ученика держать меч.

— Ты должен забыть, что меч — это оружие. Прими его как часть себя, привыкни, что клинок — твоё

продолжение, живи с ним, ешь с ним, спи с ним. Меч в руке должен казаться тебе естественным и нормальным, твоей частью. Любое действие в течение дня ты должен делать с мечом в руке.

Гном, подбравшийся поближе, слушал мечника с горящими глазами, но присоединяться к тренировкам не спешил: по сравнению с головоломными трюками, проделываемыми Ладаром, занятия с Айяром казались лёгкой разминкой. Дроу пришёл на тренировку один раз, помрачнел и о чём-то тихо переговорил с Митчем, после чего больше не показывался. Ируг также избегал посещать странные тренировки, зато остальные сослуживцы постоянно вертелись поблизости, уважительно наблюдая за техникой мастера меча.

Впрочем, как раз подлинной техники увидеть никому не удавалось. Ладар это чётко понял во время первого же тренировочного поединка. Митч размазался в одно скользящее пятно, резкий удар — и обезоруженный Ладар стоит неподвижно, а к его подбородку прижат сверкающий клинок. После этого Митч двигался намного медленней, показывая различные движения и приёмы, особо указывая, как, в какой последовательности должны двигаться мышцы и связки.

— Основная проблема новичков, чья скорость и сила движений возрастает, заключается в неумении правильно распределить усилия, в результате чего они калечатся сами, делая за противника всю работу. Опытному бойцу достаточно увидеть забитую, закостеневшую от чрезмерного напряжения мышцу, чтобы воспользоваться этим и провести убийственную атаку. Будь всегда расслаблен и спокоен, даже во время яростного удара — и ты победишь!

С запоминанием приёмов больших проблем не было — память сипала, посвящённого тропы тени, была отменной. Десяток проходов — и новое движение

становилось если не привычным, то обыденным. Вот только скорость исполнения... двигаться быстро не удавалось. При всём старании и усердии. Оставалось полагаться на зелье Магрия, хотя по нему была масса вопросов — если можно, ну пусть и не легко и быстро, за две недели, но можно сварить подобное зелье, почему о нём никто не слышал, почему не внедряют повсеместно? Ну если не повсеместно, то хотя бы для элитных частей? Ведь это не сложно — раз подобрал подходящий состав для каждого человека, просто готовить их перед решающими сражениями? Но нет, вместо этого их гоняли до седьмого пота, и аристократы предпочитали платить магам жизни годами, повышая своё мастерство иными способами. Ответ неожиданно дала Илис.

Каждый вечер Ладар пил горькие снадобья, вызывая удивлённые восклицания Магрия. Но после того, как сходила горечь, он не испытывал ничего, кроме разве желания прополоскать рот. Это было необычно и в корне неправильно, судя по недовольному виду мага жизни. Тот ворчал что-то о сроках и странном пороге невосприятия ядов, о необходимости повышать дозы — и, видимо, переусердствовал: после очередного приёма составленного им снадобья мир вокруг штрафника закружился, помчался куда-то вбок весёлым хороводом — и он очнулся в знакомых и родных серых дымчатых стенах. Очнулся от внушительной пощёчины — сильной, хлёсткой и чем-то уже привычной. Поймав изящную кисть, поцеловал тонкие пальчики — губы знакомо начало покалывать, да и на щеке наверняка разольётся чёрное пятно.

— Оставь! — Илис была по-настоящему разгневана. — Ты что, последние мозги растерял? Это же надо согласиться на литор! Лучше бы так, без ничего на поле вышел — хоть какой-то шанс!

— Да что он всем вам сдался? Айяр с Иругом молчат, недовольные, ты ругаешься, а что тут плохого? Зелье, придающее силу и скорость, — мечта любого воина.

— Ясно. Значит, ты не в курсе. — Илис успокоилась так же быстро, как и вспылила, и теперь лишь грустно улыбалась. Тебе рассказали, каким замечательным воином ты будешь после приёма зелья, однако забыли уточнить, какова его цена. Что ж, цена вполне достойна — жизнь. Все процессы в твоём теле после приёма литора будут ускорены многократно, ты сможешь быть на равных с изменёнными, но силы на поддержание таких изменений будут браться от тебя же. Час. Если повезёт, полтора. И всё, ты сгоришь — противоядия от этой гадости нет.

— Да... Это мне не подходит. Теперь я понял — в основе лежит сложный состав ядов. Именно они подстёгивают тело, ставя его на грань. Я откажусь!

— Ты не сможешь! Раз уже согласился — клятва не позволит. Бои на арене приравнены к боевым действиям, иначе люди бы не стали драться на потеху толпе. К тому же Митч учит тебя драться на высоких скоростях. Умение, передаваемое избранным. Много ты не узнаешь, но то, что усвоишь, в будущем не раз пригодится.

— Потому и передаёт, что знает: эту тайну я унесу с собой. К тебе. — Ладар невесело улыбнулся. Одно хорошо: наконец перестану от тебя сбегать.

— Наоборот! Сбежишь — и навсегда. За врата. — Илис была серьёзна. — Поэтому давай до этого не доводить. Тебе нужно просто нейтрализовать зелье... И найти способ ускориться без него.

— Ни фига себе задачка! И как нейтрализовать смесь ядов, не пить которую нельзя?

— Очень просто. Пожар тушат встречным огнём. Выпить заранее иной яд, подстегнуть организм на борьбу с ним и выпить противоядие.

— От этой гадости нет противоядия, сама говорила.

— Это для обычных людей. Сипал может укрыться в тени своей тропы. — Илис была серёзна.

— Но... для меня это одно название! Ты, когда я так представился, смеялась!

— Что ж, с тех пор ты смог сделать ещё несколько шагов. Теперь ты в состоянии справиться с ядом, особенно если знаешь, что его пьёшь. Самое простое — не дать зелью усвоиться, магически изолировав жидкость, и при удобном случае вывести её наружу. Так или иначе. То немногое, что всё же попадёт в кровь, ты переборешь.

— Как?

— Поговори с гномом: тебе нужна вытяжка златокровки, а через пять минут — отвар целемы.

— С Гномом? С этим крестьянином? Откуда он найдёт такие вещи?

Илис недоумённо посмотрела на Ладара, а затем рассмеялась. Её смех, искренний и весёлый, ударил в стены и затих перезвоном колокольчиков.

— Ваш крестьянин — гном, самый натуральный. В нём человеческой крови — осьмушка, не более, только чтобы не ослепнуть, выбирайся на поверхность. Просто уродился похожим на человека, потому его наверх и послали. Ну а дальше ты, я думаю, можешь всё сам рассказать, у него и не спрашивая: плен, допрос, довольно удачный замес под крестьянина, армия, незнание обычаев — и вот это подземное чудо в рядах штрафбата.

— Ладно. Допустим, я с ним поговорю, он мне откроется (что уже небывалое дело: гномы — народ упрямый) — и поможет. Ну а что меня спасёт на арене? Видел я Митча на боевых скоростях. Нет у меня шансов против него.

— Ну во-первых, не всё так плохо. Даже если от тебя захотят избавиться, мастеров меча не пошлют — их все

знают в лицо, окажись такой в штрафбате, пойдут разговоры. Да и зачем такие сложности против обычного штрафника? Нескольких гвардейцев поопытней, предварительно рассказав им, кто именно придумал направить метатели по прямой на солнечников и положить их практически всех. После этого твоя смерть будет долгой — и болезненной.

— Спасибо, успокоила. — Ладар с удивлением понял, что действительно стал более спокойным. Гвардия — не изменённые, с ними он ужеправлялся. Благодаря невероятному везению и удаче, ноправлялся.

— Не спеши радоваться. Шансов у тебя против знающего твои уловки гвардейца — ноль. Так что скорость и силу всё-таки поднимать будем. Вернее, ты сам будешь.

— Как? Для этого нужен маг жизни! И лет десять постоянных занятий!

— Не обязательно. — Илис уже почти мурлыкала. — Маги жизни изменяют сухожилия и связки человека со стороны, пользуясь внешней энергией, делая их более сложными и тяжёлыми, и тратят массу сил, чтобы избавиться от последствий собственных же поступков. Да, результат хорош, тебе, чтобы добиться подобного, также потребуются годы, но не десятилетия. Ты сипал, малыш, и у тебя другие подходы к решению проблем и другой источник...

— Рядовой Рикс! — Резкий запах в носу — и увесистые удары по щекам. Хорошо хоть, открытой ладонью. Мотнуть головой, в попытке увернуться от очередного удара, и сморщиться от вони лекарства.

— Наконец-то очнулся! — Встревоженное лицо Митча и самодовольное — Магрия.

— Вы напрасно беспокоились! У молодого человека уникальный организм! С каким бы удовольствием

я провёл на нём десяток-другой опытов... Но — время! Все мы рабы времени, даже лучшие из нас. Ну что, рядовой, теперь дело пойдёт! Ваш порог невосприимчивости к ядам необычайно высок, однако он есть, а значит, можно составить дозу, при которой организм сможет действовать наиболее эффективно. Старый, проверенный метод — стрессовая интоксикация!

— Вам он ещё нужен, льер? — Слова Митча были безукоризненно вежливыми. Но что-то в его словах заставляло почувствовать озноб вдоль позвоночника. Словно ощутить у горла холодное лезвие наточенного клинка. Воину явно не нравилось обрекать другого на смерть, даже ради победы.

— Нет. — Самодовольство пропало из голоса мага. — До завтра вы оба свободны.

— Идите, Рикс, и отдохните. Завтра мы продолжим тренировки. — Штрафнику показалось — или голос мечника был виноватым? И за что он ощущал вину: за грядущую смерть или за его сегодняшнее отравление?

Чувствуя себя разбитым и слабым, Ладар пошёл обратно в лагерь — медленно, с трудом разгоняя круги перед глазами. Шаг-другой. На третьем кто-то крепко подхватил его за руку, и идти стало легче. Потрясти головой, разгоняя дурман, открыть глаза и увидеть рядом знакомую приземистую фигуру.

— Привет! Слушай, а как тебя зовут на самом деле?

— Гном, как же ещё?

— Это не имя. Это мы тебя так прозвали. Хихикал, небось? А как на самом деле? Папа с мамой как звали?

Идущий рядом с человеком гном помедлил. Ему явно хотелось уйти подальше от опасных вопросов,

однако бросать больного... К тому же что с него взять?
Бредит, небось. Помедлив, он нехотя буркнул:

— Дакенши.

Ладар с трудом, но вспомнил несколько слышанных им ранее имён гномов. Подумав, кивнул головой.

— Подходяще. Хотя соврал наверняка. Впрочем, это твоё дело. Ты знаешь, что такое литор?

Рука, закаменевшая на предплечье Ладара, расслабилась. Тема перестала быть опасной, зато сочувствие к обречённому юноше усилилось.

— Слышал. — Короткое, словно выдавленное из себя слово. Гном явно был возмущён ситуацией, но старался не лезть в дела людей.

— Я тоже понял, что это такое. Этим вечером.

— Этим вечером? — Дакенши остановился, в негодовании не заметив, что человека качнуло от сильного рывка. — А раньше ты что, не знал?

— Нет. Зато на бой выйти согласился. Выйти — и победить. Любой ценой.

— Возможно, этого достаточно. — Гном задумался. — Но всё равно неправильно! Всё у вас, у людей...

Он осёкся, поглядел на безучастно шагающего рядом парня: не понял ли оговорки? Но тот смотрел на тропу, с трудом переставляя ноги.

— Дакенши... Я хочу тебя попросить кое о чём. Мне не важно, кто ты и почему оказался в штрафбате. Я не собираюсь на тебя давить или шантажировать, обещать помочь или замолвить словечко. Мы все — обречённые на смерть, и перед ней все — равны. Каждый наш поступок открыт не для богов или судей, людей или гномов. — Спутник Ладара вздрогнул. — Он открыт для смерти. Она видит нас. Поэтому я не настаиваю, даже не прошу — просто говорю: я могу выжить после литора. Выжить и встретиться со смертью чуть

позднее, возможно, всего на несколько дней, но позднее. Для этого мне нужны вытяжка златокровки и отвар целемы.

— Ты хочешь... — Гном задумался. — А что, может получиться. Однако выпить тебе придётся всё это практически перед литором, а потом энергично двигаться не менее получаса...

— Как если бы провести три боя подряд?

Дакенши расхохотался — весело и с одобрением. Сейчас он ничем не напоминал того диковатого крестьянина, которым был ещё утром.

— Давно понял?

— О тебе? Недавно. Я не Айяр и не Ируг, у меня нет такого опыта определения иных рас.

— Думаешь, они знают? — Вновь задумчивый тон — тон человека, которому приходится пересмотреть свои планы. Внезапно Ладар понял, что находился на волосок от смерти. На волосок — от Илис. Мысль была противоречива, и думать так было страшно и приятно одновременно.

— Думаю, тебе стоит доверять людям. Хотя бы — здесь.

— Здесь? Да любой из здешних подонков предаст меня за лишнюю пайку!

— Не любой. Только тот, кто ещё не смотрел в *её* глаза. Тот, кто не знает, что они — прекрасны.

— Ты о ком? — Гном приотстал, тряся головой; похоже, он потерял нить рассуждений.

— О смерти, конечно. — Ладар шагал всё уверенней. Организм сипала справился с отравой, силы прибывали стремительно, но веселиться рано: ночью было много работы. — Так сделаешь?

— Что?

— Вытяжку и отвар.

Дакенши подумал — и кивнул головой.

— Почему-то мне кажется, что всё необходимое я без труда найду в окрестностях. — Он хитро сощурился. — Похоже, к тебе благоволят боги, малыш.

— Я не знаю богов. И не называй меня малышом!

Удаляющийся хохот — и весёлое:

— Как скажешь... Малыш!

Ладар вздохнул. Похоже, гном решил взять над ним шефство. А ему это надо? Это ж наверняка работа со сталью, огнём и камнем — основными стихиями подгорного народа. Это силовые нагрузки и ритуальная магия. Ладар вновь вздохнул. Печалиться почему-то не получалось — получалось радоваться. Он обрёл друга — надёжного и крепкого, как скала. Но всё это приходилось отложить на потом: сейчас его ждала ночь, ждало небытиё.

Почему ночь и смерть так похожи? Не правы те снобы, что утверждают, что в ночи творятся непотребства, но правы мудрецы, утверждающие, что ночь — это время тайнств. Те, кто боится скрывающихся в ночи, считают тьму врагом, не понимая, что она столь же надёжно скроет и их — как и любого, принявшего ночь как друга, как защиту и подмогу. И сразу свет далёких звёзд станет ближе, и предметы обретут новые, необычные очертания, показывая скрытый смысл; можно почувствовать себя кем-то более сильным, а главное — более мудрым, постигнувшим тайны ночи. И вот одна из таких тайн.

Внутри каждого человека скрыто его начало и конец, его рай и ад, его жизнь, его рождение — и его смерть. Всё это есть в любом, но каждый ищущий находит что-то своё, то, что ему интересней и ближе. Кто-то бога, которому можно поклоняться, кто-то дьявола, которому можно служить. Ищущий новой жизни находит

её внутри себя, выпуская в мир — через чрево женщины, через перо и бумагу, через музыку и холст. И только ищущий смерть находит её, чтобы не вынести ничего, но вернуться преобразившимся, иным, не таким, каким был мгновение назад. Ибо познавший начало и конец, прошедший через конечные врата собственной души может преобразиться. Смерти не нужны деньги, слава, почести — и они бегут таких людей. Ему не нужны серые коробки стен, стальные — доспехов и шёлковые — одежд. Он уже был там и видел последнюю, деревянную коробку, в которую оденут любого. Побывавший за гранью становится иным, непонятным обычным людям, за что его считают ненормальным и посмеиваются, глядя со стороны: он любит жизнь. Умеет ценить каждое мгновение, безошибочно находя в нём самое лучшее: росинку на лугу, трепетание крыльев бабочки на ветру, усталость в мышцах после тяжёлой работы. Он упивается жизнью, как старым, выдержаным вином, которое пьют, смакуя, наслаждаясь каждым глотком. Можно прожить сто лет в суетной погоне за миражами — богатством, властью, славой, здоровьем. И не увидеть ничего. Можно прожить один миг, впитывая окружающий, спасающий, оберегающий тебя мир в себя — и познать неизмеримо много, столько, что хватит на целую вечность.

Звёзды кружили на небе свой вечный хоровод. Трава под головой одуряющее пахла свежим соком, и казалось, что ты чувствуешь вращение планеты, её бесконечный полёт сквозь пространство — навстречу новому, навстречу гибели, навстречу судьбе. Ладар закрыл глаза. Ночь окутала его защитным коконом — призрачным и иллюзорным, но тем не менее надёжно скрывающим свои тайны от непосвящённых. Сипал вступил на тропу — тропу тени, ведущую в глубь себя. Мимо разума,

дремлющего в объятиях ночи, мимо зверя инстинктов, скованного путами воспитания, необходимости, осторожности — скованного, однако не сломленного. Спи, зверь, и тебе найдётся применение, когда ярость схватки разобьёт твои оковы и придёт пора последней охоты. А сейчас — дальше, в глубь себя. В начало начал, туда, где ты уже умер и ещё не родился, в то место, которое всюду и которого нет нигде — в небытие.

Клубок без начала и конца, пустота, в которой содержится всё сущее, — Творец, скажи мне, создавая этот мир, ты нашёл такой же клубок и в себе?

Тонкая, призрачная, несуществующая нить. Или — существующая не здесь и не сейчас. Одна, вторая, третья. Теперь — более сложное. Свернуть их в единый жгут, подобно тому, как прачки скручивают бельё — нить теряет остроту, но жгут приобретает упругость и мощь. Теперь — самое сложное. Можно ли заменить волокна сухожилий жгутом небытия? Не все — через одно, перемежающее существующее с тем, что было или могло бы быть. Силу реальную и силу возможную. Скорость существующего тела и скорость мысли, могущей осуществиться.

Сколько можно скрутить таких жгутов за ночь? Десяток, сотню? Тысячу? Ладар не думал об этом — неподвижно лёжа на покрытой росой траве, он одновременно летел на вращающемся шарике в бездне вселенной и создавал иную вселенную — в глубине себя.

Утром Митч с трудом добудился своего подопечного. Костеря вполголоса неумёху-мага, он отпаивал его наваристым бульоном, заставлял есть вываренное, лёгкое мясо птицы, дабы не перегружать желудок. Всё напрасно: рядовой Рикс оставался сонным и вялым. Но когда мастер меча попробовал его ударить, ему пришлось резко взвинчивать восприятие: ответный

удар полуодохлого штрафника был неожиданно резким и сильным.

— Ладно, отдохай. Чтобы к обеду привёл себя в порядок, а я к Магрию наведаюсь. Спрошу, что это за отрава такая, после которой юнец дерётся как ветеран. Пара-тройка таких доз, и вполне можно сравняться с гвардейцем.

Учитель ушёл, а Ладар рухнул на траву: впереди было семь ночей, семь звёздных вечностей, семь шагов по тропе тени. Ещё там был турнир, взмахи меча и девушка с глазами цвета ночи.

Магрий, вдохновлённый неожиданным результатом, насел на штрафника всерьёз: почти после каждого приёма очередной дозы его лекарства Ладар проваливался в небытиё. В принципе он был бы не против — каждый проход по грани означал также и свидание с Илис, но та вела себя неожиданно: наскоро убрав мешающие сипалу яды, она начинала обучать его... бою. Причём совершенно не так, как это делал Митч: она начала с магии крови.

— Всё то, чему тебя обучаю — это несерьёзно. Да, ты поднимаешь быстроту и силу, а твой учитель даёт тебе нужную растяжку, позволяющую не пострадать на скростиах и гораздо более высоких, чем те, что тебе пока доступны, но пока это всё на уровне ума. Требуются месяцы, если не годы тренировок, пока эти движения перейдут на уровень рефлексов и станут по-настоящему опасны. Нельзя вести бой, обдумывая каждое движение, это превратит и мастера меча в снулью муху.

— Так что же, всё напрасно?

— Ну кое-какие полезные рефлексы у тебя есть. Кое что дал Айяр, побольше — тёмный клинок и те души, которые ты смог забрать из его пасти. Жаль только, что они слабенькие.

— Я запутался. Кто слабенькие, души?

Тихий, мелодичный смех.

— И души тоже. Что остаётся от рефлексов тела у шагнувшего за грань? Почти ничего, тень воспоминаний. Но я говорю о другом — чтобы твой удар стал по-настоящему опасным, ты должен привыкнуть выполнять его в бою. В полную силу, в полную скорость. Любое движение обретает уверенность после точных и многократных повторений. А боёв у тебя за плечами немного.

— Илис, не томи. Ты ведёшь к чему-то. А чему — я не понимаю.

Вновь смех, уже более громкий и — уверенный?

— Ты быстро учишься. Я веду к магии крови. К одному из её аспектов — к памяти.

— Памяти крови? Что это?

— Почему люди, рождаясь не один раз (ну если не все, то избранные), проживают разные жизни? Если душа одна?

— Потому что каждый раз они начинают заново, забыв обо всём.

— Да. Чтобы начать новую жизнь, нужно забыть об ошибках старой. По-другому не получится.

— И сила крови действует на людей? Заставляя забыть?

— Заставляет всё забыть смерть. И её действие совершенно — незачем душам страдать от незавершённости жизни. А кровь — это сила рода, сила поколений твоих предков, не ведающая о смерти ничего. Это даже не магия — скорее закон природы. Магия нужна, когда ты хочешь пробудить спящую в твоих жилах память живущих до тебя, их навыки и умения.

Ладар сожалеюще покачал головой.

— Мой отец — крестьянин. И его отец — крестьянин. И дед. И прадед. Никто из них не брал в руки меч.

— Сейчас, говоря о них в таком тоне, ты оскорбляешь память предков. — Впервые сипал видел Илис разгневанной. Волосы потемнели и удлинились, превратившись в плети мрака, глаза сверкали, поражая стены небытия, заставляя его корчиться и отступать. В руке сверкнул небольшой волнистый кинжал — тусклый, словно покрытый инеем, но тем не менее обжигающий взор. Впрочем, девушка успокоилась почти мгновенно, стоило ей увидеть распахнутые в удивлении глаза парня.

— Что, страшно? — Голос вызывающий... и чуть испуганный.

— Ты выглядела как настоящая валькирия. Девавоительница! — Восхищение Ладара успокоило Илис, и она продолжила, вертя в руках появившийся клинок:

— Тогда готовься. Это впечатляет даже здесь.

Волнистый клинок неожиданно оказался погруженным в запястье. Боль ожгла руку, однако сипал, прикрыв глаза, притушил ощущения, наблюдая за другим: снежинки инея с клинка, растапливаемые горячей кровью, неслись по его жилам, создавая какой-то непонятный узор. Тело ломило, словно кто-то тянул и тянул его внутренности — медленно и аккуратно, но непреклонно, переставляя их на новое, непривычное место.

— Всё! — Клинок исчез, растворился в сером мареве, и вместо него в руках девушки возник небольшой изящный меч. — Давай посмотрим, что получилось.

— Я ничего не чувствую. — Ладар изучал своё запястье, на котором алел сложный волнистый шрам, больше напоминавший ритуальный рисунок. — И чем мне драться?

— Вот этим. — Небрежный жест рукой и небытие родило боевой трезубец — улучшенный вариант обыч-

ных вил, которым вооружали ополченцев. Дубовую рукоять, окованную у навершия железом, венчали три лезвия — в центре более толстое и широкое и два более узких по бокам.

— Надо мной будут смеяться!

— Пусть смеются! Те, кто выживет, смеяться расхотят. Лови!

Удар — низкий, опасный. Такой отбить крайне сложно, проще отпрыгнуть подальше от сверкающего полукруга, не ровен час клинок соскользнёт, и остановившись лежать в луже крови с перебитыми ногами. Однако тело отреагировало само, пошёл встречный удар — такой же низкий и размашистый, словно в руке коса, и нет ни небытия, ни боя, только солнце над головой и трава под ногами. Мощный удар отшвырнул тонкий клинок в руках девушки, сверкнул тяжело и опасно, Илис взвизгнула, уворачиваясь, расплылась туманом, чтобы возникнуть дальше, у противоположной стены, и удивлённо присвистнула.

— А ты говоришь — одни крестьяне. В том и суть! Многие поколения твоих предков отточили свои, привычные им движения, передали их тебе. Сможешь ли ты их использовать — это уже другой разговор. Но мы постараемся.

И ночные встречи с Илис превратились ещё в одни, сложные и суровые тренировки. Здесь били без жалости; да, смертельный удар не убивал, однако по утрам на теле появлялись всё новые и новые шрамы. Ладар хмурился, застёгивая рубаху под горло, и спешил на очередное занятие с Митчем. После жёстких ударов Илис упражнения на растяжку казались отдыхом.

Известие о начале гладиаторских боёв принесло лишь облегчение. Утро, ненастное и хмурое, обещало очередной виток занятий, давно превратившихся

во что-то тяжелое и монотонное, когда посреди учебного лагеря возник небольшой портал, из которого вышли двое магов.

— В связи с празднованием временного мира, а также с целью поднятия боевого духа между странами Ронхар и Киргол начаты воинские соревнования — поединки. Из вашего подразделения заявлен один участник — рядовой Рикс.

Плечо ощутимо кольнуло, Ладар сморщился, потирая эмблему, и один из магов довольно улыбнулся, указав на него напарнику:

— А вот и наш подопечный. Идёмте, рядовой.

— Погодите, а вещи собрать?

— Какие вещи у штрафника? Оружие и любые магические амулеты брать не положено, традиционно на воинских поединках используется новое, неизвестное бойцам оружие. Питанием и подходящей одеждой вас обеспечат. Так что пошли!

Вновь стрельнуло в плечо, Ладар сморщился в ожидании новой порции боли и обречённо повернулся к порталу.

— Стойте! Выпивки ему на дорожку-то можно дать? — Запыхавшийся гном вынырнул из-за спин со служивцев. Он явно успел во время этого недолгого разговора сбегать куда-то за пределы лагеря и теперь дышал с трудом, хотя старался и не показывать этого. Но маги были достаточно наблюдательны.

— Ну-ка, и что пьют герои штрафбата? — Небольшая поцарапанная фляжка внезапно вырвалась из рук гнома и перелетела в руки старшего из магов. Тонкие, холёные пальцы отвинтили крышку, поднесли к рту...

— Тыфу! И стоило за этим нестись сломя голову! — Фляжка полетела в сторону Рикса, крышка — за ней. На этот раз без всякой магии, и поймать её было не-

сложно. Часть содержимого расплескалась, и все почувствовали запах крепчайшей браги. Торопливо закрутив, Ладар благодарно кивнул гному и шагнул в портал.

— Стройся! — Сборище людей, считающихся солдатами, пусть и штрафбата, поражало. Впрочем, одёрнул себя Рикс, сюда согнали всех, кого не жалко. А во время долгой войны, когда народу не хватает, не жалко только самые отбросы. Вот только что интересного в драках подобного сброва находят для себя благородные? Ответ нашёлся практически сразу: грязные приёмы! Один из штрафников, зашипев, обронил тонкое шило, сумев утаить его даже от магов-телеporterистов. Теперь он пытался ткнуть им соседа, и лишь вмешательство усиленной эмблемы спасло того от удара в спину.

Сержант, прикомандированный с десятком гвардейцев наблюдать за порядком, ухмыльнулся.

— Забыл предупредить! На время соревнований вас объединили в отдельное подразделение, а на случай провокаций добавили эмблеме команду пресекать попытки разборок друг с другом. А то знаю я вас, крыс: как соберётесь больше трёх, так сразу начинаются старые счёты, и не уследишь никак. Находились умельцы, обкусанным ногтем соседу горло вскрывали! Для верности: оружие получите строго перед поединком. Жить будете в этом бараке.

Небрежный взмах рукой в сторону неказистого строения недалеко от внушительного стадиона.

— У вас есть час — осмотреться, пока не прибыл никто из начальства и не запретил вам вход на арену. Кто не появится через час, того приведёт эмблема, со всеми вытекающими. Поединки будут строго индивидуальными, в день по десять человек, начиная с завтрашнего дня. Бои заканчиваются, когда остаются в живых

представители только одной команды. Выжившим срывают срок нахождения в штрафбате вдвое. Если у кого-то он меньше месяца — могут считать себя искупившими вину. Приёмы допускаются любые, необходимое оружие по вашему выбору предоставлят перед выходом на бой. Экзотика приветствуется и есть практически всё, от удавки до метательных игл, но я бы рекомендовал что-то более зрелищное. Иначе благородные могут оказаться недовольны поединком, а что такое недовольство благородных, вы уже знаете.

Дождавшись несколько кривых ухмылок, сержант распустил строй и не спеша пошёл к гвардии — обсуждать предстоящие бои и, возможно, делать ставки. Уже несколько раз Ладар ловил на себе пристальные взгляды военных — наверняка многие в курсе сразу трёх вызовов, брошенных вражескими бойцами зелёному новичку.

Стадион поражал. Он был построен основательно, причём уже довольно давно. Массивные каменные блоки поднимали зрительские трибуны, высились вверх, создавая преграду против возможного вероломного нападения. Одна страна — против другой. Словно два затаившихся зверя, готовых броситься по малейшей команде друг на друга, чтобы кусать, грызть рвать на части. И в центре, между ними — жёлтое пятно арены. Место, где льётся кровь и бушуют страсти. Словно даже временное перемирие заставляло знать тосковать по смерти.

Ладар вздохнул и пошёл искать укромное местечко: нужно было разобраться с фляжкой гнома. На первый, даже магический взгляд, она была самой обычной, может, чуть тяжелее, чем нужно, но кто интересуется весом фляги, пока она не опустеет? Это идея! Торопливо слить перекисшую брагу на землю, отойти подальше от тяжёлого запаха застоявшегося эля, потрясти для вер-

ности. Так и есть! Фляжка опустела едва ли на треть! Значит, должны быть ещё отделения. Гном выполнил своё обещание, нужно теперь лишь понять, как открыть хитроумный запор, не повредив содержимого? Помог навык вскрытия магических замков: примерно через полчаса Ладар довольно изучал два новых отвода, из которых тянуло нужными ему настоями. Фляга оказалась по-гномьему хитроумной: из одного и того же горла можно было пить три разных жидкости. Удобно, практически... и смертельно опасно в умелых руках. Но главное: две другие жидкости были именно теми, которые были нужны сипалу. Теперь он мог в очередной раз пройти по грани.

— Подъём! Рядовые: Кирик, Косой, Тарил... — Шёл третий день боёв. После первого были только трупы, победил Ронхар. На второй крысы-штрафбаты вгрызлись в горло врага, и троих раненых пронесли мимо барака. Один был без руки, с костью, выпирающей под запёкшимся мясом. Другой — с перегрызенным горлом, только вмешательство мага-лекаря спасло ему жизнь. И наконец, победитель: с трудом ковыляющий здоровенный детина, весь поросший чёрной шерстью. Проткнутый в дюжине мест, он умудрялся рвать противников голыми руками.

После этого при оглашении очередных участников вздрагивали все: и бывалые трущобные волки, пойманные на месте преступления и отправленные прямиком в штрафбат «искупать вину», и зелёные новички, ничего не понимавшие и смелые своей наивностью.

— Рикс? — Сержант остановился возле Ладара и почти равнодушно смотрел, как очередной десяток, подталкиваемый древками гвардейцев, бредёт к стадиону. — Ваши поединки завтра. Перед началом вас

навестит маг... с известным вам зельем. Льер Датим обещал вам пару клинков лучше местных, один передам вам лично при выборе оружия, второй будет на случай поломки первого.

— Спасибо, сержант. Если возможно, у меня к вам просьба: мечи мне не нужны, подберите лучше боевой трезубец. Потяжелее и потолще.

Глаза гвардейца вытянулись в безмолвном удивлении.

— Вас же тренировали с мечами! И Льер Датим...

— Я знаю. И льер Датим, и вы, и вся гвардия, и все маги, наши и вражеские, и мои противники. Так пусть им будет сюрприз.

Сержант сощурился.

— Это несколько меняет расклад ставок. Трезубец — смешное оружие для крестьян. Не боишься проиграть?

— Вы опытный воин, это сразу видно. На мечах у меня против вас нет никаких шансов. А на трезубце — есть?

— Трудно сказать. — Пожилой вояка задумчиво почесал затылок. — О тебе идёт молва, что ты горазд на выдумки, да ещё оружие незнакомое...

— Вот пусть и мои противники будут так же растерянны.

Сержант хитро прищурился.

— Ты удивил меня. Пожалуй, я подберу оружие лучше и промолчу об этом. До поры. А ставку сделаю побольше.

— И каковы ставки?

— Два против того, что выдержишь один бой, четыре, что одолеешь двоих, и восемь — что уложишь всех.

— А сколько дадут, если поставить на то, что я останусь жив?

— Парень... Но ведь это невозможно!

— Помогите мне, сержант. С хорошим трезубцем, и, если возможно, предупредите о появлении мага... с зельем для меня. И я не просто удивлю — я поражу вас.

Пожилой вояка изучающе посмотрел на штрафника.

— Не боишься говорить мне такие вещи?

— Вы вроде упоминали, что за меня просил льер Датим?

— Уел! — Сержант рассмеялся. — Льера все уважают, он сберёг много солдатских жизней. Я сделаю, что ты просишь... и поставлю пару золотых на твою жизнь.

Гномы отвары оказались до ужаса горькими. Вытяжка златокровки обожгла горло, ухнула вниз смертельным подарком, побежала по жилам кусочками чужого небытия. Отвар целемы рванул следом, останавливая действие смертельно опасного яда, вступая с ним в противоборство. Очаги борьбы самого убийственного и самого целебного из напитков подгорного народа расползлись по телу человека, заставляя его дрожать, как в лихорадке. Ладар полностью перестал его контролировать: вместо этого, прикрыв глаза, он внутренним взором изучал картину борьбы, примеряясь, как помочь собственной жизни.

— А вот и наш молодой человек! Нет, вставать не нужно, очень удачно, что вы лежите. Выпейте! — В губы ткнулась склянка с резким запахом. С трудом раскрыв рот, сипал заставил себя сделать несколько глотков.

— Замечательно. Постарайтесь полежать ещё немного, не двигаясь: минут десять вас потрясёт, а затем литор полностью усвоится — и до вечера вы будете полны сил и энергии. Удачи, юноша. — Шаги Магрия стихли в отдалении, и Ладар торопливо принялся за

дело: небытиё тонким покрывалом отрезало лitor, не успевший всосаться в кровь, создав в желудке комок со смертельно опасной жидкостью. Остатки же... Златокровка и целема, забыв собственные распри, накинулись на пришельца. Они гибли сами, уничтожая чуждый им отвар, но губили и его. То немногое, что выжило, вновь поглотило небытиё.

— Ну как, Рикс, чувствуешь прилив сил?

— Ага. Такой прилив, что в туалет тянет, спасу нет. — Ладар встал и торопливо заковылял к вонючему деревянному домику. Старое и загаженное штрафниками строение имело одно достоинство: просто так, из досужего любопытства, сюда никто не сунется. Затолкав пальцы в рот, Рикс вызвал спазм и протолкнул вдоль судорог пищевода комок небытия с лitorом. Уф! Будем считать, что он уже на тонком, чуть подрагивающем клинке. Бег по краю начался.

— Первый бой! Рядовой штрафбата королевства Киргол Ладар Рикс и рядовой штрафбата королевства Ронхар Антли Меченый.

Родерик пятый, единовластный и суверенный правитель собственного королевства, был в ложе не один. Конечно, король редко бывает один: вокруг него всегда толкуются придворные, маги, военные, пара-тройка сыновей, из тех, что посмышлённей. Но сегодня кроме магической линзы величиной в человеческий рост, позволяющей детально увидеть все подробности каждого поединка, была установлена ещё одна: для разговоров со своим братом, королём Ронхара. Вы говорите, идёт война? Ну и что! Короли — они всегда братья!

— Ого! Кажется, этот твой Антли из гвардейцев! Вроде как это не по-джентльменски — отправлять гвардию на такие бои?

Человек в дорогой мантии, сидящий по ту сторону переговорной линзы, король Ронхара, Ирий четвертый, ухмыльнулся.

— Бывают исключения. Он напился, как свинья, и полез к моим фрейлинам. То есть к фрейлинам одной из моих жён, конечно. Ну я и отправил его охолонуть в штрафбат, раз передовая сейчас пристаивает.

Теперь усмехнулись оба короля. Несмотря на закон, позволяющий королям иметь не одну жену, было неприличным иметь их слишком много, да и опасно для короны. Три-четыре, самых сильных и здоровых, чтобы обеспечить трон преданными сыновьями... Для остального годились и фрейлины.

— Выбор рядового Антли — полуторный меч!

— Выбор рядового Рикса — трезубец!

Оба короля разом посмотрели каждый в свою линзу, показывающую бойцов вблизи. Один из них, одетый в чёрно-жёлтые цвета Ронхара, легко поигрывал огромным мечом, разрезая им воздух с чуть шипящим свистом. Второй, одетый во всё чёрное, стоял, заведя тёмное древко за спину, и лишь у самых его ног виднелись три толстых лезвия.

— А я думал, что это будет интересный бой. — Ирий зевнул. — Этот боец — неудачный выбор, брат. Против опытного мечника — крестьянин?

— Действительно, скучный бой. — Вглядевшись в линзу, Родерик кивнул. — К тому же ты, брат, всё пропустил.

Ирий уже не слушал. Он прикипел к линзе, где опытные маги повторяли картинку боя, уже медленнее. Бой действительно был коротким: опытный мечник, похахатывая, идёт вперёд и быстро и злостно делает выпад, целя деревенщина в брюхо. Но древняя рогатина внезапно оживает и, подхватив меч, уводит его

вверх, резко и быстро, не давая времени опомниться и освободить оружие. Старое, крестьянское движение. Таким во всех деревнях закидывают солому на крыши домов, латая прорехи после дождей, а во время страды, делая скирды или утрамбовывая сеновал, только так постоянно и работают.

Крестьянин шагнул вплотную, не давая освободить меч и поднимая трезубец максимально высоко. Гвардеец попытался выхватить кинжал, но не успел: Рикс без всякого почтения к оружию отпустил древко и, обхватив противника за шею, резко повернул вбок и вниз, ломая позвоночник. Сильные руки, привыкшие к крестьянскому труду, словно и не заметили гибкой кольчуги: созданная отражать уколы, она оказалась плохой защитой против скручивания.

— Примерно так наши крестьяне укладывают скирды. — Родерик ухмыльнулся, разглядывая картинку.

— Ни один крестьянин, с его сивыми лапами, не может действовать на таких скоростях! — Ирий сидел весь красный и недовольный. Его сиятельный собеседник лишь пожал плечами.

— Бывают исключения, брат, сам только что это говорил. Смотрим дальше?

Следующий противник был осторожней. Он выбрал огромный двуручник и без устали махал им, создавая сверкающее колесо. Попади под такой удар не то что древко — стальные зубья, неизвестно: выдержат ли. Гвардеец был быстр. Очень. И всю свою силу и быстроту вкладывал в сверкание клинка, опасаясь непонятных и незнакомых ударов. Рикс отбегал, пряча трезубец за спиной, отпрыгивал, уворачивался, прекрасно понимая: опаска сыграла с гвардейцем злую шутку. Тот ревел, сыпал проклятиями на юркого противника, уклоняющегося от боя, но Ладар пропускал слова врага

мимо ушей и лишь внимательно следил за движением тяжёлого двуручника. И дождался: на одном из взмахов клинок чуть промедлил. Совсем немного, на один удар сердца, однако этого хватило. Ладар отскочил в сторону, пропуская ставшее медлительным оружие, и привычным, быстрым движением, каким крестьяне вгоняют вилы в готовый стог, пронзил бедро замешкавшегося противника. Тот взревел, не обращая внимания на боль и кровь, кинулся на своего врага, но смог поймать лишь воздух. Непонятный, опасный крестьянин уже отскочил и теперь спокойно стоял на краю арены, ожидая, когда боль и кровопотеря сделают своё дело и превратят сильного и умелого бойца в лёгкую добычу.

— Маршал, напомните мне, кто придумал вооружать крестьян трезубцами? — Родерик откинулся в кресле и не спеша кидал в рот одну виноградину за другой, глядя, как человек на арене истекает кровью.

— Генерал Плимунт. Во время войн прошлого столетия он вооружил ополчение подобным оружием и утверждал, что они в состоянии противостоять регулярным войскам. Но попытка провалилась: бездоспешных крестьян вражеские лучники выкосили раньше, чем дело дошло до рукопашной.

— Над этим стоит поразмыслить. Что скажешь, брат мой?

Ирий с трудом приходил в себя. Кровь понемногу отливалась с его щёк, и он наконец выдавил:

— Я требую проверки! Вы напоили этого мозглика литором! Не мог обычный крестьянин противостоять опытному воину!

— Зачем горячиться? Разве это запрещено?

— Есть же негласный уговор! Если всех поить литором, толку не будет, они останутся по-прежнему равны по силе, а вот мы ничего не рассмотрим!

— Такой же уговор, как и не отправлять гвардию в штрафбат? Причём, насколько я понял, — личную гвардию? Уж больно хорошо вы, брат мой, знаете всех этих штрафников.

Ирий угрюмо промолчал, с усилием сдержался, затем заговорил:

— Пусть пока другие штрафники выясняют, кто круче. Ваш крестьянин отдохнёт, и его обследуют ваш и мой маги. По закону я имею право на такое требование. Если выяснится, что в его крови есть литор, то следующий его противник так же будет под действием этого зелья.

— Насколько я помню наставления собственных учителей, такие вещи не делаются ни за час, ни за день! Литор строго индивидуален! Где вы возьмёте сей напиток для своего бойца?

— Неважно! — Ирий угрюмо смотрел в пол. — Вы дадите добро на обследование этого вашего... Рикса или нарушите законы соревнований, а значит, и законы перемирия?

— Обследуйте. — Родерик угрюмо посмотрел на стоящего рядом с ним мага. Тот виновато пожал плечами.

— Ваше величество, если бы этот сын крестьянина выбрал мечи, как ему и было сказано, действие литора оказалось бы незаметным. А так — его необычность слишком сильно бросается в глаза.

Двое магов обследовали Ладара около часа. Вдоль его тела ходили мягкие волны, легко огибая структуры охранных заклинаний эмблемы. Это явно были опытные лекари, которым не впервые было лечить солдат. Один из них мимоходом исцелил глубокую царапину на ноге, только переставшую кровоточить и начавшую покрываться свежей корочкой. За это сипал был

им благодарен, но в остальном не обращал внимания: откинувшись на небольшом лежаке, он максимально расслабился, выпрямляя сбитые быстрыми и яростными движениями мышцы. Наверняка третий противник будет самым опасным — возможность хоть немного отдохнуть и сделать мышцы мягкими и гибкими была подарком небес.

— В нём нет литора? — Родерик был поражён даже больше своего сиятельного соперника, однако тому было не до наблюдений: досада на его лице сменялась растерянностью. Ирий явно не знал, что делать: даже если и был заготовлен литор для группы штрафбата, применять его теперь, после собственных опрометчивых слов стало равносильно «потери лица» и ударило бы напрямую по королевской репутации.

— Мы обнаружили в теле рядового остатки златокровки и целемы. Словно кто-то пытался отравить этого человека, но ему вовремя дали противоядие.

— Отравить? — Родерик в задумчивости пожал губу. — Нужно провести собственное расследование. Это вроде как неспортивно — травить бойцов до начала боя, Ирий?

Тот в возмущении вскинул голову.

— Королевство Ронхар не имеет к подобным методам никакого отношения. Если хочешь, я пришлю в помощь твоим дознавателям парочку собственных. И вообще — откуда у меня рецепты зелий подгорного народа?

— Ну это тайна невеликая. — Родерик улыбнулся. — Гномы ими не раз торговали, и наши алхимики давно разобрались в составе. Будем продолжать — или признаёшь поражение?

Ирий возмущённо фыркнул.

— Мой третий боец порежет твоего крестьянина на мелкие ленточки. Готовься. Совершенно неожиданно

у меня проштрафился Дориан Двойной Клинок. — Он гаденько ухмыльнулся и со значением посмотрел на удивлённого собеседника.

Дориан был потомственным дворянином. В его семье случались и короли, да и богатством она могла поспорить с самыми обеспеченными семьями многих королевств. Мужчины этой династии были сильны и стремительны, женщины — стройны и прекрасны. Шептались, что в жилах у них текла капля крови перворожденных. Но самому Дориану не повезло. У мальчика с ранних лет обнаружился незаурядный магический талант — вот только направлен он был против магии. Ребёнок оказался невосприимчив к любым, даже самым сильным и изощренным заклинаниям. Для ребёнка, мечтавшего о славе первого бойца континента, а то и всего мира, это стало трагедией — никто, никакой маг жизни не мог сделать это быстрее и сильнее, чем ему было дано природой. И тогда он поклялся, что несмотря ни на что станет лучшим клинком мира. Изнуряя себя в постоянных упражнениях, кидался из поединка в поединок, словно смеясь над опасностью: ведь даже самый пустяшный порез на его теле должен был заживать сам, без помощи магов жизни. Любой изменённый для него был вызовом сам по себе.

И — странное дело: он побеждал. Годы изнурительных занятий, особая техника — даже мастера меча старались его не трогать. Выбившись в генерала гвардии королевства Ронхар, он немного утих, но даже войну рассматривал как ступень в своём развитии — в поисках противников, способных обучить его чему-то новому, первый мечник королевства бросал гвардию в самые отчаянные атаки. И побеждал. О нём ходила страшная слава вампира, питающегося мастерством поверженных врагов.

Когда Ладар вышел на поле, трибуны молчали. В центре арены, обнажив два небольших клинка, его неторопливо ждал гибкий и поджарый мужчина, повадками напоминающий большую кошку. Несспешные, аккуратные движения, мягкая поступь... И наверняка стремительная атака.

Отсалютовав ему одним из клинков: дорогая вязь, прекрасная сталь, явно штучная работа, он заговорил, и в словах его звучала горечь:

— Они прислали мне мальчишку. Обещали мага неведомых сил, затем фанатика, бьющегося под действием литора, а прислали мальчишку-крестьянина с вилами.

Ладар пожал плечами, внутри потихоньку закипала обида, но он притушил её: противник перед ним был по-настоящему опасен — и во многом прав.

— Во всяком случае, для двоих гвардейцев перед вами хватило и этого.

Дориан рассмеялся.

— Ох уж мне эта гвардия! Только и могут, что по кабакам шляться, а разговоров-то, разговоров. Ладно, юноша, посмотрим, из чего вы сделаны...

Он взорвался вихрем движений, заставляя противника уйти в глухую оборону. Клинки у мечника были действительно замечательные: уже через пару минут, глухо звякнув, отвалилось одно из боковых лезвий трезубца, за ним — второе. Ещё пара ударов — и трезубец превратился в обычную палку. Ладар, лихорадочно вспоминая уроки Айяра, попытался работать ею как шестом, но очередное лёгкое движение — и вот уже в руках две бесполезные деревяшки. Отбросив их в сторону противника (Дориан даже не пытался отбить, просто чуть сдвинулся, равнодушно пропуская обломки древка), Ладар потянул из-за пояса старый нож.

— А ты упорен. Лет десять занятый — и ты стал бы мне достойным противником. Даже жаль, что я должен тебя убить.

Короткий всплеск клинка — и вот уже к груди сипала несётся остро отточенное лезвие. Три шага. Два. Оно вплотную... Стены небытия, пока призрачные, простили сквозь песок арены. Время притормозило свой бег, показывая изнанку действительности: тонкие, призрачные нити, тянувшиеся ко всему живому, странные всполохи непонятных энергий и разрезающий всё это тонкий клинок врага. Рядом с Ладаром возникла небольшая тень, в которой был мрак и пустота — и он, не раздумывая, шагнул туда. «Сипал всегда может укрыться в тени своей тропы».

Мечи Дориана разили. Они были всюду. Глазам смотрящих было больно от обилия солнечных зайчиков, летящих от двух лезвий, внезапно превратившихся в сотню. Но всё казалось напрасным.

Наглый юнец всегда оказывался не там, где должен был быть. Выверенные, проверенные в сотнях боёв приёмы буквовали, а на теле появилось уже несколько порезов. Мечник закипал. Он видел: в новичке не было неповоротливости крестьянина, однако не было и скорости изменённого. Пожалуй, он, Дориан, был быстрей. Но весь его опыт, его десятилетиями наработанные науки были бессильны против неправильной, ломаной системы боя, предложенной ему его противником. Он двигался неравномерно: то быстро, почти смазываясь в цветную ленту, то практически замирая... и попасть в него оказывалось необычайно сложно, именно когда он стоял. Словно бьёшь в полном мраке наугад, не видя и не слыша противника. А его клинок? Обычный, ничем не примечательный трудяга, поставь его на пути хорошего меча, тот разрубит, и даже зазубрин не останется. Нет! Этот кусок ржавого железа умудрялся гасить им

его тщательно выверенные связки так, что они пропадали впустую, одним лёгким касанием.

Дориан начал взвинчивать темп. Ускорялся, прекрасно понимая, что не выдержит на таких скоростях больше одной-двух минут, ужасно жалея, что не выпил давно припасённой акрины перед боем. Её он составил уже давно, собственноручно, предпочитая возможному поражению — смерть. Желание выиграть было выше желания жить, и сейчас он ставил всё на выверенный, не раз помогавший взмах меча. Движение. Обманный удар понизу, небольшой и внешне неуклюжий. Второй — прямой штыковой, словно копьём пронзить. Увернулся. Вновь в ноги, пусть попрыгает, задохнётся. Ещё удар, в лёгких не хватает воздуха, ещё мгновение — другое и суставы затрещат, не выдерживая предложенного темпа боя. Последний, отчаянный удар. Туда, куда противник не ждёт, этот необычный крестьянин только приземлился после очередного прыжка, он достаточно неуклюж и не способен отпрыгнуть или увернуться. В ноги. Длинный, уверенный выпад.

Странный крестьянин не стал отпрыгивать или уходить в сторону. Вместо этого он шагнул вперёд, пройдя рядом с блеснувшим клинком так быстро, что тот на-прочь разрезал неуклюжую, латаную кольчугу. Вдоль неизвестно откуда взявшейся тёмной нити, входящей прямо в сердце мечника. Именно туда вошел и небольшой щербатый нож. Не произведение искусств подгорных мастеров — обычный нож новобранца. И последнее, что он увидел гаснущим взором: прекрасная темноволосая девушка с состраданием на лице и её раскрытая ладонь, протянутая к его груди.

— Ты далеко пойдёшь, если выживешь. — Датим хмурился, но по глазам было видно: доволен. — Впервые на моей памяти такое, чтобы дневные поединки

прервали до полной смерти одной из команд. Ну это понятно: после Дориана всех остальных ты положил бы одновременно, не напрягаясь. Как себя чувствуешь?

Ладар с трудом покачал головой, показывая: не очень. Его всего тряслось, был озноб, как в лихорадке. Срочно вызванный маг констатировал небывалое: сильнейшее истощение организма плюс нарушения мышц и связок по всему телу. Подлечил, но чисто символически, жалея ману на штрафника, и теперь Ладар с трудом сидел в телеге, не давая себе соскользнуть в омут беспамятства. У ног лежал небольшой, но туто набитый и тяжёлый мешочек: сержант честно поделился с ним выигрышем. А может, и не совсем честно: вид у него был как у кота, дорвавшегося до сметаны, сытый, довольный и виноватый одновременно. Но и то верно: на что штрафнику деньги?

— Ладно, герой, лечись. Через неделю перемирие заканчивается, чую, придётся вас в другое место перебросить, а то житья вам не дадут. — Датим замолк, что-то прикидывая, и Ладар, с трудом справившись с дремотой, приподнял руку, привлекая внимание собиравшегося отъехать аристократа.

— Скажите честно: информация о тренировках с мечами и литоре — ваших рук дело?

Дождавшись утвердительного кивка аристократа, чуть виноватого, но по-прежнему довольного, продолжил:

— Вы вычислили крота?

Датим пожал плечами.

— Можно сказать, что ты вычислил. Когда ты заговорил о собеседнике, требующем курьёзов из военной жизни, у меня мелькнуло подозрение. Проверка — это всего лишь дело техники. Слить разные вещи разным людям, лучше правдивые, чтобы не вызвать подозре-

ний, и подождать, что же станет известно... Как обычно — женщина. Взяли, перевербовали, теперь активно сливаем дезу. Спасибо.

— Это имеет смысл лишь в том случае... — Спазм кашля сжал горло, не давая закончить мысль. — Только тогда, если вы взяли второго. Иначе это бессмысленно.

— О втором — забудь! Узнаю, что говорил о чём-то подобном, и следующее задание станет последним! — Глава разведки резко развернул коня и поскакал в сторону от телеги, слыша позади кашляющий смех и тихие слова:

— Вы сами боитесь признаться себе в собственных подозрениях.

В лагере его тут же подхватил смерч: сразу несколько рук вцепились в него, принявшие сжимать и тискать в объятиях, словно проверяя: не дух ли их вернувшийся друг? Ладар охнул: слабых среди его сослуживцев не водилось, а подгорный народ так вообще славится силой.

— А мы переезжаем! Приказ пришёл! Неожиданный! Непонятно почему! — Гном тараторил, но в глазах стоявших рядом Ируга и Айара не было осуждения.

— Как раз почему понятно. На нашего счастливчика теперь начнётся форменная охота, его местоположение — теперь козырь в игре сразу нескольких разведок. Потому и перемещаться будем не порталом, а обычным обозом. Портал легко отследить, а обозов в перемирие ходит масса. Ладар, как ты себя чувствуешь?

— Получше. Слабость только. Сейчас встану...

— Ни в коем случае! Лежи! Льер Датим распорядился, что если ты будешь не в состоянии идти, предоставить тебе отдельную, полную сена телегу. А нам она очень нужна — помнишь склон?

Ладар удивлённо посмотрел на друзей:

— Предлагаете всю дорогу изображать из себя умирающего?

— Ты погоди изображать! — Вакенши, словно желая подбросить в телегу сена, подоткнул под бок ещё одну охапку, и в спину парню воткнулось что-то тяжёлое и угловатое. — Вот потрясёшься на железе пару вёрст, и ничего изображать не придётся.

Он оглушительно захохотал и вальяжно направился к опушке — за лесным «сеном». Улыбнулись и остальные: Ладар неуверенно, Айяр с Иругом — снисходительно.

— Вы рассказали ему?

— Попробуй спрячь что-то от гнома под землей! — Айяр рассмеялся. — Зато получилось тайна за тайну: увидев в его руках клинок из нашего скорона, мы сразу поняли, кто он. Такие бойцы нам нужны.

Телега неспешно катилась по утоптанной земле, две грязно-жёлтые полосы которой должны были обозначать дорогу. Ладар лежал на куцем кочке сена, чувствуя рёбрами выпирающие железки, и весьма натурально постывал, чем веселил Ируга, сидящего на козлах. После тщательного обследования и пусть не слишком грамотного, но столь же тщательного лечения он чувствовал себя вполне здоровым, да и отставной маршал был того же мнения. Однако коль всё сорвало так удачно: необходимость перевозки скорона и вердикт официальных магов, запрещающий лишние нагрузки — лежи и изображай умирающего, помогай соратникам хотя бы этим.

Дорога была ровной: стараниями полковых магов вдоль прифронтовой полосы всегда шли две колеи земли, выровненные и уплотнённые, позволяющие при необходимости быстро перебросить войска с одного участка на другой и облегчающие работы отрядам

снабжения, снующим от фронта в глубь страны и обратно. Ладар умудрился даже закемарить, несмотря на уставшие рёбра, но ненадолго: на одном из поворотов телегу ощутимо тряхнуло, он ухватился за борт, пытаясь смягчить толчок, и увидел необычную личность, неутомимо вышагивающую рядом с ним. Немолодой жрец, лет сорока, в поношенной сутане, с бородкой, побитой первой сединой, но ещё крепкий и сильный, шёл в глубине отряда, явно считая себя его частью.

Ладар почувствовал себя неуютно. У них в деревне был один служитель богов — седой и дряхлый, он кричал на селян по выходным пронзительным голосом, обвиняя их во всех грехах, а потом отпускал их, небрежно принимая немногочисленные крестьянские дары. Все его побаивались и старались лишний раз не задевать и пониже кланяться, проходя мимо. Жрец в их представлении был даже выше короля, чем-то оклобожественным и мистическим. А тут — идёт рядом, на природу любуется.

— Здравствуйте, святой отец. Можно узнать, что вы здесь делаете?

Жрец повернул голову в сторону лежащего и, улыбнувшись, произнёс:

— А не вредны ли тебе, чадо, разговоры? Твои товарищи говорили что-то о жестоких боях, в коих ты участвовал.

Рикс поморщился. Торжественные слова, подходящие для храма, показались странными и неуместными в чистом поле.

— На мне всё заживает, как на тролле. Не беспокойтесь, разговоры ещё никому не вредили.

Жрец вздохнул.

— Если бы так. Последнее время я всё чаще думаю, что именно в разговорах кроется большая часть людских бед. Я сам, например, имел неосторожность

поговорить с вышестоящими на острые темы — и был лишен сана. Не замолчал — и вот уже здесь, буду воевать с доблестными воинами.

Ладар фыркнул.

— Это только глупцы могут думать, что в штрафбате сидят исключительно невинные овцы, пострадавшие за чужие грехи. На большинстве тут клейма негде ставить, да они этого и не скрывают. А уж про доблесть я вообще молчу.

В ответ — прищур лукавых глаз.

— Я слышал иное. О подвигах, совершаемых горсткой отчаянных смельчаков.

— Вам поставили клеймо, святой отец?

В ответ жрец сдвинул сутану, и на солнце блеснул, вставая на дыбы, лев с оскаленной пастью.

— Я лишен сана. Зови меня просто Фодр. И потом, мне говорили: это отличительная эмблема королевских войск. Зачем говорить о клейме?

— Этот милый рисунок запросто убьёт вас, если вы не выполните приказа. Стимул не слишком приятный, но действенный.

— Да... раньше было не так.

— Раньше? В прежние войны?

Фодр согласно кивнул головой.

— Лозунг «Сделай или умри» нужен для исполнителей. Прежние короли... и жрецы говорили иначе. Когда на страну надвигалась беда, они говорили: «Умри, но сделай!». Может, потому и длились войны месяцы, ну годы, но никак не столетия...

Он замолчал, погрузившись в свои мысли, а Ладар принялся сравнивать две коротких фразы, прокручивая их в голове. Две фразы, в каждой — по два одинаковых слова. Мысли вертелись в голове, тяжёлые, словно кирпичи, а когда понимание обожгло их, парень чуть не задохнулся.

— Вы хотите сказать, что раньше воевали иначе? Без клейма? И воин сам решал, как выполнить задачу?

— Ты тоже решаешь сам. — Ируг недовольно поёрзal на козлах. — Разница только в том, что у тебя нет возможности манёвра, ты не можешь отступить и перериграть, если что-то пойдёт не так.

— Людей лишают выбора, заставляя быть послушными, даже когда они идут на смерть. — Голос жреца взвился, но тут же оборвался, зазвучав глухо и надтреснуто. — Именно за мысли на сей счёт меня лишили сана.

— Вы думали о клейме?

— Нет, чадо. Я ничего не знал об организации военных действий. Я думал о вере, о том, какой она стала.

— Так в церкви никто клейма не ставит!

Фодр улыбнулся. Немного иронично и печально.

— А зачем? К чему тратить магию и силы, когда с детства детей воспитывают с клеймом в душе? Раньше говорили, что люди — это божьи дети. Затем по немногу мы стали рабами, овцами божьими, а он — нашим пастырем. Раньше человек знал, что богу нужен он — умный и сильный, дабы улучшать землю и сиять вместе с ним в вечности. Сейчас от верующего требуют одного: послушания. Будь послушен, и бог сам сделает тебя и умным, и сильным... Только будь послушен! И я, грешный, решил, что это нужно не богу, а правителям на земле.

— Ну тогда понятно, за что вас отправили сюда! Есть же свод правил, заповеди, они во всех священных книгах написаны!

Жрец вздохнул.

— Дитя. Ты и правда думаешь, что господу важно, когда и как ты ему молишься? Он судит людей по делам, слова ему не важны!

— Ну там же и другие правила, верные: не укради, не убий... — Ладар осёкся, и Фодр понимающее кивнуло.

— В правилах написано одно, а церковь призывает к другому. А истина вообще в третьем: правила нужны тем, у кого нет бога в сердце. Нет таких правил, которые могут предусмотреть все случаи в жизни.

— И как запустить бога в себя?

— Найти его. Не в книгах и не в церкви, а в мире вокруг. Найдёшь — сможешь понять, где твоё место и чем ты можешь помочь Создателю всего сущего. Ведь его храм, его детище, сама его жизнь — это весь мир, а не разукрашенная комната.

— Странно, что вас не сожгли. — Айяр внезапно оказался совсем близко, с другой стороны телеги. — Исследовать бога не в церкви... за такое сжигали и в более благополучные времена.

— Они не хотят порождать мученика. — Фодр внезапно закашлялся — долго, с надрывом. — Вначале меня перестали лечить, однако болезнь убивает долго. Война — быстрее.

— А вы способны взять в руки оружие? — В голосе Айяра слышалась ирония.

— Вряд ли. Но я надеюсь всё же умереть правильной смертью.

— Не бывает правильной и неправильной смерти. Смерть — всегда смерть, конец всему.

— Нет! — Два голоса слились в один — пожилого священника и вчерашнего крестьянина. Рикс, смутившись, замолчал, а Фодр продолжил:

— Большинство людей умирает неправильной смертью. Смерть от старости и дряхлости, когда человек бежит, наукой и магией оттягивая неизбежное; смерть в молодости, когда ничего не достигнуто в жизни; смерть с сердцем, отягощённым прожитыми годами

и собственными деяниями; смерть с грузом страстей, когда так не хочется расставаться с тем, что награбил, накопил, наворовал... Шагнуть за порог можно по-разному, но умереть, вобрав в себя весь мир, очистив собственные помыслы, с кристально ясными мыслями и смело глядя вперёд, навстречу неизбежному — такая смерть представляется мне хорошим итогом жизни. С прошлого месяца, подав верховному жрецу свой труд «О природе бога и ошибках церкви», я готовлюсь к такой смерти.

Все замолчали, глядя вперёд на дорогу. Опытные воины, ходящие по краю со смертью наперегонки, никогда не рисковали смотреть ей в лицо. За исключением одного молодого крестьянина.

Новый лагерь поразительно напоминал старый. Луг, землянка, сложенная из толстых брёвен, и десяток палаток для тех, кто не отвоевал себе места поспокойней и позащищённей. Только тут не было прямой дороги к противнику — вражеские армии разделяла река. Вздохнув, Ладар по привычке направился к ближайшей к передовой палатке.

— Погоди, давай посмотрим землянку. — Тонкая кисть легла ему на руку. — Здесь нет специальной ловушки, дополнительных защит и всего такого — обычая часть. Тут могут и напасть, если подловят момент и вскроют стандартную оборонительную магическую схему. Дополнительная подстраховка нам не помешает... Если эта хатка не слишком загаженная.

Землянка оказалась чистенькой и уютной. Возможно, раньше тут был не штрафбат, а рядовая, патриархальная рота, где вчерашние крестьяне добросовестно наводили порядок — и столь же добросовестно погибали под вражескими стрелами. Небольшая, пять на десять шагов, она могла с относительным комфортом

разместить трёх-четырёх человек — или в ней могли расположиться два десятка, как это и произошло сразу по прибытии штрафников в часть. Перемирие не прошло для Хорька даром. За время вынужденного бездействия тот сколотил из отбросов, которыми так славился штрафбат, свой собственный отряд, или, вернее, банду. Ему назначили не столь уж большой срок, плюс два месяца перемирия. Хорёк был умён и рассчитывал дотянуть до возвращения в строй, просто ставя между собой и смертью живую стену из сколоченной наспех стаи. Сейчас его отряд, составляющий практически всё последнее пополнение штрафной роты, чуть больше двух десятков человек, пытался расположиться в небольшой, но неплохо защищённой комнатушке. Сразу резко запахло потом, вонью немытых тел и чем-то кисло-сладким, приторным и кружающим голову.

— Вниманию всех присутствующих. — Ируг специально оставил открытой дверь — так, чтобы свет, льющийся из неё, слепил глаза людей, уже привыкших к полумраку. — Эта землянка переходит в распоряжение костяка штрафбата, а именно: меня и моих товарищей. Всех остальных попрошу очистить помещение, не забыв захватить мусор и прочие свои вещи. Заранее спасибо за понимание.

Скрестив руки, отставной маршал неторопливо прислонился к косяку, всем своим видом излучая уверенность, что всё будет по его слову. Пара парней по проще попытались было выйти, но их тут же схватили за руки и заставили сесть. Взгляды всех скрестились на Хорьке, ожидая его слов. Тот не спеша откинулся на единственном стуле и, покачиваясь, уставился на Ируга. Он явно пытался ответить в той же утончённой манере, однако не хватало воспитания — и опыта.

— А присутствующим и тут неплохо! Вот ещё, под вражьи стрелы лезть! Мы здесь пересидим. Верно,

братва? — Услышав одобрительный гул за спиной, Хорёк приободрился и продолжил: — Ты вообще никто! Подумаешь, аристократ нашёлся! Енерал! Давно уже вместе с народом чалишься, и не надо тут манеры корчить! Хочешь от стрел прикрыться — лезь под шконку, там вроде ещё свободно!

Хорёк заржал, довольно взмахивая руками, слыша одобрительный смех за собой, и тут Ладар шагнул вперёд. Он не сомневался в способности Ируга вести переговоры, но слышать подобный говор просто не мог — само осознание того, что человек может упасть так низко и при этом считать всех равными себе, последнее время бесило его до крайности. Рука его против воли легла на тёмный клинок.

— Если ты думаешь, падаль, что эта свора у тебя за плечами защитит твою душу от ласки моего клинка, то я готов доказать обратное. Рискнёшь проверить?

— Да ладно, что ты кипятишься? Уходим мы, уходим. Броде в одной роте служим, вместе головы складывать будем, а вы как неродные, отделяетесь от общества... — Хорёк продолжал бубнить что-то мирное и успокаивающее, но Ладар его не слушал: он с ужасом смотрел, как появляется из ниоткуда и исчезает в груди бузотёра тёмная, странная нить. Нить, идущая из небытия. Он видел что-то подобное — раньше, в собственном закутке на грани, но тут, среди людей, да ещё не применяя магического зрения...

Хорёк меж тем решил, что в достаточной мере усыпил бдительность противников.

Мелькнули серебристыми змейками метательные ножи, крик «Бей аристократов, братва!» заполнил землянку — и захлебнулся тихим бульканьем. Тёмный клинок был, как всегда, быстр. Мгновение — и он, вылетев из ножен, сам ведёт руку хозяина, отбивая чужие

лезвия. Серебро чужих ножей входит во тьму, чтобы, треснув, упасть в пыль у ног сипала. Ещё мгновение — и сгусток тьмы летит, впиваясь в грудь Хорька. Туда, куда входила тёмная нить. Мелькнула узкая девичья ладонь — и неудачливый заводила хрипит, теряя остатки жизни и души, а довольный добычей тёмный клинок с упоением пьёт всё — всё, до чего может дотянуться. Один из штрафников кинулся к телу главаря, схватился за простую рукоять, пытаясь обратить оружие против хозяина. Зверь в клинке не против. Он даже рад новой добыче. Пальцы мятежника белеют, становятся полупрозрачными, тот трясёт рукой, пытаясь отбросить тёмное оружие, но они уже не слушаются.

Стигис ярким полукругом обрывает его мучения, разрубая руку у предплечья, отбрасывая жадный до крови тёмный клинок в одну сторону, его жертву — в другую. Не обращая внимания на попятившуюся толпу, Ладар подходит к разочарованно мерцающему тьмой клинку и концом серебряного меча небрежно скидывает с его рукояти остатки чужих пальцев — обнажившиеся кости с обрывками сохранившейся кожи. Подхватывает тёмный клинок, забрасывая его в ножны, и поворачивается к воющему парню, тщетно пытающемуся остановить поток крови, льющийся из перерубленной руки. Тёмный феербол, сорвавшийся с кончиков пальцев сипала, ловит поток крови — и пристрастает к ране. Вопль боли, заполнивший землянку, заставляет штрафников замереть в ужасе, стараясь вжаться в стены.

— И незачем так орать. Кровь я тебе остановил, рану прочистил, гнить не будет. Это ж надо додуматься — схватиться за тёмный клинок, пьющий жизни! Не знаешь, как обращаться с магическим оружием, не тяни руки, целее будут. А сейчас пусть тебя перевяжут, потом доложишь руководству о своих потерях.

Будут тебя лечить и новую руку отращивать или спишут в обоз — не моя проблема, сам виноват.

— Да, и напоминаю всем остальным. — Ируг оторвался от косяка, где, скрестив руки, наблюдал за представлением, и вновь заговорил: — Прежде чем вы отсюда уберёtesь, навести порядок. Полный. Раненого перевязать, труп унести. Если кто-то не понял, что произошло, поясняю: это в обычных частях королевская эмблема реагирует даже на драку и под её защитой можно вести себя как угодно. В штрафбате за свои слова нужно отвечать самим: функцию защиты сослуживцев включают только на время выполнений заданий, и то далеко не у всех. И пока здесь не будет идеального порядка, никому никуда не выходить. — И уже другим, тихим тоном: — Ладар, помоги.

Айяр стоял, прижав руку к плечу, и тихонько шипел: метательный нож прошил мягкие ткани. Что было в общем-то безопасно, но он наверняка был отравлен: кровь из-под пальцев бежала тёмная, пузыряющаяся, даже не бежала, а медленно текла, густая, как раскаленная лава.

Меж пальцами Ируга мелькнула искра, затем вся ладонь окуталась белым светом — и, пока Ладар, подхватив, держал обмякшего эльфа, белое сияние прижалось к ране. Айяр прикусил губу, из-под белоснежных зубов выступила капля крови, но не произнёс ни звука. Ему явно было больно, однако он терпел, пока сияние не угасло и из-под ладони отставного маршала не потекла уже обычная, алая струйка.

— Как же ты так подставился? — Ладар подхватил ослабевшее тело и потащил на воздух, к лесу, где Айяр мог отлежаться и прийти в себя быстрее всего. Ируг махнул рукой, провожая молодёжь, и, развернувшись, принялся подавлять остатки мятежа уборкой, мушткой и длинными нотациями.

— Подставился? А что ты стоял, как пень? На тёмный клинок понадеялся, увернуться не мог? Да, он быстр, но и ты на арене двигался не медленней.

— Так ты что, ты меня заслонил... — Понимание пришло с запозданием, и парня обожгло чувство стыда: ведь действительно мог! Расслабился, привык болеть, и вот теперь из-за него пострадал ушастый.

— Да ладно, не переживай. Зато ты на эту ораву такого страху нагнал! Я за твоей спиной стоял, и то жутковато было. — Айяр хохотнул, сбрасывая напряжение. — Быстро учишься. Кто бы мне сказал, что вчерашний крестьянин сумеет внушить такой ужас, пусть даже штрафникам, не поверил бы.

— Ты как, оклемался? — Ладар неумело пытался перевести тему. — А то давай я из клинка жизненных сил добуду.

— Молчи уж, добудет он. Сам обед тьмы прервал, не дал из того дурня, что за рукоять без спросу схватился, жизнь выпить, а для тёмных клинков это самое лакомство. Нет, ты, конечно, молодец, такое своенравное оружие воспитывать надо, и стигис не просто тебя слушался, сам старался помочь. Всё верно. Но о жизненных силах пока забудь. Честно говоря, я вообще о таком не слыхивал, чтобы тёмные клинки что-то отдавали. Ладно, пришли.

Айяр выпрямился, смахнув кровь с плеча. Словно оказавшись под тенью деревьев, мигом выздоровел, позабыв о ранах. Сорвал несколько листьев, приложил к ране — они плотно прилегли к телу, создавая тугую повязку.

— Проехали. Перемирия ещё неделя, за неё эта царепина заастёт сама, не думай о таких мелочах. Лучше давай глянем, куда гном наши вещи поволок. Ируг не просто так время тянет — он даёт нам возможность замести следы.

Ладар озадаченно оглянулся. Полоса примятой травы чётко показывала, где проехала груженая телега. Как это скроешь? А уж в лесу — там и кусты обломанные, и ветви. Тут и слепой всё поймёт. Дроу проследил за его взглядом и улыбнулся.

— Что, думаешь, если я тёмный, так уж с лесом и общего ничего не найду? У нас одни корни, как, впрочем, и у всего живого. Смотри.

Он вытянул руку в поля — и трава начала подниматься, становясь сильней и выше. Скрывая любые следы и заплетая ноги. Затем развернулся и пошёл в лес. Ладар заспешил следом, отчёлово представляя, как за его спиной лес залечивает раны, нанесённые тяжёлыми, окованными железом колёсами телеги.

Минут через десять неспешной прогулки их встретил гном. Собственно, Ладар мог бы идти и быстрее, но, глянув на капли пота, выступившие на лбу Айяра, промолчал. Видно, не так просто указывать лесу, где, когда, а главное, с какой скоростью расти. Впрочем, подобные мысли вылетели у него из головы, едва он увидел встрёпанный и растерянный вид Вака. Всегда невозмутимый гном явно был взъярен и тут же заговорил, путая слова подгорного наречия с языком людей:

— Там! Я место нашёл, для скорона, хорошее: небольшая скала, за ней уже берег, в ней пещерка небольшая, и главное — в пещере пол земляной, в сторону от пещеры ведёт. Ну я обрадовался, начал копать, а там дыра — и запах! Кисло-терпкий, как с ягод термины.

— Вот так весело. — Айяр торопливо пошёл вперёд, гном и Ладар двинулись следом. Лес за их спинами недовольно зашумел, но быстро успокоился, прекратив безумно быстрый, неправильный рост: подниматься вверх, по его мнению, следовало медленно и с достоинством, а суетиться, пусть даже используя чужие, дарёные силы, негоже. Вздох облегчения пронёсся по

кронам, и всё утихло. Впрочем, следы людей уже исчезли в сухой хвое, и лёгкий ветерок окончательно закрыл остатки.

— Василиски. Целое гнездо. — Айяр стоял в протоптанном подземном ходу, куда едва не свалился усердный гном, и усиленно нюхал воздух, заодно осматривая стены. — Только, Вакенши, не говори мне, что не почуял пустоту под землёй, всё равно не поверю.

Тот только развёл руками.

— Можно просто Вак. Да почуял я всё, даже любопытно стало. Думал, может, гоблины али кобальды, а то и на отнорок моего народа попаду.

— Попал бы — и исчез в одночасье, под землёй никакая эмблема не сработала бы. Хитёр, однако, только откуда тут взяться гномам, одна скала — это ещё не горы.

— Ну уж и помечтать нельзя. — Вакенши досадливо сморщился, вздохнул, прогоняя бесплотные надежды, и уже деловито спросил: — С василисками что будем делать?

— Тут думать нужно. Решать что-то. Ируг нужен, он у нас стратег. — Айяр поморщился. — Как же не вовремя!

— Не вовремя. Костяк роты уничтожен после прошлого боя, из новых — только ты, Вак, что-то путное из себя представляешь. И что выходит? Айяр с открытой раной, на запах крови всё гнездо сразу сбежится, задавят. Ладар, как бы ни хорохорился, ещё слаб, молод пока отраву кружками хлестать да на равных с гвардией махаться. Остаёмся мы вдвоём, но двое на василиска — это очень мало, даже если по одному ловить.

— Я гнездо василисков льерам не отдаю! Сам по одному добывать буду! К тому же — не все ходы под нами вырыты. Есть и выплавленные, и выкопанные! Вы понимаете? — Гном не горячился, не размахивал руками, однако говорил настолько серьёзно и глубоко, что спорить с ним не хотелось. Да и то — кто лучше гнома знает земные недра?

— А как ты его вытащишь, борода? Ну хорошо, допустим, найдём мы одного и завалим. Дальше что? В нём весу — пятерых таких, как ты, сложить нужно! Ещё не факт, что получится.

— Подождите! — Ладар вмешался, тщетно пытаясь припомнить. Что же такое василиски? Вроде слышал где-то, но давно, ещё мальцом. — На кой они сдались, эти чудища?

— Вот и пробел в его воспитании. — Айяр ухмыльнулся и подмигнул остальным. А то и языки он знает, и магически законы чуть ли не с пелёнок, а столь простой вещи и не слыхивал.

— Василиски, юное ты наше дарование, это очень древние ящеры, живущие чуть не с начала времён. Они предпочитают пещеры и подземелья, хотя при необходимости могут рыть себе ходы и сами. Их осталось очень мало, поскольку одно время за ними шла настоящая охота: свежая шкура василиска, должным образом обработанная, ещё очень долго сохраняет свои свойства, среди которых числится невероятная прочность и невосприимчивость к магии. Воин, одетый в тонкую и лёгкую одежду из шкуры василиска, по защищённости равен рыцарю в самой мощной броне, обвшенному всевозможными защитными амулетами, только в отличие от последнего легко и непринуждённо двигается. Конечно, уничтожить можно любого, но чтобы, например, пробить магией шкуру василиска, нужен специалист уровня мастера, а то и магистра. Теперь понятно?

— Про василиска — понятно. Только как можно добыть неуязвимую и быструю тварь, да ещё на её территории, да ещё если она не одна?

— Хорошо, что не одна. — Вак задумчиво потрогал топор — лучший из тех, что были в схороне у штрафбата. Судя по его виду, изделия рук людей его не устраивали в принципе. — Из одного василиска получается только один доспех. Шкуры вроде и больше, но там вступают в силу странные законы. Только кожа с головы идеально защищает голову, руки и ноги — кожа с лап, ну и так далее. От оставшихся обрывков мало пользы, разве что щит обтянуть. Да и то он в прочности приобретает немного. Так что нужно добыть четверых. Есть ли здесь столько — неизвестно. Один раз в логове раскопали аж пятерых, но это уникальный случай. Обычно — двое-трое, четверо — и то редкость.

— Ты погоди шкуры делить! Как их убивают-то?
Вакенши хитро прищурился.

— Да ничего особенного. Как и обычных зверей, которым не хотят портить шкуру — глаза, пасть. Если уж совсем припечёт, можешь проткнуть черепушку, там сверху у них есть уязвимая точка. Но это нежелательно, зачем дырявить будущие доспехи. Да, и ещё на него смотреть нельзя. У зверушки есть неплохая сила земли, правда, набор действий ограничен: раздвинуть или обрушить почву, ну а противников можно обратить в камень. Хорошо, что университетов у них нет, магичить начинают, только если взгляд твой поймают. Без этого колдунуть могут только самые старые и матёрые. Так что не боись, и посерьёзней зверё водится, если поглубже в землю закопаться, это ещё мелочи.

Ладар задумался.

— А долго шкуру в порядок приводить? А то, может, год ждать нужно, так не стоит и затевать.

— Ну говорят же тебе, наивный ты крестьянин, всё делается из свежих, только что содранных шкур! Магически это несложно, даже такой неуч, как ты, сумеет, если разок показать. Ну пару дней потом в проточной воде подержать, чтобы не усохла после раскрова. Как раз к концу перемирия управимся.

— Тогда я — за. — Ладар согласно кивнул. — Слабость уже прошла, а мелкие царапины, что остались после драк, вполне можно залепить лесными травами — вон как Айяр себе сделал. Кстати, а ты с нами?

— Не хочется лезть под землю. — Дроу был сосредоточен и немного растерян. — Не моя это стихия, признаюсь. Правда, под землёй я вижу почище гнома и помехой не буду, однако всё равно лезть не хочется.

— А доспех из шкуры василиска иметь хочется?

— Ладно, уговорили. — Айяр усмехнулся. — Но в случае чего — я вас пытался отговорить, запомните. С утра наберу кое-каких трав, сделаю повязки на все раны, ранки и царапины. И ещё по одной на лицо, чтобы отбить запах василиска, у них преизрядно воняет.

Ход был низким. Уже с первых шагов всё закрыл мрак, пришлось перейти на магическое зрение. Оно у ученика вора было замысловатым, рассчитанным на потоки магии, но всё же с грехом пополам давало и натуральную картинку: узкие земляные стены с торчащими из них камнями, какие-то корни над головой и мусор на полу. Ладар усмехнулся про себя: не так он представлял себе поход за опаснейшим хищником. Торжественней, что ли. А так получается как-то буднично. Найдут, убьют, вытащат наверх, сошьют доспех. Пойдут за новым. Внезапно Айяр, шедший первым, засветился поярче — в магическом зрении он и так походил на ожившего светляка с багрянцем по краям, но

тут... толстая тёмная нить выходила из его живота, чтобы исчезнуть в небытии.

— Стой! Стоять, я сказал! — Оказывается, можно орать шёпотом. Во всяком случае, если очень постараться. Все застыли, пока Ладар обошёл каждого, оглядывая с применением вновь пробудившихся способностей.

— Не томи, что увидел? — Вак не утерпел первым.

— Похоже, нас почуяли. Людей то ли не видели, то ли гнездо большое — не боятся, не уходят, ждут. Первых двоих завалили бы сразу, остальные, может, и выбрались бы, но это ещё неизвестно.

— И как ты увидел это, просто поглядев на нас? — Гном подозрительно сощурился.

— Я увидел смерть. Айяра и твою. Вы ведь как самые глазастые идёте впереди — вы первыми и падёте.

— Ты что каркаешь!

— Тихо. — Ируг вмешался своим властным тоном, вмиг успокоив драчунов. — Если нас почуяли и устроили встречу, значит, один наверняка зашёл сзади. Перехватить тех, кто попытается сбежать. Разворачиваемся, идём к выходу. Василиска убить на ходу, на руки — и на поверхность. Разделять будем там. Побежали.

Они едва успели среагировать. Стоило им сделать десяток шагов в обратном направлении, как огромная туша, отделившись от потолка, рухнула на них, стараясь подмять под себя хоть кого-то. Айяр с Ваком остались у хвоста, пытаясь увернуться от его метаний, а у головы оказался Ладар. Мимоходом полоснув по чешуе стигисом, он увернулся от клацнувших челюстей, затосковав о тёмном клинке. Ну пусть все говорили, что против кожи василиска он бесполезен, а вдруг? До сих пор исправно резал всё, что попадалось под руку.

Прямо перед ним зажглись два яких глаза; зажмурившись, Ладар торопливо ткнул в один из них кон-

чиком меча и, кажется, попал. В подземелье раздался возмущённый рёв, и чудовище заметалось вдвоем быстрее.

— Ты что делаешь! Нужно мозг задеть, иначе не подохнет! — Ируг оказался рядом, его оружие — небольшое копьё, захваченное из лагеря, влетело глубоко в пасть, пропоров верхнее нёбо и застряв где-то в глотке. Чудовище вновь заревело, но теперь в его голосе слышались боль и какие-то панические нотки. Ируг вывернулся из-под очередного удара тяжёлой головы и, выхватив длинный кинжал из-за пояса, сравнимый с небольшим мечом, вонзил василиску в глаз. Тот дёрнулся ещё пару раз — и затих.

— Да, на охоту ты явно не ходил. Как с людьми, ты резвый, а тут потерялся. Эй, вы там живы? Не время отдыхать. Хватаем кто за что ухватится и на выход. Сейчас его сородичи до нас доберутся.

Ладар взял тяжёлую лапу, приподнял. Как бежать с такой тушей в руках, когда на спины вот-вот свалится погоня? Ход, казавшийся коротким и лёгким, внезапно обернулся гигантской змейкой, бесконечно извивающейся в глубине. Безобидный мусор норовил ударить в ноги, а корни цепляли за волосы.

Они едва успели. Стоило им в последнем усилии выкинуть неподъемную тушу из пещеры и вылезти самим, как позади послышался знакомый недовольный рёв.

— Понял теперь, почему идти нужно было днём? Ночью они наверняка выбрали бы на поверхность! — Гном, с трудом переводя дыхание, заткнул топор за пояс и без сил упал на траву. Но тут же с упрямством, присущим только подгорному народу, ухватил добычу за лапу. — Хватит, отдохнули. Разделывать будем у воды, а туда ещё с две сотни шагов. Шевелитесь, герои, мало добыть зверя, нужно ещё снять с него шкуру, а это не так просто, как кажется.

У ручья попадали все. Тяжело дыша, хватая ртом воздух, с трудом разгибая руки. Василиск был длиной больше человека. С двоих, если за одного взять гнома, да и худобой не страдал.

— Вак! Подойди сюда! — Ируг с трудом приподнялся, положил руку на грудь крепышу и вновь повалился на траву, с трудом переводя дыхание. Зато у Гнома словно второе дыхание открылось. Довольно кивнув магу, он подхватил топор, срубил несколько молодых деревьев, заострив концы — получились острые и длинные колья. Подсунув парочку под василиска, поднатужился, нажал — и тот послушно перевернулся на спину, обнажив светлое брюхо. Ладар на глаз попытался определить цвет шкуры — ничего не получалось. Всё скрывали пыль, грязь, земля. Тускло блестело что-то серое, невзрачное.

— Ну, начали! — Поплевав на руки, Вакенши азартно размахнулся, высоко занеся секиру, став похожим на дровосека, и нанёс мощный удар. Тело под ним глухо чавкнуло, немного прогнулось, но на шкуре не появилось и царапинки.

— Ого! И как мы его разделывать будем? — Рикс, ожидавший, что от подобного удара василиск как минимум будет разрублен пополам, был озадачен.

— Погоди. — Айяр подмигнул. — Тут главное первый разрез. А дальше увидишь.

Крохотный, шириной всего в полпальца, разрез на шкуре василиска появился примерно через час, когда все уже отдохнули и принялись по мере сил помогать гному. Топор после очередного удара кончиком лезвия вошёл в грудину хищника — немного, почти незаметно, но охотники обрадовались этому, словно разделка была уже окончена. Впрочем, дальше всё пошло намного проще — вытащив откуда-то хитрый нож с лезвием, выгнутым в обратную сторону и потому больше похо-

жим на заточенный крюк, Вак просунул его в образовавшуюся щель, поднажал — и шкура с тихим скрипом начала резаться. Удивлённый Ладар недоумённо посмотрел на старших — те откровенно улыбались, глядя на него.

— Это ещё одно особое свойство шкур василиска. Снаружи не пробьёшь, изнутри — мягкая и податливая. Поэтому, когда будешь носить, будь осторожней. Можешь неаккуратно ткнуть и сам прореху сделать. А какой-нибудь глазастый противник увидит и использует. Кстати, а на кого кроить будем?

Вак разрезал василиска от горла до хвоста, разрубил пополам и теперь торопливо срезал со шкуры всё лишнее, оставляя только самый верхний, тонкий слой, небрежно откидывая в сторону и кости, и мясо. Остальные, достав ножи, присоединились к нему и вскоре стали похожи на мясников. Только Айяр умудрился не запачкаться — у него в крови были только кисти, в то время как остальные измазались кто по плечи, кто руки и лицо, а Вакенши вообще был весь в крови.

— На самого большого из нас. Наверняка в засаду пошёл не самый слабый из гнезда. Так что начнём с Ируга, потом, по уменьшающей — Айяр, если будет и детёныш — Вак. — Ладар, неспешно орудуя ножом, отрезал куски мяса и чистил шкуру, вспоминая работу в деревне. Она совершенно не мешала рассуждениям.

— А ты как же? — Ируг недовольно сощурился. — Нет, давайте по жребию.

— Мы не знаем, сколько в гнезде василисков. Может, их там с полдесятка, и на всех хватит, а может, двое, тогда нужно, чтобы шкуры достались магу, который может прикрывать нас в бою, и дроу, для которого любая броня, стесняющая движения, помеха. Третий, если будет детёныш, как раз для самого низкого.

— Я не низкий! Я приземистый!

Тихий смех был ответом возмущённому крику Вакенши.

— Да, теперь я верю, что в тебе кровь гномов. Наверняка на голову выше любого из сородичей, однако стоит заговорить о росте — все равно начинаешь психовать и хвататься за топор. — Айяр улыбнулся и примиряющее положил руку на плечо крепыша. — Но ты согласен с разделением? Или всё же жребий?

— Да согласен я, согласен! Будет там детёныш, никуда не денется, сейчас для них самое время. Это Рикс может оказаться обделённым.

— За меня не переживайте. — Рикс повернул ножом, отрезая очередной кусок, и принялся скоблить шкуру, с удивлением наблюдая с её внутренней стороны что-то похожее на короткий белый пух. — Я привык ходить по краю и нашёл в этом удовольствие. Да и не знаю, не помешает ли броня моим попыткам ощутить магию.

— Не помешает. — Ируг решительно покачал головой. — Не переживай. Хватило бы шкуры.

На этом все замолчали, а ножи заскребли ещё яростней. Ещё час — и Ируг облачился в необычную одежду. Лапы чудища были короткими — их вывернули наизнанку, тщательно прочистили, но не промывали водой. Ируг, как мог, просунул в них руки, однако лапы были малы и заканчивались чуть выше локтей человека, дальше шла широкая шкура, обвисая мешком. Тот же ужас и с ногами. Несколько наспех отрезанных ремешков перехватывали всё это безобразие, не давая шкуре упасть или распахнуться, но в целом впечатление было жутким — истекающий кровью грязный мешок, который к тому же нужно надеть на голое тело. Ладар, глядя на это со стороны, поморщился.

— И что теперь?

— Теперь — одно очень простое и древнее заклинание. Чем ценные шкуры василисков — изнутри на них энергия хорошо держится, так что многие маги используют их ещё как магический резерв, или необычный артефакт, или ещё какую пакость придумывают. Чаще всего, убив мага в шкуре василиска, никто не рискует пытаться снять её с тела — так в ней и закапывают. А то были случаи... — Вакенши не договорил, с восхищением уставившись на Ируга: тот окутался туманом, белым и густым, но слой его был небольшим, и сквозь него было видно, как шкура, словно живая, ползёт по человеку, прилегая к его телу, словно вторая кожа. Минут пять — и из тумана вышел воин. Тонкая, почти незаметная чешуя легко встопоршилась, прорываясь сквозь грязь, заблестела подобно еле различимому, но опасному лезвию ножа. На отставном маршале были бриджи, скрывающие ноги полностью, словно переходя в мягкие сапожки, куртка с капюшоном, полностью скрывающая лицо, перчатки, вырастающие из рукавов, и полумаска, скрывающая лицо. Неприкрытыми оставались лишь глаза и кончик носа.

— Нравится? — Айяр откровенно любовался. — Погоди, пару дней в ручье вымокнет, станет чутка посвободней и очистится от грязи. Это важно — шкура василиска чистится сама, нельзя её мыть или тереть первое время. Вот тогда поглядишь.

— А не заберут?

— Чудак! — Это же вещь индивидуальная, её забирать смысла нет, все свои свойства растеряет. Ладно, Ируг, снимай и давай шпилить кольями. А то утечёт, зараза, пока кровь не сойдёт, это довольно своеевольная штука. — Гном деловито помог разоблачиться отставному маршалу, глядевшему на новый доспех восторженно и чуть заторможенно, словно мысленно примеряя ещё

раз, и принялся топить его на дне ручья, зачем-то придавливая камнями и укрепляя кольями.

Ладару надоело выглядеть деревней, задавая дурацкие вопросы. Он решительно начал подтаскивать камни, подавая гному, пока тот не убедился, что до спех полностью обездвижен, с трудом заставил себя помыться, отмыть от крови одежду и, с трудом представляя ноги, двинулся в сторону лагеря — на сегодня охота была окончена.

Подземные тоннели были пусты. Они бродили уже час, но никаких следов логова не видели. Нет, можно было увидеть куски шкуры на стенах, отпечатки лап на полу — однако ни животных, ни свежих следов не было. Ходы кружились вокруг скалы, не отходя далеко, один даже привёл к реке — скрытый корнями деревьев, тот выходил к самому низу скалистого обрыва, служившего естественной защитой Кирола. Ируг задержался тут на несколько минут, изучая вражеский берег, но гном заворчал, и пришлось вновь углубиться в хитросплетения подземных коридоров, выискивая притаившуюся добычу.

— Затаились. — Айяр поравнялся с Ладаром, помедлил, словно не решался задать вопрос. — А ты ничего не чувствуешь? Ну как вчера? Если там где-то самка с детёнышем — это может быть даже опасней самца. Погляди — где опасность?

Ладар задумался. Внимательно обошёл застывший отряд, заставил повернуться в одну, в другую сторону.

— Если пойдём вниз — погибнем. Но это не обязательно василиски, сами говорили, под землёй множество смертей. И немного тянет вон из той стороны — Он махнул куда-то в стену, но Вак приободрился и, сказав себе под нос: «Годится», повёл отряд куда-то вбок по бесконечно переплетающимся тоннелям. Если бы не

его особое чутьё, доставшееся ему от предков, люди бы так и ходили одними и теми же коридорами, пока не отчаялись и не начали искать выход на поверхность.

В какой-то момент гном остановился и знаком показал:

— Пришли! За поворотом — логово.

Ируг мягко придержал приготовившегося к броску Ладара и знаком показал: первыми идут Айяр и Вакенши, за ними остальные. Все вытащили оружие. Наученные предыдущим опытом, в первую очередь охотники вооружились короткими стальными копьями, больше похожими на заточенные металлические колья. На поясах — короткие прямые мечи и длинные кинжалы. Убедившись, что все готовы, отставной маршал аккуратно свёл и разжал руки — между ними возник гигантский осветительный шар, только начинаяющий разгораться — и кинул его вперёд, за поворот. Оттуда плеснулся яркий, почти обжигающий, но холодный свет, мелькнули фигуры кинувшихся вперёд штрафников, послышался визг и рычание. Опомнившись, Ладар помчался за остальными, однако всё уже было кончено.

— А ты хотел поединка один на один, как положено? — Гном с хрустом провёл ножом, распарывая шкуру детёнышу, вымахавшему ростом с Ируга, и, жестом показав остальным на появившееся мясо, подхватил топор и направился к самке, которую безуспешно пытались проткнуть остальные.

— Нет, с василиском один на один мало кто может справиться. — Топор отскочил от каменеющей шкуры, но гнома это не смутило. Жестом предложив остальным разделывать шкуру, он продолжил врубаться в самку, продолжая свой монолог:

— С ними так и надо. Ослепить и, пока они приходят в себя, добить, желательно одним ударом. И зверушку

негоже мучить, а главное, так точно никто из охотников не пострадает. А то были случаи... если подземная нечисть сумеет завалить кого-то из добытчиков и уйти, она становится намного сильнее. Бывало, целые деревни вымирали, пытаясь справиться с такими монстрами. Конечно, чаще всего это были не василиски, а стражи глубин или ещё что похуже, не под землёй будь помянуто, однако и эти землеройки доставляли немало хлопот.

— А ты на стражей глубин охотился? — Осветительные шары висели вокруг туш, давая мягкий, белоснежный свет, но это помогало мало — всё заливалась кровь, выглядевшая почему-то чёрной, нож того и гляди норовил соскользнуть, а кожа детёныша, пробитая с первого удара и совершенно свежая, никак не хотела чиститься.

— На стражей глубин? Ну ты, малыш, даёшь... А ты на лавины не охотился? Или на наводнение? — Очередной удар получился более глухим, и гном, что-то довольно буркнув, отложил топор и взялся за нож. — На них не охотятся. Их отгоняют или... если удастся, прогоняют совсем. Водой, известью. Говорят, ещё сильный ветер помогает. А кто с топором на стражей ходил, тот не возвращался.

Разделывать пришлось сразу две туши, но зато их не выносили на поверхность — в логове, небольшой округлой пещере с несколькими лазами, было достаточно места. Правда, возле одного из таких лазов, ведущего под острым углом вниз, Ируг в задумчивости стоял довольно долго, о чём-то перешептываясь с Вакенши, но в конце концов запечатал его небольшим оползнем и успокоился.

После того как шкуры были сняты, отставной маршал коротким жестом спалил остатки мяса и костей, и только травяные повязки на лицах спасли людей от смрада.

— Зачем? — Стоило им оказаться в безопасности на поверхности, как вопрос вырвался сам. Причём на этот раз Айяр, который перенёс смрад горелого мяса хуже всех, успел первым.

— Не стоит будить лиxo глубин, подманивая его свеженькой жертвой, — туманно ответил гном, поудобней перехватывая куски шкуры. — Нам ещё в этих подземельях охотиться... ну или просто пошарить не помешает, даже если василисков и не найдём. Слишком много ходов для трёх зверушек.

Вновь был берег ручья, клубился белый туман, вызывая странную магию, и два новых костюма легли на дно ручья, придавленные камнями и кольями. Вечером Ладар, тихонько выбравшись из палатки, отправился на берег реки. Это казалось глупым и неосторожным, так можно было привлечь к себе внимание — перемирие перемирием, но никто наблюдателей не снимал. Однако почему-то очень хотелось полежать именно на скале, как можно ближе к небу, глядя на кружащийся в нём хоровод звёзд, слыша журчание воды где-то глубоко под ногами.

— Перемирие заканчивается, сын мой. Нужно подготовиться к тому, что будет дальше. — Фигура жреца внезапно оказалась рядом, заслонив звёзды.

— Я это и делал, пока вы не закрыли от меня небо.

Фодр вздохнул и присел рядом, глядя на противоположный берег.

— Ты глядел туда? На людей на том берегу? Они такие же, как мы, из плоти и крови — а вскоре мы начнём убивать друг друга.

— Нет, отче. Я глядел на небо. Мне нет дела до этих людей. Они пришли на мою землю. Пришедшие как гости, они улыбались и были мирными и красивыми. Затем перестали улыбаться и вытащили оружие. Я не хочу смотреть на них и мне нет дела до интересов

короны. Но пока эти люди, чужие мне по духу и крови, бродят по этой земле, мои цели с создателями клейма на моём плече совпадают.

Жрец вздохнул. Подняв, он бросил камешек с обрыва. Вода беззвучно приняла его, журчанием заглушив еле слышный всплеск.

— Я не понимаю таких, как ты. Я привык к людям, боящимся наказания, а пусть всего боящимся смерти. Людям, которые чтут власть и законы, устанавливаемые ею. Правду говорят, что в штрафбате натура людей меняется и они становятся зверьми.

— Может, и так, отче. Но и звери бывает разные. Кроткий голубь, борясь за место в стае или за самку, на смерть заклёвывает соперника. Матёрый волк никогда не прокусит горло поверженному сопернику. А может, дело не в звериной натуре? Просто человек, взглянувший в глаза смерти, уже не может смотреть на мир так, как раньше. Он живёт иначе, смотрит иначе, чувствует иначе. Ему нет дела до глупых условностей и нелепых ограничений этого мира.

— Что-то я не замечал этого в солдатах, вернувшихся со службы. — В голосе Фодра послышалось недоверие.

— Кто-то скрывает это, стараясь быть как все. Но большинство не рискуют стоять на грани. Оказавшись там, они стараются поскорее уйти, делают всё, чтобы отвернуться от лика смерти.

— И каков он, лик смерти? Ты видел её?

— Он прекрасен. Смерть не несёт зла и страданий, она избавляет от них.

— Сын мой, ты говоришь ересь. Всем известно, что смерть — костлявая старуха, и её приход — самое ужасное, что может быть на этом свете.

Ладару стало скучно. Пусто и пресно, словно внезапно померкли краски мира. Разговор, скользнув в область догм и писаных правил, перестал быть инте-

ресным. Фодр был достаточно умным и учёным человеком. Пойдя против собственных владык, пожертвовав всем ради принципов, он был почти святым, но по-прежнему не видел ничего, кроме своего учения.

— Отче, боюсь, вы опять закрыли мне звёзды.

Фодр, сидящий в стороне от юноши, с недоумением посмотрел на небо, на странного парня, лежащего с закрытыми глазами, и тихо вздохнул. Почему здесь, среди простых, необразованных солдат, он чувствует себя неуверенным и ничего не знающим юношей? Ужасно хотелось вспылить и поспорить, но жрец был немолод — ему хватило мудрости встать и раствориться в ночи. А звёзды придвигнулись и продолжили свой бесконечный хоровод.

— А я говорю, сегодня нужно идти глубже! — Вакенши злился, сжимая свой топор.

— Если там ещё и остался василиск, он не пойдёт вглубь, скорее затаится где-то на краю охотничьих угодий. А может, попытается уйти дальше! — Ируг старался быть рассудительным. — Сам говорил, эти твари не любят чужих подземелий.

— Василиски — твари непредсказуемые. — Вак прятал взгляд и искал доводы поубедительней, но всем было понятно: гнома просто тянет в глубины. Исконное, природное свойство. Рыбе хорошо в воде, птице — в небе, гному — глубоко под землёй. Негромкий спор тянулся с самого утра и не закончился даже в подземельях: охотники почувствовали себя хозяевами подземных угодий. В бесплодности споров они убедились, оказавшись в логове: заваленный ход, ведущий вниз, был разбросан и на свежей земле отчётливо виднелись следы, ведущие вниз.

— Всё, шутки кончились. — С Вакенши моментально слетело напускное веселье. Перед сослужив-

цами предстал воин, знакомый с подземными сражениями.

— Если идём туда, — гном мотнул головой в сторону уходящего вниз хода, — слушаться меня беспрекословно. Я не знаю, что там, но этот ход не был вырыт. Скорее всего, нижние залы были завалены либо случайным землетрясением, либо заклинанием. На равнинах землетрясения редки. Так что второе — более вероятно. А хорошее заваливают редко.

— Опасно. — Ируг задумчиво глядел, однако не на открытый зев хода, а на напрягшегося, приготовившегося к бою гнома. — Но интересно. Мы пойдём вниз. Всегда мечтал узнать, что же может грозить гномам под землёй.

— Нашёл о чём мечтать! Земля никогда не бывает пустой, в ней всегда есть место кому угодно и чему угодно! Это вам не пустые пространства поверхности! — Вак фыркнул, мигом заулыбавшись, и первым нырнул в проход.

Идти было сложно. Ход, более широкий, и высокий, чем предыдущие, был выложен разноцветным камнем — длинными, уходящими вниз полосами: красными, чёрными, жёлтыми. Полосы постоянно сдвигались, скручивались, переходили на стены и потолок — казалось, что люди идут в брюхе огромной змеи, идут её волей и её силой — то по полу, то по потолку, не замечая собственного веса. Наклон становился всё сильней, тело рвалось вперёд и вниз, и приходилось прилагать массу усилий, чтобы идти неспешно и осторожно, стараясь производить как можно меньше шума.

Внизу оказался зал. Огромный, величественный, он уходил вверх минимум на три человеческих роста. Ируг приподнял повыше свой осветительный шар — тот вспыхнул, осветив каменные своды, серые, почти

чёрные стены — и небольшой изящный храм в центре заброшенной подземной пещеры.

Команда охотников стояла возле коридора, не в силах шагнуть дальше: храм сиял! Ослепительно-белый, созданный из какого-то полупрозрачного камня, вбирающего в себя падающий на него свет и излучающего в ответ молочную белизну. Вместо яркого, яростного света — холодную, мёртвую белизну подземного камня.

— Он не так велик. Этот храм, он сделан так, что в него войдёт лишь один человек. Я слышал о таких венцах. Там, внутри — ничего, та же белизна, лишь чёрный круг в центре. Вставший на этот круг не может коснуться ни стен, ни потолка храма, может лишь на длину волоса. Бывало, вошедший там стоял столетия, однако чаще падал замертво через мгновение. — Айяр смотрел без страха, пристально, но идти вперёд явно не собирался.

— И что это за храм, о котором не слышал никто, кроме тёмных эльфов? — Вакенши саркастически хмыкнул. Наши предания не говорят о подобном.

— Подобные вещи строят для живых, им не место под землёй. — Айяр поклонился сияющему зданию и попятился. — Идёмте отсюда.

— Подожди, Айяр. Для чего нужны подобные храмы? — Ладар чувствовал, как сердце его бьётся подобно барабану, толкается, стремясь вперёд. Он не хотел уходить!

— Никто не знает. Но поддавшийся притяжению этого сияния почти наверняка умрёт! Уходим! — Ируг решительно положил руку на плечо парню.

— Идите. У меня тут есть ещё пара дел. — Рикс, нет, посвященный тропы теней аккуратно отложил оружие к стене и принялся стаскивать кольчугу.

Четыре руки впились в него, но тут вновь заговорил Айяр.

— Решившему войти в храм нельзя мешать. Иначе погибнет и он, и те, кто старается его удержать. А так у него есть шанс. Не нужно было вообще сюда идти, а сейчас уже поздно.

Ладар резко вывернулся и прыгнул вперёд — на странный, покрытый узорами пол зала. Голова на секунду закружилась, всё поплыло — и вокруг поднялись призрачные стены лабиринта. Сипал присмотрелся. Сияющие стены дрожали и изгибались, словно колышущиеся от малейшего дуновения ветерка, но были полны энергией — любой прикоснувшись к ним сгорел бы за один удар сердца. Он сделал осторожный шаг — и одна из стен прыгнула ему навстречу, заставив отпрянуть. Тут нельзя было идти наугад.

Успокоиться. Прикрыть глаза. Посмотреть на мир так же, как смотрел совсем недавно, пытаясь идти в кромешной тьме. Яркое, ослепляющее сияние! Всё вокруг горело странным, холодным пламенем. Тысячи нитей соединяли человека с этим рисунком, с этим миром — яркие, мощные, полные силы, они тащили за собой — в огонь, в свет. И лишь одна, маленькая и слабая, почти исчезающая в сиянии нить вела к храму. Одна нить цвета ночи. И сипал пошёл за ней — в поисках отыска от света, в поисках себя, в поисках тени.

Это был странный танец. Охотники, замерев на краю зала, смотрели, как удаляется их товарищ — по кругу, скользя, совершая лёгкие, плавные изгибы, приседания и повороты, вот только повторить подобное вряд ли удалось бы и эльфу. Неожиданные, нелогичные, неправильные движения. Так не танцуют — так сражаются. Отчаянно и яростно, когда силы кончаются и усталость берёт своё. Но отчаяние не бывает столь медлительным, столь прекрасным и лёгким. Это был странный танец.

— Он справится. — Ируг сжал руку на рукояти меча. — Если кто-то и справится, то только он.

Стены света наконец-то раздвинулись, обнажая тьму входа. Единственное не залитое молочной белизной место манило усталые глаза, заставляло идти на пролом, но танец ещё не окончен, нужно ускользнуть от ещё одного языка пламени, и ещё, и ещё. И наконец, как завершающий штрих непонятного танца: скользнуть под тень сияющих стен — густую, словно вобравшую всю тьму этого зала.

Гонг. Долгий,ibriрующий. Он разбил оковы сияния, заставил почувствовать тишину подземелий, холод голого тела и шершавый камень под ногами. Клок тьмы, выживший в странном, вывернутом наизнанку храме, когда единственный путь к спасению — это нить, ведущая к смерти. Близкие, но недоступные стены. Белизна ближайшей внезапно нарушается, и из неё выходит призрачная фигура.

— Ты прошёл путь. Ты нашёл смерть в конце пути.

— Я не знаю, кто ты. — Сипал... Нет, Ладар Рикс напрягся, и в руке заиграл сполохами тьмы феербол. — Ты — не смерть.

Призрачный мужчина с удивлением посмотрел в глаза пришельцу.

— Ты первый, кто отрицает сие. Почему?

— Неважно. — Говорить об Илис с собеседником не хотелось. — Понимал. Кто ты?

— Я тот, кто поможет тебе сделать выбор. Смотри.

Всё вокруг затуманилось, храм пропал, сипал почувствовал себя невесомым и вездесущим, подобно божеству. Стремительный полёт сквозь дымку — и небольшая комната. Старая, потрескавшаяся мебель. Кровать, на которой лежит старуха. Кожа обтянула череп, руки все в синих венах, редкие седые волосы. Молодая девушка, с тревогой наклонившаяся над ней,

притирающая влажной тряпкой сухое лицо умирающей.

— Мама! Послали за доктором, сейчас будет легче.

Старая кисть вцепилась в молодую, словно утопающую — в спасательный круг.

— Доченька. Я кормила, растила, заботилась о тебе... Помоги!

Сухой, нейтральный голос призрака из-за спины.

— Они обе молят богов о жизни. В твоих силах помочь. Решай.

— Что я могу! Я не бог!

— Решай! В твоих силах помочь!

Страх, растерянность и отчаяние. Я не могу! Это не моя работа — спасать умирающих! И — шелест тени над головой. Ты справишься, если ты — идущий под моим крылом. Смятенный, ищущий взгляд — и жизненные токи, идущие от дочери к матери! Одна, в отчаянии и страхе перед смертью близкого ей человека, отдавала, дарила всё, что имела, пытаясь помочь и защитить. А другая — брала! Хватала, тянула ещё, пытаясь годами чужой жизни заштопать оставшиеся дни своей.

— Доченька! Я тебя растила! Ты мне должна...

— Нет! Долги своих родителей нужно отдавать детям!

Метнувшаяся вперёд тень. Узкая кисть, прижатая к старушечьему телу. И сухая, маленькая душа, вылетевшая из-под неё.

— Ты выбрал. Забрал у несчастной старухи полгода жизни. Она дотянула бы до прихода лекаря, если бы не твоё вмешательство. Ты хочешь знать последствия своего поступка? — Мертвый, безжизненный голос.

— Да. Даже если я не прав и буду терзаться этим всю жизнь — я хочу знать всё.

Картинки мелькают одна за другой. Дочь, заламывающая руки над телом матери. Люди в чёрном, песнопения — и холм земли. Та же могила, поросшая травой, и дочь в сопровождении симпатичного парня. Она плачет, он, обнимая, неумело утешает. Вновь новая картинка: разгребая траву, на землю кладут цветы. Тонкие, нескладные детские руки.

— Ещё полгода дочь поддерживала мать ценой своей жизни, и у неё никогда не могло быть детей. А мать, живя за счёт дочери, уничтожила бы собственную душу, замещая её кусками души дочери. Этот род прервался бы. Смерть необходима для продолжения жизни на земле не менее, чем сама жизнь. Выбирай дальше.

Вновь туманная дымка и собственное сознание, стремительно несущееся сквозь неё. Мелькают люди и лица, мелькают чужие тела, связанные сотнями белых нитей с этим миром. Сотнями, тысячами, десятками... а вот эта душа связана с миром лишь одной нитью — любовью матери.

Маленькая, плохо обставленная комната. Детская кроватка — такую делают для новорожденных. Молодая мать, с обезумевшим взором прижимающая к себе дитя — рахитичное, больное, с усталым сморщенным лициком, с полными гноем глазами, оно захлёбывается плачем. Пожилой маг, стоящий рядом.

— Ваш ребёнок сильно болен. Очень сильно. Если я заброшу все свои дела, я смогу его спасти, но полностью он никогда не выздоровеет. Его разум никогда не станет полноценным. Нужно ли вам это? К тому же — моё время дорого! Хватит ли вам денег, чтобы заплатить мне!

— Я продам всё! Я продам дом, украшения, всё, что угодно! Спасите моего ребёнка!

Маг медлит, затем протягивает руки...

Сипал подлетает ближе. Сердце его колотится, ему хочется выть, улететь подальше от этого места и от этого страшного выбора. Но его, именно его полупрозрачная рука ложится на маленькое тельце — и обрывает единственную нить, соединяющую его с этим миром, ребёнка — с матерью. Из-под руки вылетает небольшая, светлая душа. Душа с ясными, чистыми глазами, в которых стоят слёзы. Наклонившись, она целует ту, что дала столь недолгую жизнь — и растворяется в свете.

— Ты понял и сделал выбор. Хочешь ли ты увидеть, что было бы, если ты промедлил?

— Да! — Голос хрипл и больше похож на рычание. — Я не смогу жить без этого знания.

Маг, сидящий над младенцем. Берущий его на руки, ставящий его на ножки. Пустой, бессмысленный взгляд. Продаваемый дом, монеты, вкладываемые в руку мага. Трактир, посудомойка и пускающий слюни подросток в углу. Тридцатилетняя старуха с потухшим взором — больная и кашляющая, прижимающая платок ко рту. Скромная, неухоженная могила на кладбище для бедных. Рослый парень с пустыми глазами, пускающий слюни, мерно вышагивает в том же трактире. Полотёр, подавальщик, по совместительству — шут. Смерть от руки разозлившегося выпивохи, которому пролил пиво на штаны; смерть, вызвавшая только смех и одобрительные крики. Отлетающая душа, с мутными, пустыми веками.

— Что произойдёт теперь, когда маг не успел спасти ребёнка, тебе интересно?

Пустота и апатия. Мысль прокручивает события, но в душе нет радости.

— Наверное, что-то хорошее?

— У этой женщины родится ещё один ребёнок. У неё будет свой дом, семья, возможность его воспи-

тать и вырастить. У неё родится твой дед. Ты выбирал не просто так — ты охранял свой род. Промедли ты, поддайся чувствам — род был бы прерван и ты бы погиб. Все хотят скорректировать свой род, однако мало кто хочет принять последствия своих действий. Ещё одно испытание, ещё один выбор. Смотри.

Стены храма исчезают, становятся прозрачными, но дымка не появляется. Сипал в своем теле, в странном зале, а у входа в него замерли его друзья. Замерли под действием магии. За их спинами видна большая, уродливая голова с двумя рядами клыков. Василиск!

— Они пропустили матёрое чудовище. Он уже подчинил их себе. Ещё мгновение, и они обернутся, посмотрев ему в глаза.

Глаза! Жёлтые, яркие, полные внутреннего огня — словно на дне их плещется магма. Они полны силы, полны магией земли. Поймать взгляд — и резко притянуть его к себе. Стены корчатся и исчезают, зал прячется, сворачиваясь и исчезая в пространстве. Лёгкий смешок и задумчивое: «Жаль. Он был почти готов».

Под ногами — холод туннельного камня. В глазах зверя — удивление, сменяющееся жаждой битвы. Жгуты чужой магии, стремящиеся обвить, подчинить себе дерзкого, осмелившегося покуситься на чужую добычу. Рёв магмы — и возникшие вокруг серые стены небытия.

— Что тытворишь! — Илис, мгновенно появившись из ниоткуда, подлетает к парню. — Поймать взгляд василиска! Чтобы выжить после такого, нужно быть архимагом ну или мастером магии Разума.

— Или специалистом по магии Земли. Я понимаю. Но я не мог допустить, чтобы эта тварь убила моих друзей.

— Ты был в храме Смерти! Нужно было подождать пару мгновений, пока тварь не убила бы кого-то,

и, используя силу смерти, спаси остальных. А так вы погибнете все! Это стало бы твоим последним испытанием. Спаси всех ценой кого-то одного!

— Значит, я ещё не готов к этому пути. Я жадный и не хочу жертвовать никем. Лучше помоги мне — мне нужно вернуться.

— Это бессмысленно. Стоит тебе оказаться напротив этой твари, и тебя вновь забросит сюда. — В глазах Илис зажглись две красные капли. Две слезинки. Ладар подошёл и нежно вытер щёки любимой.

— Перестань. Тебе нельзя плакать. Ты плачешь кровью.

— Я знаю. Слёзы — это кровь души, а у меня, кроме неё, ничего и нет. — Илис грустно улыбнулась. — Пойдём. Я провожу тебя.

— Позже. — Ладар улыбнулся. У меня ещё битва не окончена, ты не забыла? Если я не могу драться с василиском из своего тела — буду драться отсюда. Ты можешь развеять небытиё?

— Могу, но это больно.

— Ничего, боль — это тоже признак жизни.

Резкий, быстрый взмах — и пропадающие серые стены. Рикс висит над собственным телом, наблюдая, как холод глубин проникает в тела людей, переделывая их по собственному разумению. Багровые, пылающие жаром подземных горнил, магические конструкции. Они не текут — застывают, создавая грани кристаллов. Дай им несколько секунд — они окрепнут, и ничто уже не сможет их сломить.

Рикс действует мгновенно, на интуиции, на опыте взлома именно таких, замерших в преддверии смерти ловушек. Мгновенный, точный, резкий удар в центральное переплетение застывающих нитей, в один из ключевых узлов — и часть конструкций осыпается с тихим шелестом. Остальные оживают, свиваются змея-

ми, готовясь найти и покарать нарушителя, но ещё два разрубленных узла нарушают их танец, прежде чем они нападают.

И тут василиск переходит в атаку. Он действительно стар и опытен, его воля тут же создаёт новые магические щупальца — и восстанавливает старые. Багровые змеи чуждой человеку магии начинают шарить в пространстве, выискивая добычу. И находят! Свинцовая тяжесть заставляет опуститься вниз, к застывшим, торжествующим глазам. К приоткрытой в предвкушении пасти. Хочется вырваться, но силы убывают, их мало, слишком мало для настоящих магических поединков.

«Можно ли назвать обвиняемого магом?» — «Нет, ваша честь, у него слишком крохотная сила для этого...»

Тяжело, как дьявольски тяжело! Рикс рвёт чужие путы, чувствуя: ещё немного, и сама душа его лопнет, не выдержав навалившейся чужой силы. Страшно, но он поднимается вверх, волоча за собой звериную магию. На пол-локтя. На локоть. И тут словно тёплый огонёк зажигается в груди, отгоняя мысли о поражении и прибавляя сил. Ируг! И жизнь леса заставляет багровые огни корчиться, отдергивая обожженные ленты. Тяжесть не ушла, она по-прежнему смертельно опасна; но друзья подставили плечи, и можно поднатужиться и рвануться вверх. Ещё! И ещё!

И тут стоявший вполоборота к василиску гном внезапно оживает и со всего размаху вбивает своё копьёцо в его череп, проламывая его, пришипиливая к полу. Стремительный взлёт — и чернота.

— Рикс! Очнись! — Несколько пригоршней ледяной воды заставляют, застонав, открыть глаза. Тело ломит, в голове гул, зато перед глазами, полускрытое ветвями деревьев, небо!

— Знаю, гляделки с василиском — это похлеще бочонка подгорной росы, неделю потом не встанешь! Но шкура готова, тебе нужно произнести вот это. Никто другой не может, пойми! Ты уж постараися!

В руки суют бумагу с бессмысленными словами. Странно. Запинаясь, Рикс начинает читать — и чувствует, как магические токи понемногу начинают кружиться вокруг него, создавая непонятный узор. Что-то интересное и требующее изучения, но туман добирается до сознания, и сил хватает лишь на механическое шевеление губ.

Костюм сидел плотно. Не давил и не жал, аккуратно обхватывая всё тело, заставляя кровь быстрее бежать по жилам. Присесть, повернуться. Голова ещё кружится, но ощущение новой брони стоило того.

— Не такая она и тонкая.

Дружный смех в ответ.

— Сам выбрал старого и матёрого! У всех остальных намного тоньше! Зато и прочность выше, и магию держит лучше. И внешнюю неплохо отражает, и свою запасает. Поносишь недельку, излишки собственной магии скопятся, будет двойной-тройной резерв. Может, и больше, учитывая твои крохи, но на всё, как ты понимаешь, нужно время.

— А как им пользоваться?

И вновь друзья начинают хихикать. Окаменение коснулось всех. Вакенши, как самый восприимчивый к магии земли, пострадал больше других — ему пришлось удалить пальцы на ногах, и теперь он ходит прихрамывая. Впрочем, несмотря на прислонённую рядом палку, смех его звучит не менее весело, чем у остальных.

— Вот когда ты свой резерв почувствуешь, сам поймёшь, как, что и откуда черпать.

Приятно открывать глаза раньше всех. Штрафбат спит, солнце только-только начинает расцвечивать горизонт, первые птахи негромко посвистывают, готовя свои трели. Мир просыпается — и ты просыпаешься вместе с ним, радуясь, что наконец-то у тебя ничего не болит, ты полон сил и день будет просто замечательным... И тут взгляд натыкается на волны зарождающегося портала.

— Рота, подъём!

Двою магов неспешно прогуливались перед строем. Их глаза пристально вглядывались в бойцов, словно прикидывая — справятся? Нет? Третий продолжал вештать:

— Через час наступит конец перемирию. Раннее утро, никто и не думает о каких-то операциях. Мы откроем вам портал на один из холмов льеха. Обычно такие операции проводились ночью, никто не ждёт вас утром, причём практически в момент окончания перемирия. Время у вас будет. Вы — лучший из отрядов штрафбата. Если кто-то и справится, так только вы. У вас есть время позавтракать и снарядиться. Мы пока подготовим основные ориентиры для заброса. Разойтись.

Ируг ругался. Вполголоса, но очень яростно. Отказавшись от завтрака, они взяли самый минимум оружия и теперь сидели у землянки, угрюмо ожидая отправки. Все молчали. И только Ируг не переставал ругаться.

— Да ладно, маршал. Ну сходили один раз, выжили же?

— Сходил он... — Ируг замолчал, прикидывая варианты, затем махнул рукой и продолжил:

— После нашего похода, когда при минимуме жертв было собрано очень много мха, ронхарцы изменили защиту. После этого взломать её не удалось никому.

Люди погибают раньше, чем вступят на холм. Что самое странное — нет никаких сигналок, постоянных магических защит, ничего такого.

— Кстати, а почему? Чего проще — поставить активную защиту, пару рот охраны — и никто уже не сможет подобраться к мху.

— Льех не растёт, если вокруг него толчётся народ или стоит постоянная активная магия. Всё, что придумали мы в своё время, а потом и ронхарцы, это магические мины, неактивированные и потому ничему не вредящие, пока не войдут в контакт с человеком, да наблюдатели издалека. Так было очень долго, но, похоже, сейчас всё изменилось. Появилась иная защита, она кромсает людей на куски и исчезает. Если раньше мины обезвреживались штрафниками-смертниками, то сейчас это бессмысленно. Маги не смогли разобраться в новой системе охраны и решили попробовать вновь действовать по старинке. Идиоты!

— А они имеют право распоряжаться штрафбатом? — Вакенши мрачно смотрел на суетящиеся на поляне фигуры, машинально поглаживая лезвие своей секиры.

— А ты пойди спроси. — Айяр угрюмо правил заточку своих клинков. Два месяца простоя, два месяца отделки и полировки, чтобы сгинуть в магической ловушке. Лесного воина это подавляло. — Любой маг уже по определению офицер, а если ещё и служит не первый год да успешно, наверняка высоких чинов. А даже если и нет — кто из маршалов откажет магам в их попытке восстановить магическую мощь? Это основное оружие наших армий, и если мы не вернём контроль над запасами льеха, войну мы проиграем. От чародея, который тратит все свои силы на поддержание собственной жизни, в бою мало толку, а сейчас таких почти половина. Никто не рискнёт становиться на пути

магов, решивших изменить положение вещей, да ещё ради кучки штрафников.

Словно в ответ на его слова, на поляне затрепетал небольшой круг армейского телепорта. Стандартного, без всякой вычурности, явно активированного артефактом. Конечно, мало у кого были такие игрушки, слишком сложная и дорогая вещица, но у высших офицеров они обязаны быть по должности. Вот только кому в голову придёт держать под рукой портал, настроенный на эту глушь?

— Льер Датим. — Один из магов, колдовавший над созданием сложного и большого портала, способного обеспечить переброску группы людей за линию фронта, обернулся и изобразил что-то вроде приветствия.

— Уже за работой? Похвально. — Об улыбку Датима можно было порезаться. — Насколько я понимаю, очередная группа по сбору мха?

— Совершенно верно. Хотим использовать кое-какие новые наработки. Два месяца — большой срок, и у нас появились новые идеи. Разрешение на операцию получено, гвардия страхует. Есть какие-то возражения?

Датим улыбнулся. Широко и спокойно. Слишком спокойно.

— Да какие возражения! Нужным делом занимается. Я только хотел нескольких человек в поиск отряхнуть, пусть по тылам пошарят, вдруг на новые ловушки наткнутся. Вам ведь непринципиально, сорок человек у вас будет или на три-четыре меньше?

Маги заколебались. Наконец один, поколебавшись, оглянулся на товарища и кивнул:

— Забирайте. Но не больше четырёх.

Глава разведки добродушно кивнул, повернулся к Иругу и чуть заметно подмигнул.

— Быстро он сообразил. — Айяр торопливо вскочил и помог привстать Вакенши. — Пошли скорее, лучше пробежаться по вражеским тылам, чем погибать ни за что.

Они успели сделать несколько шагов в сторону Датима, как сзади раздался недоумённый голос одного из магов:

— Льер, а как будет бегать по лесам этот недомерок с палочкой? Возьмите другого.

Вак замер, Лицо его налилось краской. Ну ведь мог бы отбросить подпорку и пройтись нормально! Ну и что, что больно, что швы разойдутся и кровь хлынет в сапоги? Всё одно в траве не видно! А что теперь?

— Похоже, вы правы. — Датим был, как всегда, бесстрастен. — Вакенши, вернитесь в строй, мне хватит и троих.

— Двоих. — Ладар сам не ожидал от себя такого, но он упрямо шагнул вперёд, твёрдо глядя в глаза маршала. — Вам ведь хватит и двоих, верно? Мне бы не хотелось оставлять друга.

— Что, рядовой, думаете, на сборке мха вам будет легче? Бегать не хочется? Может, передумаете?

— Ты что, чокнулся? — Вак оказался рядом, чувствительно ткнув под ребра своим пудовым кулаком. — Мне уже не помочь, так хоть сам не подставляйся!

— Не спеши помирать раньше времени. Я уже собирал мох и, как видишь, жив. Главное — не спеши иди точно по моим следам. — Ладар глянул в напряжённые глаза маршала и чуть заметно улыбнулся.

— Ещё не отошел после боёв на арене, раны ноют. Если можно, я травки пособираю, всё для ран полегче.

Датим задумчиво прищурился, подошёл к магам, поговорил с ними, пристально глядя в сторону Рикса, и, забрав Ируга с Айяром, исчез в очередном телепорте.

Ладар отошёл в сторону и, присев, достал тёмный клинок.

— И что теперь? — Вак плюхнулся рядом. — Ну не дурак ли ты?

Ладар тяжело вздохнул.

— Точно, дурак. Знал же, что могу тебе помочь, всё тянул — опасно, рискованно. В результате мы оба вместо лёгкой пробежки по лесам оказались в магических ловушках по уши. Давай снимай сапоги, лечить буду.

— Чем, тёмным клинком? — Гном недоумённо уставился на парня. — У тебя что, совсем крышу снесло? Даже тебе опасно прикасаться к его лезвию, что говорить о чужих!

— Доверься мне. Я уже справлялся с тьмой, что сидит в моём оружии.

Вакенши задумчиво уставился на парня.

— Значит, в тот храм ты не просто так полез? Балуешься магией смерти?

— Это что-то меняет?

— Да нет, мы под землёй давно не обращаем внимания на условности магических школ, главное — рациональность применения. Силёнок у тебя почти нет, это видно и невооруженным глазом, но даже если бы были — лечить ты всё одно не можешь.

— А мы рискнём! — Ладар подмигнул и скомандовал: — Сними бинты и, как клинок вспыхнет поярче, капни на него своей крови. Или ты думаешь, я не вижу кровавые разводы на твоих сапогах? Нужно было давно обувь привести в порядок, ведь совсем худая!

— Вот глазастый. — Вак крякнул и начал снимать сапоги. — Ну поглядим, как можно лечить магией смерти.

Закрыть глаза. Расслабиться, ощутить мир вокруг: солнце, землю, звёзды и бесконечный их хоровод. Найти

себя — крохотную букашку, участвующую в этом вселенском бесконечном движении, войти в собственное тело — и почувствовать иной, малый, но бесконечно разнообразный мир в себе. Последнее было сложно: куртка из шкуры василиска, небрежно накинутая на плечи, мешала, нарушая магические потоки. Пожалуй, перед сбором мха стоит одеться полностью, будет лишний шанс. А сейчас — ощутить клинок в руке, проникнуть в него, увидеть длинный коридор небытия, сидящего на страже зверя, его недовольное ворчание: «Где добыча?»

Подойдя, Ладар бесстрашно положил руку на лобастую голову.

— Не ворчи. У тебя запасов хватит на пару тысячелетий. Будет и охота, и добыча. А сейчас — мне нужно кое-что из твоих вкусностей.

И тут зверь прыгнул. Резкий рывок — и чужое небытиё схватило лакомую душу хозяина, пытаясь подмять, подчинить себе. Нет, не убить — всего лишь посадить на цепь, сделать послушным, старательным добытчиком лакомых кусков. Ладар ждал этого. Два месяца без крови для тёмного клинка не срок, но достаточный повод для недовольства.

И небытиё схлестнулось с небытиём. Чужое — со своим. Проросшим в плоти и крови, создавшим в теле невозможную, невидимую, несуществующую, однако действенную систему управления. Тонкие нити встопоршились, встали стеной, остановив чужую атаку — и принялись жадно поглощать пустоту.

Испуганный, жалобный визг. Зверь отпрыгнул, сжался в углу, испуганно поблескивая глазами. Он так был похож в этот момент пусты на большую и уродливую, но собаку, что Ладар не выдержал, сломав заранее заготовленный план дрессуры, подошёл, погладил тяжёлую голову.

— Ладно, не плачь. Погорячились, с кем не бывает. Ну всё уже, всё. Будет тебе и охота, и добыча, скоро... Перемирие окончено, впереди куча боёв.

Зверь притих и подставлял голову под ласку, задумчиво поглядывая на оставшуюся беспризорной кучку прошлой добычи.

— Зачем тебе мои кости? — Мысль была ясной, не похожей на обычные, еле различимые эмоции.

— Ого, ты можешь общаться? — Ладар довольно потрепал за ушами зверя. — Ты более разумен, чем прикидывался. Понимаешь, у меня проблема: я не могу лечить. Ни себя, ни... как бы тебе это объяснить, членов своей стаи.

Зверь задумался, покачивая головой, затем решительно подошёл к куче и, порывшись в ней, уронил к ногам человека небольшую, изъеденную крепкими зубами и временем косточку.

— Возьми. Жизни в ней почти нет, но она интересная. Знает много, может помочь. Поглоти её.

Ладар, машинально погладив покорно улётшегося у его ног зверя, подхватил чужую душу. Незнакомое, странное влияние. Кто бы ни был этот человек в прошлом, он явно был очень могущественен и знающ — соорудить из огрызков собственной души удобное для проживания местечко способен только выдающийся человек. И дело не в магических способностях, не в обширных познаниях: нужна огромная сила духа, чтобы и тут оставаться кем-то большим, чем кусок мяса для зверя.

Небольшая, два шага на три, каморка. Лёгкое кресло, на котором полулежит худая, измождённая фигура — с ясными, живыми глазами. И всё ещё не погасший огонёк интереса в них.

— У меня посетитель? Вот уж не ожидал увидеть кого-то здесь!

— Вообще-то я скорее ваш убийца. — Ладар несколько смущённо замер на пороге: здесь почти не было жизненных сил. Тех, на которые он так рассчитывал, зато сознание осталось ясным и чем-то похожим на его учителя.

— Позвольте, я догадаюсь: вы очередной владелец тёмного клинка и сумели забрать часть добычи у его звериной сути? Зачем же, позвольте спросить?

— Я взял его в бою! Со зверем я справился... ну пока справляюсь. Я немного знаком с магией смерти, а вот лечить себя не могу, приходится таскать жизненные силы из тёмного клинка.

Странный человек посмотрел на парня, взгляд его стал чуть рассеянным, словно он пытался магичить — хотя откуда у него на это силы?

— Очень интересно. Идущий тропой тени? Молодой человек, моих жизненных сил не хватит, чтобы залечить и царапину. А вот что касается знаний... У меня предложение. Я ненадолго растворюсь в вашем сознании, поживу за ваш счёт, так сказать. Для меня это возможность набраться сил: если даже вы меня сейчас упокоите по всем правилам, я просто не дотяну до порога. Взамен я подучу вас простейшим приёмам. Тем, которые вы в состоянии усвоить с вашим магическим потенциалом. Идёт?

— Давайте попробуем. Сейчас передо мной сидит приятель, у него были отрезаны пальцы ног, и всё никак не заживёт. Нужно закрыть раны и желательно дать ему возможность нормально двигаться.

— Для этого не нужно брать чужие силы, вполне достаточно использовать жизнь пациента. Позвольте взглянуть. — Измокшённый старец встал и легко шагнул вперёд, прямо в Ладара. Лёгкое щекотание — и сипал вновь увидел поле штрафбата. Прямо перед ним разматывал свои культи Вак, с надеждой погля-

дывая на замершего приятеля. Поодаль всё ещё возились с телепортом маги, а солнце только показалось из-за горизонта. Странное, непривычное ощущение коснулось сознания Ладара. Слёзы навернулись из его глаз.

— Простите. Я уже и не надеялся его увидеть. Таких малостей никогда не ценишь, не замечаешь, но именно их и не хватает, именно они оказываются дьявольски важны, когда шагнёшь за край. Солнце... сколько ж сотен лет я тебя не видел!

— Рикс! С тобой всё в порядке? — Гном недоумённо смотрел на плачущего приятеля.

— Да-да, сидите спокойно, молодой человек. Давайте поглядим, что у вас. Окаменение? Попали под магию земли? Юноша, смотрите: вот эти магические потоки отвечают за...

Незнакомец не договорил: две крепкие ладони схватили его за шею, приподняв над землёй, и принялись душить.

— Если ты, тварь, немедленно не вернёшь контроль тела моему другу, то я буду тебя мучить и пытать долго! Очень долго!

— Вак! Прекрати! Нам пытаются помочь!

— Рикс? Это ты? Если это ты, скажи, сколько у тебя было противников на соревнованиях?

Ладар улыбнулся и хотел было ответить, но внезапно понял, что не может управлять собственным телом. Кто-то чужой небрежно отодвинул его в сторону и, найдя подходящие воспоминания, хохотнул:

— Один настоящий. А так — три. Ну так лечить тебя будем или как?

Вак разжал ладони, подозрительно глядя на улыбающегося приятеля, и подвинул к нему поближе окровавленные ноги.

— Итак. Вначале нужно пережать сосуды и остановить кровотечение. Смотрите, для этого не обязательно действовать грубо. Вот в этих местах сосуды достаточно тонки, очень просто положить тут жгуты сил, и кровь станет густой и начнёт сворачиваться. Для обычной раны этого достаточно, дальше можно запустить процесс заживления, подстегнув токи жизни — видите, они идут рядом с токами крови? Их, наоборот, нужно расширить, направив побольше внутренних ресурсов к ране. Это делается так...

Ловкие, небрежные манипуляции магической силой его собственного тела. Ладар не мог шевельнуться, закричать, даже заплакать — он мог только смотреть и слушать бесцелесный голос, раздающийся в его голове. Голос, готовый звучать всё увереннее, поглощая жизненные силы организма.

— Хорошо. Но нам нужно большее — запустить регенерацию. Это достаточно просто сделать с эльфами, чуть сложнее с гномами. Из людей могут регенерировать только маги или пациенты с подпиткой жизненными силами извне. Смотрите: первый этап такой же, направить максимум жизненных сил к ране. Это понятно. А вот дальше начинается ювелирная работа: нужно воссоздать каркас жизненных сил, бывших в недостающих частях тела, и закрепить его магической энергией. Кстати, она разрушается быстрее всего, за пять-шесть часов, и если вы не хотите начинать сначала, соедините его с собственной энергией организма. Затем — каркас должен войти в общую систему жизнеобеспечения, с упором на максимальный и быстрейший прилив сил. И последнее: изменение краёв ткани. Нужно определённое воздействие, приводящее к ускоренному росту клеток, вот такое... запомнили? И ещё одно, замедляющее ненужный рост. Вот так? Понятно?

Ладар изумился. На его глазах произошло чудо: на кровавых обрубках показалась розовая кожица и начала закрывать всё тонкой плёночкой.

— Ну я выполнил вашу просьбу?

— Да, конечно! — Рикс наконец обрёл голос, пусты и внутри собственного тела.

— Я рад, что мог оказаться вам полезным. А теперь прощайте, молодой человек: у одного тела не может быть двух хозяев.

Непонятная сила схватила Ладара и принялась выдавливать его из собственного тела. Он отчаянно сопротивлялся, но дух не даром провёл предоставленное ему на лекции время: полностью перехватив ток жизненных сил тела, преобразовал и использовал их, чтобы уничтожить душу. Сипал захрипел, взмахнул руками, чувствуя, как темнеет в глазах, и вновь почувствовал себя болтающимся в небе в широких ладонях хмурящегося гнома.

— Рикс? Это ты?

И чуждый голос вновь легко ответил:

— Да я это, я! Вроде убедился уже, хватит ломать мне шею!

— Тогда скажи, сколько василисков было в подземном храме?

Чужое сознание вновь скользнуло в память Ладара в поисках ответов. Тому оставалось только недоумевать, не в силах изменить что-либо: почти мёртвый, он мог только недоумевать.

— Так... Один, второй, третий... ага, вот храм... и где василиск... Что это???

Летящие на них белоснежные стены. Чёрная тень в центре. Пустота — и небытие, окружающее двоих.

Ладар вновь почувствовал себя свободным. Сипал был под надёжной защитой тени, а в белизне стен корчился налившийся силой и мощью дух. Он успел

выпить почти все жизненные силы обманутого им парня, но здесь они были бесполезны.

— Ты так хочешь жить? — Бестелесный голос раздавался отовсюду. Он был беспристрастен и равнодушен.

— Я победил! Я захватил это тело! Теперь я — его хозяин! Никто не может мне помешать владеть им — по праву силы.

— Никто и не мешает. Иди и владей. — Спокойный, равнодушный глас. Приободрившись, дух принялся биться в белоснежные стены храма. Он не видел выхода! Тарабаня по белизне, тот всё дальше отдалялся от него — и приближался к чёрной воронке тени, в которой стоял Ладар. В какой-то момент, взвигнув, кинулся на стены всем телом, словно пытаясь пробить их — и, отскочив, оказался в чёрном пятне.

Впервые дух стал спокоен. Выпрямившись, он печально взглянул сопернику в глаза и с горечью выдохнул:

— Жизнь опьяняет почище наркотика. Прости, парнишка, я был не прав. На будущее: никогда никого не пускай в своё тело, если не уверен, что способен контролировать призванного. И чётко обозначай границы дозволенного. Я, обучив тебя лечению, оказался свободен. Кстати, это моя совершенно новая наработка, она, правда, годится только для ран, но зато послужит неплохо. Пользуйся, однако обучить других не пытайся без единения сознаний: такие тонкости на словах не передаются. Прости, если можешь, и прощай.

Узкая кисть прижалась к телу духа, и тот медленно растворился в расходящемся тумане...

— Рикс! — Пощёчина, здоровая и хлесткая. Ну и руки у Вакенши; если друзья такое получают, что же врагам достаётся? Ладар с трудом открыл глаза, чув-

ствую слабость во всём теле. Слабость — и волну силы, которая неспешно омывала организм, заряжая его бодростью и каким-то новым, незнакомым ощущением.

— Спасибо! Вак, ты меня спас, но теперь постарайся не убить.

— Ну наконец-то. — Гном шумно выдохнул и, сев рядом, достал из-за пазухи краюху хлеба. Торопливо откусив от неё сразу половину, он начал говорить:

— Ты бы себя видел. Весь зелёный, ну прям как трава! Говоришь как ни в чём не бывало, а сам на мертвеца похож. Я уже не знал, что делать. У нас в древних подземельях духи могли захватить тело гнома, если он терял голову отчего-то. Говорят, чем дух древнее, тем дольше не может справиться с нормальным управлением телом: то лицо зеленеет, то голос хриплый, то по телу судороги идут. Просто забывает, как правильно это делать.

Ладар, потянувшись, сел. Странное дело: вот только что не было сил и пальцем пошевелить, а теперь хочется горы свернуть. Похоже, древний маг начал перестройку его тела, не дожидаясь окончательного уничтожения прежнего владельца. Нет, что ни говори, а спецом он был отличным. Только чудом был изгнан. Чудом по имени Вак.

— Без тебя бы я пропал. За мной — долг. Как ты догадался спросить о храме?

Вак, докончив хлеб, потянул из-за пазухи здоровый кус мяса. Явно развелся не на шутку, раз не предлагает заначку приятелю.

— Я подумал, что духи боятся смерти. Для них и воспоминания могут быть опасны, особенно о таких вещах. Как, сработало?

— Да. Я слышал об убийственной силе некоторых знаний, но никогда не думал, что это так серьёзно. И знаешь, этот дух был не таким уж плохим, если

подумать. Он честно поделился со мной знаниями, а то, что хотел убить, — так это мелочи.

Вак поперхнулся недожёванным куском и, возмущённо выкатив глаза, собрался заорать, но тут по лагерю раздался звук горна и послышалась команда:

— Именем короля! Все в портал, живо!

Холм был почти такой же, как и в прошлый раз — ровный, аккуратный, покрытый нежным розоватым мхом. Льех — сила и надежда магов. Сколько их рождается? Один на тысячу? На десять тысяч? На сто? Гений, придумавший, как получать выжимку из мха, частично решил проблему с их редкостью. И, похоже, Ладар представлял ход его мыслей.

— Задача проста: подняться на холм, по пути собирая мох. Тому, кто принесёт охапку с вершины, зачтётся месяц штрафбата. Я не тороплю, вы сами теряете своё время. — Маг ухмыльнулся и отступил назад, оставив на своём месте странный прибор — треугольник с навершием в виде глаза.

— Ладар! Что это за фигня? — Вак с удивлением смотрел на странный механизм. — Я такой механики не видел.

— Это магомеханика. Орочий глаз. Ею балуются некоторые аристократы в качестве сигнализации. Любой вор, посягнувший на их хорошо защищённые драгоценности, поневоле вынужден применять либо магию, либо артефакты. И тогда этот глазик срабатывает и поднимает тревогу. Жаль, что видит только искривления энергий, а то он был бы незаменим. А так — только для специалистов.

— А сейчас он им зачем?

— Для фиксации результатов. — Ладар горько усмехнулся. — Нас уже списали. Мы будем по одному погибать. А маги — записывать сработку ловушек. По-

хоже, они в них так и не разобрались. Потом проанализируют. Сам смотри.

Один из детин, претендовавших на место Хорька, самый смелый или самый глупый, с решительным видом шагнул на холм. Яркая вспышка — и только пепел осыпался по склону.

— Нет! Мы все умрём! — Кто-то бросился бежать, но один из магов что-то шепнул — и дезертира скрючил приступ боли. Он упал и на глазах штрафбатовцев начал покрываться зелёной слизью, продолжая беззвучно вопить.

— Вот и альтернатива. Умереть быстро — или в муках. — Ладар бесстрастно пожал плечами.

— А почему ты так спокоен? — Вак задумчиво поглядел на напарника. — Мы же сейчас умрём?

— Я уже раз поднимался на этот или похожий склон. Правда, подобной ловушки ещё не было. Других — множество, но все локальные, я их просто обходил. А эта накрывает весь склон... и никак не фонит. Странно.

Несколько бойцов, пыхтя, подтащили ствол дерева и бросили его на холм. Ничего не произошло. Приободрённые, они попытались пройти по стволу. Вспышка сожгла и смельчака, и половину ствола, лежащего на склоне. Позади стонал покрытый слизью дезертир. Священник, белый как полотно, опустился на колени и принял молиться.

— Ты успел увидеть, откуда появляется огонь? — Вак деловито прикидывал, где может быть выброс пламени. Ладар отрицательно покачал головой.

— Нет. Это не рудничный газ, это чистая плазма. Она создаётся мгновенно, из энергетических потоков, появляющихся вокруг холма. Любая защита для плазмы — всё равно что пlesenуть масла в огонь. Но как это

всё делается, я не успеваю понять. Слишком быстро. И следов никаких.

Ещё один смертник, что-то глухо заорав, решил с разбегу перепрыгнуть опасное место. Его пепел упал у самого подножия холма, лишь чуть припорошив розовый мох. Маги бесстрастно наблюдали. Дезертир, не в силах терпеть боль, пополз к холму, мечтая о скорой смерти. Вместе со слизью на траве оставались куски его плоти.

Один штрафник выхватил меч и кинулся на магов. Порыв ветра подхватил его и бросил на холм. Зола вновь удобрила почву.

— Я не успеваю ничего рассмотреть. Это как удар молнии, даже быстрее. — Ладар с досадой посмотрел на магов. — Эти щенки ничего не смогут понять в своём артефакте, он не сумеет показать детали столь резкого выброса энергии.

Двое штрафников пошли по кругу, пытаясь обойти страшную ловушку. Их пепел показал, что она закрывает весь холм. Несколько солдат присоединились к священнику. Дезертир дополз наконец до огненного круга. После того как границу пересекла его голова, сверкнул разряд, и стоны смолкли. Настала тишина, и только лёгкий ветерок играл со свежим пеплом.

— Мы обречены. — Вак вздохнул. — Прости, что втянул тебя в это. Тебе нужно было остаться с остальными. Бегали бы сейчас по лесам, и никаких тебе серебристых молний.

— Ты заметил серебристые молнии? — Ладар ожидался. — Я уже видел их на этом склоне. Возможно, я успею увидеть их ещё раз и среагировать, но тогда я просто отшатнусь и останусь у подножия. Маги правы: тут нужно наблюдать процесс с самого начала, чтобы понять его источник.

— Сын мой! Ты всё ещё веришь, что смерть прекрасна? Ты всё ещё желаешь увидеть её лик? — Отец Фодр подошёл неожиданно. Лицо его было бледным, зато глаза сияли. — Может, пришла пора подумать о Создателе?

— Нет времени на покаяние. — Ладар торопливо отмахнулся. — Если у меня не получится и я предстану перед Творцом, надеюсь, он будет судить меня по делам, а не по льстивым и испуганным словам.

Рикс подошёл поближе к краю, подхватил большой щит и бросил его на склон. Тот тяжело упал на мох, придавив его край — и остался цел.

— Металл задержит магию. Попробуйте пройти по нему, а я постараюсь вам помочь. — Выкрикнув это в сторону штрафников, Ладар торопливо вытащил небольшой метательный нож — остро наточенную рыбку, которую ему подарили в его первый день в штрафбате.

— Вакенши! Держи и выполнни всё в точности, как я прошу. Расстегни на мне кожу василиска, чтобы не мешала, и прямо сквозь рубаху медленно вонзи его мне в грудь. Только медленно, не торопись. Если я отклонюсь — нормально, но сам не останавливайся. Понял?

Совершенно круглые, огромные глаза.

— Я же тебя просто зарежу!

— Может быть. А может и нет, некогда объяснять. — Заметив очередного штрафника, неуверенно подходящего к щиту, сипал встал прямо напротив холма, прижав нож к груди, и знаком показал гному, чтобы тот начинал.

Тонкие, неуверенные магические кружева. Как повторить то, что произошло в его старом деревенском доме, перед тем как тот загорелся? Впрочем, ему не нужен весь ритуал, только крохотная его часть.

Мир замедлился и стал чёрно-белым, словно все краски разом выцвели. Штрафник занёс ноги над щитом. Ладар аккуратно, медленно, словно преодолевая быстрое течение, отстранился от клинка, успевшего на полпальца войти в его плоть, и, повернувшись, принял ся следить за подножием холма, отслеживая движение смертника.

Вот нога, обутая в грубый башмак, преодолев невидимую границу, встала на склон. Вес тела пошёл вперёд, и оно медленно, словно нехотя, двинулось вперед. Голень. Колено. Пах. Грудь. Голова с неуверенной улыбкой надежды, зависшая над щитом — последнее, что успел увидеть сипал. Затем из земли ударили молнии. Вначале тонкая серебристая лента выступила из травы, из кустов, с вершины холма. Три круга на склоне насчитал Ладар. И каждый выстрелил в нарушителя серебристой лентой, уже на лету превращающейся в клубок пламени. Три раскалённые кляксы ударили в замершее тело — и опали. А в воздухе повис силуэт человека, сотканный из пепла.

— Нравится? — Из-за спины показался тонкий силуэт Илис. — Красивая разработка. Кстати, поздравляю. Ты впервые сам вошёл в моё пространство, пространство действия смерти. Но здесь мы общаться не можем, тут я работаю.

— Я — тоже. Не подскажешь, это что такое? Как можно совместить «зимний взрыв» и магию плазмы да ещё навести так точно на нарушителя?

— Только магией жизни. — Илис грустно улыбнулась. — Самая чистая и самая лучшая из магических практик, призванная защищать и беречь жизнь, стала основой самого убийственного на моей памяти плетения. А теперь иди отсюда, мне работать пора.

Тонкая кисть толкнула парня в грудь, и он упал на землю, в обычный мир, мир ярких красок, свежего ве-

тра, ярко светящего солнца и нетерпеливо ожидающих очередного смертника магов.

— Что застыл? Давай, ты следующий! — Скучающий маг, ухмыляясь, указал рукой на склон. Ладар внимательно посмотрел на ухоженное, холёное лицо, на скучающую гримасу, презрительно-насмешливый взгляд.

— А ведь вы такое же мясо, как и мы. Не обидно?

— С чего ты взял, быдло? Шагай давай!

— Я представляю, сколько сил вам приходится затратить, чтобы построить портал сюда, на чужую сторону, а потом ещё и обратно. Хотя нет, обратно легче — можно воспользоваться стационарным амулетом, нацеленным на предыдущую точку входа. Так расход маны больше, но зато не приходится выкладываться зараз, можно не спеша подкопить её.

Второй из магов заинтересованно глянул на штрафника.

— О, у нас тут одарённый? Энергии крохи, а туда же, судить дипломированных специалистов. Хочешь пойти ко мне слугой? Будешь амулеты заряжать, все свои силёнки сливать, но зато жив останешься.

Ладар ухмыльнулся.

— Нет, рабом маны быть нет желания. Особенно у тех, кто завтра сам пойдёт на этот склон. Предпочитаю не оттягивать неизбежное, прощайте.

Небрежно кивнув, он развернулся и направился к холму, внутренне посмеиваясь и считая шаги. На четвёртом его окликнули:

— Стой! С чего ты взял, что за мхом будут посыпать магов?

— Ну это же очевидно. Магическая защита вашего лакомства построена на двух взаимоисключающих стихиях, зимы и плазмы, ни один амулет защиты от неё не удержит, сгорит. Значит, будут делать независимые

и, чтобы они не конфликтовали меж собой, вешать на тех, кто в состоянии их контролировать. И отправлять кого не жалко — например, тех, кого гоняют на строительство сверхмощных порталов.

Ладар откровенно забавлялся, глядя, как от раздумий с лиц мальчишек слезает гримаса высокомерия, сменяющаяся мучительным раздумьем.

— А с чего ты взял, что тут две стихии?

— Вы что, все занятия в своих академиях прогуливали? Если уж обычный крестьянин это видит, то вам просто положено по статусу.

Один из магов хотел было вспылить, но второй успокаивающе положил ему руку на плечо, обронив:

— Существовало такое предположение. Вот только пока даже теоретически невозможно объяснить, как соединить подобные вещи. Расскажи — и пропадёт необходимость посыпать вас на убой. — Быстрый кивок в сторону склона.

— У меня есть идея. К сожалению, всё на уровне гипотез, но как её проверить, не вступив на склон самому, я не знаю. Так что я сейчас иду, а если мой пепел будет развеян, передайте руководству: всё соединяется...

Их прервал дружный хор. Довольно давно отец Фодр начал что-то горячо проповедовать штрафникам, горячясь и размахивая руками. Те, вначале вялые, постепенно воодушевились, начали вторить, и вот уже подножие склона заполнили крики:

— С нами Создатель! Он нас спасёт! Вперёд, во славу Единого!

Спаянная разгорячёнными словами толпа кинулась к склону, осеняя себя знаками божеств.

— Стойте! Да остановитесь же! Что за безумие! Я почти всё продумал, вы не умрёте, да стойте же! — Пытаться вставать на пути охваченной фанатизмом

толпы опасно. Ладара отшвырнули в сторону, Вакенши в огромном прыжке успел подхватить падающее тело, не дав ему коснуться склона, и потащил в сторону. Первым шёл отец Фодр. Его тело, охваченное сиянием, казалось, плыло над землёй. Ослепительно-белый свет исходил из глаз, лился на людей вокруг, снимал усталость, заряжал бодростью, вселял надежду. Люди бежали за ним, крича что-то невразумительное, падали на колени.

— Спаси нас, святой! Спаси!

— Спасаю не я, спасает вера! Верьте — и идите за мной в царствие небесное!

Высоко воздев над собой руки, взывая к Всевышнему, отец Фодр торжественно вступил на закрытый защитой склон холма. Взрыв был чудовищен. Первые несколько рядов идущих за священником рассыпались в пыль, несмотря на то что не успели подойти к опасной границе. Остальные, со вспухшими, покрытыми ожогами телами, скуля, начали расползаться по подножию холма.

Ладар с трудом подтянулся и сел. Болела голова; похоже, его изрядно приложило о камни. Во рту была кровь, и, сплюнув разбитыми губами, он увидел куски зубов. Вакенши сидел рядом и баюкал руку — та была поломана или вывихнута, времени, чтобы разобраться, не оставалось. Маги, стоявшие дальше остальных и прикрытие пологом защиты, почти не пострадали и теперь возились со своим глазом, сдвинутым взрывом.

— Вот вам и необходимый эксперимент. — Ладар говорил с горечью. — Да, мне важно было выяснить, как защита отреагирует на магию жизни, но не такой же ценой?

— Это была магия жизни? — Вакенши задумчиво поглядел на развороченную землю у подножия

холма. — Вроде она самая безвредная. Ну там раны залечить, дом осветить, урёжай вырастить.

— Совершенно верно. И ещё: в том или ином виде она есть в теле любого живого существа, почему так и называется. И священников учат ею пользоваться, стараются подобрать тех, у кого способностей к ней больше. Недаром многие называют её ещё и магией света: видел, каков он был? Да и дела соответствующие: на верняка мог раны наложением рук исцелять, над землёй летать, улучшать урожайность полей и судьбы людские. Слышал о благословении Света?

— Ну а полыхнуло почему тогда? — Гном, со своименным его народу упрямством, от избранной темы не отходил.

— Да всё просто. Умельцы из Ронхара использовали её следы в людях, чтобы безошибочно наводить свои заклинания. Единственная следилка, которая не вредит мху, может быть только из магии жизни. Она же заодно находит цель и компонует на краткий миг две несоставимых магических энергии.

— Чушь! — Один из магов подошёл поближе и услышал окончание разговора. — Магия жизни не применяется в военном деле.

— Всё когда-то бывает впервые. Сейчас мы это проверим, но я хотел бы предложить пари. Вы как, азартны?

— Странный нынче народ. — Подошедший второй маг с интересом посмотрел на штрафника. — И что ставишь на кон?

— Жизнь, что же ещё? — Ладар пожал плечами. — Если я поднимусь на вершину холма и принесу вам охапку мха, вы никого сегодня больше на него не погоните. Во-первых, кроме меня, не осталось никого более-менее здорового, даже если пройдут, ничего не наберут. Во-вторых — у них по-любому нет шансов. Идёт?

Маг оглядел стонущих людей, сосредоточенно перетягивающего руку Вакенши, упрямо стиснувшего разбитые губы Ладара.

— Идёт. Вас всего пятеро, вернуть вас назад будет не слишком сложно. Но только если ты принесёшь мх.

На поляну опустилась тишина. Прервались все стоны, стихли разговоры. Шесть пар глаз уставились на сипала: кто с иронией, кто с надеждой.

Закрыть глаза. Отрешиться от жизни и смерти, от всего, что заставляет нас любить и страдать, от боли в голове, от разбитых зубов, от надежды... Труднее всего было отказаться от надежды. Глубже, ещё в глубь себя. Туда, откуда ты пришёл и куда уйдёшь вновь — в небытие, самый главный страх и ужас человека, но для преодолевшего его — самый надёжный друг. Пустота взметнулась, освобождённая, готовясь поглотить всё вокруг — и замерла, скованная волей человека. Плотный кокон небытия охватил тело человека, прильнул к коже — и замер, чуть слышно пульсируя. Плотней, ещё плотней. Небытие, холода ладони, росло и росло, пока в какой-то момент сипал не понял: больше он просто не удержит. Пустота выйдет из-под контроля, поглотив вызвавшего её, магов-недоучек, решивших, что им из-за тонких, лёгких защит ничего не грозит, — и заодно всех людей вокруг и большую часть холма. Довольно. Ровно, спокойно повернувшись, шагнул на склон, покрытый розоватым слоем льеха. Сердце тревожно дрогнуло, однако Рикс тут же усмирил народившиеся чувства: нельзя нарушать сосредоточенность, позволив пустоте раскрыться. Шаг. Невыносимо долгий, но ровный и спокойный. Перед глазами вспыхивает и пропадает ровная стена черноты — сменяясь видом поля, покрытого мхом. Тот чист — и лишь редкие пятна черноты указывают

места притаившейся смерти. Не удержавшись, Ладар подошёл к ближайшему скоплению льеха, набрал полные руки и кинул к ногам магов. Те стояли с глазами, словно у сов, большими и быстро вращающимися. Что было тому причиной, магия или крайнее изумление, Ладар думать не стал: развернувшись, он неспешно направился к вершине.

— Это вышло здорово! Ты их сделал! — Вакенши радовался, как дитя, развалившись на родной лавке в землянке штрафбата. — Они даже нас подлечили, причём по собственной инициативе, что вообще невероятно. И, кстати, те утырки, что выжили благодаря тебе, они смотрят на тебя как на бога. Так что когда вернутся Ируг с Айяром, нужно начать их гонять и брать на серьёзные задания — они теперь не подведут, пойдут не спрашивая хоть в пекло, не то что за линию фронта.

— Так, погоди. — Голова кружилась, во рту пересохло, страшно хотелось пить. Последнее воспоминание: он спускается с холма, кладёт третью или четвёртую охапку мха и убирает небытие. Затем — темнота.

— Погоди, не тараторь. Что было-то?

— А ты что, ничего не помнишь? — Вак удивился. Так ты несколько раз на вершину поднимался, словно это прогулка где-то у вас в деревне, а не сорище смертельных ловушек. Лицо белое, глаза чёрные, даже белков не было видно, и ходишь так плавно, словно летишь... А под конец последнюю охапку положил, постоял и упал. Ну тут эти заморыши — маги засуетились, подскочили, стали лечить, потом сказали, что ты просто устал, отдохнёшь и сам проснёшься. Ну и нас заодно подлатали.

— Ну гном, ну святая простота. Скорее всего, они меня усыпили и просканировали. Не знаю, что хотели

найти, однако не нашли точно, иначе бы мы с тобой не разговаривали. А вас — заодно. В благородство решили поиграть, ну и подстраховались: в тот момент вы бы за меня любого порвали.

— Может, и так. — Вакенши задумался. — Но получилось всё отлично. Нас подлечили, тебя, кстати, тоже, претензий никаких, так что — отдохаем!

— Ну уж нет! — Ладар возмущённо пихнул развалившегося гнома в бок. — Где твоя природная гномья глотка? У меня тут живот сводит, а ты бездельничаешь!

— Как ты думаешь, много народу возвращается после таких заданий? — Вак пригорюнился. — Довольствия сегодня не было, никто не рассчитывал, что мы вернёмся. Так что мне пришлось поскандалить и выбить копчёное мясо и сухари, но они быстро кончились.

Увидев возмущённое лицо Ладара, гном заржал в голос и добавил:

— Не переживай, ребята; видя, что ты такой болезненный и никак не приходишь в себя, раздобыли несколько перепёлок, не иначе наладил кто-то силки ставить, сейчас дожаривают и несут. Надеюсь, и измученному голодному гному что-нибудь перепадёт.

— Ну это вряд ли. — Почуяв грядущий обед, Ладар мигом повеселел. — Когда сухпай доедал, ты о моём голодном желудке не думал?

Смех, удовольствие — прошло ещё одно испытание войной, они прожили ещё один, невероятный и сумасшедший день. Затем и правда умопомрачительные перепёлки, которых изголодавшийся штрафник ел вместе с хрящами и мелкими косточками, с удовольствием их разгрызая, чем заслужил уважительные взгляды гнома.

Блаженство продолжалось до вечера — пока из размазанного пятна портала не выпал пьяный в хлам

Датим с полупустой бутылью гномьего огонька в руках. Всю сонную одурь как рукой сняло. Оглянуться по сторонам, выискивая посторонних, торопливо отослать удивлённого Вакенши проведать сослуживцев, затащить Датима в землянку и поставить самый плотный из пологов молчания, который когда-либо мог сделать маг-недоучка. И лишь после этого позволить себе короткий вопрос:

— Они живы?

— Ты думаешь, это всегда хорошо — быть живым? — Датим пьяно ухмыльнулся. — Думаешь, я не понимаю, что сейчас им лучше быть мёртвыми? Уже два часа, два страшных часа я не могу отдать приказ о их смерти! Выпьем!

— Ты их потерял?

— Они не вышли на заданную точку. Уже два часа, как их нет. Ты будешь пить или мне всё допивать самому?

— Это мелочи. В рейде бывает всякое. Два часа — не срок. Откуда такой мандраж?

Трясущейся рукой Датим налил себе стакан гномьего огонька, с напёрстка которого, бывало, падали и крепкие, сильные воины, лихо опрокинул в себя — и замер, прямой и обманчиво трезвый. Голос его, когда он заговорил, напоминал разбитое стекло с острыми краями, прозрачное и где-то даже красивое, но тронь — порежешься.

Маршалами чаше всего становятся не за заслуги. Родовитые предки, определяющие ребёнка на службу ещё до рождения; влиятельные знакомства, помогающие не продвигаться — взлетать по карьерной лестнице. Интриги и предательство, сплетни и протекции, случайные и тщательно выстраиваемые — вот ступени к славе, к почестям. К богатству. И только в армии, и только во время войны бывает иначе.

Ируг был «солдатским маршалом». Обедневший род, настолько бедный, что над ним даже не смеялись — есть ли смысл смеяться над нищетой древних воинов, у которых не осталось ничего, кроме чести? Удовольствия — никакого, а вот неприятностей от этих сумасшедших получить можно. Ируг был младшим в роду. Его обучал премудростям военного дела отец, гоняли по двору, тренируя до потери сознания, старшие братья, но купить ему офицерский чин или полк, чтобы поступить на службу, у семьи не было возможности. И младший, надежда семьи, пошёл служить обычным солдатом. Несколько лет, скав зубы, он воевал на передовой, стремясь в самые опасные, яростные места, пока начальство не поняло: малыш просто не умел проигрывать. Как бы тяжело ни было, как бы плохо ни становилось, он шёл до конца, стиснув зубы и заражая своим примером окружающих. И неизменно выигрывал. С способного юнца заметили — и стали использовать. А тот воевал, одинаково легко командуя отрядом, ротой, полком. Армией. Показывая недюжинные знания, вбитые ему отцом, и отвагу, унаследованную от череды предков-воинов. Его кидали с одного горячего места на другое, им закрывали дыры, им восхищались... и ему завидовали. Слишком быстро он поднялся, слишком горд и независим был, признавая службу даже не королю — отчизне. Такого не прощают.

Однажды в их обветшалое поместье пришли подводы, груженные продовольствием, стройматериалами, одеждой. Растропные солдаты скинули груз посреди двора, крикнув, что это посылка их младшего сына, и исчезли. За ними, практически сразу, нагрянула королевская инспекция. Среди вещей, принадлежащих врученному Иругу под командование гвардейскому полку, оказался и сундучок с полковой казнью.

Пока командир мотался по передовой, нашлись умельцы, провернувшие такую операцию. Датим, считавший себя учеником «солдатского маршала», был уверен, кто именно провернул и по чьему заказу. Он рыл землю, пытаясь оправдать своего учителя, но концы были надёжно обрублены и Ируг оказался на передовой. Позже умельцы погибли: кто от случайной пули, кто от рук пьяного собутыльника, а кто и по более серьёзным обвинениям. Датим никогда не прощал своих врагов. Больше всего он боялся, что его маршал сломается в штрафбате. Но тот остался победителем и здесь. Из ничего, из крови и смерти умудрялся готовить элитных бойцов — не тех, кто хорошо дерётся, и не тех, кто кладёт врагов тысячами, — тех, кто возвращается с задания.

В разведке появились волки, способные изменить исход войны. Датим был счастлив. Одно его расстривало: он уже несколько раз пытался перевести своего учителя в разведку. Корона сквозь пальцы смотрела на подобное: смертность в штрафбате и разведке была примерно одинакова, а пользы намного больше. Но Ируг, глубоко оскорблённый неверием короля в его честь, наотрез отказывался покидать штрафбат, продолжая выполнять нелепые, самоубийственные задания, в которых можно было погибнуть легко, глупо и практически моментально. Датим опекал учителя как мог. Узнав, что элитную роту штрафбата готовятся отправить на поля льеха, он придумал этот смешной, нелепый рейд — простой и практически неопасный.

— Ты понимаешь иронию, малыш! Да не вскидывайся ты так, тебе ещё далеко до пса войны, что бы ты о себе ни воображал. Лучше наливай почаще... Ирония в том, что ты, уйдя на безнадёжное предприятие, вернулся, а мой учитель с совершенно лёгкой прогулки — нет.

Если бы я не отправил его туда... Если бы не придумывал всякие глупости, Ируг был бы жив!

— Что именно вы им поручили?

Датим прищурился:

— Хочешь узнать что-то, до чего не смог додуматься я? Валяй! Ничего! Совершенно ничего! Суть их пробежки была: проверка боеготовности противника. Два заряженных амулета с двумя порталами: один вел в неглубокий вражеский тыл, второй — обратно. Активировав первый, они должны были пробежать максимально большое расстояние по тылам противника, изучая изменения их тыловой линии, и при малейшем признаке опасности прыгнуть во второй портал! И всё!

— С чего вы решили, что они живы?

— Их эмблемы не погасли! Магически такие вещи несложно отследить. Значит, живы, только почему-то не двигаются и находятся в небольшом хуторке, а им категорически было запрещено заходить в населённые пункты. Что ещё, стратег ты наш?

— Первый вариант: крот всё ещё действует, и их ждали. Кто настраивал портал?

Датим слабо махнул рукой.

— Там копают. Я пьян, но я не идиот. Я знаю, что мне делать — я не понимаю, как мне жить. Ируг трижды, ты понимаешь, трижды спасал мне жизнь! Как девке! А я ничем не смог ему помочь.

Ладар с трудом припомнил этот обычай, распространенный среди аристократии Кирола. Если один дворянин спасал жизнь другого, тот должен был отплатить тем же либо заплатить за эту услугу по собственному весу — золотом. Впрочем, это касалось только мужчин. Для женщин негласные законы были мягче: чтобы объявить её должницей, её нужно спасти трижды. После чего у неё также было три

варианта: вернуть долг, спасая своего спасителя, отдать деньгами — или тем, чем обычно расплачиваются женщины.

— Значит, пора возвращать долги. Нужно организовать спасение. Мне нужен такой же амулет, способный вытянуть меня обратно сюда откуда угодно, только на этот раз убедитесь, что он исправен.

— Мальчик, что ты можешь сделать? Ты понимаешь, нас там ждут! О «солдатском маршале» слышали многие!

— Именно поэтому я не прошу портала на ту сторону. Пойду сам. Но мне нужна доставка на максимально близкое расстояние, какое возможно, не переходя линии фронта, и подробная карта местности. Это возможно?

Датим резко отодвинул от себя кружку. Та упала, залив стол, но он даже не заметил этого. Глаза его лихорадочно засияли.

— Это легко. Что ещё?

— Ещё мне нужен приказ. Максимально сильный, позволяющий воспользоваться магическими возможностями клятвы по максимуму.

— Я, льер Датим, глава общевойсковой разведки северной армии Кирола, ставлю задачу рядовому Ладару Риксу: найти и по возможности доставить в часть своих сослуживцев рядового Ируга и рядового Айяра. Приоритет задачи три звезды. Доволен?

Ладар пожал плечами.

— Наверное. Есть у меня одна задумка, поглядим, как сработает. Когда я могу начать?

— Немедленно! — Протрезвевший Датим потянулся за переговорным амулетом.

Тень ночи уже накрыла своей вуалью землю — пока ещё лёгкой, дымчатой, подсвеченной заходящим солн-

цем, с играющими розовым покровами облаков, но тем не менее уже скрывающей свет и расстояния, тревожащей и обманывающей глаз.

Ладар сидел на краю реки, за густыми и колючими кустами, которые, как он помнил, неплохо могли скрыть присутствие наблюдателя. А даже если и нет? Дозоры никто не отменял, а что касается лазутчиков — так все магические защиты уже на максимуме; чтобы их вскрыть, нужны или могущественные маги, либо полк метателей и невероятная удача. Ронхарцы могли быть спокойны и не обращать внимания на простого солдата, забежавшего в кустики. Пусть себе сидит, из-за каждого дозорного вскрывать систему вражеской защиты, не менее изощренную, чем собственная, себе дороже. Всё одно — ничего не увидит, даром, что ли, брустверы насыпали?

Ладар и не пытался смотреть. Закрыв глаза, молодой сипал пытался нащупать нити жизни и смерти, идущие с другой стороны реки. Там, за скрытыми магическими щитами и земляным холмом вражеской стороны, тоже должны быть места, где множество людей, и те, где их мало. Для смерти нет преград, её можно ощутить издали, ощутить её сладость и вкус, её бесконечный уход в себя саму... И она есть в каждом, во всём живущем. Нужно лишь найти крохотный комок небытия под сердцем — и никакие защитные пологи не скроют численность тех, кто идёт дорогой смерти — и жизни.

В этот раз место было то, что надо. Не пустынное, где легко наткнуться на наблюдателей и дозорных, неважно, человеческих или нет, и не битком набитый лагерь, где сложная система охраны делала передвижения без распознавания по эмблеме невозможным. Нет. Маленький, расположившийся взвод охраны и палатка магов, поддерживающих защитные плетения.

С одной стороны, разгильдяем, прохаживающимся по окрестностям, тут никого не удивишь, тревогу это не вызовет, с другой — народу у командира подразделения слишком мало, чтобы организовать качественное наблюдение за всем участком, его первоочередная задача магов охранять, а уж наблюдать те должны. Пара-тройка дозорных выставлена, вон мигают серые всполохи чужого небытия вдоль берега, но их слишком мало, проскользнуть вполне реально, если обмануть чужую магию.

Вздохнув поглубже, Ладар лёг на землю и принялся погружаться в себя, наблюдая за играющим в теле воздухом. Войдя в лёгкие, он кружился в них, омываемый тонкими струйками крови. Отщипывая по пузырьку, та уносила эту необходимую для жизни, невесомую субстанцию, питая ею мышцы, сухожилия — даже кости. Но главное — питая разум. Без подпитки воздухом тот моментально начинал сбоить, отказываясь работать, тончайшие магические токи, испускаемые им, прекращались, затем отказывались поступать энергетические импульсы, заставляющие двигаться тело, и жизнь покидала его.

Магические импульсы... Скорее тонкие энергетические команды, поддерживающие привязку души и тела. Разрушать их смертельно опасно, однако придется — именно на магию жизни завязана сигнальная система ронхарцев, он уже в этом убедился. Значит, нужно изменить привычную связку. Напитав сознание энергией, сипал оторвался от тела и поднялся повыше, наблюдая за собой со стороны, лежащим на земле. Это было довольно простое упражнение, нечто подобное он проделывал ещё в деревне, со своим учителем. А вот то, что последовало дальше, выглядело смертельно опасным. Аккуратно поставив самые сильные щиты, которые только мог воздвигнуть, сипал резким

движением оборвал связывающие его с телом нити. Несколько голодных духов, вечно летающих недалеко от людей, устремились к оказавшемуся без защиты тела лакомому кусочку энергии, однако были остановлены силовым коконом. Завывая, они принялись кружиться вокруг, но новая защита выдержала и пока они были не опасны. Теперь — тело. Оно было подобно овощу: разум ушел, однако дыхание работало, кровь бежала по жилам, магия жизни продолжала вырабатываться. Нужно погрузить рефлексы в глубины жизни, так глубоко, чтобы они подошли и встали на грань не бытия. Нужен сон — самый глубокий из всех возможных, глубже и сильнее летаргии. Как заставить мозг заснуть? Да очень просто — убрать его активность. Сфера пустоты, окружившая голову лежащего на земле тела, высасывая энергию импульсов, делала их редкими и слабыми. Усиливая и ослабляя сферу пустоты, сипал внимательно наблюдал за сокращениями сердца. Удар. Комок мышц выплюнул ком крови, разгоняя её по жилам. Ещё удар, слабее — ток живительной влаги замедлился, в ней уже не было той силы, что, словно цунами, омывает всё тело. Ещё слабей. Кровь превратилась в тихую заводь, она стояла неподвижным болотом, и только где-то глубоко внутри чувствовалось еле слышное течение. Довольно. Подлетев поближе, сипал осторожно втиснулся в ставшее чужим и безвольным собственное тело, аккуратно перехватывая у уснувшего мозга управление некоторыми функциями организма. Так, встать. Мышцы неловко подогнулись, руки бесполково заёрзали по песку. Оказывается, это не так просто. Ещё раз. Пошатываясь и держась за ветку куста, новоявленный зомби с трудом поднялся, оглядываясь вокруг закрытыми веками глаз — и двинулся к воде. Шаг-другой — и струи реки скрыли его с головой.

Блин, нужно было чем-то залепить рот, нос и уши! Вода, булькая, заливалась в лёгкие, откачивай её потом оттуда. Идти было тяжело, ноги потеряли чувствительность, не чувствовали неровности дна. Несколько раз, цепляясь за коряги, он падал, хорошо хоть вода пружинила и всегда успевал подставить руки. Ужасно хотелось помочь себе магией, но есть ли смысл изгонять один её вид из собственного тела, чтобы потом привлекать к себе внимание всех чародеев в округе другим. Шаг. Другой. Ясно видимые в магическом зрении, подплывали рыбы. Некоторые, самые наглые, пытались отхватить от затонувшего мертвеца лакомые кусочки, приходилось двигать ещё и руками, отгоняя назойливых падальщиков реки. Шаг, ещё шаг. Облачка донного ила поднимались, закрывая видимость. В нём слишком много останков, ил — это сбrierие всего, что умирает, опускаясь на дно, он мешает зрению, основанному на магии смерти. Шаг. Старый, прогнивший остов судна. Приходится поворачивать и идти в обход. Так можно сбиться и с направления, но маячки видны: две группы наблюдателей, несколько серых комков небытия пульсируют на вражеском берегу, нужно вписаться между ними, пройти как можно дальше и от одного, и от другого. Дощатая преграда наконец кончается, но шаг вперёд показывает — это просто пролом. Под ногами — палуба трюма, какие-то сундуки, бочки... Небольшая шкатулка стоит, вся покрытая зеленью, на одном из сундуков. Усмехнувшись, он подхватывает её рукой и, размахнувшись, бьёт ею по противоположному борту. Удар получается неожиданно мощным, гнилые доски не выдерживают, лопаются, и в образовавшийся проход теперь можно пролезть. Шкатулка раскрывается, драгоценные камни тонут в донном иле. Подхватив, сколько можно, негнущейся рукой, он сует стекляшки за пазу-

ху: стоящему на грани чужда алчность, но воин в глубине разума оживает: подобные побрякушки — опасное оружие, они пролили крови больше, чем любой из войсковых метателей, признанный самым опасным из современного вооружения.

Толща воды над головой становится меньше, ил под ногами истончается — берег близко. Маячки патрулей мигают сонно, они далеко и скрыты земляным валом, можно выбираться. Магия не дала всполохов, первый круг защиты пройден, его никто не заметил.

Голова зомби поднялась над поверхностью, вода потекла с волос, одежды, из раскрытоего рта. Неловко двигая ногами, он приподнялся выше и полез на земляной бруствер, помогая себе руками, глубоко вонзая ладони в землю и не обращая никакого внимания на кровоточащие пальцы. В какой-то момент вокруг него образовался лёгкий, невесомый пузырь — и соскользнул, пропустив сквозь защиту. Есть! Скатившись вниз с земляного холма, зомби забился под ближайший развесистый куст и замер. Нужно было восстановливаться.

Вначале изо рта хлынула вода. Пузырясь и булькая, она стекала по щекам, шее, остававшимся совершенно неподвижными. Затем понемногу забилось сердце, начали двигаться лёгкие. Тело выгнуло дугой, по нему прошла серия судорог, и кровь забурлила в жилах. С лёгким щелчком встали на место поломанные пальцы, раны закрылись, и человек открыл глаза. В них ещё мелькали отголоски недавней боли, но уже светился разум. Несколько раз сжав и разжав пальцы, он смотрел на них, что-то прикидывая.

— Очень интересно! Значит, сочетание магии смерти и магии жизни — пусть последней всего-то самую малость — столько, сколько есть в обычном человеке, может дать серьёзное исцеление. Нужно запомнить,

это пригодится. Наверняка пригодится. — Ладар тяжело вздохнул. — Скорее всего, магия жизни неосознанно пытается уничтожить магию смерти и по максимуму заполняет сосуд, оставленный последней.

Встав, аккуратно оглядел берег, что-то прикидывая, и заскользил по лесу, вспоминая на ходу карту. Ночь уже полностью вступила в свои права, а до нужного хутора бегу оставалось несколько часов. Два неторопливых патруля, фланирующих по лесным тропинкам, он заметил ещё издали и предпочёл обойти по широкой дуге. Справиться с топающими, шумящими одышкой и прокисшим пивом вояками было легко, но это наверняка подняло бы тревогу в основном лагере, и все труды по незаметному проникновению на вражеский берег пошли бы насмарку.

Тело, получившее второе рождение, было полно жизни. Оно жаждало действия: превратить тихий, словно крадущийся бесшумный бег сквозь заросли в нечто громкое и быстрое, помчаться сломя голову, не разбирая дороги, кровь и магия бурлили в нём, хотелось закричать, выкинуть что-нибудь шальное, но усилием воли человек удерживал в себе все страсти: силы ещё понадобятся. Он двигался осторожно, иногда заминая, и только бешеный стук сердца выдавал клокочущие в нём желания.

Наконец лес кончился, показалось пустое поле, заполненное лунным светом. Тут пришлось делать выбор. Ладар на секунду замер, и тело его затянула плёнка небытия. По ней мог соскользнуть невнимательный взор и лёгкая следящая магия, подобная той, что стояла у холма с льехом. Хорошо, что магический мох не терпел серьёзной магии рядом с собой. Иначе его прошлая вылазка кончилась бы плачевно. Тонкий полу-прозрачный силуэт заскользил по просёлочной дороге, постепенно набирая скорость: вот где пригодились

бурлившим в нём силы жизни. Бег, яростный и торопливый, огромные скачки по бугристой дороге. Руки сжимают оружие, они плотно прижаты к бокам, ноги опускаются на землю вертикально, плотно, всей подошвой. Так невозможно запнуться и упасть, невозможно загреметь доспехами и мечом. Бег воина, не гонца и не атлета, бег идущего в битву, а не праздно шатающегося зеваки. Луна, выглянувшая из-за туч, озарила призрачную фигуру, и та на несколько мгновений окуталась неземным, серебристым светом обнажённого клинка. Казалось, что бегущий человек весь, от взлохмаченных волос до кончиков ног, стал странным, диковинным оружием, пущенным в цель метательным ножом — сплошное лезвие, без рукояти и украшений, яростное и трепещущее, жаждущее крови. Луна мигнула, наваждение исчезло, и вместе с ним исчез, растворился в ночи силуэт человека, лишь еле слышный шорох ног по земле говорил о том, что он всё ещё тут, спешит на помочь своим.

Деревушка была самая обычная. Несколько десятков домов, плетни огородов, спящая в хлевах скотина. Небытие работало отлично — собаки не почуяли пришельца, ни одна не гавкнула. Ладар скользил по ночной улице, аккуратно прикидывая про себя: «Захватить тёмного эльфа и опытного воина с неплохими способностями к магии могли только чародеи. А подобные личности, даже если и остановятся в такой деревушке, наверняка потребуют себе всё самое лучшее. Максимальный комфорт, прислугу и тому подобное. Значит, искать их нужно в самых больших и богатых домах и начать лучше с дома старосты».

Внимательно оглядывая самые крупные дома в поисках магических проявлений, он едва не проглядел самое банальное нападение. Стальной блеск метнувшего-

ся к его сердцу острия чужого меча заставил собраться, вспомнить о том, что в тылу врага любой, его увидевший, наверняка сообщит ближайшему патрулю — как, видно, и произошло. Несколько солдат гурьбой вывалились из-за ближайшего плетня, вовсю размахивая грубыми, но острыми железками, гордо именуемыми солдатским оружием. Это были такие же вчерашние крестьяне, как и он, однако каждый миг промедления лишал шансов его друзей, и тёмный клинок зарычал от удовольствия, покидая ножны. И без того быстрое восприятие мира ускорилось ещё больше после того, как к нему присоединился зверь. Пара торопливых глотков крови в глотке первого из нападавших, пытавшегося ударить исподтишка, и торопливая, но смертоносная лента чёрного как ночь лезвия, уничтожающего чужие души.

Несколько быстрых, стремительных взмахов — и пятеро солдат попадали навзничь изломанными куклами.

— Браво! Разведка противника делает успехи. — Руки молодого и спесивого лейтенантика, отправившего солдат своего патруля на бойню, сделали несколько небрежных взмахов. — Датим умудряется даже из солдатского мяса сделать неплохих бойцов. Осталось выяснить, насколько хороших.

Тонкий клинок из дорогой, покрытой тончайшей филигранью стали покинул ножны и превратился в смазанный вихрь. Удар, удар, удар! Ладар с трудом парировал, взвинтив восприятие до предела, изучая чужую технику, стараясь запомнить странный, но эффективный стиль постоянного нападения.

Резкий толчок — и штрафник покатился кубарем по земле, сбитый сильным ударом. Если бы не шкура василиска, он был бы разрублен на две части, подобно бараньей тушке, никакие доспехи его бы не спасли.

— Ого! И экипировка не из дешевых! — Лейтенант задумчиво оглядел валяющегося на земле парня. — Предлагаю выбор: если ты сам разоружишься и передашь мне свой доспех, то умрёшь быстро. А иначе я вызову ещё солдат, спеленаю тебя и буду забавляться долго, очень долго. Не бойся, это изменой считаться не будет, эмблема твоя не проснётся.

Ладар с облегчением перевёл дух. Аристократ, решивший в одиночку зарубить вражеского лазутчика, не стал поднимать тревогу, и есть хороший шанс всё же найти своих друзей, а не уносить ноги.

— Ты ошибся, мастер мечник. — Резкий хлопок хлыста, и лезвие меча, перерубленное пополам, валится в грязь, а рассечённый доспех превращается в оковы, на несколько мгновений сковывающие руки. Не успел молодой аристократ что-либо предпринять, как тёмный клинок, войдя до половины в горло, выпил его жизнь одним глотком, словно умирающий от жажды пьяница — свою первую рюмку.

Ладар подошёл к распостёртому телу, застывшему на земле, аккуратно убирав кнут небытия с тонкой, почти незаметной косточкой в основании черенка, и, с сожалением разглядывая обломки дорогого меча, буднично сказал:

— Ты был прекрасным фехтовальщиком, но отвратительным солдатом. Только позёр прервёт бой, чтобы побахвалиться собственной силой. Особенно — со штрафником, исповедующим простое правило: не можешь победить честно, победи, как можешь.

Где-то в стороне гавкнула собака. Наверняка привычные к звону оружия, собаки молчали, пока шёл бой, однако на запах смерти не отреагировать не могли. Тонко взвизгнула одна, подхватила другая — и над деревушкой поднялся жалобный, многоголосый собачий вой. Штрафник подскочил и припустил к центру

посёлка. Если обычные солдаты могут и не сообразить, что к чему, то маги почти наверняка догадаются. Пусть официально во всех королевствах магия смерти и была запрещена, но основы её можно было изучить по энциклопедиям и историческим хроникам. Теперь вопрос его обнаружения — дело нескольких минут. Конечно, сами маги вряд ли будут мараться, просто поднимут тревогу, это даёт небольшую отсрочку во времени, зато вопрос о возможности незаметного проникновения отпал сразу. Эх, а он так надеялся на своё умение снимать магические ловушки и путы. Так и мнилось: пленники спят где-то в сарае, он подходит, снимает сторожевую магию, открывает портал — и вот они уже в безопасности, в своём лагере.

Образ Ируга, связанного и беспомощного, всплыл в голове настроенного на поиск сипала, мигнул, и вот уже картинка сменилась: отставной маршал, обнажённый, лежал на каком-то каменном возвышении. Запястья его были перерезаны, и кровь тонкой струйкой капала с них на странную, режущую глаз пентаграмму. И всё это обволакивала странная магия, чем-то подобная магии смерти, но с багровым, огненным оттенком.

— Ладар! Это ты? — В голове возникли образы, вполне ясные и отчётливые. — Если можешь, беги отсюда, штрафникам это задание не по плечу. Нам уже всё равно не поможешь.

— Не думал, что магия смерти может быть и маяком. — Ладар взял левее, свернув на небольшую улочку. — Не молчи, говори, мне так будет легче вас найти. Ты меня знаешь, раз уж я решил, всё одно приду. Как вас взяли?

— Зря. Но это твоё решение. А нас? Нас ждали. Телепорт явно имел характеристики, которые хорошо знали маги Ронхара. Клятва не нарушена, телепорт вёл

в безлюдное место, за линию фронта, а то, что практически сразу за нами увязалась погоня, могло быть и случайностью, верно? Как и то, что в ней с самого начала были маги-телеporterисты, блокирующие наши попытки активировать амулет для возвращения. Никогда я так бездарно не попадался! Утешает лишь, что моей вины в том не было.

Небольшой дом вынырнул внезапно. Вовсе не центральный, практически на околице, возле глубокого, вдающегося в деревню оврага. Обычно в нём жгли мусор местные жители, но сегодня оттуда шло неяркое, зато явственное багровое свечение. Ладар закусил губу, отворачиваясь: взгляд в глубь оврага пугал, вызывая животный ужас. Торопливо пробежав мимо, он пинком распахнул дверь, влетев в горницу тихого домика.

На полу, расчерченная обычным мелом, горела негромким, приглушенным серым светом странная фигура, похожая на множество нарисованных друг в друге пентаграмм. Лучи, всполохи шли от неё к дверям, к окнам и к двум камням, на которых лежали связанные Ируг и Айяр. Ручейки крови, стекающие с их рук по нарисованным лучам, как по желобкам, стекали в центр рисунка, образуя новый, непонятный рисунок — круг, словно нарисованный пьяным художником, столько в нём было неровных, рваных отступов, похожих на выползших из центра круга змей — багрово-красных, тускло блестящих в свете небольшой лампадки. И они шевелились! Тут, в центре рисунка, обычная кровь меняла свои свойства — но не умирала, а приобретала какую-то иную, странную псевдожизнь.

— Нравится? — И нити чужой силы стиснули собственную, выверенную защиту Ладара, сдвигая её вглубь, сминая, разрывая. Сипал, пока шло перемирие,

долго думал над возможной обороной, создавая сложные, причудливые конструкции, надеясь тонкими, необычными плетениями возместить недостаток энергии. И в первом же бою всё уничтожила одна небрежная атака полноценного мага.

Защитное поле сдвинулось, уплотнилось, сжалось до размеров доспеха из василиска. И остановилось, оставив крохотную частицу свободы. Недостаточную, чтобы шевельнуть хоть пальцем, однако позволяющую строить какие-то планы.

Невысокий, одетый в чёрное маг вышел из тёмного угла. Тонкие, холёные пальцы повертели лицо пленника, разворачивая его к свету.

— Так, что тут у нас... Обычный крестьянин! А я-то думал. А впрочем, неважно, пусть слабенький, зато магический дар присутствует, и лучше пусть крестьянская кровь с крохами маны, чем голубая кровь аристократа, но совершенно пустая. К тому же, юноша, открою вам тайну: у всех людей кровь примерно одинаковая, деление на плебеев и аристократов — выдумки, чтобы держать чернь в повиновении.

Отвернувшись, маг принялся перебирать странные инструменты, больше похожие на миниатюрный набор палача, в котором главную скрипку играли всевозможные колюще-режущие предметы. Он явно намеревался включить нового пленника в ритуал, обращаясь с ним, как с безвольной куклой. Возможно, если бы не шкура василиска, Ладар и был бы таким — не способным ни на что без разрешения кукловода, разве что на бессильные проклятия в сторону своего мучителя. Или же... дело было не только в шкуре. Сипал расслабился, обвиснув в чужих путах и принялся изучать пространство. Так и есть! За дальней стеной, выходящей к оврагу, валялись вповалку тела — мужские, женские, несколько детских. Похоже, семья, приютившая мага,

не пережила его магических экспериментов. Пустые, без капли крови, ещё не успевшие остыть, они фонтировали сырой силой смерти, понемногу уходя за грань бытия.

Как говорил тот архимаг, что пытался его лечить? «Силу жизни можно брать и из окружающих»? Ируг и Айяр лежали неподвижно. Скованные по рукам и ногам чужой волей, с открытыми ранами, кровь из которых даже не текла — благодаря искусству странного мага, она медленно сочилась, подпитывая чужой ритуал, они тем не менее боролись, были полны жизни. И часть их жизненных сил Ладар подхватил, направил в тела людей, утекающих в небытие. Оборвать процесс уничтожения тела, замкнув на себя его энергетические каналы, создав внутри каждого полость, способную вместить и частицу энергии — и дать им её. Новоявленные упыри зашевелились, пытаясь подняться. Жажда! Дикая, всепоглощающая жажда крови, энергии жизни, которую она несёт... Недостаток сил, желаний, воли к действию — всё заменяла она.

— Итак, молодой человек, приступим... — Маг развернулся, в одной его руке блеснул нож со странным, почти круглым лезвием, в другой — стальные щипцы воронка. — Ого, так вы ещё пытаетесь сопротивляться?

Подскочив, он задрал голову пленника повыше, жадно вглядываясь в глаза.

— И как такому недомерку, как ты, удаётся баражаться под волей мастера некромантии и магистра демонологии?

Ладар сразу всё понял. Скосил глаза, глядя в кровавую лужу: в центре её пузыри становились всё больше, тягуче натягивалась кровавая плёнка, словно нечто оттуда пыталось выбраться в наш мир. Лужа заметно просела, разъедая доски пола — кровь сменила свои

свойства; или к крови людей добавилась какая-то иная, чуждая этому миру жидкость распоротых жил?

— Отвечай, недомерок! — Руки вспыхнули огнём, по телу прокатилась волна жара, плечо начало жечь — магическая печать защищала своего владельца! Ладар с благодарностью вспомнил Датима. И кнут надзирателя можно использовать для собственной защиты.

— Нет уж, ты у меня запоёшь, щегол! И не таких ломали! — Некромант прикусил губу, не замечая крови в собственном рту, и свет начал меркнуть в глазах сипала...

— На! — Вокруг идущего тропой тени заклубилась магия смерти, создавая призрачную, но тем не менее действенную защиту. Простенький феербол отшвырнул начавшего подниматься мастера магии — кубарем, через всю комнату, к высокому порогу с острыми ступенями. Отшвырнул, пробив большую часть его защит, а на спину Ладара легли две узкие ладошки.

— Оставь его. Твои питомцы позаботятся об остальном. Нужно прервать обряд.

Ладар торопливо повернулся к Илис, краем глаза увидев, как несколько рук упырей вцепились в некроманта, утащив его вглубь, во тьму, где сразу послышался треск раздираемой плоти и чавканье.

Привратница смерти впервые на его памяти была не в платье. Тонкий доспех из странного, словно подёрнутого морозной дымкой металла, облегал её, повторяя каждую складку на теле. Небольшой изящный шлем прикрывал голову, оставляя открытыми только глаза. В руке её трепетал клинок — призрачный, словно вытканный из дыма, он тем не менее выглядел необычайно опасным оружием.

— Ты пришла спасти меня?

— Я пришла защищать этот мир. И тебя — заодно. — Лукавый прищур глаз, взмах призрачного меча —

и освобождённые Ируг с Айяром встают с жертвенных камней, во все глаза разглядывая черноволосую воительницу. — Оставьте нас.

— Мы никогда не бегали от боя! Мы с вами! — Айяр кинулся в угол комнаты и быстро вытащил из кучи сваленного там хлама собственный клинок.

— Нет. — Илис отрицательно покачала головой. *Это* заманивали в наш мир вашей кровью. Вы для него — как маяки. Уходите. Да, если хотите помочь: по-заботьтесь, чтобы нам не мешали.

Разобрав оружие и доспехи, Ируг с Айяром вышли на улицу. Короткая возня, резкие взмахи мечей — и недоумённая голова дроу, просунутая в дверь.

— Недобитый некромант справился с упырями. Почти всех покрошил и сбежал, самому, видать, крепко досталось. Найти и добить?

Илис отрицательно покачала головой.

— Нет. Вы с ним ещё встретитесь. Сейчас не до него — держите дверь. Ладар! Врата миров уже не закрыть, демон чует жертву и не даст этого сделать. Он уже выпил влагу жизни жертв и создал из неё броню. Пока кровь на нём, тот неуязвим, но она испаряется на его теле очень быстро. Нужно выстоять совсем немного, потом мы с ним справимся. Держись! И ещё: сегодня моя сила — это твоя сила.

Илис кивнула и улыбнулась, услышав повтор последних слов из уст сипала:

— Сегодня моя сила — это твоя сила!

— Да будет так! Готовься, названный мой, он грядёт.

Из крови поднялся демон. Рогатая голова, увенчанная двумя парами крепких рогов, пробила крышу, разметав обломки по округе. Кровь ритуала растеклась по крепкому, багровому телу, создав подобие тонкой брони, и стало видно, что под ногами монстра, стоявшего

на чём-то глубоко под домом, тьма и багровые огни чужого мира.

— Наконец-то. — Глубокий, наполненный силой голос заполнил деревню, заставив людей замереть, покрываясь холодным потом, а животных — обрывать ошейники, ломать стойла, стремясь оказаться от *страха* как можно дальше.

Элитный отряд ронхарцев, спешивший на выручку своему магу, в растерянности остановился, а затем торопливо начал отступать — со всей возможной скоростью.

— Куда! Пища! — Демон попытался выбраться из провала тьмы, одна из стен дома рухнула, но был остановлен феерболом небытия, выпущенным Ладаром. Илис прыгнула вперёд, и её меч ударил по груди гиганта, заставив кровь, её покрывающую, корчиться и скатываться на землю невесомым пеплом.

Тот взревел, ударив в ответ, — девушка отлетела, ударившись об уцелевшую стену дома.

— Прислужница! Ты преступила границы, положенные тебе, и теперь уязвима! Беги, прячься и не мешай наслаждаться пищей!

Тёмный клинок взвизгнул, бессильно скользя по залитой кровью броне, новый разворот — и огромная лапа с бешеною скоростью пронеслась над головой присевшего сипала. Стигис мелькнул — и его острый как бритва кончик полоснул по улетающей лапе. Демон возмущённо взревел, разворачиваясь к дерзкому, — и вновь получил удар от пришедшей в себя Илис.

Демон адаптировался в новом для него мире. С каждой секундой его движения, бывшие вначале медлительными и неуклюжими, обретали опасную быстроту и мощь. Но и кровь с каждым мгновением всё больше исчезала, осыпаясь частицами бурой пыли.

Два выиона, две вёрткие фигурки вертелись вокруг матёрого зверя, загнанного в яму. Тот уже не раз делал попытку выбраться, но раз за разом магические удары заталкивали его обратно. Он терпел, сжав клыки, выгадывая мгновение, и, улучив момент, подхватил за горло более опасную противницу. Огромные клыки раскрылись, слюна, капая, проедала дыры в деревянных останках хижины.

— Нет! — Ладар не сразу понял, что кричит он сам. Отбросив клинок, вытянул руку — и тьма, тьма, которой нет названия и определения, ударила из него. Демон выставил навстречу свою лапу, пытаясь если не остановить, то разбить, рассеять идущий на него поток, но тот отбрасывал, давил на растерявшегося монстра. Илис, извернувшись, полоснула по лапе своим туманным клинком — и тот погрузился в мясо, разрезав ороговевшую броню! Кровь призыва больше не защищала демона, утратив свои свойства. Тот заревел ещё громче — и внезапно расплылся, расёрся багровым туманом, окружив растерявшегося человека. В горле сразу пересохло, воздух кудато пропал, лёгкие зажглись огнём, и в глазах стало темнеть.

— Держись! — К его спине прислонилась тонкая спина девушки, поддерживая, не давая упасть и защищая его. Мгла вокруг забурлила, в ней появились языки подземного пламени, перемежаемые ослепительным светом плазмы. Облако стало стремительно расширяться, превращая всё вокруг себя в огонь — и пепел. Вокруг Ладара вспыхнула чёрная сфера, но тут же дрогнула, занимаясь огненным светом, и где-то в глубине облака зловеще захохотал демон.

— Спасайся, Илис! Уйди отсюда, и тварь ничего не сможет тебе сделать! — Ладар горячими руками пытался оттолкнуть от себя девушку — а та смотрела на

него, закусив губу, и её волосы стремительно удлинялись, обретая змеиные головы.

— Я уязвима? — Звенящий голос наполнил багровый туман, заставив его дрогнуть. — Я? Ты так уверен в себе, что бросаешь вызов Смерти? Так познай её могущество!

Небытие окутalo мир, окутalo вселенную. Всё вокруг попало под пелену того, что не существует никогда, но является концом — и началом существующему. Демон глухо взревел, и плазма накинулась на пустоту, стремясь её заполнить, огонь — на смерть. Всё больше огня горело вокруг, всё больше расширялось окно небытия; казалось, оно заполнило собой весь мир, когда демон дрогнул — и принялся стремительно удаляться. Но смерть это только раззадорило. Небытие расширялось, становясь всё больше, всё сильнее. Ладар, торопливо развернувшись, схватил Илиса за руки.

— Хватит! Он ушёл! Илис! Очнись!

— Я — не Илис. Я — Смерть. Я тут, чтобы всё началось заново. Отойди. — Тихий, полный непонятной силы голос смог заполнить всё расширяющееся небытие — и зазвучать далеко за его пределами. Тёмные латы цвета ночи растворились, создав туманный покров вокруг тела. Вместо клинка в руке сиял цветок небытия, глаза превратились в два бездонных омута, в два провала, ведущие в бесконечность. Раны на теле сипала раскрылись, кровь хлынула ручьём. Закружила голова, захотелось пропасть, раствориться в пустоте, в вечном покое. Но тень приняла идущего её троих даже в вечном мраке.

— Нет! Ты — Илис, ты мой ночной цветок, и я не собираюсь отдавать его никому, ни небытию, ни смерти.

Подскочив, он обнял замершую фигуру — и впился губами в её губы. Навалилась слабость, в глазах

помутнело, голова закружилась, всё полетело вокруг в сумасшедшем хороводе. А парень, вставший на пути апокалипсиса, продолжал сжимать его в своих объятиях, гоня туда, во тьму, все свои силы. А когда их уже не осталось, перед тем как исчезнуть во тьме, сумел прошептать, вытолкнуть сквозь онемевший рот:

— Я люблю тебя.

Поедающий мироздание пузырь небытия остановился — и лопнул, разлетевшись осколками темноты. Две тонкие руки подхватили его — и всё окончательно померкло.

Эпилог

— Ну как он? — Льер Датим стоял возле койки, над которой хлопотал отставной маршал. Под глазами Ируга пролегли круги, самозваный целитель качался от усталости, но выпрямился и спокойно ответил:

— Выберется. Если уж на тот свет не пускают, по неволе задержишись на этом. Просто в чёрное глубоко нырнул, нельзя так людям. Даже *она* это признала.

— Ты говорил... С ней?

— Да нет, всего пару слов. Она просто вытолкнула нас в портал, скорее ради того, чтобы мы унесли Рикса в безопасное место и оказали первую помощь.

— Он сможет воевать дальше?

— Если маги им займутся — несомненно. Я — точно не справлюсь. У него кровоточат все, даже самые старые раны, половина тела обожжена, руки высохли, без помощи на уровне магистра белой магии их вообще придётся отрезать.

— Это невозможно. Никто и никогда не будет лечить мага смерти.

— И даже то, что он остановил архидемона, желавшего уничтожить наш мир, не играет роли?

Датим отвёл глаза.

— Об этом никто не должен узнать. И вообще, о том, что произошло. Это перевернёт наш мир. В пра-вящих кругах и так паника — расторгнуты старинные договоры, внезапно все, даже самые важные персоны, почувствовали, что они смертны. Всё это может привести... ко многому, но только если никто ничего не узнает. Если пойдёт хотя бы слух — начнётся паника, и хаоса не избежать.

Ируг помолчал, хмуря брови.

— Что, нельзя его вылечить... непублично?

Датим отрицательно покачал головой.

— Маги — те, в ком достаточно сил, уже списали того, кто связался с чернотой. Напомни им о штрафнике ещё пару раз — и они обвинят во всех грехах его. Слишком велико потрясение — и страх.

— Значит, у него нет шансов? Хорошо. Мы спрашивимся сами.

— Тогда... когда он очнётся, можешь обрадовать: его временно переводят в разведку. За отвагу при спасении сослуживцев. Числиться будет в штрафбате, а служить — у меня. Хороший аналитик всегда пригодится. Пусть сидит и думает, пока всё не затихнет.

— А на деле — за умение собирать магический мох? Магам нужен кто-то, способный разгадывать вражеские ловушки? Он парень умный, может и догадаться.

— Пусть держит свои догадки при себе. Или подумает чуть лучше. Это приказ принца, а обсуждать приказы короны — самый близкий путь к измене.

— Вы уверены, что это его напугает? — Ируг удивлённо поднял бровь. — Это давно уже не пугает и меня, что говорить об этом мальчишке, не видевшем от власть имущих ничего, кроме поборов.

— Тогда почему вы ещё тут?

Чёрный овал запекшегося лица лежащего на койке треснул, и в щели проглянули пронзительные, полные силы глаза.

— Потому что кроме господ, есть ещё и Родина. И неоплаченные долги. В отличие от многих, я привык платить. Кое-кому я задолжал, а кто-то задолжал мне. И крупно. Пора выzdоравливать — будьте уверены, я найду силы встать на ноги и взять в руки оружие. И заставлю платить по счетам.

Литературно-художественное издание

Дмитрий МОРОЗОВ

**ШТРАФБАТ
МАГИЧЕСКОГО МИРА**

Ответственный редактор *А. Сидорович*

Корректор *Л. Комарова*

Верстка *И. Третьякова*

Подписано в печать 17.01.2013.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура Петербургская.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 15,84.

Тираж 4040 экз. Заказ № 4386013.

Издательский дом «Ленинград»

191025, Санкт-Петербург, ул. Колокольная, д. 8, Лит. А, пом. 8-Н

Тел.: (812) 714-44-70, факс: (812) 571-26-25

E-mail: fankon@yandex.ru

www.lenizdat.org

Отпечатано с готовых файлов заказчика

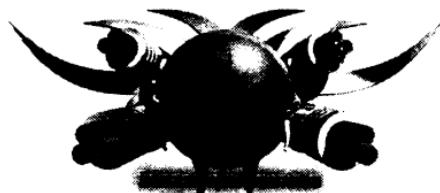
в филиале «НИЖПОЛИГРАФ»

ОАО «Первая образцовая типография»

603950, Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Варварская, д. 32

Издательский дом «Ленинград»

представляет

Андрей Земляной

ДРЕВО И СТАЛЬ

Единственный способ справиться с новым могущественным врагом — забыть старые распри и встретить угрозу плечом к плечу. И в этих боях рождается новая элита будущей империи. Новые и старые герои во второй книге цикла «Пентаграмма войны» — «Древо и сталь».

Издательский дом «Ленинград»
представляет серию

Вначале он просто хотел выжить. Потом — жить. Но иногда приходится делать трудный выбор. Выбор между жизнью и смертью. И цена, которую придётся за это заплатить — самая большая, которую может себе позволить человек. Цена твоей смерти — жизнь других. Что выбрать? Спокойное существование раба или борьбу? Светлое будущее или медленное угасание? Участь свободного человека или прозябанье раба? Каков будет твой выбор, последний из выживших на Земле? Путь к вершине очень долг, если ты вообще до нее дойдешь.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Мечник взывал, торопливо выдернув нож из шеи — кровь хлынула ручьём, но, прежде чем он затих, собственный меч по рукоять вошёл ему в сердце, заставив тело изогнуться дугой, засветиться тёмным, багровым светом на несколько мгновений — и упасть, стремительно рассыпаясь прахом. Несколько секунд — и в кучке пепла остался лежать небольшой, чуть больше локтя длиной, клинок, очень похожий на тот, что был у Ладара раньше, только с угольно-чёрным, бархатным лезвием, которого было практически не видно в темноте. Усмехнувшись, он протянул руку — и рукоять легла в ладонь, мягко, нежно, удобно... Слишком удобно для ножа, впервые взятого в руки. Парень перевёл дыхание — ритуал, воспринятый в рассказе учителя как сказка, оказался настоящим и — действующим!

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-516-00035-5

9 785516 000355